

город как организм

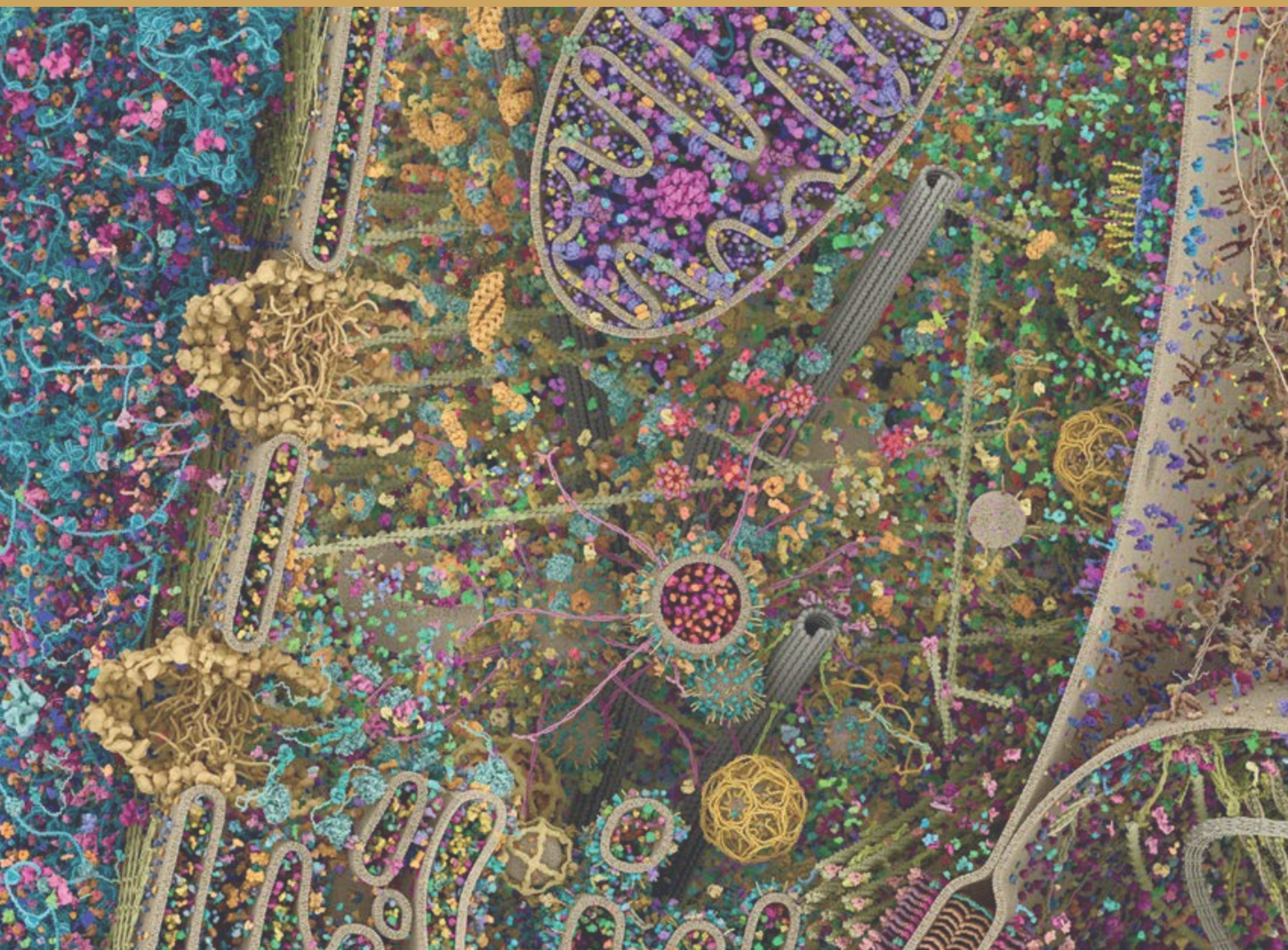
городская
акупунктура

образование

2021 / 67

генетика города /
genetics of the city

проект
байкал /
project
baikal

Печатные экземпляры журнала «Проект Байкал» можно приобрести в Иркутском доме архитектора по адресу: г. Иркутск, пер. Черемховский 1 А или получить экспресс-почтой, оформив заказ по электронной почте: yulya_grand@mail.ru

Электронные выпуски доступны на сайте: www.projectbaikal.com

Архитектура должна быть основана на национальных корнях, природе и различиях.

Из Меморандума Конгресса МСА

Успехи научной генетики внушают надежду, что ее методы и подходы можно и нужно использовать в урбанистике. Авторы этого номера, погружаясь в рассуждения о городе, активно вводят в научный оборот новые термины, обозначают новые подходы. Об особом генетическом коде города и культуры и о том, к чему приводит игнорирование городского генома в управлении развитием города, размышляет Константин Лидин (8). Андрей Боков не только предлагает новую периодизацию, но и новое понятие «негород», отображающее как устойчивость, так и изменчивость социального пространства (14). На исключительно важной роли культуры (которую город же и производит) в судьбе, развитии, успешности города, в сплочении городских сообществ настаивает большинство авторов (8, 20, 36, ..., 142, 146).

Наследие – основа ДНК Иркутска. Понимание (и непонимание) этого и спровоцировало разговор в иркутском Доме архитектора (26). Общие, повторяющиеся звенья ДНК связывают города в единую родственную систему – страну. О самобытности русской градостроительной культуры, столь важной для обеспечения процесса ее дальнейшего развития – Мария Нашокина (46).

Насколько опасно перерождение ткани города и надо ли беспредельно расти городу вверх, вступаая в гонку амбиций? Не следует ли рассматривать модные тенденции вроде строительства высотных комплексов как болезненные, кризисные попытки привить городам чуждые их генотипам элементы? Александр Раппапорт предполагает, что монументальные сооружения мегаполисов (небоскребы) будут – в известной мере – следом первобытной дикости горожан и их институтов (42).

Интересно разобратся в том, что именно из заложенного в код города истории его создания, природой, климатом – константа, а что подвержено эволюции. Как соотносятся постоянные признаки, придающие ему своеобразие и уникальность, с изменчивыми признаками? Какие мутации и трансмутации происходят с городом, с городской средой, а какие образы настолько постоянны, что приобретают с веками свойства архетипов?

Этот номер мы посвятили генетике города и, как обычно, вопросов в нем гораздо больше, чем ответов. Собственно, список вопросов бесконечен, как бесконечно разнообразие цепочек ДНК...

ЕГ

проект байкал /
project baikal
ISSN 2307-4485

67

генетика города / genetics of the city

Architecture should be based on national roots, nature and distinctions.

From the Memorandum of the UIA Congress

Success of the science of genetics gives us hope that its methods and approaches can and should be used in urban studies. Going deeper into discussions upon the city, the authors of this issue introduce new terms into the scientific discourse and formulate new approaches. Konstantin Lidin (8) speculates on a specific genetic code of the city and culture and on what the ignoring of the city's genome leads to in the urban development management. Andrey Bokov proposes not only a new division into periods, but also a new concept of "non-city" representing both the stability and evolution of the social sphere (14). The majority of authors highlight the crucial role of culture (produced by the city itself) in the history, development and success of the city and in the unity of city communities (8, 20, 36, ..., 142, 146).

Heritage is a basis for Irkutsk's DNA. Understanding and misunderstanding of this fact gave rise to the discussion in the Irkutsk House of Architects (26). The basic repeating units of DNA link cities together into a single interrelated system – a country. Maria Nashchokina speaks about the identity of Russian urban planning culture, which ensures the process of its further development (46).

How threatening is the transformation of the city fabric and should a city keep on growing skyward, joining the race of ambitions? Should we consider the latest trends, like the construction of high-rise complexes, as unhealthy and destructive attempts to impose on the cities the elements alien to their genotypes? As Alexander Rappaport supposes, monumental structures of metropolitan cities (skyscrapers) will, to some extent, become a trace of savage barbarity of urban residents and their institutions (42).

It is worth investigating what is constant and what is evolutionary among the things enshrined in the code of the city by the history of its formation, as well as nature and climate. How do constant features that give identity and uniqueness to the city correlate to its variable features? What mutations and transmutations occur to the city and its environment, and which patterns are constant that acquire the characteristics of archetypes over the centuries?

This issue is devoted to the city genetics and, as usual, contains more questions than answers. Actually, the list of questions is unlimited, as well as the variety of DNA strands.

Elena Grigoryeva

Журнал зарегистрирован Восточно-Сибирским управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ №ФС13-0180 от 16.11.2007

учредитель, главный редактор

Е. И. Григорьева
664025, Иркутск,
пер. Черемховский, 1а

**корректоры,
литературные редакторы**
Марина Ткачева
дизайн, верстка
Татьяна Анненкова
**заместитель главного редактора
по международной деятельности**
Анна Григорьева
адрес издателя, редакции
664025, Иркутск,
пер. Черемховский, 1а
e-mail: elena_proekt_irk@mail.ru
www.projectbaikal.com
на обложке
Рендеринг структуры живой клетки. – URL: <https://sun9-7.userapi.com/c622921/v622921417/46476/KvCOPCEfvnA.jpg>

4 обложка
Космоснимок затопления Тулуна 29 июня 2019 года. Google Earth, 2019
адрес типографии
000 «Типография Принт Лайн»
Иркутск, ул. Сергеева, 3/4
Тираж 200 экз. Заказ 2395
Подписано в печать 02.03.2021
Журнал №67 от 12.03.2021
Использование текстовых и фотоматериалов, опубликованных в настоящем издании, допускается только с письменного разрешения редакции. За содержание рекламной информации редакция ответственности не несет. Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.
Периодичность 4 раза в год. Цена свободная

Золотая медаль Международной академии архитектуры «Интерарх-2009» в номинации «Периодические издания» / Golden medal of the International Academy of Architecture “Interarch-2009” in “Periodicals” category

12+

67
генетика города /
genetics of the city

проект байкал/
project baikal
ISSN 2309-3072
(электронное издание)
ISSN 2307-4485
(печатное издание)

Журнал зарегистрирован в следующих международных системах:

- директория электронных журналов со свободным доступом – **DOAJ** (Directory of Open Access Journals)
- индекс Эйвери для архитектурных изданий – **the Avery Index to Architectural Periodicals**
- индекс Академии Google (**Google Scholar**)
- **Ulrichsweb** – база данных Ulrich's Periodicals Directory
- **Open Archives** – Инициатива открытых архивов для сбора метаданных (OAI PMH)
- Интернет-ресурс **JournalTOCs**
- проект **SHERPA/RoMEO**
- база данных **PKP index**
- с 2016 года включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (**РИНЦ**)
- с 2019 года индексируется в **SCOPUS**

новости	Анна Григорьева	Международные новости архитектуры.....	5
генетика города		7
	Константин Лидин	Города–ГМО	8
	Андрей Боков	Негород	14
	Марина Ткачева	Наследие. Дискуссионный клуб ИРО СА России	26
	Анна Ленц	Города-конгломерации: синергетическое развитие.....	32
	Ольга Железняк	О трансмутации «нового в/с наличным»	36
	Александр Раппапорт	Город и центр: парадоксы, вопросы, проблемы	42
город как организм	Елена Григорьева	45
	Мария Нащокина	Проблема самобытности русского города	46
	Леонид Салмин	Град Небесный.....	56
	Кристиан Хорн	Биоразнообразие в городах.....	64
	Сергей Митягин Павел Спирин Злата Гаевская	Градостроительная основа формирования бюджета.....	72
	Антон Гашенко Юлия Тарасова	Кластер и преобразование городского пространства.....	76
	Юлия Грибер	Цвет, удобный для жизни	82
	Татьяна Бобкова Елена Булгакова Николай Дубынин Вера Коновалова	Высотки: доступность, здоровье, безопасность и архитектура.....	88
	Елена Багина	О генетических связях, пассаизме и «каменном» городе	98
городская акупунктура	Елена Григорьева	105
	Елена Булгакова Константин Лидин	Генетика и чжэнь-цзю-терапия города	106

The journal is registered by the East-Siberian Office of the Federal Service for the Monitoring of Compliance with Legislation in the Sphere of Mass Communications and the Protection of Cultural Heritage Certificate ПИ №ФС13-0180 as of November 16, 2007

founding editor-in-chief

E.I. Grigoryeva
664025 Cherekhovskiy
Pereulok 1a, Irkutsk, Russia

**proofreaders,
literary editors**
Marina Tkacheva,
Inessa Brazhnikova

upmaking
Tatyana Annenkova
**associate editor-in-chief for
international activity**
Anna Grigorieva

**address of the publisher
and the editorial board**
664025 Cherekhovskiy
Pereulok 1a Irkutsk, Russia
tel. +7 3952 332839,
email: elena_proekt_irk@mail.ru
www.projectbaikal.com

front cover image
Rendering of the structure of a living cell.
URL: <https://sun9-7.userapi.com/c622921/v622921417/46476/KvCOPCEFvnA.jpg>

back cover image
Satellite image of flooded Tulun, June 29, 2019.
Google Earth, 2019

printed by
000 "Tipografia Print Line"
Sergeeva Street 3/4 Irkutsk
print run 200
passed for printing: 02.03.2021
issue 67 of 12.03.2021
Reproduction of all texts or illustrations of the issue without written permission from the editors is prohibited. The editorial staff is not responsible for the contents of advertising information. The editorial opinion may not always accord with the views of the authors

quarterly publication
free price

The journal is registered in the following international databases:

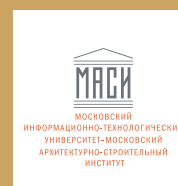
- Directory of Open Access Journals (**DOAJ**)
- **the Avery Index to Architectural Periodicals**
- **Google Scholar**
- **Ulrichsweb** (Ulrich's Periodicals Directory)
- The Open Archives Initiative (**OAI**)
- **JournalTOCs**
- **SHERPA/RoMEO**
- **PKP index**
- Since 2016 the journal is included in the Russian Science Citation Index (**RSCI**) database
- Since 2019 the journal has been indexed in **SCOPUS**

12+

Журнал является медиа-партнером международных конкурсов: the American Architecture Prize, Inspireli Awards, ITSLIQUID, 2ACAA и Kaira Logo, архитектурных фестивалей «Зодчество в Сибири» и ряда российских конкурсов. /

The journal is a media partner of the international competitions: the American Architecture Prize, Inspireli Awards, ITSLIQUID, 2ACAA and Kaira Logo, Architectural Festival "Zodchestvo" and a number of Russian competitions.

спонсоры номера

Валентина Казакова	Сретенск. Место встречи: проект ревитализации	112
Алексей Козьмин	Малые исторические города Забайкалья: Борзя.....	118
Николай Крадин	Борзя. Энергия Солнца.....	126
Анастасия Репина	Уроки ландшафтосообразности из Тулуна.....	130
Андрей Большаков	«Тулун ИЯ»: реализация.....	138
Марина Ткачева	«Культурная миля»: Хужир	142
Вероника Кожевникова	Театрализация и реновации городских территорий	146
Валерий Козлов	Верещагино: подвижничество и творческая самобытность.....	150
Наталья Дембич	Крестьянские хозяйства Бухтарминских старообрядцев	157
Мария Зырина	Архитектурное образование в Казахстане.....	163
Алина Фаткуллина	Межвузовский кампус в Свердловском округе Иркутска.....	166
Сергей Дианов	«Центр Моды» в квартале № 102 Иркутска	168
Юлия Дианова	170
Евгений Лихачев		
Алла Лихачева		
Алексей Абилов		
Николай Метленков		
Антон Ходжиков		
Владимир Яскевич		
Нияз Саржанов		
Любовь Дерюгина		
Инна Дружинина		
Ольга Калинина		
Любовь Макогон		
авторы		

news	International Architecture News	5	
genetics of the city	7	
	Konstantin Lidin	Genetically modified cities	8
	Andrey Bokov	Noncity	14
	Marina Tkacheva	Heritage. Discussion Club of the UAR IRO	26
	Anna Lenz	Conglomerate cities: synergetic development.....	32
	Olga Zheleznyak	On transmutation of “the new in/with the existing”	36
	Alexander Rappaport	The city and the center: paradoxes, questions, problems.....	42
the city as an organism	Elena Grigoryeva	45
	Maria Nashchokina	The issue of identity of a Russian city	46
	Leonid Salmin	The Heavenly City.....	56
	Christian Horn	Biodiversity in cities.....	64
	Sergey Mityagin		
	Pavel Spirin		
	Zlata Gaevskaya	Urban planning basis for budgeting	72
	Anton Gashenko		
	Yulia Tarasova	Cluster and transformation of urban space	76
	Yulia Griber	A livable colour.....	82
	Tatyana Bobkova		
	Elena Bulgakova		
	Nikolai Dubynin		
	Vera Konovalova	High-rises: accessibility, health, security and architecture.....	88
	Elena Bagina	On genetic links, passeism and a “stone” city	98
urban acupuncture	Elena Grigoryeva	105
	Elena Bulgakova		
	Konstantin Lidin	Genetics and the zhen zhu therapy of the city	106
	Valentina Kazakova		
	Alexei Kozmin	Sretensk. A meeting place: Revitalization project.....	112
	Nikolai Kradin	Small and historic towns in Zabaikalye: Borzya	118
	Anastasia Repina	Borzya. Energy of the Sun	126
	Andrey Bolshakov	Lessons of respect for the landscape drawn from Tulun experience	130
	Marina Tkacheva	“Tulun IYA”: realization	138
	Veronika Kozhevnikova	
	Valery Kozlov	The Cultural Mile: Khuzhir.....	142
	Natalia Dembich		
	Maria Zyrina		
	Alina Fatkullina	Emotional theatricalization and the urban environment.....	146
	Sergey Dianov	
	Julia Dianova	Vereshchagino: asceticism and creative identity.....	150
	Alla Likhacheva	
	Evgeny Likhachev	Peasant estates of the Bukhtarma Old Believers	157
	Alexei Abilov		
	Nikolai Metlenkov		
	Anton Khodzhikov		
	Vladimir Yaskevich		
education	Niyaz Sarzhanov	Architectural education in Kazakhstan	163
	Lyubov Deryugina		
	Inna Druzhinina	Interuniversity campus in Sverdlovsky District in Irkutsk.....	166
	Olga Kalinina		
	Lyubov Makogon	The “Fashion Center” in the Quarter 102 in Irkutsk	168
authors	170	

UIA2021RIO: New Hybrid format ensures global reach & access

This year's UIA2021RIO World Congress of Architects – the planet's largest international gathering of architects – will combine virtual sessions with live, on-site events. Given the varied and ever-changing travel restrictions across the world, Congress participants who cannot be in Rio de Janeiro will now be able to enjoy full access to a virtual Congress, including presentations by eminent speakers, live ceremonies, multiple seminars and workshops, exhibitions, design competitions, film series, and many other digital and live events.

In the months leading up to the Congress, international speakers and seminars will delve into the Congress theme All the Worlds. Just One World. Architecture 21. The month of March will focus on the sub-theme, Weaknesses and Inequalities, with discussions on

social inclusion, definitions of the urban periphery, and a spotlight on favela architecture. The Congress will take up additional sub-themes in subsequent months.

The underlying themes of the Congress – the quest for solutions leading to a fairer and better-balanced world – address the major issues facing humankind and the planet, demonstrating how architecture and urban design can help to improve society and the environment. <https://www.uia2021rio.archi/en/>

Brazil: Constância Vaz Guimarães Sports Complex, São Paulo

The UIA recently learned of the São Paulo Government's plan to turn over to private developers the Sports Complex, including the remarkable Ibirapuera Gymnasium by architect Icaro de Castro Mello, 1952-1954. The UIA maintains that the Modernist gymnasium and the complex are part of Brazil's valuable

architectural heritage, representing the government's efforts to create high-quality public spaces open to the general public in Brazil.

UIA President Thomas Vonier has conveyed to the Governor of the State of São Paulo, João Agripino da Costa Dória Junior, his hope that the historic complex representing a milestone in Leisure and Sports architectural history will be preserved.

<http://iab.org.br/clean/>

Italy: Stadio Artemio Franchi, Florence

The UIA supported the Heritage Alert issued by ICOMOS, in collaboration with the Pier Luigi Nervi Project Association, for the Stadio Artemio Franchi in Florence, Italy. An early and important work of Italian engineer and builder Pier Luigi Nervi, the stadium is under imminent threat of destruction due to plans by the Municipality of Florence & the Fiorentina football club to build a new stadium on

its site. Recent legislation by the Italian government that relax heritage and conservation requirements are enabling these plans to move forward.

The UIA recognises that the demolition or any radical alteration of the Artemio Franchi Stadium would signify a great cultural loss, both for Italy and the international architecture community.

<https://www.icomos.org/en>

Lunawood Urban Challenge 2021

The International Architecture and Design competition Lunawood Urban Challenge 2021 calls for all architecture and design students to re-imagine and redesign urban environments by using Lunawood Thermowood. The second edition of this competition offers a great platform for students to freely implement their wildest dreams and imagination to create a more natural – yet still modern – environment for urban people.

Международные новости архитектуры / International Architecture News

В новостях говорится о предстоящем Всемирном конгрессе Международного союза архитекторов, который в 2021 году пройдет в новом, гибридном формате, а также передаются слова поддержки со стороны МСА в адрес двух знаковых спортивных сооружений в Бразилии и Италии, находящихся под угрозой сноса. Кроме того, публикуется объявление о двух конкурсах, которые пройдут в 2021 году: конкурс от компании Lunawood и конкурс Kaira Loogo.

Ключевые слова: Всемирный конгресс МСА; культурное наследие; конкурс. /

The news section announces the new hybrid format of the UIA 2021RIO World Congress of Architects and conveys the UIA's concerns about two iconic sports constructions in Brazil and Italy threatened with demolition. The news also includes the announcement of the Lunawood Urban Challenge Competition 2021 and the winners of its first edition, as well as the announcement of the Kaira Loogo Competition 2021.

Keywords: UIA World Congress of Architects; cultural heritage; competition.

Конгресс МСА – Рио 2021: новый гибридный формат, доступный всем

Всемирный конгресс архитекторов Международного союза архитекторов (МСА) – самое масштабное архитектурное мероприятие в мире, которое пройдет в этом году в Рио-де-Жанейро и будет включать в себя как онлайн-сессии, так и очные мероприятия. В условиях постоянно меняющихся ограничений на путешествия по всему миру участники конгресса, которые не смогут приехать в Рио-де-Жанейро, смогут получить онлайн-доступ на такие мероприятия, как презентации известных докладчиков, торжественные церемонии, многочисленные семинары и мастер-классы, выставки, конкурсы проектов, демонстрации фильмов.

В преддверии конгресса докладчики и участники семина-

ров из разных стран погрузятся в изучение темы «Все миры. Только один мир. Архитектура 21». В марте в центре внимание будет подтема «Слабые стороны и неравенства», затрагивающая вопросы социальной интеграции, определения городской периферии и архитектуры фавел. В последующие месяцы будут обсуждаться дополнительные подтемы.

Тема конгресса, касающаяся поиска решений для более согласованной и сбалансированной стратегии развития во всем мире, затрагивает главные проблемы человечества и планеты и показывает, как архитектура и градостроительство могут улучшить общество и окружающую среду.

Дополнительная информация и регистрация на сайте конгресса: <https://www.uia2021rio.archi/en/>

Спорткомплекс Constância Vaz Guimarães в Сан-Паулу (Бразилия)

Недавно МСА получил информацию о том, что власти Сан-Паулу

планируют передать частным застройщикам известный спортивный комплекс, в состав которого входит знаменитый стадион Ibirapuera, построенный по проекту архитектора Икаро де Кастро Мелло в 1952–1954 гг. МСА подчеркивает, что стадион служит ярким примером модернизма и что он, как и весь комплекс, является частью ценнейшего архитектурного наследия Бразилии, появившегося благодаря стремлению властей создать качественные общественные пространства, открытые широкой публике Бразилии.

В разговоре с губернатором штата Сан-Паулу Жуаном Агрипино да Коста Дориа Джуниором президент МСА Томас Вонье выразил надежду на то, что исторический комплекс, считающийся знаковым в истории архитектуры сооруже-

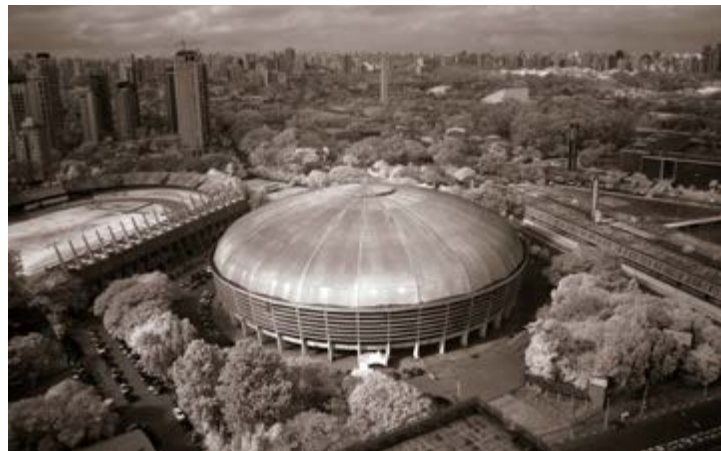
ний для отдыха и спорта, будет сохранен.

Дополнительная информация:

<http://iab.org.br/clean/>

Стадион «Артемियो Франки» во Флоренции (Италия)

МСА выступил с поддержкой стадиона «Артемियो Франки» во Флоренции (Италия), внесенного ICOMOS совместно с Ассоциацией управления проектами Пьера Луиджи Нерви в список объектов культурного наследия, находящихся под угрозой. Стадион – одна из ранних и значимых работ итальянского инженера Пьера Луиджи Нерви. В данный момент стадион находится под угрозой сноса согласно планам муниципалитета Флоренции и футбольного клуба «Фиорентина», которые собираются на его месте построить новый стадион. Реализация этих планов

^ Спортивный комплекс Constância Vaz Guimarães, Сан-Паулу, Бразилия (Wikipedia) / The Constância Vaz Guimarães Sports Complex, São Paulo, Brazil (Wikipedia)

The purpose of the competition is to highlight the opportunities that building with Lunawood Thermowood offers for creating a healthier, more sustainable environment. Thus, we can reconnect nature with urban people.

The competition is divided into three parallel categories: Architecture, Interior and Landscaping. The winner in each category will be rewarded with a cash prize of €5,000 (the prizes total €15,000). The participation in the competition is free of charge. Registration is open till April 4, 2021.

In 2019, nearly 90 participants took up the challenge and we witnessed the most amazing implementations from imaginative landscaping, to finished buildings from all around the world.

The 1st prize has been awarded to Airat Zaidullin's design "Sail" (Russia). The 2nd prize to Arthur Gala's "Eco Extension" (Poland) and the 3rd prize to team "Zilant Cave" (Russia).

The 2 honorable mentions have been assigned to Aigul Sadrtidinova's "Adapter" (Russia) and to Zi Yi Chua's "Ambiguous Play" (Germany).

<https://lunawood.com/>

Women's House in Africa

Kaira Looro Architecture Competition, a non-profit event by NPO Balouo Salo, opens its 2021's edition. Architects, designers, engineers, and students from around the world may participate in the competition, individually or in teams, with one requirement: the presence of individuals under 35 years of age on the team.

The Women's House, the object of this new edition, will be built in a small village in southern Senegal in order to promote gender equality as a key factor in rural development. This structure must be symbolic, environmentally friendly, inspired by local traditions, and capable of accommodating training events, seminars, and laboratories that raise awareness in the rural community regarding human rights and gender equality as the fifth fundamental objective of the "Sustainable Development Goals" established by the United Nations for the purpose of guaranteeing that everyone receive equal access to education, medical care, and employment, as well as a say in decision making processes, thereby promoting sustainable

economies which are a benefit to society and humanity as a whole.

The winning project will receive a cash prize (5.000 €) and an internship at Kengo Kuma & Associates studio in Japan, as well as the construction of the project and its adoption on the part of the Ministry at the national level. The other internships will be awarded to the 2nd place team at the EMBT Miralles Tagliabue studio in Spain and to the 3rd place at the SBGA Blengini Ghiradelli Archtiects in Italy. Furthermore, all of the projects will be published on the competition's website and in its official book, transmitted to 30 of the competition's global media partners, and shared with institutional partners.

Registration is open till April 30, 2021.
www.kairalooro.com

вполне возможна благодаря законам, недавно утвержденным итальянским правительством и облегчающим требования к сохранению объектов культурного наследия.

МСА выступило с заявлением, что снос или радикальные изменения, которые угрожают стадиону «Артемио Франки», будут означать невосполнимую потерю в области культуры как для Италии, так и для международного архитектурного сообщества.

Дополнительная информация:
<https://www.icomos.org/en>

Lunawood Urban Challenge 2021

Организаторы международного архитектурного конкурса Lunawood Urban Challenge 2021 приглашают всех студентов архитектурных факультетов принять участие в создании проектов по переобустройству городской среды с использованием термодревеси Lunawood. Конкурс будет проходить во второй раз, снова предоставив студентам полную свободу действий для реализации своих смелых идей

по созданию более естественной современной среды для городских жителей.

Цель конкурса – осветить возможности, которые дает термодревесина Lunawood для создания более здоровой и устойчивой окружающей среды, тем самым объединяя природу и горожан.

Конкурс разделен на три категории: архитектура, интерьер и ландшафт. В каждой категории победитель получает приз 5000 евро (общий призовой фонд – 15000 евро). Участие в конкурсе бесплатное. Регистрация открыта до 4 апреля 2021 года.

В 2019 году на конкурс поступило около 90 заявок со всего мира, продемонстрировавших интересные идеи, начиная от обустройства ландшафта и заканчивая готовыми зданиями. Первое место было присуждено проекту «Sail» Айрата Зайдуллина из России, второе – проекту «Eco Extension» Артура Гала из Польши, третье место – также российской команде «Zilant Cave».

Два поощрительных приза получили «Adapter» Айгули Сартдиновой (Россия) и «Ambiguous Play» Цзы Йи Чуа (Германия).

Информация и регистрация:
<https://lunawood.com/>

< Внешний вид стадиона «Артемио Франки» вскоре после его возведения, © Ferdinando Barsotti, 1932 / External view of the Stadio Artemio Franchi shortly after its completion, © Ferdinando Barsotti, 1932

v Airat Zaidullin's design "Sail" (Russia) / Проект Айрата Зайдуллина "Sail" (Россия)

Дом для женщин в Африке

Некоммерческая организация Balouo Salo объявляет о новом архитектурном конкурсе Kaira Looro, который пройдет в 2021 году. В конкурсе могут принять участие архитекторы, дизайнеры, инженеры и студенты со всего мира, подав индивидуальные или командные заявки с единственным условием: возраст хотя бы одного участника в команде не должен превышать 35 лет.

Цель конкурса – строительство дома для женщин в небольшой деревне на юге Сенегала, чтобы способствовать обеспечению гендерного равенства как ключевого фактора развития деревни. Здание должно быть символичным, демонстрировать бережное отношение к природе и местным традициям и стать местом проведения тренингов, семинаров и исследований, чтобы повысить информированность сельских жителей о правах человека и гендерном равенстве, прописанном в Цели 5 устойчивого развития ООН, о гарантированном получении

каждым доступного образования, медицинской помощи и работы, а также права голоса в процессах принятия решений, что способствует продвижению устойчивой экономики, благоприятной для общества и человечества в целом.

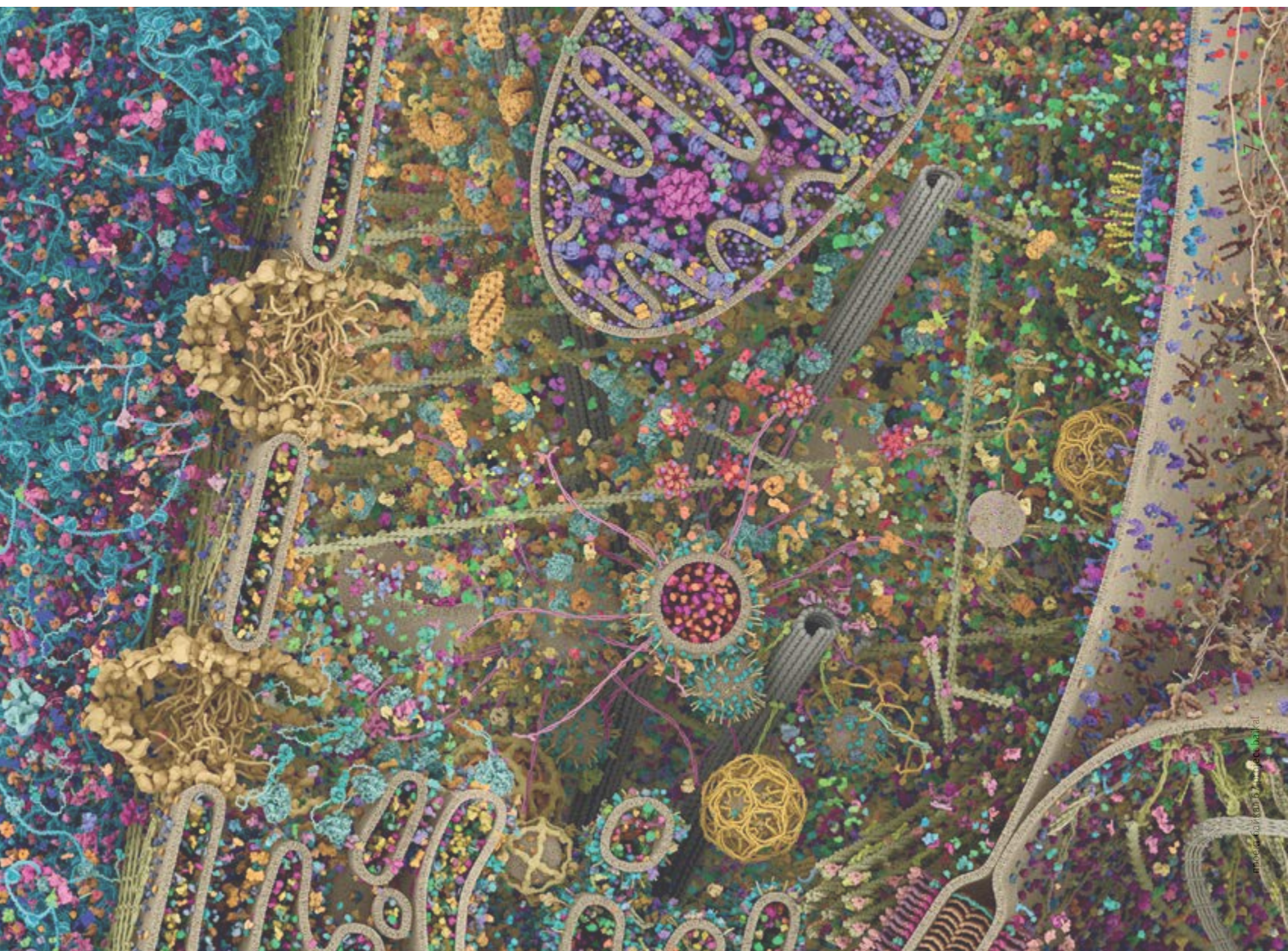
Автор проекта-победителя получит 5000 евро и возможность прохождения интернатуры в бюро Kengo Kuma & Associates в Японии. Победивший проект будет принят министерством на национальном уровне и реализован. Команда, занявшая второе место, пройдет интернатуру в бюро EMBT Miralles Tagliabue (Испания), занявшая третье место – в бюро SBGA Blengini Ghiradelli Archtiects в Италии. Все проекты будут опубликованы на сайте конкурса и в официальном печатном издании, информация о них поступит 30 медиа-партнерам и деловым партнерам из разных стран.

Регистрация открыта до 30 апреля 2021 года.

Информация и регистрация:
www.kairalooro.com

генетика города / genetics of the city

На основе аналогии города с живым существом рассматривается концепция генома города. Предлагается модель, согласно которой геном города формируется, когда город возникает на пересечении ландшафтных особенностей и социально-исторического контекста. Характеристики местности, в которой возник город, объединены в образе «Genius Loci». Социально-исторический контекст сконцентрирован в образе пассионарного импульса к рождению города. Игнорирование городского генома в управлении развитием города приводит к возникновению неестественных и болезненных явлений, похожих на фантастических химер и монстров. Сделан вывод о необходимости тщательного и внимательного изучения генома городов.

Ключевые слова: архитектура; урбанизм; история; genius loci; генетика городов; возникновение городов; управление городским развитием; устойчивое развитие. /

Based on the analogy of a city with a living being, the concept of a city genome is considered. The author proposes a model, according to which the genome of a city is formed when the town emerges at the intersection of the landscape features and the socio-historical context. The characteristics of the locality in which the city emerges are combined in the image of the "Genius Loci". The socio-historical context is concentrated in the image of a passionary impulse for the birth of the city. Ignoring the urban genome in city development management leads to the emergence of unnatural and painful phenomena similar to fantastic chimeras and monsters. It is concluded that a thorough and careful study of the genome of cities is necessary.

Keywords: architecture; urbanism; history; genius loci; genetics of cities; emergence of cities; management of urban development; sustainable development.

Города–ГМО / Genetically modified cities

ТЕКСТ

Константин Лидин /
text
Konstantin Lidin

Введение. Геном как ценность

Одиннадцатого ноября 1997 года Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры была принята Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека. В характерном для документов того времени торжественно-фанфарном стиле провозглашалось: «Геном человека лежит в основе изначальной общности всех представителей человеческого рода, а также признания их неотъемлемого достоинства и разнообразия. Геном человека знаменует собой достояние человечества» [1].

Впрочем, весь остальной текст документа проникнут скорее тревожными интонациями и в основном посвящен необходимости строгого контроля над экспериментами с человеческим геномом. Геном, пакет информации, записанный на молекуле ДНК, во многом определяет не только цвет волос и кожи, черты лица и тип телосложения. Гораздо важнее, что в геноме содержится информация о наследственных болезнях и предрасположенностях к ним, так что изучение генома – путь к излечению многих страшных и могучих заболеваний.

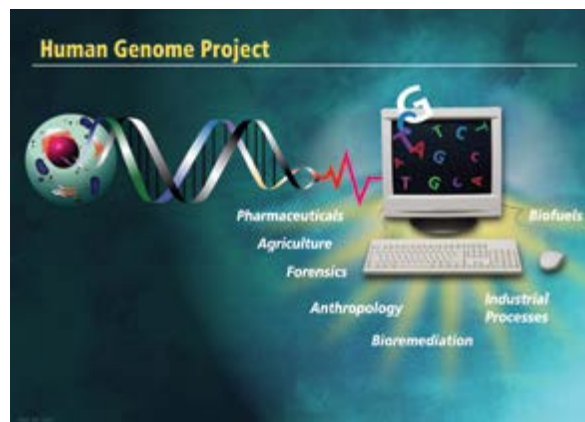
Пожалуй, ни одно научное направление, включая ядерную физику, не удостоивалось такого пристального внимания и не служило источником таких глубоких переживаний, как генетика. Огромное количество людей во всем

мире видят опасность в генетически модифицированных организмах (ГМО), хотя любой гибрид или окультуренная порода фактически является ГМО, разве что в традиционном подходе используются более медленные эволюционные методы отбора и скрещивания. Обычная породистая собака или сортовые яблоки, полученные в результате селекции, не выглядят опасными, но результаты использования генной инженерии зачастую неудержимо демонизируются.

В то же время вопросы генетики человека внушают огромные, смутные, но радужные надежды и привлекают широкий интерес. Особенно интенсивный всплеск энтузиазма пришелся на предкризисные двухтысячные годы.

В 1990 году стартовал проект «Геном человека» (The Human Genome Project, HGP), поставивший целью полную расшифровку «текста» ДНК. Проект обошелся в тринадцать лет работы и примерно три миллиарда долларов. В результате была почти полностью «прочитана» структура ДНК нескольких конкретных человек. В последующие несколько лет развернулась масштабная рекламная компания, пропагандирующая сам проект, его результаты и, главное, его блестящие перспективы. Предполагалось, что результаты проекта революционным образом изменят медицину, фармацевтику, сельское хозяйство, судебную экспертизу, экологию, очистку токсичных отходов, создание новых источников возобновляемой энергии, а также обеспечат прорыв в понимании загадок эволюции, антропологии, истории миграций народов и так далее. Особенно реальными казались перспективы создания искусственных микробов, способных перерабатывать любые органические отходы в этиловый спирт взамен нефти и природного газа (значительную долю финансирования проекта взяло на себя Министерство энергетики США) [2].

Успехи генетики сулили глубинные социальные преобразования. В 1997 году на широкие экраны вышел и быстро стал культовым фильм «Гаттака». Действие фильма происходит в будущем, где анализ ДНК превратился в обычную повседневную процедуру, что раскололо человечество на привилегированных «полноценных» и генетически «ущербных» людей, подвергающихся дискриминации и запретам на профессии.

> Постер, посвященный проекту «Геном человека». Предполагалось, что расшифровка генома хотя бы нескольких реальных людей окажет мощное стимулирующее действие на целый ряд научных и практических областей

< Монстры обильно присутствуют не только в книгах, но и на картах прежних эпох. Довольно симпатичный монстр с карты Джакомо Гастальди. 1567

Как часто случается с разрекламированными проектами, «Геном человека» не произвел ожидаемого переворота в судьбах человечества. Результаты, которые он принес, действительно внушительны: в целом ряде отраслей медицины и биотехнологии опыт расшифровки ДНК человека заметно продвинул вперед и теорию, и практику. Но по сравнению с ожиданиями, которые сформировала рекламная шумиха, эти результаты выглядят скромно. Может быть, только теперь, когда осталось позади и очарование «генетической революции», и разочарование в ней, можно осознать те изменения в научной картине мира, которые генетика принесла на рубеже веков в самые разные области знания, в том числе, в урбанистику.

1. Города – зачатие, рождение, наследственность

Несмотря на успехи генетики, процессы передачи наследственной информации во многом остаются загадочными. Молекула ДНК, это странное явление природы длиной около двух метров при толщине в десять тысяч раз меньше волоса, многократно свернута и упакована в микроскопическое ядро каждой клетки организма. На протяжении молекулы шифром всего из четырех «слов» – групп атомов – записана структура и индивидуальные особенности именно этого организма, и таких «слов» в ДНК около трех миллиардов. Вроде бы немало: переписанный на бумагу, «текст» ДНК занимает объем небольшого книжного шкафа, он же умещается на стандартном лазерном диске [3]. Однако если сопоставить количество информации в ДНК с реальной структурой живого организма, его разнообразием и сложностью, то такой информационный объем выглядит совершенно недостаточно. Правда, клеток в организме – миллионы, и молекулы ДНК в них немного различаются. За счет вариативности ДНК информационный объем организма вырастает во много раз (во сколько именно, мы пока не знаем) и становится более правдоподобным. Но тогда получается, что целостность организма поддерживается за счет взаимодействия ДНК во всех его клетках. И действительно, если взять одну клетку, например, из печени человека и пометить в благоприятную среду, она начнет расти и делиться. Но новая печень, к сожалению, не по-

лучится. Клетка «не знает», как устроен орган в целом, в ее ДНК содержится только та информация, которая относится к строению и функциям этой клетки. Но каким образом молекулы ДНК «общаются» друг с другом?

Загадки передачи наследственной информации все еще далеки от своей полной расшифровки. Но некоторые аналогии можно строить уже сейчас.

Сравнение города с живым организмом позволяет поставить довольно нестандартный вопрос: какие сущности могут рассматриваться в качестве родителей города? От кого город получает свою генетическую структуру,

< Монструозный житель Тартарии. Иллюстрация из книги Улисса Альдрованди

врожденные наследственные черты и предрасположенности?

Момент зарождения города по-разному трактуется различными исследователями – от мистического и поэтического проявления «железной воли государя» у Т. Моммзена и Э. Мейера до сочетания безличных экономических процессов у историков-марксистов [4]. Но в любом случае значительное влияние на зачатие, рождение и развитие города оказывают локальные географические характеристики – все то, что можно персонифицировать в образе *Genius Loci*, «гения места».

Гений места (в восточной традиции – Дракон) представляет собой обобщенный образ, включающий множество характеристик местности: климат, пейзаж, реки и другие водоемы, движение воды и ветров, геологические и геохимические особенности, преобладающий тип почвы и так далее. Все это влияет на образ жизни людей и как следствие на облик и характер города. Некоторые факторы изучены относительно подробно или, во всяком случае, находятся в поле зрения исследователей. Понятно, что приморские города отличаются от пустынных, города горцев – от равнинных городов и северные города – от тропических. Впрочем, и здесь не все так просто и ясно. Глобализационные тенденции постоянно пытаются стереть, нивелировать влияние Гения места на города. Образ универсального города, выстроенного и живущего по неким общечеловеческим стандартам, продолжает оставаться привлекательным и популярным.

При этом значительная часть параметров среды, в которой находится город, вообще не попадает в сферу урбанистических исследований. Например, мощный тренд старения населения в странах Европы (особенно Западной), а в последнее время – и в развитых регионах Азии, очевидно, сказывается на состоянии городов. По мере роста среднего возраста начинают преобладать новые понимания комфортности городской среды, меняется спектр потребностей горожан. Во многих случаях тенденция к старению накладывается на процессы «возрастной сегрегации», когда молодежь и люди «третьего возраста» образуют отдельные районы компактного проживания, своеобразные «возрастные гетто». Эти процессы идут уже не первое десятилетие, они зафиксированы на самых разных уровнях, и крупнейшие международные организации выражают обеспокоенность по их поводу [5]. Однако урбанистические исследования, которые рассматривали бы влияние демографии на структуру и динамику городов, по-прежнему встречаются крайне редко. О каких-либо систематических и широкомасштабных исследовательских проектах говорить не приходится.

Положая ситуацию складывается во многих других направлениях урбанистики – в сфере проблем биоразнообразия городской среды, влияния массовой миграции между регионами с кардинально разным образом жизни, связь городской среды с «виртуальной реальностью» и так далее. Каким образом все эти новые тренды будут взаимодействовать с гением места? Все эти вопросы уже осознаются в качестве важных и актуальных, но не становятся объектом серьезных исследований.

Если местный Дракон может считаться отцом города, то матерью его, вероятно, следует считать локальную историю. Каждый город возникает в определенной исторической ситуации и в результате определенных общественно-экономических процессов. Обстоятельства, имевшие место в момент «зачатия и рождения» города, продолжают влиять на его развитие, иногда на протяжении весьма длительного времени.

Больше трех тысяч лет назад процессы перехода группы семитских народов от кочевого образа жизни к оседлому сопровождалась возникновением иудаизма [6]. Царь иудейский Давид отвоевал у иевусеев поселе-

ние, которое тогда вряд ли можно было назвать городом – скорее это была крепость вокруг Гихона, источника драгоценной в этом регионе воды. Ни административным, ни торговым или культурным центром «протогород Шалем» не был. Давид построил свой город (Ир Довид) вокруг ларца с договором между Богом и его народом, Ковчега Завета, главной религиозной святыни иудаизма. Прошли тысячелетия. Иерусалим последовательно становился центром возникающих авраамических религий, сначала христианской, а затем мусульманской. Город многократно становился объектом ожесточенных схваток между религиозными фанатиками, несколько раз был разрушен до основания и отстроен заново. Но и сегодня статус и судьба Иерусалима во многом определяется именно тем, что этот город воспринимается в качестве святыни множеством церквей и конфессий.

Подобные примеры можно приводить во множестве. Так, Москва, со времен Юрия Долгорукого бывшая центром взаимодействия разнородных славянских и неславянских племен, до сегодняшнего дня сохраняет свою радиально-концентрическую структуру. Здесь вели переговоры и торговали кривичи с вятичами, ростово-суздальские князья с новгород-северскими, и город веками несет в себе генетику центра, узла, куда сходятся разнородные связи и течения. Это неудобно, это тормозит развитие города и создает множество дополнительных проблем. Многие градостроители предлагали проекты размыкания концентрической структуры Москвы (например, знаменитая «парабола» Н. А. Ладовского), но из этих проектов так ничего и не вышло – Москва становится все концентричнее, наращивая кольцо за кольцом.

Иркутск, как и многие сибирские города, родился в эпоху мощного движения народов с запада на восток и с юга на север. По словам Люсьена Февра, это был «<...> великий людской поток, с переборами хлещущий через Уральскую гряду и растекающийся по Сибири вплоть до Дальнего Востока» [7, с. 65]. С тех пор город настойчиво тяготеет к линейному типу, его структура и естественная динамика развития постоянно возвращаются к главной оси – «проточной» линии в широтном направлении, от места слияния рек Ангары и Иркуты в направлении Байкала. Сейчас, в результате неразумной градостроительной политики, магистраль во многих местах перегорожена и застроена, и это обстоятельство ощущается как явление противоестественное и болезненное.

2. Градостроитель Франкентштейн

На протяжении почти всей своей истории человечество сохраняло интерес к разнообразным монстрам. Странные гибриды людей и животных, людей и предметов, людей и геометрических фигур встречаются в наскальных росписях неолита и в древнеегипетских фресках, в греческих, китайских, африканских мифах и сказках, в современных кинофильмах и в компьютерных играх. Европейское средневековье оставило нам множество изображений и даже несколько фундаментальных трудов по монстрологии. Классификацией монстров занимались и вполне серьезные ученые эпохи Ренессанса и Просвещения. Например, болонский врач, ботаник и зоолог Улисс Альдрованди (1522–1608) за свою длинную и плодотворную жизнь создал несколько сотен книг и статей с описаниями животных, птиц, рыб, растений и всяческих гадов – и в том числе объемистый том с реалистичными черно-белыми и раскрашенными гравюрами монстров [8]. В книге обильно цитируются древнеримские поэты и натурфилософы, труды отцов церкви о чудесах господних. В результате вперемешку с анатомически достоверными сведениями встречаются сведения с птичьими головами, с тремя руками, с коленями, выгнутыми назад и так далее. Особенно впечатляет изображение «жителя

< Проект Монг Флоу – жилой и гостиничный комплекс в Улан-Баторе

< Вертикальный город-лес на 200 000 жителей

в Бухарест. Здание Союза архитекторов Румынии. Своеобразная «архитектурная химера» в самой румынской столице носит устойчивое прозвище «дом Франкенштейна»

Тартарии» (то есть азиатской части современной России): с человеческим лицом на животе, дополнительной птичьей головой на длинной шее и радужными крыльями. Заметим, что примерно в это время были основаны многие сибирские города, а Урал и Поволжье уже были хорошо освоены и довольно плотно заселены обычными людьми.

Одним из главных достижений научной генетики стало точное доказательство невозможности существования монстров и химер «кантического» типа. В природе не бывает и не может быть людей с птичьими ногами или змей с человеческой головой. Но мифы живучи, и современное массовое сознание породило множество причудливых легенд о мутациях и мутантах, которые успешно заменяют собой устаревшую монстрологию.

Продолжая аналогию города с живым организмом, попытаемся представить себе, как мог бы выглядеть город-монстр и город-мутант.

И тут мы вынуждены отметить, что лавры доктора Франкенштейна привлекают не только авторов фантастики и киберпанка, но и вполне реальных градостроителей. Стремление соединить разнородные элементы городских структур в нечто целое, не обращая внимания на историю с географией, сказалось на облике многих современных городов. Например, такой элемент города, как «сити скайлайн» – в современном употреблении это слово все чаще обозначает прибрежную группу высотных зданий, как бы отгораживающих тело города от плоскости воды по примеру Нью-Йорка и Чикаго. Проект Москва-Сити в этом ряду подражателей далеко не первый. В период экономического подъема 1970–1980 годов похожие комплексы строились в крупных городах Европы (так, во Франкфурте, стоящем на реке Майн, группа небоскребов получила ироническое прозвище «Майнхеттен»). Позже многие богатееющие города Юго-Восточной Азии также считали для себя необходимым построить нечто сходное. Сегодня ансамбли, более или менее точно скопированные с Нью-Йорка, «свои маленькие Манхэттены» есть и в Пусане, и в Сингапуре, и в Куала-Лумпуре. При этом застройка настоящего Манхэттена, берущая свое начало из прямоугольной сетки военного лагеря, естественно сочетается с резкими вертикальными доминантами небо-

^ Проект Хутун-Баббл, Пекин. Футуристические зеркальные пузыри, несмотря на некоторую сюрреалистичность, прекрасно вписываются в атмосферу традиционного пекинского хутуна

^ Башня для бездомных Торонто, похожая на восклицательный знак

скребов. Наиболее известные из них построены в эпоху ар-деко и выглядят достаточно живописно, да и основная часть застройки семидесятых годов в полной мере соответствует «генотипу» города. К сожалению, прямой перенос образа в совершенно иной контекст зачастую порождает странные и спорные химеры.

В качестве примера можно привести проект Центр Mongflow архитектурного бюро TheeAe Limited [9]. Здание высотой 92 метра должно вырасти в Улан-Баторе, на «берегу пустыни». Как именно будет сочетаться модернистская башня с пейзажем между горами Монгольского Алтая и пустыней Гоби, с жестким, резко-континентальным климатом и ледяными зимними ветрами на высоте 1300 метров над уровнем моря, с культурой и традициями полукочевников – непонятно. Контекст Улан-Батора, его история, весь его генотип отличается от Нью-Йорка буквально по всем пунктам, но это не отталкивает авторов проекта.

Пример еще более глубокого игнорирования генетики города – проект архитектурного бюро Luca Cusci Architects THE LINK, вертикальный город в триста этажей, рассчитанный на 200000 человек [11]. Заявлено, что проект направлен на преодоление проблемы плотности населения, успешно сочетая вертикальную экспансию с экономическими инновациями. THE LINK позиционируется как самоустойчивый город-лес, который будет поглощать CO2, производить кислород, очищать воздух и увеличивать городское биоразнообразие. На презентациях видно, что «вертикальный город» помещен в некую обобщенную среду с пышной растительностью и живописными водопадами, залитыми тропическим солнцем. Во всем видно стремление оторваться от конкретики места и истории, создать город в некоем «историко-географическом вакууме». К сожалению, остается совершенно непонятным – как внутри «вертикального города» люди должны взаимодействовать с искусственным биоценозом, как собственная культура этих людей (какой бы она ни была) будет взаимодействовать с необычными условиями жизни? Каким образом должно сформироваться желанное биоразнообразие, если в естественных биоценозах участвуют миллионы видов, которые миллионами лет вырабатывают взаимоприемлемые способы совместной

жизни, и так далее. Проект выглядит аналогично опытам на «чистых линиях» лабораторных белых мышей, генетически стандартизованных и унифицированных. Но ведь реальный живой город не поместится в стерильную лабораторную среду.

В романе Мэри Шелли доктор Франкенштейн сшивает своего монстра из фрагментов мертвых тел, движимый демонической гордыней и завистью к Богу-творцу. Гордые фаллические символы, в которые превратились небоскребы Нью-Йорка и Чикаго, во всем мире воспринимаются как эмблемы богатства и власти Человека над Природой – в том числе, над собственной генетикой. И в качестве таковых порой вызывают отрицательную реакцию. Вот проект канадских архитекторов из Norm Li Studio и TAXI Advertising по заказу компании United Way, в котором небоскреб наполняется совсем другими эмоциями, в основном – горькой иронией [10]. Проект представляет собой жилую башню, в которую предлагается переселить все бездомные семьи Торонто, живущие за чертой бедности. Если такой проект будет когда-либо реализован, в него понадобится заселить больше 116 тысяч человек, для чего башня должна стать самым высоким строением в мире. Название проекта «Башня UNIGNORABLE» подчеркивает ту практику игнорирования неимущих, которую со своей стороны олицетворяют высотные символы гордого богатства.

Заключение. Все-таки это возможно

Традиционным типом застройки старого Пекина считается «хутун». Эта своеобразная малоэтажная среда с запутанным лабиринтом кривых улочек и дворишек в значительной степени напоминает старинные кварталы деревянного Иркутска (Иркутск – единственный город, где еще сохранились не только отдельные деревянные здания, но и целые участки сплошной деревянной застройки). Лишь недавно пекинские хутуны начали осознаваться в качестве объектов культурного и исторического наследия. Массовый снос хутунов остановился, но задачи приведения их к современным нормативам, в первую очередь – гигиеническим, стимулировали поиск новых подходов.

В 2006 году на Венецианской архитектурной биеннале пекинская студия MAD предложила необычное решение. Поскольку люди в хутонах обычно живут очень тесно и обходятся без внутреннего санузла, была предложена конструкция внешнего санузла, помещенного в «пузырь» из полированного металла. «Хутун-пузырь» включает в себя ванную комнату, а также лестницу, ведущую в сад на крыше, пристроенную к жилому строению снаружи. Такой «внешний санузел» тиражируется, чтобы удовлетворить массовые потребности сообщества, тем самым позволяя местным жителям оставаться в старых кварталах.

Через три года было налажено производство «хутун-пузырей». А в 2020 году студия MAD опубликовала проект отеля «Hutong Bubble 218» [11]. Отель будет расположен в районе Восточного Цяньмэнь, недалеко от важных культурных достопримечательностей: Запретный город, площадь Тяньаньмэнь и аллея Сидамочан. Основное здание площадью около 500 м² было построено в конце правления династии Цин. Более 100 лет оно служило первой международной больницей в городе, а затем было преобразовано в жилище для 20 семей. Со временем двор неоднократно подвергался переделке, жители беспорядочно нагромодили свои собственные временные пристройки, что в конечном итоге привело к структурной деградации. С постепенным снижением уровня жизни здание потеряло свой шарм, пришло в упадок и начало пустеть, поскольку большинство семей переехали в более благоустроенные районы.

Проект MAD дополняет старинную постройку несколькими «пузырями». Их гладкие зеркальные поверхности отражают древние здания с отреставрированными деталями фасадов, деревья и небо в окрестностях. Вместо того чтобы нарушать существующую городскую ткань, старое и новое дополняет друг друга.

Положительные примеры использования генетических особенностей городов для их развития позволяют продолжить аналогию. При всей своей масштабности и дороговизне проект «Геном человека» реально позволил расшифровать содержимое ДНК нескольких человек. Их имена держатся в тайне. Однако геном любого другого человека на Земле будет другим. Точно так же наследие любого города уникально и неповторимо. Велико искушение перенести удачный опыт из Нью-Йорка в Улан-Батор, из Пекина в Иркутск, из Чикаго в Москву. Но необходимо четко осознавать: то, что принесло пользу в одном городе, вовсе не обязательно станет полезным для другого. Геном городов необходимо изучать так же тщательно и подробно, как геном человека. Мы можем позволить себе эксперименты с ДНК, с «вырезанием» и «вклеиванием» генов, только если речь идет о растениях или, в крайнем случае, о животных. Не стоит превращать наши города в генно-модифицированные организмы, пока мы не представляем себе всех последствий такого превращения. Тем более что генетическое, видовое разнообразие городов необходимо для устойчивого развития нашей урбанистической цивилизации не меньше, чем видовое разнообразие биоценозов – для развития биосферы.

Декларация ООН заявляет, что генотип человека представляет собой значительную ценность и подлежит внимательному, бережному и осторожному изучению. Не следует ли отнести эти прекрасные слова и к генетическому богатству городов?

Литература

1. Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека. Принята 11 ноября 1997 года Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/human_genome.shtml (дата обращения: 06.02.2021)

2. Официальный сайт проекта «Геном человека». – URL: https://web.archive.org/web/20071011054219/http://genomics.energy.gov/gallery/basic_genomics/detail.np/detail-32.html (дата обращения: 06.02.2021)

3. Тарантул, В. З. Геном человека: энциклопедия, написанная четырьмя буквами. – Москва : Языки славянской культуры, 2003. – 394 с. – (Studia naturalia)

4. Историческая урбанистика: теория и практика. Учебник для вузов / Н. А. Попова, М. А. Пономарева [и др.] / под ред. Н. А. Поповой, М. А. Пономаревой. – Ростов-на-Дону : Издательство Южного федерального университета, 2014. – 320 с.

5. UN HABITAT «World Cities Report 2020». – URL: https://unhabitat.org/sites/default/files/2020/10/wcr_2020_report.pdf (дата обращения: 06.02.2021)

6. Лидин, К. Л. Преодоление номада // Проект Байкал. – 2010. – № 24. – С. 22–27

7. Февр, Л. История современной России / Бои за историю : [Сб. ст.] / пер. А. А. Бобовича и др.; ст. А. Я. Гуревича; коммент. Д. Э. Харитоновича; [АН СССР]. // Бои за историю. – Москва : Наука, 1991. – С. 62–66

8. Aldrovandi Ulyssis. Monstrorum historia cum Paralipomensis historiae omnium animalium Bartholomaeus Ambrosinus. Bononiae: Typis Nicolai Tebaldini, 1642. – 748 p.

9. URL: <https://www.theeae.com/portfolio/mongolflow/> (дата обращения: 06.02.2021)

10. URL: <https://lucacurci.com/architecture/the-link-city.html> (дата обращения: 06.02.2021)

11. URL: https://www.archdaily.com/929000/hutong-bubble-218-mad-architects?ad_medium=office-landing&ad_name=featured-image (дата обращения: 06.02.2021)

References

Aldrovandi Ulyssis (1642). *Monstrorum historia cum Paralipomensis historiae omnium animalium Bartholomaeus Ambrosinus*. Bononiae: Typis Nicolai Tebaldini.

Febvre, L. The history of modern Russia (1991). In *Boi za istoriyu* (A. A. Bobovich et al., Trans.) (pp. 62-66). Moscow: Nauka.

Human Genome Project (n.d.). Retrieved February 6, 2021, from https://web.archive.org/web/20071011054219/http://genomics.energy.gov/gallery/basic_genomics/detail.np/detail-32.html

Hutong Bubble 218 Urban Renovation / MAD Architects (n.d.). ArchDaily. Retrieved February 6, 2021, from https://www.archdaily.com/929000/hutong-bubble-218-mad-architects?ad_medium=office-landing&ad_name=featured-image

Lidin, K. (2010). To overcome a nomad. *Project Baikal*, 7(24), 22-27. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.24>

Mongflow mixed use (n.d.). THEEAE. Retrieved February 6, 2021, from <https://www.theeae.com/portfolio/mongolflow/>

Popova, N. A., Ponomareva, M. A. et al. (2014). *Istoricheskaya urbanistika: teoriya i praktika. Uchebnik dlya vuzov* [Historical urban studies: theory and practice. Textbook for higher education]. Rostov-on-Don: Izdatelstvo Yuzhnogo federalnogo universiteta.

Taranul, V. Z. (2003). *Genom cheloveka: entsiklopedia, napisannaya chetyrmya bukvmi* [Human genome: Encyclopedia written with four letters]. Studia naturalia. Moscow: Yazyki slavyanskoi kultury.

The Link (n.d.). Luca Curci Architects. Retrieved February 6, 2021, from <https://lucacurci.com/architecture/the-link-city.html>

Vseobshchaya deklaratsiya o genome cheloveka i pravakh cheloveka [Universal Declaration on the Human Genome and Human Rights] (1997, November 11). https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/human_genome.shtml

World Cities Report 2020 (2020). UN HABITAT. Retrieved February 6, 2021, from https://unhabitat.org/sites/default/files/2020/10/wcr_2020_report.pdf

Дается характеристика двойственного характера рукотворного пространства как единства субстанций и инфраструктур; вводится понятие «негород», отображающее как устойчивость, так и изменчивость социального пространства; анализируются иерархические уровни субстанциального и инфраструктурного слоев, их конкретно-исторические особенности. Рассматриваются характерные функции города и его социальная морфология, связанная с планомерно осуществляемой деятельностью; анализируется типология городов и их основные характеристики. Автор характеризует диалектику производства и потребления, оценивает значение пространственных коммуникаций и подчеркивает роль культуры в формировании города и «негорода».

Ключевые слова: город; негород; архитектура; пространство; субстанция; инфраструктура; деревня. /

Негород / Noncity

текст
Андрей Боков /
text
Andrey Bokov

I. Онтология пространства

Основной массив используемых сегодня актуальных представлений о пространстве и форме в градостроительстве и архитектуре сложился в прошлом веке, когда эти темы достигли пика популярности и в СССР, и на Западе. Общее, что объединяло коллективный Запад и Советскую Россию, сводилось к тому, что форма и пространство являются производными от внешних сил. Германоговорящий, англоговорящий протестантский Запад полагал «внешнее» и видимое менее значимым и прямо подчиненным внутреннему. На этой основе сложились идеи функционализма, т. е. формы, подчиненной функции или технологии, и возник дизайн как дисциплина, предполагающая оформление уже имеющегося, задающая ему форму в соответствии с требованиями маркетологов и технологов. Утонченные рассуждения Николая Ладовского или Бруно Дзеви, задумывавшихся о сущности и природе явлений, тонули в потоке простых и прямолинейных толкований формы и пространства. Прямо и косвенно эти настроения утверждались гуру современной архитектуры, едва ли ни самыми влиятельными ее персонажами, Мис ван дер Роэ и Ле Корбюзье, очевидные различия которых не мешали им сходиться в принципиальном отношении к пространству и форме как производным от использования и технологии изготовления. Вторичность формы, ее пассивное и подчиненное положение было окончательно закреплено влиянием и интересами девелоперского бизнеса и стало в итоге банальностью и общим местом.

Советская власть пошла дальше, подчинив пространство и форму не столько технологии, сколько политике, демонизировав формализм, надолго дискредитировав рассуждения о форме и пространстве. Несмотря на то, что упреки в формализме, которыми были травмированы многие поколения советских архитекторов и деятелей культуры, давно не воспринимаются всерьез, права пространства и формы на самостоятельность остаются непризнанными. В сознании и подсознании большинства эти категории остаются ведомыми и вторичными. Повышенная чувствительность и обостренная реакция в отношении формы и пространства сменились состояни-

ем безразличия, незащищенностью перед воздействием других практик и других культур.

Прежние страхи и фобии остались непреодоленными, они никуда не ушли и были просто законсервированы. Бытовой практицизм и наивный прагматизм наших дней вкупе со страшными призраками прошлых лет, витающими вокруг формы и пространства, не позволили им избавиться от недоверия и отрицательных коннотаций.

Стихийный, не отрефлексированный на этот раз, «неофункционализм» стал своего рода доктриной и неофициальной религией большинства причастных сегодня к градостроительству и архитектуре.

Мотивами принятия решений, главными аргументами в пользу выбора, основаниями оценок становятся требования девелопера и технологические подробности, к которым могут примешиваться художественные пристрастия, предпочтения декора, одежды и упаковок. Собственная логика, строй формы и пространства обычно исключаются из рассмотрения уже на этапе подготовки задания.

То, что непосредственная, жесткая и прямая связь между технологиями, т. е. характером использования, процессом возведения и формой присутствует далеко не всегда, доказывается множеством примеров из «высокой» и обыденной жизни, из архитектурной и градостроительной практики. И деспотии, и демократии, общества с противоположным устройством используют на удивление сходные приемы организации городов. Римский военный лагерь успешно трансформировался в средневековый европейский город, а аристократическая резиденция вроде Таврического дворца становится парламентским центром. Старые, давно построенные здания любого назначения служат много дольше, чем нечто однофункциональное, «одноразовое», основанное на жесткой технологии, а большинство традиционных городских улиц или площадей оказывается универсальным пространством, успешно используемым в самых различных целях многие годы.

Деятельность изменчива и подвижна – пространство инертно и статично, и уже поэтому оно не в состоянии

Andrey Bokov explores the dual nature of the man-made environment as a unity of built matter and infrastructure; he introduces the concept of “noncity” as an entity representing both sustainability and evolution of the social sphere. The author analyses hierarchical levels of substantive and infrastructural layers and their specific historical characteristics. He identifies the innate functions of a city and its social morphology relative to programmatic activity and analyses the typology of cities and their principal characteristics. Bokov addresses the dialectic of production and consumption, evaluates the significance of spatial communications and highlights the role of culture in shaping both a city and “noncity.”

Keywords: city; noncity; architecture; space; substance; infrastructure; village.

отзываться на непредсказуемые и не имеющие ясных пространственных параметров жизненные процессы. Организованное пространство – дорогой и затратный продукт, который нельзя выбросить как пластиковую бутылку. Более того, пространство, гипотетически следующее за функцией, отвечающее на частную конкретную задачу, рискует стать жертвой неточного решения, заблокировать необходимые изменения, затруднить развитие самой функции.

Отсутствие технологических ограничений и предписаний лишает пространство и форму важнейших порождающих ее сил лишь на первый взгляд.

При внимательном рассмотрении форма и пространство обычно являются задолго до технологических заданий и стилистических предпочтений. Форма и пространство властно и недвусмысленно заявляют о себе, диктуют свою волю в виде «само собой разумеющихся» обстоятельств. Но именно эти априорные обстоятельства, которые, как правило, не замечаются, не рефлексированы ни архитектором, ни заказчиком, оказываются базовыми, фундаментальными и первичными, они определяют устойчивость формы, гарантируют ее надежность и долговечность.

Погружение в мир первичных и базовых пространственных реалий, раскрытие основ физических форм, внутренне им присущих, автоматически переводит все внешние воздействия в категорию вторичных, корректирующих и доводящих. Влияние этих воздействий, его результаты могут быть при необходимости пересмотрены, пространства могут быть подвергнуты новым, другим влияниям, приспособиться под иные цели благодаря состоятельности и качествам базовых основ.

Рукотворное пространство всех уровней – от глобального до локального, от стран и континентов до дома и квартиры – наделено системным сходством, принципиальным подобием. И первый, поверхностный взгляд, и внимательный, обстоятельный анализ обнаруживают два слоя, две видимые, четко различимые подсистемы,

из которых складывается окружающий нас культурный ландшафт.

Пространство как свет, одновременно дискретно и непрерывно, и «субстанциально, т. е. состоит из отдельных частей и инфраструктурно, т. е. потокообразно», прочно прошито, пронизано связями.

Эта двойственность, или двухслойность, не является неким открытием и относится к числу очевидных, «само собой разумеющихся» обстоятельств. Присутствие такой двойственности наиболее отчетливо ощущается в «градостроительных» концепциях от Динаполиса Доксидиадиса до НЭРа Гутнова и его друзей. Возникли эти представления более полувека назад под влиянием популярной тогда общей теории систем и, несмотря на, казалось бы, видимую продуктивность, не получили дальнейшего развития, не были встроены ни в оценку происходящего, ни в создание картины будущего.

Суть вдохновленных теорией систем представлений сводится к тому, что в пространственном объекте любого размера обнаруживается как множество отдельных элементов или «субстанций», имеющих облик стран, регионов, городов, домов, комнат, т. е. относительно завершенных и сопоставимых элементов, так и связей, дорог, улиц, коридоров, проходов и переходов, т. е. соединительных устройств, образующих «инфраструктуру».

Субстанции и инфраструктура пребывают в состоянии одновременно объединения-разделения, их взаимозависимость напоминает отношения позитива и негатива, фигуры и фона. Один и тот же объект в зависимости от «угла зрения», от «оптики» может предстать и инфраструктурным явлением, и субстанциальным. Тем не менее «инфраструктурность» и «субстанциальность» не только порождаются «оптикой» и особенностями наблюдения, но отражают вполне объективные, «родовые», сущностные свойства пространственных объектов. Дом может рассматриваться как совокупность коридоров и лестниц, а площадь считается большой комнатой «без крыши», но это не меняет субстанциальную природу дома и инфраструктурную сущность площади. Субстанции и инфраструктура подчиняются, подобно морфологии и синтаксису, своим правилам, порождающим согласованный текст.

У субстанций и инфраструктуры разное пространственное поведение, разный облик, и доминирование одного или другого слоя порождает разные пространственные состояния. Инфраструктура обычно лишена локальных особенностей. Дороги, мосты и аэропорты разных стран мира выглядят сходным образом и несут в первую очередь печать времени. Субстанции, которые покрывают и заполняют клетки, полосты, ячейки, образуемые инфраструктурой, приобретают различия и склонны отзываться на локальный контекст. Субстанции стремятся к закрытости, инфраструктура оказывается бесконечной и открытой.

Субстанции стремятся к универсальности: заводские цеха превращаются в офисы и лофты, промзоны в парки и жилые комплексы. У субстанций есть внешние и внутренние границы, есть фокусы или ядра, окруженные однородными и неоднородными поясами, зонами, районами и секторами. Эти фокусы и ядра успешно существуют как в середине субстанций, так и на периферии, у границ, где выполняют роль ворот, клапанов, регулирующих отношения с внешним миром, с более крупными субстанциями.

Субстанции обычно имеют всем известных хозяев; это пространства устойчивых территориальных, местных, семейных, соседских, муниципальных трудовых, производственных и иных групп, скрепленных общим делом и общей собственностью.

Инфраструктура склонна к специализации и распадается на множество подслоев или инженерных и транспортных сетей, в числе которых автомобильные и рельсовые магистрали, наземные, подземные и т. д. Инфраструктура – это скелет или каркас пространства поселений, состоящий из условных линий и точек. Точки или узлы, на которые опирается каркас, бывают транзитными, тупиковыми и смешанными, транзитно-тупиковыми. Транзитные выглядят как развязки и перекрестки, как места, где сходятся и расходятся связи; тупиковые представляют собой конечные точки маршрутов и путей, «ворота», входы-выходы: транзитно-тупиковые узлы – это одновременно места пересадок и конечные точки пути.

Инфраструктурные пространства принадлежат не конкретным сообществам, но «публике», множеству людей, лишенных очевидной субъектности, подчиненных законам и правилам «больших чисел». Вокзалы, аэропорты, морские терминалы, станции метро, остановки общественного транспорта, «мультимодальные узлы», ворота стран и городов с сопровождающими обслуживающими учреждениями открыты для всех, наполнены постоянно меняющимся потоком лиц, встречающихся друг с другом первый и последний раз.

И улица, и площадь наделены профанной репутацией и низким статусом, прямо противоположной статусу субстанций. Это беспокойные и небезопасные места, а производные от улиц и площадей эпитеты традиционно означают принадлежность к изгоям и носителям девиантных наклонностей.

Смысловое, содержательное противостояние субстанций и инфраструктур, домов и дорог не фатально. Бывшее профанным становится предметом почитания, сакральное десакрализуется. В одну компанию с великими символами прошлого вроде пирамид и храмов попадают сегодняшние мосты и тоннели, аэропорты и вокзалы. Красная площадь, бывшая в советское время главным святилищем страны взамен Соборной площади и храмов Кремля, постепенно снова становится публичным местом, пространством народного праздника.

Ореол священных символов теряют заводы-гиганты, плотины и электростанции; предметом забот и подчеркнутого внимания становятся казавшиеся забытыми, исчезающие на глазах исторические районы.

Инфраструктура следует стандартам, подчинена общим законам, как и положено единой, открытой непрерывной сети, охватывающей все уровни окружающего мира. Инфраструктура агрессивна и экстравертна. Это проводник глобальных сигналов, магнит для мировых брендов и сетей, притягательная среда деловых и торгово-развлекательных комплексов.

Субстанции, за исключением временных сооружений, консервативны, их границы и стены бережно сохраняются как очевидная ценность. Инфраструктура, коммуникации за редким исключением не превращаются в памятники, их использование предполагает постоянную модернизацию, переоснащение, замену и ремонт, что вовсе не исключает высокой устойчивости дорожных сетей.

Все эти отличия и детали повлияли на сложившуюся типологию документов и специализацию профессиональной деятельности. Документом, дающим представление об инфраструктуре города и территории, был и остается генплан; документом, определяющим судьбу зон и участков, является то, что в современной российской практике именуется «Правилами землепользования и застройки». Вопросами инфраструктуры занимаются городские проектировщики и гражданские инженеры, субстанции – архитекторы.

И субстанциальный, и инфраструктурный слой подчинены общей иерархии, делятся по меньшей мере на три основных иерархических уровня: локальный уровень, уровень больших городов и регионов и уровень общенациональный. Связи и элементы этих уровней взаимодействуют «по горизонтали» и «по вертикали», образуя систему агрегатов, паттернов или единиц, каждая из которых является порождением и хранилищем особых признаков.

Меняясь от страны к стране, эволюционируя во времени, дома, дороги и поселения, и городские, и сельские, следуют неким общим правилам и нормам, которые вырабатывались столетиями и тысячелетиями методом проб и ошибок и составляли в итоге ценнейшие генетические коды, гарантирующие способность пространства соответствовать самым разным функциональным программам.

Эти коды рождались «внизу», в непосредственном, близком, видимом окружении локального уровня и распространялись все выше на уровень больших городов, регионов и стран. И именно эти коды подвергались в недавнем прошлом самым замысловатым и тяжелым испытаниям.

Первичной единицей рукотворного пространства оказывается семейное землевладение с ведущей к нему коммуникацией, участком улицы, переулка или дороги, за которую владелец дома и участка несет прямую или косвенную, например, налоговую ответственность. Базовые семейные владения успешно заполнялись сооружениями разного размера и назначения, оставаясь неизменными по сей день.

Место следующей единицы локального уровня принадлежит традиционному пространству «соседского» сообщества – жилой улице и ее конкуренту – кварталу с общим внутренним двором. Появление в XX веке в СССР общественных внутриквартальных дворов, проходов и проездов становится прямым следствием роста плотности застройки и инфраструктурного дефицита.

Образование улиц и кварталов, главной улицы и площади – признак муниципалитета, малого, но полноценного города, занимающего особое место в окружении и отмеченного при этом некоей полнотой и относительной завершенностью.

Лучшие градостроительные умы XX века, заменив в качестве базового элемента семейное землепользование многоквартирным домом, сосредоточились на поиске идеального, оптимального соседства или муниципалитета, единицы «человеческого масштаба» с «пешеходными параметрами», из которой можно собирать любые города и системы расселения. Версиями идеала были советские микрорайоны, секторы Чиндигарха, общины Исламабада, суперквадры Бразилиа со строгими количественными параметрами, числом жителей, размерами территории и т. п.

Между тем на практике нормальные, естественные пространственные единицы отмечены в первую очередь качественными, структурными отличиями. Их количественные параметры, размеры и емкость способны меняться в зависимости от множества обстоятельств в самых широких пределах. Пределы эти, однако, существуют и обнаруживаются в моменты их нарушения, они дают о себе знать появлением стихийных деформаций, неорганизованных парковок, непредусмотренных проходов, проездов, наконец, хаосом и неупорядоченностью. Оптимальный город или идеальный микрорайон, пригодные для любой ситуации, нормой не являются; нормальны различия средних размеров участка в городе и за городом, размеров малого города в Скандинавии, Китае и т. д.

Пространство города подчиняется столь же ясным правилам, главное из которых описывается моделью, напоминающей своими очертаниями гору Фудзи. Суть ее сводится к тому, что плотность застройки и улично-дорожной сети, достигающая максимальных значений в центре города и его главном узле, по мере движения к периферии падает до минимальных значений. Эта кажущаяся очевидной норма практически игнорировалась создателями образцовых советских городов вроде Тольятти и Набережных Челнов, которые собирались из одинаковых домов и микрорайонов, равномерно заполнявших весь участок.

Моноцентричная модель, описанная гора Фудзи, не универсальна: рост города, достижение им неких пределов приводит к делению старого центра, к появлению новых центров на месте новых узлов. Среди крупных и успешных городов современного мира практически не встречаются моноцентричные города. Нормой для гигантов вроде Токио, Сеула, Сингапура становится полицентричность, описываемая неким сообществом, группой больших и малых вулканов Фудзи.

Полицентричность заложена в генах большого города, подобно Лондону или Нью-Йорку хранящему память о поселениях, вошедших в их состав. Полицентричность может считаться и результатом глубинного конфликта исторического ядра и перекрестка важнейших связей, их несовместимости, приведшей к появлению парижского Дефанса вдали от Лувра и Сите.

Своя нормальность присуща и явлениям геомасштаба, в т. ч. пространства страны. Нынешняя модель российского пространства заметно отличается от советской, но эти ее отличия не определяются уверенным движением к норме. Не берясь за описание этой нормы, в качестве ее важнейшей черты следует указать на ответственность гигантских пространств уровню развития инфраструктуры, на сбалансированность отношений столицы и регионов, Запада и Востока страны. Этому не вполне соответствует политика приоритетного развития десяти городов-миллионников.

Норма встраивается в решение и реализуется в виде конкретных интерпретаций. Субстанциональная норма, которой следуют жилые дома и квартиры, консервативна,

предпочитает привычные и местные версии. Субстанции по природе пассивны и стабильны. Инициатором движения и смены нормы становится инфраструктура, следующая глобальным настроениям. Это сфера влияния инженеров, область постоянных изменений и новаций, активно воздействующих на субстанции, и, в конечном счете, меняющих и норму, и характер окружения. Вертикальный транспорт порождает небоскребы, а метро и эскалаторы приводят к появлению подземного города.

Норма существует как в жестком, строго задокументированном виде, так и в более мягкой форме предписаний и ограничений, присутствующих в профессиональной культуре. Именно профессиональная культура заставляла архитекторов-авангардистов, работающих в городе, следовать дореволюционным линиям регулирования. Эта же культура позволила возродить разрушенные войной города, где следы прежних линий регулирования попросту были утрачены.

Пространственный порядок, рожденной нормой, оказался последним из естественных порядков, успешно преодоленных советской властью в середине прошлого века. Главный удар был нанесен по субстанциям. Советская модель пространства ограничивалась одним типом специально сконструированного, искусственно выведенного коллективного многоквартирного дома. Этот дом становился единственным и главным компонентом микрорайона, основной клетки социалистического города, собранной вокруг средней школы и подчиненной строгой технологической схеме. Принципиальной чертой этой модели был переход к свободной планировке, исключавшей границы землевладений, а вместе с ними корреляцию домов и дорог, дорог и инженерных сетей. Прямым следствием свободной планировки стали резкое сокращение плотности улично-дорожной сети и утрата этой сетью ее роли пространственного каркаса и основы видимого порядка.

II. Рождение города

Нынешние представления о городе, его прошлом и будущем сравнительно молоды и сформировались под сильным впечатлением всего того, что происходило последние две сотни лет, которые включили в себя почти всю, от начала до конца, историю индустриального, промышленного города. Появление в городах фабрик и заводов, привлеченных присутствием рынков сбыта и квалифицированных кадров, другими городскими ресурсами, породило устойчивое ощущение прямой взаимозависимости города и промышленного производства. Восприятие города как места, где сосредоточено изготовление самых нужных вещей, в разной степени разделяется как марксистами, так и их критиками, как экономистами, так и географами, социологами, историками, градостроителями, градоведами и урбанистами. Пика популярности отношение к городу как к месту промышленного производства достигло в СССР, где стало основой государственной градостроительной политики.

Большинство нынешних толкователей города, как российских, так и зарубежных, продвинувшихся от Карла Маркса до Джейн Джекобс, продолжают считать город пассивной материей, не способной к развитию без помещенного в нее мотора в виде завода. Ощущение того, что город обязан своим существованием внешним силам, приходящим в него, поселяющемуся в нем, особенно живуче в нашей стране, где завод по-прежнему «больше, чем завод».

В рождающейся сегодня картине постиндустриального города место уходящего из него завода занимает сфера услуг; кажется, что одно производство сменяет другое. Между тем, индустрия обслуживания, услуги транспортные и бытовые, эпизодические и регулярные, информаци-

онные и процедурные, медицинские и образовательные, стандартные и уникальные, со сложной и меняющейся типологией не порождают, а сопровождают город практически с момента его возникновения.

Заданная когда-то оптика и имеющиеся инструменты не позволяют определить очертания будущего, его физику и образ. Обезличенные и отвлеченные показатели вроде ВВП и ВРП не имеют прямого отношения к происходящему и производимому в самом городе, они не раскрывают реальное наполнение видов деятельности и не соотносимы с тем, что происходит в городском пространстве. Действующая система оценок и представлений вытеснила из рассмотрения, подавила, обесценила и самостоятельную пространственную активность города, и питающие его жизненно важные внутренние источники силы и привлекательности.

Завод не столь органичен для города, не так жестко с ним связан, как казалось и кажется. Заводы меняют локализацию, переезжают из одной части страны в другую, из страны в страну, из городов за их пределы и обратно. У производства и проживания разные, зачастую противоположные, предпочтения. В отличие от жилья производство готово мириться с тяжелым климатом Крайнего Севера, пребыванием на морском шельфе или в безводной пустыне. Столицы и большие города редко бывают рядом с источниками сырья и местами его переработки. Русская промышленность последовательно предпочитала городам усадьбы, деревни и села, где производились уникальный фарфор, замечательный текстиль и современное оружие.

Функциональные, производственно-ориентированные модели города оказываются зыбким и ненадежным основанием для определения его убедительного и привлекательного облика. И если наивный функционализм, который упорно насаждался в архитектуре, отчасти смягчался влиянием открытий современного искусства, то градостроительство под натиском прагматиков и любителей абстрактных моделей оказалось беззащитным. Определение специфики города, его сущности, того нужного и ценного, во имя чего города существуют, оказывается трудно уловимым вне обращения к истории и истокам.

Предшественниками городов были не стоянки охотников и собирателей, не поселения первых земледельцев, изолированных друг от друга, избегающих контактов с соседями и склонных к простому воспроизводству без развития.

Основателями городов, инициаторами их появления стали яркие индивидуумы, выделившиеся из коллективного организма кровнородственной общины или пришедшие в нее извне.

Этими индивидуумами, бросившими вызов общине, разрушившими ее в конечном счете оказались первые специалисты, первые профессионалы – воины и торговцы, поначалу успешно совмещавшие грабежи с торговлей.

Стремящиеся к власти и богатству избирали принципиально иные, отсутствовавшие до тех пор формы в том числе и пространственного поведения. Военные подчиняли себе местные элиты, аристократию и вождей, заставляя платить контрибуции и налоги. Торговцы расширяли область и состав обмена, вводили в обиход деньги и устанавливали контроль над локальными и транслокальными рынками.

Будущие создатели городов, организаторы, инициаторы межгрупповых общественных контактов, как конфликтных, так и вполне мирных, поначалу были мигрантами, не сидели на одном месте. Местами их обитания были поля сражений и ярмарок, нередко совпадающие по локализации, торговые пути и маршруты военных экспедиций. Варяжские князья, собирая налоги с податного

населения, не испытывали поначалу неудобств от пребывания в домах подданных. Столь же невзыскательными были торговцы, проводившие в пути месяцы и годы. И именно эти люди, устав от постоянных перемещений, возложив на своих подчиненных и агентов главные риски, стали на все более продолжительное время оседать в определенных точках, становящихся городами.

В отличие от своих исторических предшественников, города не прятались в лесах, на болотах, в недоступных местах, куда ведет единственная малоизвестная тропа. Они гордо демонстрировали свое присутствие, занимая самые обозреваемые и посещаемые места, перекрестки дорог и визуальных связей, вершины холмов и места у слияния рек. Город, всегда лучше защищенный от агрессии, не зависел и от капризов погоды, от засух и наводнений, от того, что усложняло жизнь земледельцев и охотников.

Военные и торговцы быстро обрастают помощниками, профессионалами и специалистами. То, что военные раньше изымали у побежденных народов, а торговцы привозили из далеких стран, стало производиться в городах. Возник институт регулярного устойчивого спроса и потребления. Новым трофеем и товаром становится ремесленник, специалист-профессионал, его умения, т. е. нечто более эффективное, ценное и легче прививаемое к телу города. Успешные ремесленники свозились в столицу Чингисхана Каракорум, были предметом гордости городов-гигантов XVI – XVII веков вроде Амстердама и Венеции.

Самым популярным продуктом городского производства, самым выгодным товаром и ценным трофеем становятся предметы роскоши. Город специализировался на «излишнем» и уникальном, которое, по известному выражению, оказывается более востребованным, ценным и нужным, чем «необходимое». Тяга к излишнему и неповторимому оказывается спровоцированной, подогретой городской культурой, постоянно растущими потребностями элитариев от бизнеса и власти, успешно доказывающими, что у богатства и роскоши, в отличие от бедности и нищеты, пределы отсутствуют.

Города рождались и складывались как разборчивые и требовательные потребители, диктующие цели и задачи, смыслы и стандарты, идеи, прообразы и концепции продуктов. Производитель, средневековый ремесленник или директор советского завода, консервативен и не склонен к новациям. Он готов до последнего сопротивляться изменениям, которые требует город, которые он навязывает своему ближнему и дальнему окружению. Только потребности города, постоянно опережающие возможности производства, стимулируют развитие, запускают и перезапускают процесс, который принято называть прогрессом.

Ведение войн и заморская торговля, управление растущим хозяйством, сбор и накопление налогов, обеспечение экспедиций требуют знаний и умений, носителями которых становятся профессиональные инженеры, астрономы, химики, географы, конструкторы кораблей и крепостей. И все они, включая солдат, чиновников, ремесленников и банкиров, обитателей и создателей городов, не настроены самостоятельно производить массовый стандартный продукт и включаться в рутинную работу. Производство обособляется, уходит на периферию или за пределы города. Знаменитое венецианское стекло производится на островах, вдали от площади Сан-Марко.

Выделение, профессионализация сферы услуг стала одной из величайших новаций, рожденной городами. Институт семейного обслуживания и персональной прислуги вытесняется «человеческими индустриями». Врачи и учителя, кулинары и артисты, свободные и получающие высокий статус «придворных», звезды и простые

труженики малого городского бизнеса заполняют поры городского пространства, его первый этаж, воспитывают облик, среду и атмосферу, именуемыми «городскими».

Город подарил своим обитателям свободное время, поделил время на трудовые будни и праздники и сделал праздники – кульминацией потребительской активности, отчетливо обозначив особую роль потребления.

Изначально город не связан с землей как источником существования. Основателей успешных городов, в отличие от земледельцев, от людей, добывавших камень или золото, не волновали качество почвы или наличие ископаемых. Город зависел не от земли, но от связей с местами, где нечто росло, возделывалось, добывалось и производилось.

Торговые города, города-рынки и города-ставки или резиденции отмечены разными родовыми чертами и признаками, легко различимыми даже спустя столетия. Носителями этих признаков являются пространственные зародыши, геномы и сгустки материи, сосредоточенные в центре города, который далеко не всегда возникал в его середине. И рынок, и дворец без ущерба для их репутации, подобно Кампо в Сиене или Тоомпеа в Таллине могут сдвинуться к его границам.

Париж с Лувром, Петербург с Зимним дворцом, Пекин с Гугунгом по своему происхождению города-резиденции. Прямыми и чистыми примерами города-резиденции оказываются Версаль и Эскориал, Царское Село и Потсдам. Более поздними версиями городов-резиденций становятся новые столицы – Нью-Дели, Бразилиа, Канберра, Исламабад и Астана. Центральное, самое высокое и значимое место в таком городе занимают замок или дворец, обычно с парадной площадью для официальных церемоний и торжеств, становящейся своего рода метафорой полей битв и сражений, оставшихся за победителем.

Торговые города вроде Венеции, Флоренции, Пскова и Великого Новгорода разворачиваются вокруг рыночных площадей с торговыми рядами, т. е. вокруг публичных общедоступных многолюдных мест, способных вобрать все население города. Здание городского совета или парламента подтверждают статус площади, ратуша обозначает ее, не стараясь подчинить и подавить. Современными версиями торговых площадей оказываются обширные деловые районы, скопления офисов и банков, наследующие пространственные претензии своих предшественников.

У города-резиденции и города-рынка разные стратегии, разные отношения с окружающим миром, разные локализации. Власть предпочитает иметь дело с понятными субстанциями, с территориями, имеющими четкие параметры, ясные границы и стабильное устойчивое население, все то, что позволяет вести учет и контроль, управлять и регулировать. Власть должна оказаться в середине управляемой территории, в точке, равноудаленной от всех и равно ко всем приближенной. В этой точке оказывается столица, главный город. Сюда же направлены все внутренние связи, здесь сходятся все пути. Власть, сколь бы демократичной и распределенной она ни была, всегда предпочитает моноцентричность, ясную иерархию, ровную, вертикальную, относительно закрытую, интровертную структуру.

У бизнеса иная пространственная природа. Он опирается на открытые, сетевые структуры и старается преодолеть барьеры, препятствующие установлению необходимых контактов. Ранние торговцы, основатели городов-рынков стремились не к центру регионов

или метрополий, а к границам, местам встречи внутренних и внешних путей. Рынки возникали у слияния рек, на волоках и берегах незамерзающих морей, в тех точках, откуда начинались пути в другие, заморские миры. Города-рынки становились воротами страны, тесно взаимодействующими с такими же воротами других стран, при активном посредничестве мировых океанов, водного и позднее воздушного. Торговля, рынки и обмен породили экстравертные, горизонтальные связи, идущие поверх государственных и региональных границ. Сетевые структуры не наделены ригидностью государственных образований, они гибки, подвижны, часто меняют очертания, быстро возникают и быстро распадаются. Это истории Ганзейского Союза, городов Шелкового пути, Ост-Индских компаний, история соперничества Венеции и Генуи, наконец, история нынешних транснациональных сетей – сухопутных, морских и воздушных.

Чистые, без примесей, города-резиденции и города-рынки – некое допущение; на практике они существуют не порознь, но в одних и тех же пределах. Власть и бизнес, «друзья-соперники», нуждающиеся друг в друге, они взаимозависимы и одновременно стараются друг другу не уступать. Абсолютное большинство городов имеет в своем анамнезе и рынок, и замок. Кремль и Красная площадь Москвы, Дворцовая и Сенная площади Питера, Градчаны и рынок в Праге, Уайт-холл и Сити в Лондоне, Берлинский замок и Александр-плац – замок на скале и рынок под скалой, центры верхнего города и нижнего, два средоточия смыслов и силы, два архетипа, претендующих на первенство, способны или вступить в диалог и запустить внутригородской механизм развития или, затеяв склоку, ввергнуть город в состояние кризиса. Отношения центральной власти и большого бизнеса завершаются их разводом, как в случае Нью-Йорка и Вашингтона, Мадрида и Барселоны, Пекина и Шанхая или браком, который ценой немалых усилий складывался в Лондоне или имперском Санкт-Петербурге.

Начав с управления и торговли, город вскоре обнаружил способность к производству и распространению культуры.

Зародышем того, что впоследствии превратилось едва ли не в самое примечательное и заметное место города – его культурный, культурно-исторический центр, были очаги пантеистических культов, скрытые от посторонних глаз таинственные миры предков. Разделение окружения на мир живых и мир мертвых положило начало созданию храмов и святилищ. Город превратил культы в культуру, став местом рождения больших религий и церквей.

Орденские замки, города-монастыри, государства крестоносцев бросали вызов и светской власти, и власти меркантилизма. Церковь становится генератором и хранителем этических норм и поведенческих стандартов, создает школы, университеты, больницы, дома призрения. Здесь находят работу, приют и защиту художники и литераторы, хроникеры и философы. Здесь создаются и испытываются базовые модели, архетипы дома и города, складывается представление о пространственном порядке и регулярности.

Церковь не просто сопровождала власть и торговлю, размещая храмы у замков и рынков, но активно формировала мир. Храмы, большие и малые, главные и второстепенные соборы стран и городов организуют вслед за городским силуэтом весь культурный ландшафт. Церковь успешно доказала, что власть над умами и торговля правом на вечную жизнь оказываются не менее эффективными занятием, чем владение землями и продажа заморских товаров. Эту власть и влияние оспорили наука и искусство, выращенные, воспитанные, сохраненные в лоне церкви, но освободившиеся от ее опеки и ставшие ее конкурентами и противниками.

Эмансипированная культура не могла состояться без поддержки покровителей в лице власти и бизнеса, с их помощью создаются светские храмы, театры и музеи, которые невозможно представить вне городов и без которых невозможен город.

Культурные институты приобретают вес, сопоставимый с весом церкви, обнаруживают впечатляющую жизнеспособность, склонность к независимости и саморазвитию. Двигаясь дальше, культура предложила свою систему нематериальных ценностей, какими становятся новости, сообщения и распоряжения – все то, что принято называть информацией, то, что в значительной степени контролировалось церковью, теперь поступило в свободный оборот как уникальный культурный продукт. Вслед за властью и бизнесом культура создает свои локусы, свои очаги, тяготеющие к историческому центру, к месту зарождения города.

Жителей города не связывали ни родство, ни совместный труд. Более того, их не всегда объединяли власть и бизнес.

Силой, способной создать и сплотить городское сообщество, оказывает культура и ее материальное воплощение – культурно-исторический центр.

Превратившись в третью силу, культура заимствовала у церкви, унаследовала у нее право на создание картины мира, картины будущего, идеального города и идеального мира – того, в чем власть и бизнес были не всегда успешны и убедительны.

Инкарнациями монастырей и паломнических центров, своего рода моногородов, порожденных культурой, становятся университетские города, наукограды, туристические центры и города-курорты, более успешные и жизнеспособные в сравнении с городом-заводом.

Городское сообщество, разнообразное, многоликое и многочисленное, компактно собранное в одном месте, ощущавшее внешнее давление, было вынуждено управлять пространственным развитием, создавать особые институты и практики.

Образ жизни, атмосфера, среда все больше отделяют город от природы, все активнее противопоставляют естественному окружению. С момента своего рождения город обнаруживает претензии на создание собственного, искусственного мира, сделанного руками человека по другим законам, отличным от законов природы. Культурный ландшафт, его компоненты, дороги и мосты, дамбы и каналы, причалы и платформы, гигантские храмы и дворцы возводились и поддерживались невзирая на немислимые, кажущееся неразумными и нерациональными усилия, по сути своей адресованные будущему и спровоцированные инстинктом выживания через продолжение рода. Новое, сегодняшнее будущее состоит из авиасообщений, скоростных железных дорог, автомагистралей, космических группировок, контроля экологии и параллельного цифрового ландшафта.

III. Город и деревня

Город и деревня – полуобразы-полупонятия, что вполне соответствует их двойственной природе. С одной стороны, это дело рук человеческих, с другой – это предмет рассмотрения, обнаруживающий способность к самодвижению и саморазвитию. Город и деревня едины во множестве лиц. Наше сознание мгновенно откликается при упоминании о городе и деревне серией картин, складывающихся в одно непрерывное изображение, в некие хронотопы. Эти образы-хронотопы наделены огромной емкостью и одновременно компактны. Они вбирают без остатка все накопления, все важное и второстепенное, но при этом нескрываемо необъективны. Как образы, живущие в персональном и коллективном сознании, город и деревня приобретают характерную окраску, порождают

оценки и превращаются в метафоры. Как понятия город и деревня распадаются на множество составляющих, становятся поводом беспристрастных суждений и непредвзятого анализа.

Этот анализ мгновенно обнаруживает, что и город, и деревня – социально-пространственные явления, в которых и живая, и неживая материя, люди и их физическое окружение, сохраняя независимость, соединяются в причудливое целое, где роли ведущего и ведомого, причина и следствие меняются местами.

Равноуважительное отношение к городу и деревне, выравнивание их прав связаны с очевидными рисками и непониманием со стороны многочисленных урбанистов и им сочувствующих. Разрушение сельских ландшафтов и экосистем, столь характерное для всего прошлого века, в СССР осуществлялось в рамках госполитики, т. е. с особым размахом и редкой последовательностью. Борьба с деревней ощущалась как борьба с основами и корнями, питавшими принципиально враждебную национальную культуру, как борьба с религией и следами языческого сознания.

Резкое обострение отношений города и деревни, игнорирование и подавление деревни, возрождение, казалось бы, давно разрешенных конфликтов не прошли бесследно: возникло ощущение мира, ограниченного городом, состоящего исключительно из городов, предпочтительно больших.

Устойчивость урбанистических идеалов и настроений, их популярность представляются все более странными и не вполне уместными на фоне реальных событий, свидетельствующих о постепенном восстановлении баланса между городом и деревней, о перерождении деревни, о росте интереса к «негороду».

В тот момент, когда по представлениям урбанистов, все население земли и, в первую очередь, граждане РФ, должны перебраться в город, сами граждане рассудили иначе. Неминуемое переселение явно откладывается, и первыми такое решение принимают представители элиты.

«Мировая деревня», теперь уже под новыми именами «субурбии», пригорода, коттеджного поселка, технопарка, загородной индустриальной зоны и т. д., возрождается как важнейшая часть культурного ландшафта, без которой он неполон и лишен живительного разнообразия.

Если город возник и развивался как принципиально новое явление, разрушавшее родоплеменной мир, то деревня в самых разных ее состояниях и проявлениях оказывается наследницей этого самого первого, архаического мира. Появление городов не уничтожило, но изменило, переродило родоплеменные поселения, превратив их в места, зависимые от города, в деревни, села и загородные резиденции. Постепенное изъятие и присвоение городами функций и полномочий предшественников, включая право на самозащиту, на свободный натуральный обмен, на ремесленные производства, оставило деревне мало выбора, превратило в средоточие всего консервативного и локального, того, что противоречит унификации и беспамятству. Деревня упорно хранит признаки общности, закрытости и самодостаточности, собственную, свою культуру, именуемую «фольклором».

Города по-прежнему с трудом осваиваются теми, кто пришел из кланового, деревенского мира, предпочитает жизнь внутри замкнутых этнических сообществ.

История и теория архитектуры и градостроительства традиционно игнорируют деревню. Архитектор высокомерно относится к деревне и сельскому ландшафту, оставляя их на попечении землемера. Тем не менее,

архаические и догородские, сельские, ранние формы существования продолжают жить.

Они обнаруживают редкую устойчивость и верность правилам, кодам и архетипам, которые сохраняются, вспоминаются и заново воспроизводятся вполне непреднамеренно. Сельские, деревенские «коды» и способы их воплощения прочно встроены в особую программу создания собственного окружения, хранимую в коллективной и индивидуальной памяти. Эта программа, для многих по сей день не имеющая «городской альтернативы», реализуется и в районах самостроя больших городов, и в местах, разоренных войнами и землетрясениями, и в элитных поселках, где живут те, у кого есть выбор.

Различие городского и сельского, вызванные разделением труда или разным правовым статусом, неустойчивы и не абсолютны. Занятия горожан и селян бывают сходными, меняются, исчезают и возвращаются. Самые яркие отличия городского и сельского, питаемые характерными образами и знаками, на которые легко откликается и обыденное, и профессиональное сознание, сводятся к разным стратегиям средового или пространственного поведения. Мир деревни неразрывно связан с природой, с природным окружением, основан на согласии с природой, ее почитании и эмоциональном предпочтении. Места, благоприятные для сельского хозяйства, оказываются привлекательными и для жизни.

Все компоненты сельского мира – небо, вода, растения и животные собраны вокруг главной ценности – земли. Земля, ее обустройство, культура землепользования определяют очертания сельского пейзажа. Земля отчетливо проступает сквозь разреженную и низкоплотную россыпь строений. Участок земли, парцелла или надел первичны по отношению к домам и самоценны.

Сельский дом, сельская усадьба подчинены минимуму внешних ограничений, способны развиваться и расти в любую сторону. Их облик определяется в первую очередь вкусами и возможностями владельца и обычно отчетливо декларирует принадлежность местной культуре.

Городской, урбанистический мир решительно порывает с природой и природным окружением, становится «второй природой», не останавливается перед созданием своей собственной, рукотворной «земли», многослойной, многоуровневой, многократно воспроизводящей естественную поверхность и полностью меняющей ее первоначальные очертания. Обитатели многоэтажных домов теряют ментальный, прямой контакт с землей, утрачивают ощущение времени, зависимость от времени дня и года и от реальных расстояний. Городское пространство опирается на коммуникации, на улицу, на инфраструктуру. Ценность городской парцеллы или участка пропорциональная длине уличного фронта и качеству улицы, ее локализации и места в иерархии уличной сети. Городской дом, городская усадьба, в отличие от сельского, подчинены жесткому порядку, строгим внешним ограничениям и способны расти и развиваться лишь вверх и вниз. Эти дома интравертны, а принадлежащие им открытые пространства пребывают не вокруг, а внутри них. Тело города твердо и упруго, его компоненты подогнаны друг к другу, тесно взаимосвязаны и нередко утрачивают персональные отличия и роль ориентиров, характерные для их сельского антипода. Представителями города становятся интерьеры улиц, площадей, бульваров и парков,

имеющих собственные имена и собственную историю, которые не часто встретишь у деревенских улиц.

Деревенская, сельская модель выглядит более целостной и внятной, чем модель города, деревня – порождение видимого, понятного и привычного прошлого. Город живет картинками будущего, которые выглядят размытыми и менее определенными. Деревня предсказуема, более контролируема, избегает радикальных трансформаций, готова не меняться на протяжении многих лет, и именно это составляет основу ее привлекательности. Деревня интровертна, гомогенна и своей неуступчивостью уравновешивает экстравертный, гетерогенный, меняющийся и не всегда прогнозируемый город.

Городское и сельское, урбанистическое и аграрное не только признаки отдельных поселений, но и фундаментальные, цивилизационные категории, отражающие характер, истоки и природу национальной культуры и национального пространства. Деревни и города, принадлежащие одной культуре, отмеченные общими родовыми признаками больше походят друг на друга, чем города, воспитанные в разных культурах.

На протяжении длительного времени города и деревни, пребывавшие в состоянии непрерывного обмена, имели одну и ту же элементную базу – семейный дом на своей земле. Отдельно стоящий деревянный дом с хозяйственными постройками, защищенный от пожара размерами участка, деревянные храмы и мостовые определяли аграрный облик Восточной и Северной Европы.

Каменный дом, расположенный вплотную к соседу, каменный храм и каменная мостовая – признаки городского пейзажа. Российское пространство, российская культура имеют отчетливо фиксируемые аграрные, сельские черты. До середины пятидесятых годов и начала массового жилищного строительства большинство населения страны, включая тех, кто считался жителем города, жили в условиях, мало отличимых от сельских, причем сами эти условия напоминали скорее о происходившем тысячу лет назад, чем о современных им городах. Город каменный и регулярный как средовое явление был введен вместе с заграничной одеждой Петром I, положившим начало урбанизации российского общества и российского пространства, созданием первого города в стране аграрной культуры. С этого момента насаждение нового урбанистического порядка становится одним из главных увлечений российской, а затем советской власти, что приводит к появлению противоположности города и села, которая ощущается в России с особой остротой.

Двузначность, присутствие своего и чужого, городского и сельского, принципиальная гетерогенность национального ландшафта не только российская черта. Китай, Япония, Южная Корея, страны юго-восточной Азии спокойно скрестили традиционный аграрный пейзаж с урбанистической моделью Даунтауна, центрального делового района, заимствованный уже не в Европе, а в Соединенных Штатах.

Вопреки популярным представлениям, урбанистический порядок не является ни безусловным благом, ни неким императивом.

В то самое время, когда российская власть насаждала урбанистическую культуру, носители этой культуры, потомки создателей каменных городов, оказавшиеся в Северной Америке, продвигаясь на запад от портов Новой Англии, не воспроизводили пространственные решения Старого Света. При активной поддержке власти эти люди создавали не привычные им компактные и тесные каменные деревушки, напоминающие мини-города старой Европы, но строили сеть удаленных друг от друга на большие расстояния фермерских хозяйств, практически устанавливающих принципиально новый для недав-

них европейцев аграрный пространственный порядок. Утверждение, укоренение этого порядка в американской культуре предопределило триумфальное появление спустя два-три столетия американской субурбии.

Создание массового американского частного дома с деревянным каркасом и деревянным наполнением, неожиданное, но естественное, рациональное, адекватное новым условиям решение свободных от предрасудков людей не уступает по значимости изобретению небоскреба.

Это сделало Америку не просто обладательницей двух символов технического прогресса, но страной с выраженным ярким отличием двух сред, городской и деревенской.

Нынешняя деревня своим возрождением обязана городу, охотно отдающему сегодня свои долги и очевидно чувствующему необходимость сохранения связи с деревней как условия собственного выживания и благополучия.

«Город в деревне» – это городские практики, предпочитающие сельское окружение большому городу. Исход из города, движение горожан к природе, дающее ощущение возврата к правильному, традиционному образу жизни, имеет солидную историю, начало которой положено создателями загородных дворцов, вилл и усадеб. Этот процесс втянул в себя советскую номенклатуру и «новых русских», толпы дачников и владельцев садовых участков. Демократичными, народными и коллективными версиями загородных дворцов становятся дома отдыха, турбазы, санатории и курортные гостиницы. Стремление обрести «рай на земле» уводит из города не только отдыхающих. Негородские, сельские, загородные очертания приобретают университеты, исследовательские центры и лаборатории, клиники и офисы крупных компаний. Эта лоном «креативного» пространства становится огромная, вяло застроенная «Силиконовая долина». Нормой становятся переезд из города в деревню с выходом на пенсию и уходом со службы, жизнь за городом и работа в городе.

Город и деревня обречены на постоянное сближение и постоянную разделенность, на вечный диалог, местом которого становятся пограничные, промежуточные территории, пригород и малый город. У «пары» город-деревня получают разные потомки: более удачные и жизнеспособные и менее жизнеспособные, более похожие на город, т. е. с квартирами на этажах и дверью на общую лестницу, и больше смахивающие на деревню – с домами на земле и дверью на улицу.

IV. Три города

Город с момента своего возникновения существенно преобразился. Возникшие на разных континентах и в разное время города все меньше походят на самих себя в прошлом и все больше напоминают друг друга. Они явно стремятся соответствовать некой новой общей и убедительной норме. Ее появление говорит о том, что норма определяет не только состояние: нормой становятся изменения, эволюция городского пространства. Выстраивая линию эволюции, мы получаем систему отсчета или измерения, позволяющую понять, в каком состоянии, на каком этапе развития пребывает тот или иной город. Подобно населяющим их людям города, существующие параллельно, в одно время, часто пребывают в разных эпохах, то есть не являются «современниками». Кто-то опережает время, кто-то отстает. Измерить, оценить состояние разных городов можно не только на основе неких отвлеченных количественных показателей, но и ценой логических построений, качественных характеристик и анализа их пространства, дающих не менее надежный и к тому же наглядный результат.

Перечень состояний городов, «эволюционная линейка», оказывается не столь длинной, как может

показаться. В соответствии с традицией, сложившейся в позапрошлом веке, история городов покорно следует за сменяющимися друг друга экономическими формациями или способами производства. То обстоятельство, что на смену советской догматической линейке, состоявшей из рабовладельческого, феодального, капиталистического и социалистического городов и определивших их формаций, пришла новая, собранная из «доиндустриального», «индустриального» и «постиндустриального» состояний, ситуацию не сильно меняет. При этом античность все чаще признается принадлежащей другой, не вполне европейской цивилизации, вроде арабской или китайской, хоть и оказавшей на Европу несомненно большее воздействие.

А тот этап развития, который наступает сегодня и именуется «постиндустриальным», как и соответствующий город, обычно выглядит менее внятно, чем уже забытый город «социалистический», в котором еще недавно многие жили.

Центральным звеном принятой сегодня системы отсчета, ее главной координатой стал «индустриальной» город, который при ближайшем рассмотрении оказывается, в зависимости от предпочтений, либо относительно кратким полуторавековым эпизодом многовековой истории европейского города, либо еще менее продолжительным периодом имплементации модели социалистического города.

Любой городской порядок не следует слепо за экономической или социальной укладом; пространство живет своей жизнью внутри общецивилизационного процесса, который охватывает и подчиняет себе и экономику, и технологии, и социальные структуры. Имперский Санкт-Петербург и демократический Вашингтон питались одними идеями, а социалистический Тольятти не сильно отличается от капиталистической Бразилиа.

И первая промышленная революция, и недавняя научно-техническая, не говоря о разного рода экономических «укладах», не ведут к немедленному изменению города. Подчиняясь своей внутренней логике, пространственное устройство способно как опережать и предугадывать социальные и технологические вызовы, так и подолгу не откликаться на нужды людей или великие технические открытия. Пространство городов проживает свою историю и свои революции, совпадающие или не совпадающие с другими революциями.

Сравнение субстанций, т. е. зданий и сооружений, их скоплений и массивов, принадлежащих разным эпохам и разным городам, не всегда позволяет ясно увидеть изменения, тем более квалифицировать эти изменения как существенные и глубокие. Другое дело – сравнение состояний инфраструктуры.

Инфраструктура с момента появления городов отчетливо делится на внешнюю, определяющую их локализацию, фиксирующую положение в пространстве, и внутреннюю, которая задает план, организацию города. В отличие от деревни, город не терпит изоляции. Блокада, нарушение контактов с окружающим миром для города губительны. «Вечными» города делают важные и вечные перекрестки и узлы коммуникаций. От эффективности, качества, мощности, числа внешних связей напрямую зависит судьба города, его статус как местного или регионального, затем общенационального, принадлежащего некому макрорегиону или национальному образованию, и, наконец, «мирового», оказавшегося на перекрестке важнейших транснациональных, национальных и локальных коммуникаций. Здоровье города определяет его

внутренняя инфраструктура, качество, рисунок и плотность решеток и сетей коммуникаций. Своевременная трансформация таких решеток может вдохнуть жизнь в дряхлеющий старый город и, напротив, инфраструктурное отставание делает город нежизнеспособным.

Непредвзятому, не обремененному кучей второстепенных деталей и подробностей системному, обобщенному, генерализованному взгляду на прошлое удается отчетливо распознать лишь три принципиально разные модели города. Три разные морфологии, порожденные тремя фундаментальными инфраструктурными сдвигами. Эти сдвиги можно считать великими градостроительными или пространственными революциями, поскольку они постепенно охватывали все рукотворное пространство, включая консервативную и упрямую деревню.

Первая градостроительная революция породила город и отделила его от деревни. Первый город, он же исторический, средневековый, доиндустриальный предпочитал водные внешние связи, места у слияния рек, на волоках, у выходов к морю. Контролируемая локальная сеть дорог охватывала лишь ближайшее к городу окружение. Оставшиеся на территории Западной Европы римские дороги часто оказывались заблокированными, а широтные пути Восточной Европы, освоенные кочевниками, если и действовали, то зимой. Немногочисленные городские жители обоих европейских субрегионов не обнаруживали интереса к территориальной экспансии, не стремились в глубины континента и ограничивались освоением прибрежных полос. Обитатели первых городов не утруждают себя сложной и многотрудной предварительной подготовкой территории; дома возникают «по месту», в обход препятствий, следуя рельефу и принципу минимизации усилий, лишняя трата которых бессмысленна в ожидании «Царствия Небесного».

Внутренняя инфраструктура города, кажущаяся запутанной и иррациональной, создавалась «по остаточному принципу», занимая некий минимум городского пространства. Общественная жизнь была сосредоточена на площадях, а места между домами были одновременно и пешеходными связями, и инженерными коммуникациями для сброса сточных вод и отходов жизнедеятельности. Городской мир был пешеходным, как и мир сельский, что объединяло городскую знать с плебсом, а город с деревней. Первый город породил, довел до совершенства, отточил модель пешеходного поселения, восхищающего миллионы туристов, блуждающих по лабиринтам Венеции и Флоренции, и задал прототип современных торговых моллов, пассажей, атриумов и конкорсов.

Европейские альтернативы средневековому городу, приведшие ко второй градостроительной революции, стали возникать с середины XV века и оформились к середине XVII века. Революция, продолжавшаяся двести лет, от Филарете до Бернини, завершилась полной победой регулярного города, города-ансамбля со строго выверенными планировочными осями, разрезавшими плотную средневековую ткань. Последними героями истории регулярного города становятся новые столицы: Бразилиа, Чандигарх и Исламабад, советские моногорода. Советский город, состоящий из типовых домов, задуманный и осуществленный одновременно, стал самым полным воплощением идеи города-ансамбля и его исчерпывающим финалом.

Второй город существенно расширил внешние связи, распространил влияние не только до границ с соседями, но и на другие континенты. Развитие заморской торговли и освоение удаленных территорий оказались возможными из-за возросшей инфраструктурной обеспеченности, организации портовых хозяйств, появлению мощных дорог и регулярного, в том числе почтового, сообщения. Вершиной достижений эпохи стали пароходы и железные дороги, резко отделившие город и цивилизацию от ее предшественников и современников. Человечество впервые ощутило эффект скорости, объединившей время и пространство. Диалог города и деревни расширился и обогатился, трансформировался в диалог главного города и провинции, диалог империи, имперской столицы и региональных, национальных, колонизированных и присоединяемых территорий.

Второй город создает собственную модель, собственную матрицу и порядок. Это город-ансамбль, дисциплинированный и строгий. Его предшественниками были редкие идеальные города и огромные загородные ансамбли с регулярными парками, своего рода макеты будущих городов в натуральную величину, но выполненные из земли, воды и зелени. Подлинный и настоящий второй город рождается в результате масштабных реконструкций и перепланировок существующих городов, их развития и создания новой инфраструктуры. В роли главных и принципиально новых связей выступают прямые проспекты, подчиняющие лабиринты улиц, набережные, сменившие неухоженные берега морей и рек, и бульвары, проложенные по трассам городских укреплений. Справедливости ради можно заметить, что создатели второго города старались не только сохранить эмоционально значимые следы предшественников, но достаточно широко и свободно толковать собственно «регулярность». Кривая Риджент-стрит Нэша и пейзажный английский парк существенно расширили границы регулярности. Новые пространства, бульвары, набережные и проспекты быстро обживаются и превращаются в постоянно, круглосуточно и круглогодично действующий центр города, заменивший старую торговую площадь. Проспект становится местом официальных церемоний, манифестаций, демонстраций и парадов – событий, ранее отсутствовавших в городской жизни.

Новые компоненты городского центра, главные внутренние связи разделяются на пешеходную зону, или тротуары, идущие вдоль первых этажей с магазинами и кафе, и транспортную, или проезжую часть. Появляются извозчики и общественный транспорт. Главные связи дополняются связями «второго порядка», жилыми улицами; складывается упорядоченная, «безтупиковая» общегородская уличная сеть. Улицы, проспекты, набережные и бульвары сопровождаются независимыми системами водоотведения. Подземные уровни начинают использоваться в интересах всего города.

Третья городская революция осуществляется на наших глазах. Ее приход готовился целым сообществом изобретателей и инноваторов – от Говарда и Сориа-и-Мата до Отиса и Форда. Дожить до Третьей Революции оказалась под силу лишь европейскому городу и тем, кто воспользовался его примером. Города Древнего мира, Вавилон и Мемфис, столицы ацтеков и инков, даже античные города, перейдя к регулярности, остановились на почтительном расстоянии от точки, в которой находится успешный современный город. Третья градостроительная революция, начавшаяся во второй половине XIX века, завершилась спустя 100 лет, предъявив практически все основные признаки того города, который многие склонны считать «постиндустриальным». Этот город отмечен ростом подвижности, возникновением единого

информационного и единого физического пространства, объединившего город с «негородом».

Пригород и загород становятся продолжением города, его частями, объединенными общей инфраструктурой и образом жизни. Третий город вобрал в себя, по сути, весь современный мир – от тесно стоящих гигантских небоскребов до бесчисленных семейных домов, двинувшихся к природе.

Третья инфраструктурная революция и третий город – результат впечатляющих прорывов в развитии инфраструктуры. Скорость движения транспорта растет в разы, скорость в воздухе увеличивается на порядки. Связь становится многоканальной, комбинированной, допускающей возможности выбора разных маршрутов и способов перемещения по одному маршруту. Разные виды транспорта собираются в одних узлах, от качества и мощности которых напрямую зависит успех города, возможность его вхождения в элитный клуб больших городов, где сходятся и расходятся многочисленные маршруты всех видов транспорта, образующих глобальную сеть. Конкуренция и борьба в сфере коммуникаций, интерес к владению связями постепенно опережает и вытесняет интерес к контролю над территориями. Подтверждением тому – работа Китая над «шелковым путем», над железными дорогами в Восточной Африке и растущие инвестиции в космические технологии. Развитие транспортной и инженерной инфраструктуры сопровождается появлением принципиально новых инфраструктурных, сетевых образований – экологического комплекса, допускающего мониторинг и регулирование состояния воздушного и водного бассейнов, погодно-климатических условий, и комплекса цифрового, превратившегося за считанные годы в непревзойденную по своему влиянию глобальную паутину.

Мировые города не нуждаются в столичных обременениях и административных обязательствах, которые все чаще возлагаются на не самые крупные города. Большой бизнес становится транснациональным и сложно уживается с национальными бюрократиями. Почетное звание мировых городов, как правило, приобретают либо извечные соперники столиц – Шанхай, Милан, Франкфурт, Сидней, Роттердам, либо города-государства – Гонконг, Сингапур, Дубай или Катар, избравшие судьбу глобальных коммутаторов.

Во внутренней инфраструктуре городов происходят изменения не менее заметные, и самые впечатляющие из них наблюдаются в центрах. Новой версией городского рынка становятся огромные многофункциональные сооружения, представляющие собой скопления небоскребов над многоуровневым подземно-надземным узлом, вбирающим все виды внутригородского и междугородного транспорта. Основой этого «города в городе» является система эскалаторов, лифтов и пешеходных путей, к которым тянется сонм самых разных и постоянно меняющихся коммерческих заведений. Сооружение такого рода было отчасти подсмотрено Ле Корбюзье в Нью-Йорке, отчасти им предугадано и предложено в проекте Современного города, центр которого представлял собой окруженную небоскребами многослойную платформу с центральным вокзалом и аэродромом на крыше.

События, происходящие вне узлов и центров, возможно, не столь зрелищны, но не менее принципиальны. Вслед за железными дорогами, за подземным рельсовым транспортом в город ворвались многополосные магистрали безостановочного движения, которые полностью изменили ландшафт, когда-то заданный проспектами и бульварами. И если, приближаясь к центру, магистрали взбираются на эстакады или деликатно опускаются под землю, то за пределами центра они жестко, однозначно подчиняясь своей логике, режут и меняют город.

С появлением магистралей улично-дорожная сеть, коммуникационная решетка становится трехслойной. Первый, самый насыщенный и разветвленный, – это слой пешеходных путей. Второй слой – слой улиц, где пешеход встречается с общественным транспортом и автомобилем; третий, самый разреженный, редкий и самый агрессивный – слой рельсовых путей безостановочных многополосных магистралей, безраздельно принадлежащих транспорту.

Но, изменив город-ансамбль, заняв набережные и проспекты, магистрали сделали относительным сам город, практически стерев его границы. Железные и автомобильные дороги растнули, растворили, выплеснули большие города за их пределы, изменили вектор миграции. Деревенского жителя, рвавшего в город, сменил горожанин, возвращающийся с работы в деревню.

С противоположностью деревни и города покончила не социалистическая революция, а революция инфраструктурная, давшая дороги и машины, новые инженерные системы и бытовые приборы, обеспечившая свободный доступ к информации. За последние десятилетия была полностью преодолена зависимость потребителя от огромных предприятий по производству и доставке воды, тепла, электричества. Под лозунгами «зеленого строительства» большие и малые дома, жилые и общественные, успешно переходят на автономные и комбинированные системы жизнеобеспечения с использованием возобновляемых источников энергии.

Разнонаправленные миграционные потоки объединяют разные типы сред, а единая система расселения, о которой говорилось в советские времена, становится реальностью с тем лишь отличием, что стимулируется не интересами производства, а рынком и потреблением.

Разделение производства на аграрное и промышленное уступает место другой сегментации: делению на нечто массовое, стандартное, автоматизированное и роботизированное, уже не требующее присутствия «трудовых армий», и нечто «кастомизированное», уникальное и штучное, требующее столь же уникальных исполнителей. Массовое производство уходит в специально создаваемые индустриальные зоны и сельскохозяйственные полигоны, а на другом полюсе возникают новые виды «гаражных производств», городские или домашние фермы и т. д., и т. п.

Массовое общество приобретает огромные ресурсы свободного времени и невиданный ранее перечень предложений от индустрии отдыха и «ухода от дел» со своими городами и деревнями, со своими торгуемыми продуктами, включающими культуру, здоровье, среду, климат, место и время.

Все три города развивались на разных этапах истории по-разному. Революции провоцируют строительный бум, регулирование сопровождается установленный новый порядок.

Инструментами формирования первого города были правила, предшественники нынешних правил землепользования и застройки. Эти правила складывались исторически, методом проб и ошибок, на основе предыдущего опыта и были главным реальным, тактическим по своей сути, средством регулирования, используемым «по месту», «здесь и сейчас». В торговом, корпоративном городе эти правила были итогом договоренности, согласия сторон, фиксировали баланс интересов, т. е. носили конвенциональный характер. В городе-резиденции правила устанавливались сверху и носили характер

директив. При этом исполнение правил в обоих случаях осуществлялось с разным успехом. Хранителем этих правил, их толкователем и имплементатором становится городской чиновник, администратор, избираемый советом или назначаемый сверху. Правила такого рода сосредоточены на деталях, частях, фрагментах и обычно не дают ни целостной всеобъемлющей картины города, ни долгосрочной перспективы.

Система правил прямо и непосредственно отвечала порядку формирования города через трудно предсказуемые, сложно прогнозируемые действия часто очень влиятельных и состоятельных застройщиков, целью которых были отдельные дома, видимые, зримые и законченные субстанции. Смысл правил сводился в первую очередь к исключению конфликтов между ближайшими соседями, жителями одной улицы или района и не был сосредоточен на такой опции, как единый порядок города в целом. Города оказываются собранными из отдельных сообществ и их территорий, связи между которыми и следование общему правилу не были нормой. В итоге, на взгляд пришельца, город выглядел запутанным лабиринтом кривых улиц, и только местный житель чувствовал и понимал его порядок, перцептивный, субъективный, порядок для своих, существующий внутри самого реципиента, четко знавшего самый короткий и безопасный путь.

Правила изначально опирались на язык слов и чисел и не имели ясно выраженного графического, видимого и зримого предьявления. Общая концепция города, смысл его пространственного устройства, который открывался самим горожанам, не проступал непосредственно сквозь физические очертания и требовал толкования.

В мифологизированном сознании его обитателей город представал воплощением и перевоплощением Небесного Иерусалима, вечного рая, идеального мира, в которых прошлое сливалось с будущим до состояния полной неразделенности. Идеализированные виды города становились декорациями библейского мифа; Иерусалим, как это следует из фресок и икон, приобретал узнаваемые черты реального окружения.

В противоположность воображаемой, субъективной, ментальной модели Первого города Второй город предложил модель, прямо и непосредственно соотносимую с реальностью и использующую язык генерального плана. Графический план без особых конфликтов сросся с правилами застройки, поскольку главной его заботой становились не субстанции, не дома и кварталы, а инфраструктура, улицы и дороги, что прежними правилами определялось явно недостаточно. Если правила в первую очередь были средством регулирования и борьбы с самостроем, то генплан становится инструментом развития. Регулярное градостроительство – продукт генплана, благодаря которому стало возможно четко и строго задокументировать будущее.

Изображение на листе бумаги плана города, которого еще нет, стало делом архитекторов-градостроителей, принесящих в новую профессию свои графические умения, визионерские способности, целостное сознание. Идеалом архитекторов и градостроителей Второго города становится город-ансамбль, а едва ли ни идеальным воплощением этой цели – Париж, переживший несколько волн реконструкций, последняя из которых, самая масштабная и знаменитая, связана с именем Османа. Стать еще одним Парижем или превзойти Париж – заветная мечта городов рубежа прошлого и позапрошлого веков, которая не могла осуществиться без участия архитектора, получившего уникальную возможность увидеть город, построенный по его проекту.

Третий город небывало сложен и противоречив. Чтобы попасть налево, необходимо сначала свернуть направо, а двигаясь по знакомым местам без навигатора, можно легко опоздать. Не столько идеалом, сколько предсказанием такого города стал Нью-Йорк. В соревновании за право влиять на облик Третьего города, решать его судьбу наряду с чиновниками, архитекторами и инженерами сегодня принимают участие люди других, новых и старых профессий – гражданские активисты, политики, лидеры мнений и т. д.

Тема города, его будущее волнуют многих, а поэтому сам по себе мультиотраслевой подход и принцип участия всех заинтересованных сторон ощущаются одновременно как нечто неизбежное и трудно реализуемое. Надежды на то, что расплывающийся и распадающийся на глазах огромный город удастся удержать под эффективным контролем, связаны с цифровыми технологиями, с тем, что и оцифрованные ПЗЗ, и генплан войдут в цифровой «двойник» города, способный стать открытой платформой обсуждений, средством мониторинга и обратной связи, инструментом выбора оптимальных стратегий и практических шагов.

Следы каждой из трех моделей, подобно годовым кольцам, без труда обнаруживаются в теле любого крупного города, прожившего больше трех столетий. Первый, Второй и Третий город могут входить друг в друга как матрешки, а могут существовать и продолжать жизнь порознь. Черты первой модели обнаруживаются в пространстве сегодняшнего малого города, вторая модель остается актуальной для города средних размеров, третья модель задает очертания безграничного и открытого города будущего.

Литература

1. Doxiades, K. A. *Between dystopia and utopia*. – Hartford, 1966. – 91 с.
2. Бокков, А. О стратегии пространственного развития. – Проект Байкал. – 2018. – № 57. – С. 112–124
3. Гутнов, А. Э., Лежава, И. Г. *Будущее города*. – Москва : Стройиздат, 1977. – 128 с. : ил.
4. Джекобс, Д. *Смерть и жизнь больших американских городов*. – Москва : Новое издательство, 2011. – 460 с. : ил.

References

- Bokov, A. (2018). On the spatial development strategy. *Project Baikal*, 15(57), 112-124. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.57.1367>
- Doxiades, K. A. (1966). *Between dystopia and utopia*. Hartford.
- Gutnov, A. E., & Lezhava, I. G. (1977). *Budushchee goroda [Future of the city]*. Moscow: Stroizdat.
- Jacobs, J. (2011). *Smert i zhizn bolshikh amerikanskikh gorodov [The death and life of great American cities]*. Moscow: Novoe izdatelstvo.

Проблемы наследия рассматривались в аспектах сохранения исторического облика города. Подчеркивалось значение деятельности по реставрации культурного наследия, сравнивались принципы реставрации, существующие в разных странах. Обсуждались вопросы, связанные с реставрационным образованием, методы привлечения студентов и активной молодежи к продвижению образа города и региона.

Ключевые слова: историческое и культурное наследие; воспитание; реставрационное образование; реставрация; Иркутск; архитектура; информационные ресурсы. /

The problems of heritage were considered in the context of preservation of the historical look of the city. The participants of the discussion highlighted the significance of the restoration of cultural heritage and compared the restoration principles in different countries. They discussed the issues related to restoration education, methods of involving students and active youth in the promotion of the image of the city and the region.

Keywords: historical and cultural heritage; training; restoration education; restoration; Irkutsk; architecture; information resources.

Наследие. Дискуссионный клуб ИРО СА России / Heritage. Discussion Club of the UAR IRO

текст
Марина Ткачева /
text
Marina Tkacheva

4 февраля возобновил свою работу дискуссионный клуб ИРО САР. В Доме архитектора в формате интернет-конференции прошло обсуждение вопросов, связанных с архитектурным и историческим наследием. В дискуссии принимали участие архитекторы, реставраторы, градостроители, общественные деятели, культурологи из России, Франции, Болгарии. Модератор – председатель Иркутского областного отделения ВООПИК, доцент кафедры истории архитектуры и основ проектирования ИРНТУ Алексей Чертилов.

Публикуем наиболее значимые выступления и предложения, прозвучавшие в ходе дискуссии.

Алексей Чертилов Деятельность по реставрации и охране культурного наследия тормозят многие причины: законодательство подчас не содействует работе, а мешает ей; неподготовленность кадров, давление бизнеса и властных структур. Положительно то, что молодежь в контексте своих проектов занимается и наследием, памятниками. Но огромный минус – они знают, не каковы особенности работы с объектами наследия, не имеют представления, с чем имеют дело, специальной подготовке по реставрации не проходят. Поэтому надо говорить о проблемах сохранения культурного и архитектурного наследия.

Елена Григорьева Как вы охарактеризуете ситуацию с базовым образованием по охране и реставрации в Иркутске?

АЧ Специализацию пытаются закрыть в третий раз. Претензия ректората – малый набор, коммерческие места никто не занимает. Мы пытаемся объяснить, что эта специализация относится к культуре, а не к бизнесу, но нас не слышат. Нужна помощь руководства ИРНТУ. В текущем году бюджетных мест не было. Мне кажется, что подготовки 10–12 человек в год, которая осуществляется сейчас, достаточно. К сожалению, в Иркутск не приезжают учиться из западных регионов; в Красноярске есть своя специализация. Но даже если в ИРНТУ она и сохраняется, то часы на базовые предметы сокращаются, отдаются другим кафедрам.

ЕГ Это кажется странным: на последнем Совете по культуре при Президенте РФ все, в первую очередь Пиотровский и Шумаков, говорили о важности сохранения базового реставрационного образования. Есть ли спрос на специалистов по реставрации в Иркутске?

Алексей Поликарпочкин Памятники в ужасном состоянии, но должного спроса на реставрацию нет, нет заказов, нет работы. У нас, реставраторов-практиков, не очень получается участвовать в аукционах: победитель известен заранее, никакого конкурса, по сути, нет. Обращаются к нам, к сожалению, мало. Спрос оживился, особенно после 130 квартала, но хотелось бы большего.

АЧ О регламенте, ограничениях и применении. Россия пришла к этому только в 1980-е годы, стали появляться регламенты, проекты зон охраны. Жесткие ограничения есть во всем мире, и никто не протестует против них. Я помню антагонистические споры условных «новаторов» и «консерваторов». Сейчас такой проблемы уже нет.

Владимир Стегайло Жесткие требования, которые мы знаем, должны не усложнять, а обогащать деятельность архитектора. Высшее достижение – проектировать не в «чистом поле», а в окружении памятников, в сложной исторической среде. Но эти ограничения размываются в нашей действительности: они ведут не к спасению памятников, а к их физическому уничтожению. Я всегда ратую за историческую многослойность города, но именно она и не реализуется. В Иркутске умирают даже заповедные улицы – например, улица Бабушкина. Проблема еще и в том, что в городе нет единого консолидированного общественного отношения к охране исторической среды.

Теперь о новом проекте зон охраны (ПЗО). Там так все запутано, что и специалист разобраться не может, тем более непрофессионалы. Консолидированного документа, который бы создавал единое поле деятельности, не получилось. Эта неразбериха распространяется и на мнения профессионалов. Я до сих пор не понимаю, почему в центре надо ограничиваться высотой 18 м. Мы что, забыли про архитектурные доминанты? Ведь если утрачи-

вается исторический силуэт, то никакие документы, даже самые жесточайшие запреты, не помогут нам сохранить исторический облик города. Я бы призвал и нас, и власть понять, почему это происходит, почему произошла фактическая утрата исторического лица города. Давайте решим, что нам нужно не поднятие высоты всей застройки города до 30 м, а должен быть архитектурный силуэт, доминанты, которые всегда были, а не просто тотальное ограничение высоты. Чтобы двигаться к новому историческому этапу развития, нужно понять, почему произошло то, что мы имеем сегодня? И если повышение этажности уже произошло, то нужно осмысление, что с этим делать. Но когда на практике протаскивается общее повышение высотности, то уже ни доминант, ни исторического облика города не останется.

АЧ Госзаказа на сохранение исторического облика города нет. Поэтому мы и имеем такой город, как сейчас. В Америке мы проходили стажировку по планированию городов, и я только недавно сам понял, что наше законодательство просто бездумно скопировало систему нормирования и планирования американских и западно-европейских городов.

ЕГ Дело не только в индивидуальном отношении и образовании. Одна из проблем сегодня – непрозрачность тех решений, которые принимаются. Миссия СА – влиять на принятие решений и влиять на то, чтобы политика в отношении решений была прозрачной. Может быть, не так быстро, как хотелось бы, но активность городского населения в Иркутске повышается. Несколько лет назад проходил первый форум городских сообществ, и, помнится, я выражала недоумение, что в богатейшем в отношении наследия Иркутске нет такой самоорганизованной общественной силы как, например, Архнадзор в Москве. Это мощное сообщество, которое активно использует СМИ и выступает как скорая помощь в экстренных случаях. Но сегодня и в Иркутске возникает движение горожан, деятелей культуры в защиту исторического наследия, вплоть до обращения в суд. Есть прецеденты положи-

тельных решений в пользу объектов наследия, общественных интересов.

Недавняя инициатива иркутского землячества в Москве – постановление на госохрану иркутских объектов В. А. Павлова – хороший симптом изменения общественного отношения к архитектуре советского модернизма.

АЧ Иркутск несколько раз прославился на всю Россию своими судами по поводу архитектурного наследия. Есть силы во власти и бизнесе, которые включают объекты в список, а потом исключают. Это позор, но такой опыт есть. Я как председатель ВООПИК много раз участвовал в этих судах. Процедура очень неприятная, тратятся здоровье и нервы. Но опыт инициирования таких судебных процессов имеется.

АЧ Документ по ПЗО, с которым мы познакомились только осенью – просто вредительский, он сделан конъюнктурно, непрофессионально. Его переделывать бессмысленно; мы написали губернатору, что надо назначать новую команду и делать все заново.

Надежда Красная Вот конкретный актуальный пример: территория бывшего ИВВАИУ. Сейчас уже несколько

в 20 февраля 2021. Иркутск, заповедная улица Бабушкина. Горит особняк конца XIX – начала XX века. Это уже вторая старинная усадьба, которая горит в Иркутске в течение недели. 17 февраля на улице Декабрьских Событий горела усадьба, которая также входит в перечень объектов культурного наследия. – URL: <https://irk.today/l48>

объектов культурного наследия потенциально определены под снос. Именно здесь должна быть высказана позиция СА: как из контекста вырываются уже не деревянные, а каменные дома, стоящие на госохране, входящие во все списки наследия, почему на этом месте планируется новая застройка – школа, корпуса суворовского училища. Какова процедура? Сначала недобросовестно выполняется акт государственной историко-культурной экспертизы, потом издается приказ службы по охране ОКН и на основании отсутствия ОКН администрацией города выдается градплан. Но всему этому уже предшествует проектная документация с размещением новой застройки на месте ОКН, которая отмечена дипломом на фестивале ЗВС-20. Каким же образом СА дает премию проекту, который не вписывается в контекст, не соотносится с застройкой?

Виталий Барышников Я озвучу более общие соображения, несколько тезисов. Наше общество сегодня находится на своеобразных качелях: мы от полного запрета перешли к полной вседозволенности по отно-

v Кадетский корпус на территории ИВВАИУ

шению к материальному и нематериальному наследию, а сейчас маятник может качнуться в другую сторону. Пример с ОКН: в ноябре на заседании Совета при Президенте России речь шла о создании отдельного органа гос. власти, регулирующего вопросы охраны и использования ОКН и подчиненного непосредственно Правительству. Как мы помним, в 2012 году подобная структура была упразднена и влита в Министерство культуры. Сегодня – обратная тенденция. Многие решения принимаются ситуативно. Упоминались суды. Но это не просто способ фиксации принятых решений; во всех странах это самый цивилизованный, легитимный орган и гарант исполнения решений.

К сожалению, члены нашего сообщества часто используют слова, не совсем понимая их содержание, и обсуждают очень важные проблемы не очень грамотно. Я уж не говорю о том, что и дети не получают должного образования и воспитания по данному вопросу.

В рамках подготовки к 360-летию со дня основания Иркутска, мы работаем над созданием учебного курса «Иркутсковедение». Это учебно-методический комплекс, основанный на приказе Минпросвещения о преподавании историко-культурного стандарта в школе. По поручению мэра мы создаем рабочую группу по разработке концепции предмета «Иркутсковедение», которую хотим утвердить решением Городской Думы, чтобы ее реализация уже не зависела от конкретных людей в органах управления города и их смены, а также разработать план на 2–3 года, т. к. за год реализовать эту концепцию невозможно. В этот курс должны входить:

1. Книга с сюжетами об истории города, м. б. и об архитектуре. Но это должен быть и туристический продукт, куда может быть включен цикл экскурсий по городу с рассказами об архитектуре, о горожанах, Русской Америке, управлении Аляской, о зодчих, духовных деятелях и т. п.

2. Атлас карт Иркутска, начиная с плана острога до сегодняшнего генплана, в развитии. Он может сопровождаться теми архитектурными прогулками по городу, которые были опубликованы в журнале Проект Байкал.

3. Книга для учителя о преподавании Иркутсковедения в школе – это уже следующий год.

4. Наверное, самое сложное – создание хрестоматии с массивом документов по истории города.

5. Большой исторический иркутский словарь – от описания дат в формате карманного календаря до создания списка памятников для туристов.

Сегодня мы говорим именно об этом, о массовом просвещении горожан. На уровне губернатора идет разговор о создании мемориала на основе Глазковского некрополя и месте находок мальтинских Венер. А большинство горожан, не говоря о жителях других городов и стран, понятия не имеют, что это и какова ценность этих объектов. Конечно, мы должны обеспечить все – дорогу, еду, парковки, экскурсии. Но пока мы сами не объясним, почему это ценно и какое значение имеет – всем усилиям грош цена, никто к нам не поедет.

В прошлом году при принятии бюджета на 2021–2023 годы депутаты городской Думы выступили с инициативой о принятии стратегического плана развития Иркутска до 2034 года. И мы уже на первом шаге столкнулись с затруднениями по формулировкам концепции технического задания на разработку этого плана. На площадке ИГУ с участием творческих организаций мы хотим провести дискуссию о том, какую стратегию для города выбрать: город-сад, 25-минутная доступность и т. п. (их больше полутора десятков), и каждая из них исключает другие. И пока мы не договоримся на первом этапе, концепция будет мертворожденной.

Конечно, мы не достигнем полного единства в вопросе полного сохранения архитектурного и шире исторического наследия. Надо говорить о механизмах, которые помогут выявить волю большинства и реализовать ее в наиболее перспективных программах сохранения наследия в городе.

Наталья де Рендинджер Я согласна с Виталием Владимировичем. Мой 10-летний опыт работы с памятниками во Франции позволяет сравнивать российский опыт и французский. На мой взгляд, истоки проблем – вольное отношение к Венецианской хартии 1964 г., где в русском варианте дефиниции основных смыслов сохранения наследия отличаются от мировых и не следуют им. Эти «смысловые ошибки» перетекли в законодательство,

когда консервация памятника, предполагающая во всем мире постоянный уход за зданием, его поддержание в порядке и содержание, в России превращается в спасательные меры, а реставрация, которая везде является скорее мерой исключительной, в России становится нормой. Это первое. Второе. Необходимо ответить на вопрос: что и для чего мы сохраняем? Во Франции исходят из принципа, что памятник архитектуры должен жить, а следовательно, поддерживаться в хорошем состоянии (консервация) и развиваться, как ни странно это звучит. Из этого исходит Служба по сохранению наследия во Франции. Здание не может жить без людей, а следовательно, зачастую предметом охраны является не все здание, а только его наиболее ценные элементы, например, фасад. Все остальное может развиваться и изменяться в силу современных потребностей людей, что не противоречит той же Венецианской хартии. Органы по охране наследия существуют не для тотального запрета всего, что делается, а для мотивации пользователей объектов культурного наследия содержать памятники в порядке. Существуют субвенции на поддержание и реставрацию, выделяющиеся собственникам независимо от их статуса. Во Франции на поддержание памятника государство дает 25%, регион 25%, муниципалитет 25%. Таким образом, в консервацию или реставрацию собственник вкладывает только 25% своих денег. Я понимаю, что для России пока это фантастика, но вполне можно начинать продвигать эту идею хотя бы в плане декларации.

Третий момент, и это главное – постоянный процесс просвещения (pédagogie), пропаганды, если хотите, которые имеют свои видимые результаты. Многие муниципалитеты уже стремятся утвердить свои зоны охраны. При проектировании зон охраны во Франции не только архитектор принимает решения: идут постоянные консультации с муниципалитетами, общественностью, бизнесменами, культурными деятелями. Это равно относится к малым и большим городам. Обсуждение проекта зон охраны начинается с презентации и аргументации архитектором всех ценных элементов городской среды и ее регламентов. Затем идет обсуждение, которое обязательно доводится до консенсуса и происходит в условиях абсолютной прозрачности всех решений. В моем случае,

когда я занималась большой территорией, оказалось, что горожане в процессе обсуждения внесли корректировки регламентов в сторону ужесточения, чтобы сохранить аутентичность городского центра.

Константин Лидин Не в первый раз я вижу пример того, что архитекторы вступают в диалог с властью, выясняя, кто виноват. И оказывается, что виноват бизнес, представителей которого нет. В Восточной Европе ситуация подобна той, что складывается у нас между Москвой и провинцией. Третья сила – общественность. Почему мы к ней так невнимательно относимся? Нельзя же ждать, что молодежь будет читать все эти ПЗО и прочее. Единственный способ обратиться к массам – это

соцсети, блогеры. Сейчас об Иркутске судят по постам Сергея Шмидта, которого заблокировали и разблокировали в ФБ. Вот и найдите молодого энтузиаста города, дайте ему старый номер ПБ с прогулками по Иркутску, пусть он хотя бы прочитает материал (вряд ли он сильно устарел) и сделает ролик по нему. И если эти ролики будут выходит раз в 3–4 дня (реже нет смысла), это будет действительно обращение к массам. Подарочный альбом за 3,5 тыс. рублей не может быть обращением к молодежи. Об Иркутске мало знают, о нем нелепая статья в Википедии. Ее писали русофобы. Иркутск предстает местом, где падают самолеты, а последняя историческая личность – адмирал Колчак, которого здесь расстреляли. Сети – основное средство общения среди молодежи. Небольшие организационные усилия – и можно сделать серию роликов о деревянной архитектуре Иркутска. А если сделать английский подстрочник, то ее будут смотреть во всем мире. Интерес к деревянной архитектуре растет. Но в мире разучились строить из дерева. У нас тоже разучились, но уже и снова научились. Ведь наследие – не в бревнах, а в навыках и людях. Из Иркутска не видно, насколько это ценно и востребовано. Для продвижения имиджа и ценного опыта никакие законы не нужны.

АЧ Наверное, это недостаток, что мы, люди старшего поколения, не передаем в понятной форме свои идеи.

КЛ Если мы хотим обратиться к массам, надо обращаться к ним на их языке. Большинство западных архитекторов тратят много времени и сил на популяризацию своих проектов. Создают красивую красочную картинку, обращаются к человеку с улицы, обязательно вывешивают свои проекты, чтобы в поисковых системах их можно было легко найти. Надо делать именно это. А ждать, когда общественность придет к профессионалам, чтобы разговаривать с ними на их языке – это значит никогда ничего не дожидаться.

НР Два года назад МАРХИ обратился ко мне, чтобы продолжить опыт школы реставрации. К этому проекту можно привлечь не только студентов-реставраторов, но и интересующихся молодых людей, просто активную

> Олег Беседин.
Иркутск. Наброски,
рисунки. 1977–1990.
– URL: https://ic.pics.livejournal.com/besedin_oleg/16692388/489135/489135_800.jpg

молодежь, которая может участвовать в самом процессе реставрации. Это можно и достаточно несложно организовать, пригласив российских студентов или проведя нечто подобное в Иркутске. Это тот же процесс педагогики. Мне в архитектурной школе нравится, что обсуждаются и создаются реальные проекты реального пространства с реальным заказчиком, вполне жизнеспособные. Вполне можно организовывать и выездные лекции в форме путешествий по городу аналогично той игре, которая существует.

ЕГ Понятно, что решение по градостроительным документам и ПЗО должны принимать специалисты. Но я бы не стала называть общение с городскими сообществами утопией. Да, традиционно существует разрыв между профессионалами и потребителями. Но наша работа по комфортной городской среде в Иркутске и малых городах показала, что можно и нужно опираться на мнение и конкретные предложения горожан.

ВБ Советская практика, во многом существующая и сегодня – это когда поставленная задача решалась профессионалами, а потом уже для реализации решений они доносились до сообщества. У современной молодежи уже сложилась иная практика: «не запостил – не было», то есть если не появилось в соцсетях, то и событие не состоялось. Мне кажется, что проблема протеста (отчасти и политического), возникающего сегодня, в том, что большая часть людей, принимающих решения, живет в традиционном формате, не особенно объясняя (в том числе и в соцсетях), как найдено решение, какой логикой руководствовались при его принятии. Это вызывает недоверие. У нас в межпоколенческих отношениях существует определенная традиция в передаче наследия, жизненного опыта. Надо говорить о том, что часть нашего жизненного опыта не работает в отношении к молодежи. И если эту традицию не изменить, мы просто потеряем связь с молодым поколением и в плане отношении к стране, и в отношении к архитектурному наследию города, даже

к родителям и старшим землякам. Поэтому если не 50, то уж 30% процентов усилий надо тратить на объяснение логики наших поступков, популяризацию, в том числе в социальных сетях.

КЛ Со стороны очень заметно, как перекошило ситуацию. Мы, иркутяне, молчим о своей ситуации, а французы о своей не молчат. И создается впечатление, что Иркутск – это пустыня, где ничего не происходит. А потом эта мифологема оказывается самоподдерживающейся, и уже сами иркутяне говорят: «А что у нас, ничего не происходит». Может, нужен какой-то обмен, может, ролики, которые студенты сами о себе делают, понимая, что без интернета нет события, может, посты просто попереводить с подстрочниками. Тогда станет понятно, что Иркутск – это не пустое место в мировом пространстве. А то сейчас уже китайцы обгоняют нас в этом отношении: они не жалеют сил и времени на самопродвижение. Это и смешные ролики, и проблемные, но легкие для восприятия. О нас очень перекошенное представление: кроме холода, о Сибири ничего не знают. А на архитектурных выставках немцы показывают дома, целиком построенные из дерева. И это считается новым словом в архитектуре. Это очень обидно.

АЧ Итог сказанного: если мы сегодня не будем вовлекать молодежь в решение своих проблем, то там, где мы есть – там и останемся. Реставрация потому умирает, что там нет молодежи. И если мы не будем применять новые технологии, то распишемся в собственном бессилии. Я думаю, что нужно найти способ взаимодействовать всем –архитекторам, градостроителям, реставраторам, ландшафтным, историкам, философам, мастерским, каждая из которых замкнута своих делах. Нет взаимодействия не только между возрастными, но и профессионалами разной специализации.

Идея связи между поколениями с помощью книг, научных статей, современных средств имеет одну цель – сохранение идентичности Иркутска.

То, что Дискуссионный клуб был хотя бы отчасти междисциплинарным – это тоже достижение. Мы понимаем, где мы недорабатываем, понимаем, какими средствами можно эти недоработки ликвидировать.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-312-90063. / Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 19-312-90063.

> Рис. 1. Конгломерация городов Дубна, Кимры, Талдом. Возможности транспортного и смыслового соединения

В статье рассмотрены факторы (демографическая динамика и экономическое развитие, конгломерационно-агломерационные пространственные эффекты, функциональная структура и специфика городов) и возможные модели пространственного развития малых, средних и больших населенных пунктов. Предложен авторский алгоритм для определения оптимальной пространственной и функциональной стратегии развития городов. Введен новый термин городской конгломерации.

Ключевые слова: пространственное развитие городов; стратегия пространственного развития; городская агломерация; городская конгломерация. /

The article studies the factors (demographic dynamics and economic development, conglomerate-agglomerate spatial effects, functional structures and specific characteristics of cities) and possible models of spatial development of small, medium-sized and large settlements. The author proposes her own algorithm to work out the most suitable spatial and functional strategy for the development of cities. A new term of urban conglomeration is introduced. **Keywords:** spatial development of cities; strategy of spatial development; urban agglomeration; urban conglomeration.

Города-конгломерации: синергетическое развитие / Conglomerate cities: synergetic development

текст
Анна Ленц /
text
Anna Lenz

Введение

Возможности стратегического пространственного развития малых, средних и больших населенных пунктов имеют принципиальное значение для системы расселения в России и опираются на три главных фактора:

- демографическая динамика и экономическое развитие (социально-экономический аспект);
- конгломерационно-агломерационные эффекты (пространственный аспект);
- специфика (функциональный аспект).

Все три фактора вкпе представляют собой исходные условия уравнения, в котором город может оказаться как в выигрыше, так и в проигрыше. Успех развития города напрямую связан с грамотной пространственной стратегической реакцией на условия его внутреннего стабильного состояния и внешние факторы, которые могут иметь в том числе и решающее значение.

С первого взгляда демографическая динамика (прирост или убыль населения), а также экономическое развитие или стагнация города (избыточное или недостаточное количество рабочих мест и квалифицированных ресурсов) могут показаться, с одной стороны, факторами, напрямую определяющими вектор пространственного развития города (сжатие или рост), а с другой – влияющими исключительно на данный населенный пункт в отрыве от окружающего контекста. Однако это впечатление ошибочное. В России, стране с большими пространствами, населенные пункты следует рассматривать во взаимосвязи друг с другом, учитывая как качественные и количественные параметры [1], так и их физическое положение.

Малые, средние и даже большие города часто подвергаются агломерационному влиянию районных и региональных центров. Агломерации притягивают молодых и образованных, провоцируют маятниковую миграцию, предоставляют услуги и развлечения. В контексте расселения страны с большой площадью и относительно низкой плотностью населения концентрация вокруг одного общего агломерационного центра имеет негативный эффект.

Синергия

Чем мельче масштаб, тем легче он поддается изменениям и быстрее реагирует на преобразование общества. Жилье в городе – наиболее мобильная часть его структуры: срок эксплуатации жилых зданий (за исключением объектов архитектурного наследия) невелик, а колебания экономики, демографии и, соответственно, спроса на жилье, неизбежны. Отсюда проистекает постоянная необходимость реконструкции и нового строительства, конкурентоспособного в условиях рыночной экономики, отвечающего текущим политическим программам и задачам. Поэтому дом, квартира всегда чутко отвечают требованиям и духу времени.

По-другому все обстоит с более крупными структурами: улица, площадь, город; чем больше объект – тем он инертнее. Город сложно подстегнуть в развитии, однако изменение городской ткани в связи с современными потребностями, а особенно в связи с будущими – это неизбежно более сильный толчок к развитию городского сообщества, чем любая новая жилая единица.

Что же касается нескольких городов, находящихся в пределах часовой-получасовой доступности друг от друга, то в этом случае мы переходим к еще более инертному и крупному масштабу взаимодействия. Оно намного сильнее влияет на каждый из населенных пунктов, поскольку комплексное, синергетическое взаимодействие становится новой, еще неучтенной внешней силой, способной даже такой неповоротливой структуре, как город, задать совершенно новое направление развития и, более того, спровоцировать немедленные и коренные перемены. Стратегический подход к развитию каждого города в связке с соседними населенными пунктами может стать действенным инструментом в городском развитии, а продукт применения такого подхода предлагается называть синергетической конгломерацией (рис. 1).

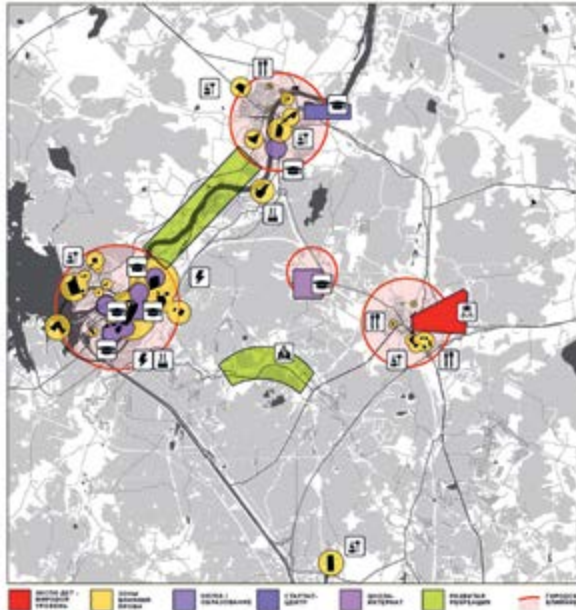
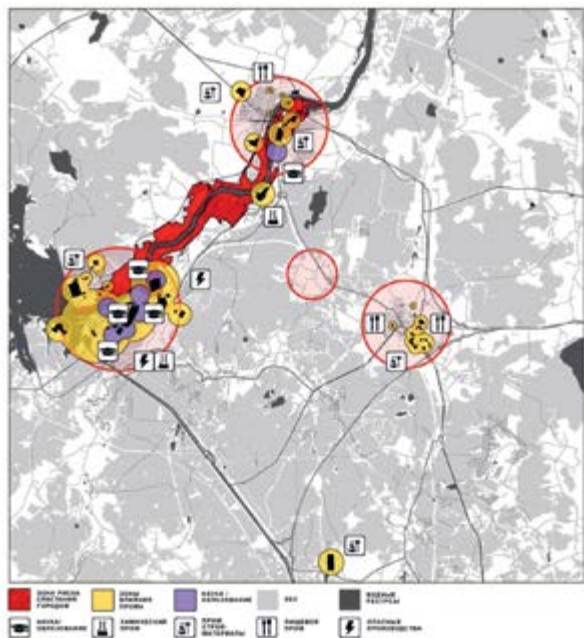
Необходимость внедрения нового термина продиктована несовершенством используемой ныне лексики. Понятия конурбации и агломерации были заимствованы архитекторами из экономического словаря. Была проведена аналогия между городами и бизнес-компани-

^ Рис. 2. Линейная структура

^ Рис. 3. Частный случай линейной структуры: агломерационный тип, бинарная связь

< Рис. 8. Существующее распределение функций между городами Дубна, Кимры, Талдом

< Рис. 9. Синергетическое распределение функций в конгломерации городов Дубна, Кимры, Талдом

ями. Так, городская агломерация аналогична компании, которая поглощает другие и остается единственным и главным управленцем, конурбация – равноправным компаниям, сливающимся в единую, но сохраняющую несколько управленческих центров.

По аналогии, **агломерацию** автор определяет как компактное скопление срастающихся населенных пунктов с четко выделенным центром и согласованностью управления (моноцентричное образование с одним явно выраженным ядром). В качестве примеров часто приводят мегаполисы: Москву, Токио, Торонто. В.Л. Глазычев [2] особенно подчеркивает согласованность решений входящих в агломерацию муниципалитетов как одну из главных черт, отличающих агломерацию от формально соседствующих друг с другом муниципальных образований. К таким согласованным решениям, в первую очередь, стоит отнести единую транспортную систему с синхронизированными маршрутами, единые инженерные и природоохранные решения. Понятие агломерации – одно из самых широко используемых в урбанистической практике, активно изучаемых И. М. Смоляром и К. Доксиадисом (гипер-агломерация или «экуменополис»); меньшей популярностью пользуется понятие конурбации.

Конурбацию предлагается рассматривать как компактное скопление срастающихся населенных пунктов с несколькими центрами (полицентричное образование со множеством равноценных ядер). Хрестоматийный пример – конурбация Рурского бассейна.

Развивая эти понятия, автор предлагает следующее определение **конгломерации** как скопления отдельных населенных пунктов, имеющих свои четко выраженные границы, не стремящихся к территориальному срастанию, но взаимодействующих и функционирующих как единый организм (несколько моноцентричных образований, объединенных функциональной взаимодополняющей повесткой, а не пространственным слиянием). В этом понятии автор опирается на идею конгломерата – нескольких компаний, ведущих деятельность в различных областях экономики, сохраняющих свою независимость, но объединяющихся с целью достижения функционально-синергетического эффекта.

Синергетическая пространственная структура

Оптимальное число городов – элементов конгломерации вычисляется геометрически. Поскольку транспортная связанность и доступность играют существенную роль в агломерационном и конгломерационном эффектах, то, чтобы не допустить первый и стимулировать второй, требуется обеспечить максимальную равнозначность межгородских связей.

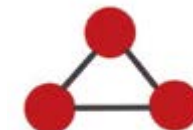
В этом контексте структура из двух элементов – бинарный город (рис. 2) – отвечает заданному анти-агломерационному условию, поскольку маршрут всего один. Однако такая структура одномерна (линейна), что делает ее несамостоятельной единицей, а частью более крупных образований, включающих близлежащие населенные пункты. Например, две равнозначные линейные структуры, расположенные одна вслед за другой (рис. 3), формируют уже усложненную линейность с геометрическим центром-городом, который находится в заранее более выигрышном положении и начинает создавать вокруг себя агломерационный эффект по отношению к двум крайним городам. Форма протяженной линейной связи характерна для системы расселения России и совпадает с узкой вытянутой полосой климатически благоприятных территорий вдоль южной границы России и Транссибирской магистрали. Аналогичная пространственная структура характерна и для южного пояса Канады и восточной системы расселения Австралии – стран с климатическими ограничениями, вынуждающими города ютиться вдоль государственных и ландшафтных границ.

В том случае, когда две бинарные структуры не лежат на одной прямой, то они сразу же усложняются до четырехугольной формы (квадрата, прямоугольника, ромба, параллелепипеда), речь о которых пойдет позднее.

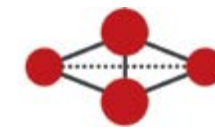
Структура из трех элементов (в идеале – расположенных в приближенном к равносоставленному треугольнику положении; см. рис. 4) – наиболее оптимальна. Она обеспечивает равнозначность элементов, ставит их в пространственно равные условия. Существенное преобладание одной из сторон треугольника над другими (рис. 5) уже низводит элементы системы до двойной бинарной взаимосвязи с пространственно преобладающим агломерационным ядром.

^ Рис. 4. Оптимальная пространственная структура конгломерации: равносоставленный треугольник

^ Рис. 5. Преобладание одной грани треугольника: переход от оптимальной структуры к бинарной линейной связи

^ Рис. 6. Четыре города. Усложненный вариант бинарной линейной связи

^ Рис. 7. Четыре города. Агломерационный эффект

> Рис. 10. Примеры применения методики синергетического пространственного планирования. Сверху вниз: академгородок Обнинск Калужской области в конгломерации с Малоярославцем, Жуковым и Балабаново; промышленный город Красавино в бинарной связке с историческим городом Великий Устюг; военный городок лесной и промышленный моногород Качканар в синергии с городом Ис

Четыре элемента в модели исключают параметр равнодоступности: каждый третий элемент в итоге находится на большем расстоянии, чем остальные (рис. 6). В случае же равноудаленности трех от четвертого (рис. 7) этот последний выделяется как центральный (главный) либо побочный (самый слабый).

Любое большее число элементов стоит воспринимать уже как усложнение вышеописанных структур и рассматривать отдельно с учетом существующих пространственных и смысловых межгородских связей.

Возвращаясь к трехчастной структуре как наиболее оптимальной, стоит упомянуть, что существует множество факторов, влияющих на то, какое расстояние между каждыми двумя точками треугольника является оптимальным. Геометрически неравные связи могут быть сбалансированы [3] обратно-пропорциональными параметрами городов, упомянутыми выше (демографической и экономической динамикой, наличием или недостатком востребованных функций). Стоит выделить два типа коэффициентов: притяжения и отталкивания. Если допустить взаимосвязь между численностью населения и насыщенностью городской среды *amenities* – общественными благами, то рост численности населения является фактором отталкивающим: больший по численности населения город способен сохранять свою привлекательность и на большем расстоянии от компактной взаимосвязи двух малых. И напротив: один малый город может тяготеть к центральному положению между двумя крупными, находясь в тупой вершине треугольника – на наикратчайшем расстоянии от двух других.

Фактором притяжения можно считать также сложный рельеф – горный серпантин, водоемы, пересеченную местность со слабой видимостью, поскольку ландшафт влияет, несомненно, на время, затрачиваемое в пути между населенными пунктами. В отличие от фактической дистанции время в рассматриваемой системе является ключевым фактором. К сокращающим факторам стоит отнести и преграды антропологического происхождения: переезды, неудобные развязки, неудобно организованные пересадки с одного вида транспорта на другой. Все это удлиняет время пути, соответственно сокращая допустимое расстояние между городами для достижения

баланса в модели. Примечательно, что можно производить и обратные расчеты: насколько нужно повысить насыщенность общественными благами меньший город из трех, чтобы оправдать время пути до него из объектов более крупных и экономически благополучных.

Взаимосвязь времени и расстояния особенно интересно рассмотреть с учетом будущего ускорения частного и общественного транспорта. Несомненно, есть минимальное расстояние, которое может разделять два населенных пункта, не допуская их слияния в один. Оно продолжит выполнять свои функции и далее, даже если мы научимся преодолевать его быстрее, чем раньше. Но влияние на максимально допустимое расстояние намного важнее: ведь внутригородская транспортная доступность, которая колеблется в пределах 5–15 минут сегодня и выражается максимум в 20–30 км, завтра может составить 60 км, а то и 100 км пропорционально росту скорости общественного транспорта. Это может существенно изменить как структуру городской ткани, так и паттерн расселения в регионах.

Синергетическая конгломерация городов непременно подразумевает удобную и кратчайшую транспортную связанность, по времени идентичную внутригородской. Во многих случаях удастся достичь этого не только прокладкой новых маршрутов общественного транспорта, но и модернизацией существующего: снижением скорости и повышением комфорта межгородских передвижений. Однако скорость перемещения между городами еще не обеспечивает их совместного функционирования, а лишь провоцирует его.

Следующая задача при выработке оптимальной стратегической модели – анализ существующего набора функций и поиск мест возможной реализации недостающих. Особенно важно рассматривать все города конгломерации как равноправных участников и части единой системы. Таким образом недостаток одной из функций в одном городе (к примеру, потребность в новом жилье при явном недостатке свободных территорий) может быть восполнен в соседнем (имеющем отрицательную демографическую динамику, но обладающим территориальным ресурсом).

Исторический центр или профильная больница способны быть общими для нескольких городов, а превали-

рующая городская среда, наскучившая местным жителям, может стать необходимой для смены впечатлений у жителей соседних населенных пунктов.

Самобытность отдельных элементов конгломерации способна создавать эффект избыточности города-миллионника без слияния поселений в экологически некомфортное гиперобразование. Синергетическое взаимодействие соседствующих городов без их территориального слияния позволяет сохранять природоохранные зоны между ними, тем самым провоцируя интенсивный, компактный рост в существующих границах – усложнение рыхлой селитбы до современной динамичной городской структуры.

Функциональное деление конгломерации городов

Синергетическое взаимодействие городов без территориально-пространственного их слияния базируется на новом подходе к распределению ключевых функций. Вместо неудачно зарекомендовавшей себя советской системы распределения функций по районам одного города (рис. 8) предлагается распределять основные функции между несколькими городами системы (рис. 9). Это снижает негативные последствия районного зонирования: скудость и однотипность городской среды, опустение застройки в суточные циклы простоя.

Одновременно с этим распределение функций между городами как единой системой (рис. 9) позволяет достигнуть положительных результатов:

- равномерное и планоное развитие региона в целом, а не отдельных его частей,
- возможность подключения стагнирующих поселений к единой системе циркуляции городской энергии,
- реализация потенциала каждого города в рамках новой «аудитории» – жителей соседних городских образований,
- возможность сконцентрироваться на индивидуальности города, его сильных сторонах вместо затраты сил на реабилитацию слабых городских функций.

Шаги к синергетическому эффекту

1. Распределение ролей

Первая задача, которую необходимо решить при формировании конгломерации – выявление ведущего и стагнирующего городов. Как правило, ведущий город – поселение с ярко выраженной функцией: промышленность или научный сектор в моногороде, историческая и туристическая составляющая в городах с богатым наследием, знаковый монастырь или пустынь в городах – религиозных центрах. Если же все города системы инертные, не имеют ярко выраженной идентичности, то смысловую и функциональную ценности в них можно создать, проанализировав их ресурсный потенциал (например, туристическая составляющая, созданная на основе одного только названия города Мышкина). Критерии определения стагнирующего города очевидны: это поселение с оттоком экономических и человеческих ресурсов [4]. Оставшиеся в системе средние по своим показателям города – опора конгломерации. В отличие от ведущего города, они не опираются лишь на единственную градоформирующую функцию и более устойчивы в изменяющихся условиях, но при этом и не имеют достаточного потенциала, чтобы обеспечивать идентичность и быть основным драйвером развития для всей синергетической модели.

2. Связь с главенствующей функцией

Второй этап привносит в систему относительное равновесие и может быть описан как «змея, глотающая свой хвост». На втором шаге в стагнирующее поселение привносится функция, связывающая его с ведущим городом. Таким образом, активно развивающийся город получает новую, богатую не востребуемыми ресурсами площадку

для развития, а отстающее поселение получает вектор развития: новые рабочие места и новую идентичность.

3. Достижение баланса

На третьем шаге между остальными поселениями распределяют функции, укрепляющие систему в целом, чтобы исключить в будущем возможность возникновения проблем моногородов и достигнуть при этом разнообразия функций крупных форм расселения.

4. Связь и разделение элементов

Четвертый этап подразумевает обеспечение внутригородской по времени доступности между отдельными городами с одновременным проведением мероприятий по предупреждению их сращения (созданием заповедных зон и территорий с ограниченным режимом застройки).

5. Унификация пространства

Завершающий шаг предполагает перевод поставленных функциональных задач в гибкие пространственные решения. Главное условие на этом этапе – восприятие системы как единого организма, в котором функции, объекты и задачи могут беспрепятственно мигрировать из одного города в другой, не нарушая единства и работы всей системы в целом.

Заключение

Предлагаемая система релевантна множеству случаев (рис. 10). В качестве ведущего города модели можно рассматривать и советский промышленный, производственный центр, и наукоград, и военный городок, и город – религиозно-туристический центр. По сути, они будут иметь схожие черты: фактическая или идеологическая закрытость, оторванность от близлежащих территорий, малое количество инструментов монетизации основной специфической функции. Город, возглавляющий синергетическую, конгломерационную пространственную единицу развития – как правило, вариация моногорода; это одновременно и большая проблема для региона, и кладезь возможностей для его развития. Выраженная монофункциональность, ярко проявленная идентичность – черты, присущие только городам с ограниченным населением. Именно поэтому так важно при стратегическом пространственном развитии страны опираться на малые, средние и большие населенные пункты.

Литература

1. Ленц, А. А. Формирование градостроительной концепции «Исчисляемый город» // Architecture and Modern Information Technologies. – 2019. – № 1 (46). – С. 278–289. – URL: http://marhi.ru/AMIT/2019/1kvart19/20_lenc/index.php (дата обращения: 02.02.2021)
2. Глазычев, В. Л. Расширение Москвы: идеальный город или новые проблемы? : Сайт памяти В. Л. Глазычева. – 2012. – URL: <http://www.glazychev.ru/> (дата обращения: 02.02.2021)
3. Reilly, W. J. The law of retail gravitation // 285 Madison Avenue New York. – 1931. – 75 с.
4. Форрестер, Дж. Динамика развития города. – Москва : Прогресс. – 1974. – 287 с.

References

- Forrester, J. (1974). *Dinamika razvitiya goroda* [Dynamics of City Development]. Moscow: Progress.
- Glazychev, V.L. (2012). *Rasshirenie Moskvy: ideal'nyj gorod ili novye problemy?* [Moscow expansion: ideal city or new problems?]. *Sajt pamyati V.L. Glazycheva*. <http://www.glazychev.ru/>
- Lenz, A. (2019). *Formirovanie gradostroitel'noj koncepcii «Ischislyаемый город»* [Formation of the Urban-Planning Concept «The Calculated City»]. *Architecture and Modern Information Technologies*, 1(46), 278–289. http://marhi.ru/eng/AMIT/2019/1kvart19/20_lenc/index.php
- Reilly, W.J. (1931). *The law of retail gravitation*. New York: 285 Madison Avenue.

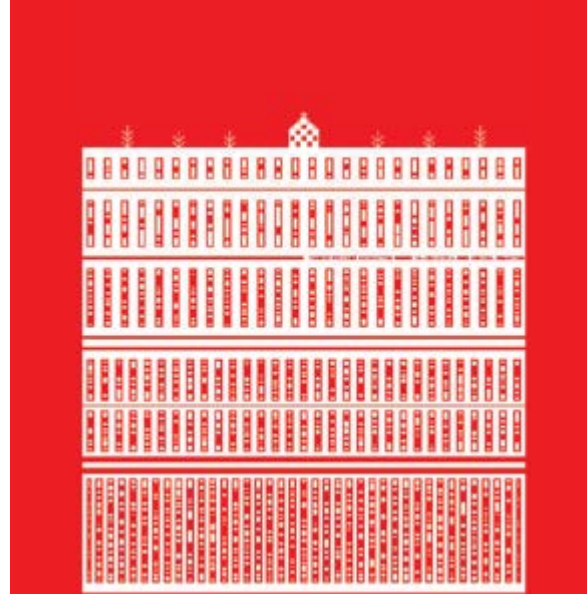
> Е. Свиллар (бюро TOTEMENT/PAPER, Москва). Генотип русской архитектуры.
– URL: <https://www.archplatforma.ru/?q=1&act=2&tgid=2959&page=2&stchng=2>

Актуальным дискурсом существования современного города, объектом исследования и проектирования становится особый генетический код города и культуры. Наследование служит составляющим элементом процессов развития. Среди особенностей интерпретации преемственности выделяется взаимодействие старого и нового. Трансмутационный контакт «нового с наличным» и «нового в наличном» представляется частью процессов преемственности и общего развития культуры, одним из механизмов воспроизводства культурных образцов и генетических кодов.

Ключевые слова: трансмутационный контакт; преемственность; генетический код культуры; взаимодействие «нового с наличным».

A special genetic code of the city and culture becomes an important discourse of the modern city's existence and an object of research and design. Inheritance is a constituent element of development processes. Interaction of the old and the new is one of the key features of interpretation of succession. A transmutation contact of "the new with the existing" and "the new in the existing" is a part of the processes of succession and the general development of culture, being one of the mechanisms that produce cultural patterns and genetic codes.

Keywords: transmutation contact; succession; genetic code of culture; interaction of "the new with the existing".

О трансмутации «нового в/с наличным» / On transmutation of "the new in/with the existing"

текст

**Ольга Железняк /
text
Olga Zheleznyak**

1. См. работы
С. П. Славинского,
С. С. Аванесова,
В. Л. Ружке, С. Чобана,
С. В. Семенцова,
Р. А. Мангушева,
Н. С. Новоходской,
Т. А. Дацюк,
Л. Н. Кондратьевой,
А. Герасименко,
Т. Э. Рагозиной и др.

в Е. Бриллиантова,
А. Яр-Скрябин
(«Студия-44», Санкт-Петербург). Русский пульс. – URL: <https://www.archplatforma.ru/?q=1&act=2&tgid=2959&page=2&stchng=2>

По мнению отдельных исследователей (Э. А. Баллера, Д. С. Жукова, Т. И. Лавреновой, Ю. М. Лотмана, А. Мегилла, П. Нора и др.), в моменты общего кризиса цивилизации, социальных конфликтов и разрушения идентичности в пространстве вторжения номадической культуры «возвращение в прошлое», апелляция к культурной памяти, традиции и генетическому коду становятся наиболее интенсивными. Обращение к канонам, системам философских и религиозных истин, к историческим событиям и социальным институтам, существующей материальной среде [9] вызвано стремлением к проявлению уникальности современной культуры и эйдоса «места» в процессах наследования, создания «мест памяти». Оно происходит с учетом представления о традиции как наборе «культурных артефактов или артикуляций», консервации и сбережения в истории и памяти уже ставших идентичностей.

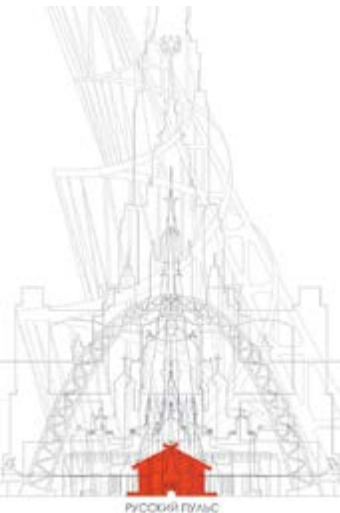
Механизмы наследования и формы преемственности культурных кодов, выявление их генетических истоков при утрате этнических корней и привязанности к «месту» превращаются в актуальные дискурсы существования среды современного города, культуры и социума, становятся объектами исследования градостроителей, архитекторов, дизайнеров, в т. ч. в качестве особого генетического кода города/культуры¹. Генокод при этом трактуется как сложная система взаимодействия старого и нового, наслоений и контрастов разных эпох, традиций и новаторства, реконструкций и нового строительства, реноваций в исторической городской среде. Одновременно он является отражением культурных ценностей, восстановлением самобытности в современном городе и формированием «памяти места». Игнорирование генокодов культуры, разрушение объектов наследия ведет к утрате целых пластов культуры, формирующих представление о традициях и особенностях историко-культурной среды города, ее достоверности и аутентичности. В то же время знание генетического кода, по мнению С. П. Славинского, дает ключ к шифру, на котором «записаны» история города, а также перспективы его эволюционного развития [13]. С. Чобан полагает, что на основе исследования генетического кода города могут быть сформулированы два приоритетных подхода к проектированию в среде исторического города: ее «расшатыва-

ние» новыми зданиями и скульптурами или ее сохранение за счет корректного встраивания в контекст, нового строительства по уже существующим принципам. Выбор подхода зависит от специфики конкретной городской среды [2] и построен на взаимодействии «нового с наличным».

Своеобразным профессиональным откликом на актуальные вызовы времени является спецпроект «Генетический код», инициированный в рамках фестиваля «Зодчество–2014». Он посвящен исследованию истоков российской архитектуры и культуры, ключевых образов и стилистических приемов, отражающих самобытность и уникальное авторское видение особенностей отечественной архитектурной традиции. В результате проекта сформулированы основные идеи, символы и концепты культурного кода и генотипа русской архитектуры: «Иррациональное в регулярном», «Бесконечные попытки структурировать хаос», «Имба как новый архитектурный ордер», «Деревянное зодчество», «Русский Авангард», «Русский космизм», «Иконичность», «Северный эпос», «Русский код в обыденности», «Большая страна», «Пространство времени», «Идентичность культуры», «Идентичность структуры», «Идентичность образа», «Деталь как символ преемственности», «Характер проявляется в жестких условиях», «Четко артикулированная мысль», «Страна визуалов».

Анализ проводимых исследований и проектных разработок показывает, что важными составляющими процессов формирования и сохранения генетического кода культуры и эйдоса «места» служат наследование и разные формы мутации и трансформации. Ключевой частью этих процессов является преемственность и прежде всего – взаимодействие старого и нового.

Наследование и преемственность органически связаны с развитием общей памяти как особой формы культуры и ее генотипа, «коммуникативной системы» и «единого семиотического механизма» (по Ю. Лотману), которая обладает специфическим аппаратом трансляции культурных норм и кодов и «механизмами выработки принципиально новых сообщений на принципиально новых языках» [8, с. 557], а также средствами реконструкции различных

воспоминаний и репрезентации прошлого в соответствии с актуальными проблемами, идеями и потребностями.

Будучи пространственно-временным взаимодействием культурных явлений или культурных единиц, преемственность предполагает заимствование чего-либо из прошлого, повторение заимствованного и его развитие. Как своеобразная форма преодоления обществом и культурой течения времени преемственность предстает процессом раскрытия специфики «саморазвития материи» и закономерностей бытия [7], проявляет пользу «консерватизма» и «прогрессизма», претворяя в жизнь тенденции «сбережения» достигнутого и развития нового (способов деятельности, использования человеческого потенциала для удовлетворения постоянно трансформирующихся потребностей) [12].

Среди особенностей наследования и преемственности следует выделить ряд позиций, наиболее значимых для развития цивилизации и ее культурных кодов.

– Эволюция культурных норм/образцов имеет важное значение для понимания процессов преемственности, особенно актуальное в контексте концепций эволюционного развития культуры [3, с. 230]. Подчеркивая обязательность использования и переосмысления наследия прошлого, трактуя наследование как «семантический аспект преемственности» [12, с. 18], отечественные и зарубежные специалисты признают решающим фактором развития общества необходимость непрерывной и последовательной передачи опыта от поколения к поколению.

Частью механизма преемственности, особой формой наследования, эволюции и передачи культурной нормы, сопровождающейся процессами трансформации при погружении традиционного образца в актуальный контекст, является обряд. В мутациях обычаев и обрядов, в их эволюционном развитии, в повторениях пережитого и пришедшего от предков П. Нора [10] видит способы сохранения и воплощения «памяти», восстановления «мест памяти» и памяти «места», в т. ч. через трансляцию закрепленных в обрядовой сфере нормообразцов. Примером может служить ритуально-обрядовая система календарного цикла семейских, непосредственно связанная с жизненным укладом староверов, механизмами эволюции и воспроизводства аутентичной культуры, которая

олицетворяет ключевые сюжеты и культурные коды: «момент перехода от хаоса к космосу, <...> повторение космогонии, поддержание космического равновесия и гармонизации взаимоотношений индивида и социума, приход предков и общение с ними»² и пр.

– Взаимодействие различных систем «целого», единство и многообразие культур служит важным условием существования преемственности, сущность которой, по мнению Э. А. Баллера [1, с. 15–16], выражается в сохранении элементов и генетических корней целого как общей системы.

Заявленная Н. Бором «дополнительность культур», постмодернистский «диалог с духом других культур» приобретают особую популярность при обсуждении проблем преемственности и наследования, трактуемых как связи «сосуществования культур и отдельных культурных явлений». При этом содержанием этих контактов становится синергия, взаимодействие, в процессе которого культуры обогащаются. Познавание генотипа культур и освоение их ценностей способствует творческому осмыслению культур как целостной системы, позволяет избежать механических заимствований и формальных подражаний при воспроизводстве культурных образцов в процессе наследования³.

– Взаимосвязь старого и нового, взаимодействие и трансмутационный диалог нового с наличным определяются как ключевые факторы для процессов наследования, сохранения и трансляции генетического кода культуры, эйдоса «места».

В разнообразии подходов к трактовке преемственности наиболее распространенной является интерпретация этого понятия как отражения временной континуальности, связи нового и старого, предыдущего и последующего. Закрепляя за отношением «прошлое–настоящее» базовую роль в преемственной связи, Гегель определяет ее суть и назначение как сохранение «содержания первого во втором». Последующие исследования процессов преемственности и наследования задают новые ракурсы осмысления соотношений прошлого и настоящего, традиций и новаторства, акцентируя внимание на трансмутационном диалоге нового с наличным. При этом складываются разные формы и оценки значимости

3. См.: Лихачева В. Д., Лихачев Д. С. Художественное наследие Древней Руси. Л., 1971; Артановский С. Н. Историческое единство человечества и взаимное влияние культур. Л., 1967; Лавренова Т. И. Теоретические основы изучения преемственности в культуре // Известия ПГПУ им. В. Г. Беллинского. 2009. – № 11 (15). – С. 19–24.

< А. Боков. Прялки 2014. – URL: <https://www.archplatforma.ru/index.php?act=1&catg=18&nwid=3615>

< А. Гинзбург. Конструктор авангарда. – URL: <https://www.archplatforma.ru/index.php?act=1&catg=18&nwid=3615>

2. См.: Болонев Ф. Ф. Календарные обычаи и обряды семейских. Улан-Удэ, 1975; Пропп В. Я. Русские аграрные праздники: (Опыт историко-этнографического исследования). Л., 1963; Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре: (Структурно-семантический анализ восточнотюркских обрядов). СПб, 1993; Новик Е. С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме: Опыт сопоставления структур. М., 1984; Любимова Г. В. «Похороны стрелы» в весенне-летней обрядности забайкальских старообрядцев // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи. Материалы III Международной научно-практической конференции. Улан-Удэ, 2001. С. 184–188; Майоров А. П. Семантика погребального обряда семейских Забайкалья // Старообрядчество: история и современность... С. 242–245; Семенова М. В. Семантика ритуальных игр в традиционной культуре семейских Забайкалья // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Улан-Удэ, 2004.

> Домовые росписи «семейских» как отражение представлений о мире и культурных кодах.
Фото Г. И. Охрименко

> Традиционные элементы убранства дома «семейских». Фото О. Железняк

такого взаимодействия: с одной стороны, привязанность к наследию, его ключевая роль в развитии культуры и общества; отрицание необходимости такой «привязки», с другой – отношение к традиции/старому как к тормозу. Примером второго подхода может служить отечественная социалистическая культура начала прошлого века с неприятием идеалов преемственности и взаимосвязи со «старым миром». Современные «пост-пост» дискурсы также порою представляют «привязанность к старому» как излишний груз, тормозящий развитие. Но по существу «пост» – мышление оказывается зависимым от базовых понятий, «прикованным» к ним; это фактически освобождает его от «качественного определения новизны» [14].

При изучении процессов наследования и преемственности, трансляции культурных кодов и генотипов в общем комплексе представлений появляются идеи «трансмутации» как наиболее корректного взаимодействия «старого» и «нового». В основу идеи положено введенное М. К. Петровым понятие о «трансмутационном контакте нового с наличным», в соответствии с кото-

рым одинаково присущий всем культурам «постоянно возобновляемый» трансмутационный контакт «требует процедуры идентификации подобий новому в наличном» [11]. Это позволяет рассматривать его как часть процесса преемственности, включающего встраивание нововведения в уже существующий контекст, как одну из важных особенностей общего развития культуры и форм ее наследования.

Через концепцию «трансмутационного контакта» может быть представлен механизм становления культурных образцов, сохранения и трансляции культурного ресурса, его генетических кодов. Это означает, что при введении нового-иного в существующее происходит неизменный контакт (мутация и трансформация) нового с наличным – сложившимся комплексом культурных образцов и архетипов. Процесс сопровождается «нахождением подобий», прототипов нового в уже сформировавшейся системе, реализацией разных форм отождествления старого с новым (или «своего» с «чужим») и, напротив, нового со старым («чужого» со «своим») [5; 6].

При этом естественные процессы отождествления «иног» с наличным не являются единственно возможными способами введения инноваций. Другую форму взаимодействия «нового с наличным», нередко разрушающего устоявшиеся представления и предметно-средовой контекст, можно определить как «революционное» вторжение. Проявление генотипа во втором случае происходит со временем и сопровождается своеобразным обратным эффектом, когда традиционные нормы/культурные архетипы начинают мутировать и «просвечивать» сквозь вновь вводимые образцы и стереотипы.

Образцами взаимодействия различных культур, наследования и проявления их генетических кодов нередко оказываются дошедшие до нас объекты материальной культуры. Так, например, декорирование парадного облачения (саккоса) московского митрополита Алексия дробницами к. XIII – нач. XIV вв. представляет собой фактическую трансмутацию обереговой функции. Дробница содержит явно языческую символику: размещенные по обеим сторонам «дерева жизни» и оберегающие их птицы. Расположенный над головами птиц и «древом жизни» орнамент в виде трехлепестковой фигуры голубого цвета с красно-золотыми диском и завитками внутри

v Петергоф. Штандартная комната Большого дворца, декорированная шелком. – URL: <http://sutravel.ru/besides/bolshoi-dvoriets-pietierghofa>

может рассматриваться как следующая стадия жизни магического растения – его цветение. Тогда указанная фигура будет трактоваться как цвет, цветок («цветок лазоревый»). Обращение к языческой цветовой символике, в которой голубым/синим обозначаются «хляби небесные» – верхнее небо, а красным и золотым – «солнце красное», позволяет предложить следующую интерпретацию:

- описываемый знак представляет собой трансформацию солярной символики – традиционного изображения трех фаз солнцестояния. При этом фазы восход – закат изображены спиралью («бегущее солнце»), которое трансформируется в завиток; полный диск солнца – цветок находится сверху, в верхней фазе;

- все погружено в голубой цвет, символизирующий воду небесную (идея небесной воды подтверждается и Б. Рыбаковым, который обращает внимание на голубой зигзаг, распротертый над птицами и деревом);

- голубые и красные пятна в оперении птиц подчеркивают их небесное происхождение.

Вся дробница выполняет обереговую функцию; небесное покровительство распространяется на птиц и растение, которое оказывается под двойной охраной [6]. Размещение дробниц на саккосе повышает охранительное значение сакральной одежды; происходит фактическое прораствание кодов славянского язычества в христианскую культуру.

В трансмутации цветовых кодов языческой культуры Древней Руси цветковое действие-деятельность имело ритуально-магическую значимость (выбеливание и окрашивание холста, вышивание цветными нитками, отделка цветовыми символами одежды и предметно-пространственной среды; процедура «обряжения» в ритуально-обрядовую одежду особого цвета; украшение к празднику дома, усадьбы, обрядового места и пр.); в пространстве христианской культуры развиваются традиции сакрализации цветкового действия (что отражается и в текстах Библии). Славянская традиция «убирать» дом цветными тканями и самодельными росписями для красоты и оберега вырастает со временем в искусство стеновых росписей, гобеленов и шпалер в дворцовых и храмовых сооружениях и возвращается в жилой интерьер небога-

того дома в виде лубочных картин и оклеенных цветным ситцем стен.

В процессе трансмутации модифицируются нормы, приобретая новые формы и значения. Но при этом нередко сохраняется некоторая незыблемая основа, своеобразный инвариант, воспроизводимый сознательно или интуитивно. «Твердые величины»/коды культуры также обладают мобильностью и могут приобретать дополнительные значения в других культурах или культурно-исторических ситуациях. Например, «красный уголок», изначально связанный с сакральным местом в доме, своеобразный домашний алтарь, позднее приобретает более широкое толкование как самое почетное место в доме, а в послереволюционной модификации («красный уголок») имеет совсем свободную интерпретацию исходного смысла.

^ Самарская губерния. «Красный уголок» в традиционном доме. Фото О. Железняк

^ Севкабель Порт. Красный уголок. – URL: <http://fotokto.ru/photo/view/6359251.html>

< Г. Юрьева. Красный уголок. Работа на конкурс «Рабочее место архитектора». – URL: <https://www.pinwin.ru/konkurs.php?kact=2&knid=11&ruid=1246&iewtype=1>

Обычай украшать вышивкой, драгоценными камнями, мехом и другими материалами ворот, рукава, подол одежды долгое время носил в первую очередь ритуально-обрядовый характер. Постепенно обереговая роль и функция защиты границ одежды трансформируются в украшательскую, эстетическую. Но неизменным остается сам факт выделения этих деталей одежды, для чего в России долгое время специально изготавливаются и продаются расшитые полосы для украшения нижней части подола, имеющие огромную популярность среди населения. Этот факт фиксирует В. Радлов в обзорах своих путешествий по самым заброшенным поселениям Сибири, описывая обшитые тканью иного цвета (красного, оранжевого, синего, черного) рукава и ворот одежды даже самых бедных слоев населения [6].

В постмодернистской трактовке трансмутации акцент делается прежде всего на ее «порождающей способности». Провозглашаемый постмодернистской культурой «эффект трансмутации» означает идею порождения но-

вых языков архитектуры и культуры, которые возникают, когда профессиональное сознание удерживается в промежутке между существующими (ставшими) целостностями. Он предполагает способность выходить за границы целостности, искусное владение «техникой варьирования прототипами формы» и культурными кодами. Трансмутация превращается в непрерывный процесс, ведущий к возникновению ранее не существовавшей, «новой образности». Фактически «трансмутация и новое состояние системы языка декларируются как цель, достойная всей совокупности усилий эпохи интерпретационного мышления в искусстве и архитектуре. Результат трансмутации – рождение неведомого <...>» [4] в пространстве контакта с существующим/наличным. Это позволяет достигнуть «умножения языков», столь важного для постмодернистской идеи «непрерывного различения» и возникновения эффекта трансмутации, а также для развития культуры в целом.

v Красный уголок на
призывном пункте. 1931.
Фото Михаил Смодор. –
URL: [https://twitter.com/
historyfoto/status/
1099760265049137154](https://twitter.com/historyfoto/status/1099760265049137154)

Очевидным примером мутационного контакта, трансмутации на границе осознания целостностей и множественности генетических кодов культур Востока и Запада, обладающих разнообразием языковых конструкций искусства и архитектуры, можно считать ситуацию культурного становления Байкальского региона, которая складывается под влиянием различных культурных стереотипов на пересечении язычества, разных ветвей христианства, шаманизма, ламаизма, буддизма и др., на стыке традиционной, советской и постсоветской культур. В результате возникает «новая образность», некий поликультурный «кентавр», совмещающий в едином пространстве иррационализм восточной и славянской духовности и прагматизм набирающей силу «вестернизации». Взаимодействия культурных кодов, параллельное существование культур либо их послойное наложение во времени приводит к трансмутации «своего» и «чужого», старого/наличного и нового. Исследование традиций, их эволюции и современных метаморфоз позволяет выделить специфику, истоки и архетипы разных культур и ресурс идентификации. Диалог с «эйдосом» других культур как важный тезис трансмутационного контакта предполагает дополнение и «ассимиляцию» различных культурных норм и кодов, их контекстуальное погружение, соотнесение друг с другом, временные преобразования и непереносимое порождение нового [5; 6].

Таким образом, всестороннее развитие культуры города/территории и сохранение «памяти места», его идентичности происходит успешно в ситуации, когда вносимые преобразования не противоречат генетическому коду «места», находятся в границах «генезиса градостроительной системы», ее потенциального развития и не нарушают принципов наследования. Для выявления уникальных особенностей «места» исследуются взаимодействия элементов среды и градостроительной структуры, а также процессы их трансмутации от «эмбриональной стадии» до современного состояния, анализируются механизмы идентификации нового в наличном, формы наследования «врожденных» свойств городской культуры.

При этом трансмутационный контакт, помимо основной идеи (идентификации нового в наличном), может рассматриваться и как одна из ключевых форм взаимодействия разных типов историко-культурных, архитектурно-градостроительных норм, целостностей и генокодов, позволяющая сохранять индивидуальность и преемственность каждой культуры в общем культурном универсуме. Подразумеваемая потенциальную способность культурных образцов и генетических кодов взаимодействовать в процессе наследования, мутируя и трансформируясь, трансмутационный контакт раскрывает природу существующих норм и представлений, выявляет специфику «получения» кодов культуры, а также задает концепцию взаимодействия разных образцов между собой – нового и старого, существующего контекста и нововведения, традиционного и современного. Будучи механизмом проявления «ресурса идентификации», трансмутационный контакт отражает процессы порождения нового (и введения «чужого»). Кроме того, существуя как особое состояние сознания, часть процесса преемственности, трансмутация присуща не только профессиональной культуре, но и в целом современному обществу.

Литература

1. Баллер, Э. А. Преемственность в развитии культуры. – Москва : Наука, 1969. – 294 с.
2. Герасименко, А. Генетический код города. – URL: <https://archi.ru/russia/16920/geneticheskii-kod-goroda-master-klass-sergeya-chobana-na-arh-moskve> (дата обращения: 20.12.2020)
3. Гердер, И.-Г. Идеи к философии истории человечества. – Москва : Наука, 1977. – 703 с.

4. Азизян, И. А., Добрицына, И. А., Лебедева, Г. С. Теория композиции как поэтика архитектуры. – Москва : Прогресс-традиция, 2002. – 476 с. : ил.
5. Железняк, О. Е. Идентификационные пространства города. Трансмутация // Город: прошлое, настоящее, будущее. Сборник научных трудов. – Иркутск, 2004. – С. 139–146
6. Железняк, О. Е., Охрименко, Г. И. Пространства культурной идентификации. Семейские Забайкалья. – Иркутск : ИРГУ, 2009. – 160 с.
7. Лавренова, Т. И. Теоретические основы изучения преемственности в культуре // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. – 2009. – № 11 (15). – С. 19–24
8. Лотман, Ю. М. Несколько мыслей о типологии культур // Ю. М. Лотман. Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллин, 1992. – Т. I. – С. 102–109
9. Мегилл, А. Историческая эпистемология. – М. : Канон+, РООИ Реабилитация, 2007. – 480 с.
10. Нора, П. Проблематика мест памяти // П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пуимеж, М. Винок. Франция-память – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – С. 17–50
11. Петров, М. К. Язык. Знак. Культура. – Москва : Наука, 1991. – 328 с. : ил.
12. Садыева, Н. С.-Д. Роль понятий «непрерывность» и «неразрывность» в понимании сущности традиций // Вестник Бурятского государственного университета. – 2010. – Вып. 6 : Философия, социология, политология, культурология. – С. 54–59
13. Славинский, С. П. «Код города» и его отражение на примере градостроительного развития Великого Новгорода // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. – 2018. – № 3. – С. 128–144
14. Эпштейн, М. Знак пробела : О будущем гуманитарных наук. – Москва : Новое литературное обозрение, 2004. – 864 с.

References

- Azizyan, I. A., Dobritsyna, I. A., & Lebedeva, G. S. (2002). *Teoriya kompozitsii kak poetika arkhitektury* [The theory of composition as poetics of architecture]. Moscow: Progress-traditsiya.
- Baller, E. A. (1969). *Preemstvennost v razvitii kultury* [Succession in the development of culture]. Moscow: Nauka.
- Epstein, M. (2004). *Znak probela: O budushchem gumanitarnykh nauk* [Blank space: On the future of humanities]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Gerasimenko, A. (2009, May 29). *Geneticheskiy kod goroda* [A genetic code of the city]. <https://archi.ru/russia/16920/geneticheskii-kod-goroda-master-klass-sergeya-chobana-na-arh-moskve>
- Herder, J.-G. (1977). *Idei k filosofii istorii chelovechestva* [Ideas on the philosophy of the history of mankind]. Moscow: Nauka.
- Lavrenova, T. I. (2009). *Teoreticheskie osnovy izucheniya preemstvennosti v kulture* [Theoretical background for studying the succession in culture]. *Izvestiya PGPU im. V. G. Belinskogo*, 11(15), 19-24.
- Lotman, Yu. M. (1992). *Neskolko myslei o tipologii kultur* [A few thoughts on the typology of cultures]. In *Statyi po semiotike i tipologii kultury* (Vol. I, pp. 102-109). Tallin.
- Megill, A. (2007). *Istoricheskaya epistemologiya* [Historical epistemology]. Moscow: Kanon+, ROOI Reablitatsiya.
- Nora, P. (1999). *Problematika mest pamyati* [Problematics of the places of memory]. In *Frantsiya-pamyat* (pp.17-50). Saint Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. Un-ta.
- Petrov, M. K. (1991). *Yazyk. Znak. Kultura* [Language. Sign. Culture]. Moscow: Nauka.
- Sadyeva, N. S.-D. (2010). *Rol ponyatiy "nepreryvnost" i "nerazryvnost" v ponimani sushchnosti traditsiy* [The role of the notions "permanence" and "continuity" in the insight into traditions]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 6, 54-59.
- Slavinsky, S. P. (2018). *"Kod goroda" i ego otrazhenie na primere gradostroitelnogo razvitiya Velikogo Novgoroda* [The "code of the city" and its reflection through the example of the urban development of Veliky Novgorod]. *PR N . Problemy vizualnoi semiotiki*, 3, 128-144.
- Zheleznyak, O. E. (2004). *Identifikatsionnye prostranstva goroda. Transmutatsiya* [Identification spaces of the city. Transmutation]. In *Gorod: proshloe, nastoyashchee, budushchee. Sbornik nauchnykh trudov* (pp. 139-146). Irkutsk.
- Zheleznyak, O. E., & Okhrimenko, G. I. (2009). *Prostranstva kulturnoi identifikatsii. Semeiskie Zabaikalya* [Spaces of cultural identification. Semeyskie of the Trans-Baikal Region]. Irkutsk: IRGTU.

Кризис мегаполисов в современном мире очевиден. Предпринята попытка постановки вопросов, необходимых для осмысления глубины этого кризиса в условиях невиданного развития СМИ, возможности дистанционной работы, военных и эпидемиологических угроз и пр. Поставлена под сомнение необходимость традиционных центров в больших городах. Сделан вывод, что Архитектура современных центров становится рекламой Утопии. Предложен вариант типологии дезурбанизма. Ключевые слова: город; мегаполис; постановка проблемы; утопия; пароль; типология дезурбанизма. /

Город и центр: парадоксы, вопросы, проблемы / The city and the center: paradoxes, questions, problems

ТЕКСТ

Александр Раппапорт /
text
Alexander Rappaport

... человек несомненно порвет связующие его кандалы теллурического мира и изойдет своими механическими изобретениями в окружающий его соляный мир.

А. В. Сухово-Кобылин

Парадокс города

Недавно я неожиданно увидел парадокс города как формы расселения. Город по сравнению с селом, аулом, деревней обладает значительной концентрацией населения и компактностью размещения построек. Казалось бы, именно в городе можно ограничиться пешеходным движением или максимально экономной системой общественного транспорта – от эскалаторов и движущихся тротуаров до кольцевых линий наземного или полуподземного транспорта. Наконец, велосипедами, о которых так горячо мечтал наш гениальный драматург Сухово-Кобылин [1].

В процессе урбанизации XVIII–XX веков города были еще местами расположения промышленного производства с его вредными газами, большим количеством грязи и шума. Надо полагать, что в ближайшие сто лет эти дефекты промгорода останутся в прошлом, а городское производство станет интеллектуально-емким и почти полностью автоматизированным с соответствующей гигиеничной техникой.

Нетрудно предположить и то, что активно занятые в городской деятельности могут жить далеко от территории самого города на лоне природных ландшафтов. Все необходимые коммуникации обеспечат их синхронное присутствие в любом месте.

Нынешние мегаполисы станут своего рода монстрами переходной эпохи цивилизации – эпохи совмещения технологий разных порядков совершенства. Монументальные сооружения мегаполисов (небоскребы) будут – в известной мере – следом первобытной дикости горожан и их институтов.

Нынешний патриотизм столичных городов, вроде Лондона и Москвы, отойдет в прошлое и станет казаться своего рода безумием.

Для нормальной работы большого города площадью не более 100 км² будет достаточно территории 10 × 10 км и населением до 1 млн. человек. Никакого личного авто-

транспорта для внутренних перемещений в таком городе не потребуется, за исключением особых категорий инвалидов. Возможно, что из соображений военной угрозы и от них придется отказаться в пользу менее концентрированных поселений.

Организация общественной жизни в таких городах вернется к интимности средневековых университетских городков и монастырей. Ибо нет ничего более абсурдного, чем улицы современных городских центров, буквально забитые как бы запором индивидуальных автомобилей, которым ни проехать, ни запарковаться уже негде. Отсюда все эти нелепые ограничения на въезд и парковку в центрах мегаполисов.

Распад таких монстров откроет совершенно новые перспективы для архитектуры. На место типовых мегаполисов вновь придут города с индивидуальным ландшафтом и неповторимым человеческим лицом, парковой и естественной природой, большим количеством домашних и полудомашних животных и птиц. Такие города сделаются чем-то вроде новых микро-стран, муниципальная жизнь которых будет несравнимо более адекватной, чем в мегаполисах, где живет 20 млн. человек. Все частные проблемы такой системы расселения будут в сотни раз более естественными, чем урбанистические проекты линейных поселений, хотя элементы таких линейных структур могут и сохраниться.

Эти новые города превратят людей в новый вид буржуазных сословий, в основном профессиональных. Количество новых видов коммунальности в них в сотни раз увеличится по сравнению с современной типологией всякого рода съездов, парадов, фестивалей и пр.

Генераторы пробок и удущья понемногу освободят поверхность нашей прекрасной планеты. Лица людей, лица зданий и городов, наконец, станут человеческими в полном смысле слова.

Город и центр: проблемы и вопросы

В архитектурном сообществе тема «современный город и его центр» вызывает множество толкований, куда входят и все классические соображения о транспорте, обслуживании, экономике, равно как о ландшафте, силуэте, линии горизонта, ориентации, среде и пр.

The crisis of metropolitan cities is evident in the present-day world. The author attempts to articulate the issues necessary to comprehend the depth of this crisis in the conditions of the unprecedented development of mass media, possibilities of teleworking, military and epidemiologic perils etc. The author raises doubts about the necessity of traditional centers in Big cities. He comes to the conclusion that Architecture of contemporary centers becomes publicity for Utopia.

Keywords: city; metropolitan city; articulation of issue; utopia; password; typology of desurbanism.

Эти архитектурные сюжеты не новы и воспроизводят многие прежние философские, географические и архитектурные темы. По-новому эта тема должна была бы читаться в контексте современных выгод и заказов, политэкономической конъюнктуры и властных интересов. Стоит задать ключевые вопросы:

– Кому, собственно, сегодня нужны современные большие города и их центры?

Обыкновенно отвечают, что это центры обучения и распространения идеологий, это место реализации финансовых интересов. В городах располагаются органы власти и пр.

– Перевешивают ли негативные факторы в жизни современных городов?

Очевидно, что в больших городах высоки гигиенические и военные риски. Высока степень угрозы психическому здоровью горожан, особенно в мегаполисах. Борьбу кланов и мафий также не стоит сбрасывать со счетов.

Сегодня возникает и множество новых вопросов:

– Чем новые города в эпоху Интернета и пандемий будут отличаться от старых городов?

– Что в городских ценностях вытекает из образа жизни, а что навязывается горожанам?

– В какой мере архитектурное профессиональное сообщество попадает в зависимость от городов и может использовать города в своих профессиональных и социальных целях.

При желании список вопросов можно было бы расширить, но уже этих достаточно.

Нужен ли Большому современному городу центр?

Нужен ли Большому современному городу «центр» или само понятие «центра» для города давно устарело? Да и сам Большой город, не пора ли ему в отставку?

В век интернета, дистанционной работы и торговли центр остается местом только мнимого присутствия в нем личностей, входящих в культурную элиту, и некоторого количества исторических памятников архитектуры.

Не становится ли понятие «центра» обозначением устаревшей кольцевой транспортной инфраструктуры и бюрократической схемы номенклатурных уровней с соответствующим архитектурным декорумом властей?

Театрализация центра современных городов кажется анахронизмом, поддерживаемым только туристическим бизнесом и соответствующими отелями и ресторанами. Так что центр города становится чем-то вроде напоминания о его собственной кончине – в виде собора и рыночной площади.

В какой-то мере это место отвечает потребностям молодежных контактов и случайных встреч как мест анонимности. Остается ли эта структура образцом для малых городов – вопрос открытый.

Ставить этот вопрос сегодня – значит расписываться в дремучем анахронизме, который, конечно, не удивляет в контексте всех прочих анахронизмов, всплывших на фоне невиданного прогресса СМИ.

Город и центр уже не утопии, а нечто новое, что еще не имеет имени – ни «утопического сна», ни рая, ни ада. Центр – очередная мнимость на потертом рубище профессиональной онтологии.

Театрализация жизни центра – дизайнерская упаковка с уличными певцами и танцорами, жалкой живописью, фастфудом, аттракционами, дорогими ресторанами и отелями, предназначенная для туристов.

Центр города как сеанс гипноза

Возможно, что города стали первым искусственным видом поселения после пещер. Стены пещеры, защищавшие пространство семьи или племени, уступили место городским стенам. Позднее внутри города возникает рынок и небольшая армия, способная защитить близлежащие села от нападения.

Города растут, строятся новые кольца стен – растет число пригородных сел и армия, способная защитить уже от более сильных завоевателей. Деньги хранятся в банках, своего рода городов в городах, которые располагаются подальше от стен – в самом центре. Растут вклады, хранящиеся в подвалах, и этажи, на которых сидят банковские служащие.

В центре строится собор, способный вместить и защитить всех горожан от врагов. Поначалу высота собора намного превосходит высоту всех строений города, в том числе и банков.

Город не открыт для всякого пришельца. У ворот вас встречает стража и требует пропуска. Таков средневековый город. В современный город (закрытые военные города не в счет) вы можете без препятствий въехать на поезде или автомобиле, но попасть с той же легкостью в высокие учреждения вам уже не удастся.

С этих пор пресловутая «организация пространства» как девиз современной архитектуры, раздваивается. Для глаз пространство более или менее открыто – для ног чаще всего закрыто. Возникает новое племя стражей пространства – разного рода часовых, пограничников, дворников, привратников, сторожей, охранников и пр.

Высотные здания скрывают свои тайны, но внутри истина обнаруживается немедленно. Вместо парящего над вами свода купола вы видите плоский потолок, а за ним непременно следующий этаж. Вот отсюда начинаются гипноз, галлюцинации и метафоризация городского пространства.

Стены храма не пропускали лишь потусторонние силы, но граждан города и гостей они не задерживали. Под сенью храма царило слово Божие. Теперь это слово называется по-французски – ПАРОЛЬ, и тех, кто его не знает, внутрь не впускают.

Близится время, когда и собственная голова, и собственный дом, и автомобиль, и компьютер окажутся под охраной паролей и ключей. Одна ошибочка – и вас программы отсылают «за кудыкину гору», в темный лес, наполненный привидениями – ошибками в знании паролей. Пароль заменил идеологию и присягу на верность владыке или его пониманию мироустройства.

Чтобы как-то смягчить эти новые препоны и цепи, придумываются разного рода развлечения, например, рекламные мультки с котятками и медвежатами и, наконец, Архитектуру – в особенности архитектуру центров больших городов. Это вид на райский мир с небольшой дистанции.

Центры городов поднимаются к облакам и вместе с небом намекают каждому на возможность вознесения, полета. Это гипноз свободы в ее крайней форме освобождения от сил тяготения.

Аристотель понимал силы тяготения как силы любви, как эрос. Да и современные центры городов, как замечают все чаще архитектурные критики, дают нам свободу любви, и их высоко вздымающиеся башни городского центра символизируют ту же потенцию, какую в графической форме рисуют диаграммы роста доходов. Здесь богатство и воображение заключают свой новый идеальный союз фантазии, утопии и чуда. Архитектор становится магом в пространстве света, а тень его приобретает вид охранника, и бюро пропусков удачно маскируется зелеными насаждениями.

Утопия становится тенью архитектуры, а архитектура – рекламой Утопии, идеологии, которая, превратившись

в НАУКУ, достигнет вас не криком «стой!», а вопросом – «пароль?».

Впрочем, всевластное время не прекращает игру символов, и не исключено, что в недалеком будущем эти могучие символы силы уступят место более мягким и привлекательным образам податливости.

Но что же будет с архитектурой? Не превратится ли она в садоводство, искусство букетов – икебану – и, наконец, в парфюмерию? Не в этом ли смысл неимоверно быстро выросшего в мире Дизайна?

Не значит ли это, что гипнотизация мира медленно, но верно завоевывает все новые пространства, в том числе и архитектурные?

Вопрос же поворачивается на 180 градусов и звучит так: поддаются ли авторы – художники, дизайнеры, архитекторы и прочие современные чародеи – собственной магии внушения и усыпления? И что случится, когда всем этим волшебством овладеют наши детки – компьютеры, киборги, и прочие трансгуманоиды?

Типология дезурбанизма

1. Тотальная рурализация – равномерное распределение малоэтажной застройки.

2. Локальная урбанизация – локальное размещение узлов плотной и высотной застройки.

3. Островная дезурбанизация – равномерное чередование высокой и малоэтажной застройки.

4. Шахматная урбанизация – чередование высокой и малоэтажной застройки в порядках черных и белых полей шахматной доски.

5. Сетевая урбанизация – расположение полос высокой застройки вдоль основных дорог.

6. Орнаментальная урбанизация – свободное чередование пятен многоэтажной застройки, ландшафтной среды, малоэтажных пятен и их произвольное распределение в зависимости от рельефа и ландшафта.

Разумеется, предложенные типы есть схемы формальной схоластики – это лишь грубая канва. Какие образы могут быть созданы на ее основе, мы не знаем. Могут ли сами образы, построенные на ней, иметь ареальный жизненный смысл – тоже. Но без такого рода технической аппаратуры мы не можем подойти к логике проекта. Ошибка конструктивизма состояла, на мой взгляд, как раз в том, что она не различала логики и семантики, поэтики и образной ткани.

Литература

1. Сухово-Кобылин, А. В. Философия духа или социология. – URL: http://az.lib.ru/s/suhowokobylin_a_w/text_0040.shtml (дата обращения 22.01.2021)

References

Sukhovo-Kobylin, A. V. (1899). *Filosofiya dukkha ili sotsiologiya* [Philosophy of the spirit or sociology]. http://az.lib.ru/s/suhowokobylin_a_w/text_0040.shtml

Реставраторы говорят, что со временем произведения искусства, картины, статуи приобретают свойства организма. А что же город? В своих профессиональных дискуссиях мы часто используем метафору «город – организм», и для этого есть основания. По своей сложности, многообразию и системной цельности тонкие городские взаимосвязи вполне сравнимы с живым организмом. Транспорт и инженерные сети – чем не лимфа и кровеносные сосуды? Легкие города – рекреации. Исторический центр – сердце города, об операции на котором говорил Марк Меерович (ПБ №50, с. 75), и именно сейчас это главный дискурс Иркутска. А у Парижа даже крево было – рынок Ле Аль, переделанный в XX веке в магазин (и многие, в частности Бернар Чуми, считают, что эта операция была ошибкой).

Именно сложность, разнообразие связей придает живому устойчивость. Организм города тоже довольно устойчив к внешним изменениям, умеет сопротивляться грубым воздействиям и даже, подобно живому, самовосстанавливаться. Аналогия «город – организм», как всякая аналогия, имеет жесткие границы применимости, но во многих случаях она может подсказать интересные и плодотворные идеи.

Елена Григорьева

Город как организм / the city as an organism

Art restorers believe that, in the course of time, pieces of art, paintings and sculptures acquire characteristics of an organism. And what about a city? We often use a metaphor “city as an organism” in our professional discussions, and rightly so. Judging by their complex and diverse character and the wholeness of their system, delicate urban interrelations can be compared to a living organism. Transport and utilities look like lymph and blood vessels. Recreation areas are the lungs of the city. The historical center is its heart. The operation on this heart was pointed out by Mark Meerovich (PB 50, p. 75), and right now it is the main discourse in Irkutsk. Paris even has its belly – Les Halles Market, which was rebuilt into a shopping mall in the 20th century (this operation is considered an error by many professionals, including Bernard Tschumi).

The complexity and diversity of interrelations gives resistance to a living organism. The city's organism is also rather resistant to external influences, can withstand barbarous acts and even self-restore like a living creature. Like any other analogy, the “city-organism” analogy has strict limits to applicability, but it can often suggest interesting and fruitful ideas.

Elena Grigoryeva

Выделив самобытные черты русских городов в прошлом, автор рассматривает их бытование в наше время – в мегаполисах, крупных и малых городах. В качестве примера новой российской «самобытности» приводится полное равнодушие к сохранившемуся архитектурному наследию. Проанализирована практика распродажи исторической недвижимости в Западной Европе и России. Сделан вывод о необходимости глубокого понимания самобытности русской градостроительной культуры для обеспечения процесса ее дальнейшего развития.

Ключевые слова: самобытность (идентичность) русских городов; панорама города; многокупольный силуэт города; усадебная застройка; современный облик исторических городов Центрального федерального округа (ЦФО); практики сохранения наследия в Западной Европе и России. /

Having revealed the authentic features of Russian cities in the past, the author studies their existence in the present time: in metropolitan, big and small cities. Absolute indifference towards the surviving architectural heritage is described as an example of a new Russian “identity”. The author analyses the selling-out of historic property in Western Europe and Russia. The author makes a conclusion about a deep understanding of the identity of Russian town-planning culture needed to ensure its further development.

Keywords: identity of Russian cities; cityscape; multi-dome skyline of the city; estate housing; current appearance of historic cities in the Central Federal District; heritage preservation practices in Western Europe and Russia.

Проблема самобытности русского города / The issue of identity of a Russian city

текст
Мария Нащокина /
text
Maria Nashchokina

Фото №№ 1–2, 11–16,
18–23, 31–32 сделаны
автором статьи /
Photos 1-2, 11-16, 18-23,
31-32 taken by the author

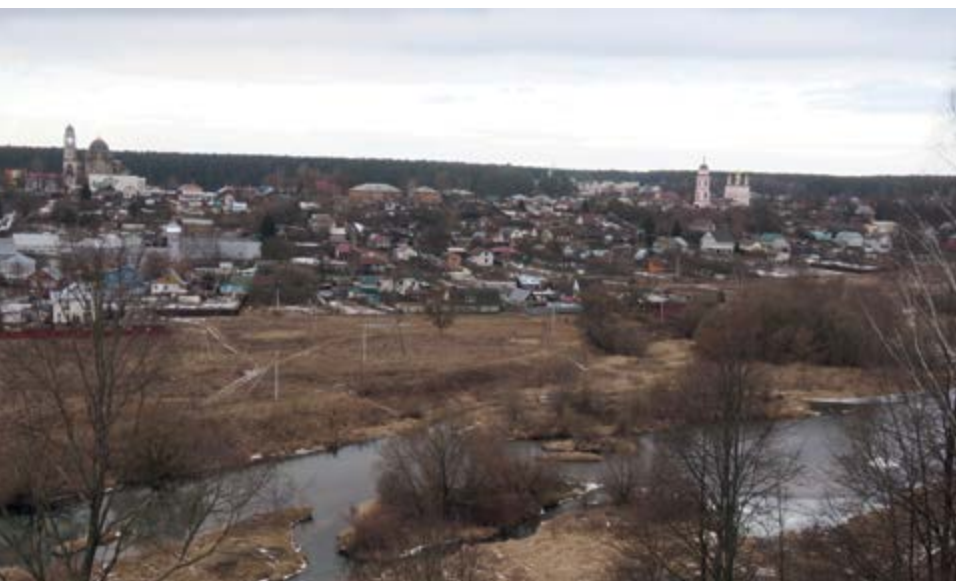
Начнем с основного понятия. Что такое самобытность? Академический словарь трактует его как «существенное и постоянное проявление тех компонентов культурного достояния данного общества, которые оказываются функционально необходимыми на новых этапах его существования, обеспечивая его самосохранение и идентичность при всех изменениях в нормативно ценностной и смысловой сферах <...>» [11]. ЮНЕСКО, признавшее на Всемирной конференции в Мехико (1983) культурную самобытность (идентичность; identity) «одной из важнейших проблем нашего времени», определило ее более внятно и коротко: это «жизненное ядро культуры, тот динамический принцип, через который общество, опираясь на свое прошлое, черпая силу в своих внутренних возможностях и осваивая внешние достижения, отвечающие его потребностям, осуществляет процесс постоянного развития» [2]. Итак, самобытность культуры совмещает преемственность и способность к развитию. Французский ученый Р. Тар уточнял: «Самобытность – выражение

единства индивида и коллектива, стремления к устойчивости, постоянству, интеграции и гармонизации» [1, p. 7].

Обозначим некоторые аспекты темы самобытности русского города. Ответ можно найти в трудах по истории русской архитектуры, где описаны основные типы городских планировочных структур от нерегулярных до регулярных: традиционная иерархическая сакральная структура (храмы, кремли, монастыри), напрямую связанная с планировкой; акцентирована роль и особенности панорам городов, их многобашенный и многокупольный общий силуэт, характерные панорамы улиц, обыкновенно направленных к храмам; усадебная застройка, а также неременная связь с природой естественной – рельефом местности, реками, долинами, холмами и перелесками, и взращенной руками человека – садами, бульварами, скверами, парками.

Обозначим еще одну специфическую черту русского градостроительства. Как известно, наиболее многочисленным сословием огромной аграрной российской державы было крестьянство, жившее не только в селах и деревнях, но и в городах. До 1860-х годов (а в некоторых городах до самого конца XIX века) сельское хозяйство оставалось основным занятием городских жителей, что отражалось и на облике городов, и на их планировке. Горожане владели земельными угодьями за городскими границами и обрабатывали их: сразу за городскими границами начинались пахотные земли. В конце XIX века писали: «Уездные города: Звенигород, Руза, Волоколамск теперь, как и прежде, сохраняют характер земледельческий. Нынешний город Ярославской губернии Ростов населен огородниками, Таруса (Калужской губ.) хлебопашцами, Боровск (тоже Калужской губ.) занимается разведением чеснока и луку и т. д.» [16, с. 9]. Когда во второй половине XIX века во многих небольших городах и даже селах появились крупные заводы и фабрики (текстильные, красильные, сахарные, винные, железодельные, военные и т. д.), они быстро выросли за счет пришлого рабочего люда. Однако и в них часть жителей продолжала жить по законам натурального хозяйства, обеспечивая себя и горожан основными продуктами питания, что глубоко отличало русские города этого времени от западноевропейских [10, с. 294]. Возделан-

в Рис. 1. Панорама
Боровска, 2019

^ Рис. 2. Панорама Лальска, 2008

ные поля и луга сегодня сохраняются вокруг некоторых небольших городов – например, в Боровске (рис. 1) или Лальске (рис. 2).

Своеобразной квинтэссенцией собирательного образа русского города всегда служила Москва. Н. М. Карамзин так описал ее в «Истории государства Российского»: «Необозримая Москва величественно возвышалась на равнине с блестящими куполами своих несметных храмов, с красивыми башнями, с белыми стенами Кремлевскими. С редкими каменными домами, окруженными темною грудой деревянных зданий, среди зеленых садов и рощей. Окрестные монастыри казались маленькими, прелестными городками» [9, с. 537]. Как известно, восхищенные строки о Москве оставили не только соотечественники, но и многие иностранцы. Супруга Николая I императрица Александра Федоровна, прусская принцесса, впервые увидев город, писала в 1817 году: «Проснувшись поутру, я подошла к окну и, когда увидела великолепное зрелище, открывающееся на Москву, которая расстилась словно панорама у моих ног, то сердце забилось: я поняла Россию и стала гордиться, что принадлежу ей» [8, с. 150]. Некоторым иностранцам Москва казалась ярким восточным городом, а некоторые сравнивали ее облик с благословенной Италией. В злополучном для города и наполеоновской армии 1812 году молодой французский офицер Анри Бейль (будущий Стендаль) писал из горячей Москвы: «Вам известно, что в Москве было четыреста или пятьсот дворцов, убранных с очаровательной роскошью, неведомой в Париже, и которую можно видеть только в счастливой Италии <...>» [14] (рис. 3–5).

Еще больше оснований для сравнения с Италией было у жителей и гостей Северной Венеции – Санкт-Петербурга, ставшего непревзойденным образцом российского города Нового времени (рис. 6). При многих чертах сходства с западноевропейскими городами, в Петербурге отразились те же общие для многих древних русских городов черты – иерархичность планировочной структуры с крепостью в центре, многокупольный силуэт, внимание к городским и уличным панорамам, усадебная застройка, неразрывная связь с природными объектами – руслами рек и морским заливом.

< Рис. 3. Панорама Москвы. Фото 1890-х гг.

^ Рис. 5. Современная панорама Москвы

В Средние века и в Новое время пытливые иностранные путешественники (например, Адам Олеарий в своем «Описании путешествия в Московию» (рис. 7–8) [5]) оставили немало воспоминаний и рисунков других русских городов, обратив внимания на те особенности, которые были не похожи на облик городов их родины,

^ Рис. 6. Современная панорама Санкт-Петербурга

> Рис. 7. Панорама Коломны. XVII в. Рис. А. Олеария

то есть как раз выделяя их индивидуальность и самобытность. Наиболее яркими оригинальными архитектурными чертами, которые они отмечали, был многобашенный и многокупольный силуэт городов и большой процент деревянной жилой городской застройки, своим обликом, силуэтом и декором резко отличавшейся от каменной или смешанной городской застройки западноевропейских городов. Таким образом, обращение к истории русского градостроительства показывает (а свидетельства заезжих путешественников подтверждают), что облик русских городов до XIX века включительно отличался несомненным своеобразием, обусловленным особыми чертами крепостного и церковного зодчества и обилием дерева в качестве строительного материала.

^ Рис. 8. Панорама Мурома. XVII в. Рис. А. Олеария

На этом экскурс в историю можно закончить и задать вопрос: какие черты из перечисленных сохранились и развиваются в российских городах сегодня? Какие из городов более-менее полно сохраняют своеобразие, а какие полностью изменяются?

Бывшая некогда эталоном самобытности Москва сегодня с трудом удерживает алчных строительных магнатов от застройки исторического центра (!) высотными башнями в 25–40 этажей. Она почти полностью утратила архитектурную гармонию и цельность за пределами Камер-Коллежского вала, чудовищно расплывшись почти до размеров Московской области. В городе безжалостно уничтожается окружающий его и некогда бережно сохраняемый зеленый пояс (генеральные планы 1935, 1971 годов) (рис. 9–10). Исчезли многие островки городской зелени: обсадка липами многих улиц, остатки садов внутри кварталов; почти полностью застроен пейзажный Петровский парк начала XIX века, строения неуклонно подбираются даже к территории национального парка, которым в 1980-х годах был признан Лосиный остров, и т. д. Случайно появившийся парк Зарядье с его чахлой растительностью считать развитием традиций городской зелени не приходится.

Оригинальный силуэт центра Москвы до сих пор отчасти спасают сталинские высотки, своими хорошо нарисованными пирамидальными абрисами сохраняющие последние аллюзии на прежние сорок сороков московских храмов. Но рядом с ними выросло агрессивное скопище разномастных небоскребов Сити, которые можно увидеть в гораздо большем разнообразии и масштабе во многих активно растущих сегодня азиатских

< Рис. 9. Генеральный план Москвы, 1935

городах. Прежние представления об архитектурной гармонии и красоте размываются, замещаясь декларациями городского комфорта, благоустройства и экономической целесообразности (под ней нередко понимается то, что город избавляется от «обременений», отдавая куски своей территории или отдельные строения (в том числе памятники) богатым инвесторам). В Москве в последние годы пытались опираться на морфотипы городской среды, но, учитывая все увеличивающуюся в целом плотность застройки, эта методика мало что дала. С ее помощью можно разве что успокоить общественность и утверждающие органы; да и то не всегда. Изменяется и облик Подмосковья, тотально застраиваемого коттеджами, таун-хаусами, не имеющими, как правило, никакой связи со сложившимся образом традиционного русского дома и окружающим ландшафтом, и многоэтажными типовыми домами. Иными словами, перед нами реальный, протекающий на наших глазах социокультурный процесс, причины и следствия которого хотелось бы представить заранее.

Петербург пока более-менее успешно отстаивает свой уникальный самобытный облик, хотя и со многими историко-архитектурными и художественными потерями (имею в виду до сих пор уничтожаемые интерьеры реконструируемых доходных домов).

Впрочем, названные и еще нескольких не названных городов-миллионников по своим возможностям, экономическому и человеческому потенциалу резко выделяются среди других городов России. Их проблемы в большинстве своем находятся не в области архитектурного творчества, а в экономической сфере, предопределенной нынешним типом общественного устройства. Российская экономика сегодня предусматривает взаимодействие только с крупными городами, обладающими большими человеческими ресурсами и потенциалом роста. Явный акцент в их облике на деньги, материальную выгоду у отдельных застройщиков в последние годы достаточно очевиден.

С точки зрения самобытности для нас наиболее важна территория Центрального федерального округа (ЦФО), занимающего значительную часть исконно русских земель, в которой расположено большинство домон-

< Рис. 10. Генеральный план Москвы, 1971

гольских русских городов. Сейчас это в основном малые и средние по численности и размерам города. Общий список городов РФ 2013 года показывает, что к числу малых относились 436 городов (взяты города с численностью, чуть превышавшей 20 тыс. чел., чтобы сделать поправку на естественную убыль населения за 5 прошедших лет), то есть без малого 40% от общего числа (1108 городов). Из них 208 были основаны в средние века, 77 – в XVIII веке, 86 – в XIX-м, 65 – в XX веке. Таким образом, 371 малый город (33,5%), так или иначе, относится к историческим городам страны или, по крайней мере, имеет историческое архитектурное наследие. Другими словами, территория ЦФО обладает очевидной и бесспорной ценностью для русской идентичности. Именно здесь сегодня сохраняется самобытный исторический городской ландшафт. Сохраняется малозатяжная усадебная застройка, красивые панорамы с силуэтами храмов (к сожалению, в советское время их сильно «проредили» почти повсеместно), сады и окружающие город природные ландшафты (рис. 11–16).

^ Рис. 12. Застройка Арзамаса, 2005

На протяжении веков малые, средние и даже крупные русские города успешно обеспечивали себя всем необходимым, а их размеры и численность населения сохраняли определенную стабильность. Сегодня ситуация принципиально изменилась: из российской прессы известно, что в России перестали работать 78 тыс. промышленных предприятий, а также многие санатории, пансионаты и пионерские лагеря и т. д. Таким образом, огромные массы городского населения, чтобы выжить, были вынуждены в последние три десятилетия кардинально менять не только свою работу, но и место жительства. Только исторически выработанная привычка наших соотечественников к произволу и их безграничное терпение не привели российские города к социальному взрыву.

С переходом к капиталистической модели развития, утратой экономической поддержки государства, установлением новой системы налогообложения, банкротством и закрытием большого числа промышленных предприятий, а, следовательно, оттоком работоспособного населения [12], именно эти города первыми оказались на краю гибели. Из малых и средних городов население постепенно переселяется в города-мегаполисы, быстро исчезает традиционная городская малоэтажная застройка. Надо ли напоминать, что малые и средние города России во многом определяют исторически сложившийся каркас расселения страны, фактически удостоверяющий права на ее исторические земли. Их потеря катастрофич-

> Рис. 13. Площадь в Тотьме, 2020

> Рис. 14. Застройка Чистополя, 2005

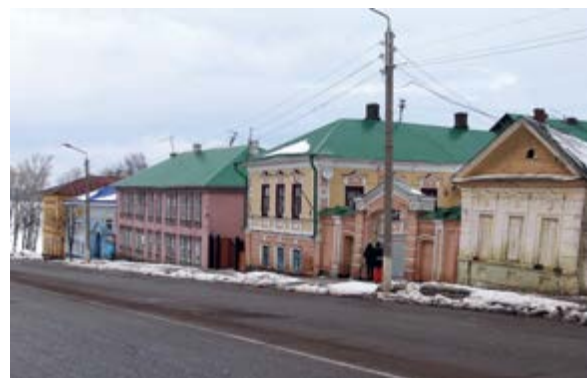

^ Рис. 11. Улица Балахны, 2013

на не только для нашей самоидентичности, но и с точки зрения сохранения оседлого населения во многих отдаленных уголках России. А это уже вопрос геополитики...

Хотя поддержание стабильности существования малых и средних городских образований во внутреннюю политику РФ пока не вписывается (в качестве орудия спасения обозначен только туризм), тем не менее, именно в этих городах пока еще сохраняется исторически сложившийся ландшафт, усадебная застройка с садами, ярусные городские силуэты, панорамы улиц, образ и темп городской жизни, то есть выработанные веками черты градостроительной самобытности. Справедливо утверждение П. Г. Щедровицкого, что «вопрос, как будет развиваться город, его инфраструктура и среда, зависит от того, насколько эффективна та структура занятости, та система разделения труда, которую вы выращиваете на этой территории» [6, с. 13]. Казалось бы, именно здесь разумно поддержать население с его привязанностью к родному дому, обновить инженерное обеспечение, чтобы газ не взрывался и трубы не прорывало, создать программы кредитования ремонтных работ, но путем ликвидации мест приложения труда фактически запущен процесс обнищания населения, лишившегося работы.

Сохранение исторической системы расселения входит в национальные программы многих западноевропейских государств. Для этого в Европе часто используют распродажу разрушающихся объектов исторической не-

^ Рис. 15. Панорама Великого Устюга, 2020

движимости по символической стоимости, но с условием восстановления. Так, в 2019 году о подобных распродажах объявляли в эстонском Кохтла-Ярве, в итальянском городе Муссомели и т. д. Не допустить утраты ни одного памятника, ни одной деревни, ни одного города – цель многих муниципальных программ Италии. К примеру, в коммуне Бизачча продают 90 исторических зданий по цене 1 евро. Главное требование к покупателям – они должны отремонтировать здания. Дома здесь стоят очень тесно, у некоторых из них даже общий вход, поэтому власти рады переселяющимся компаниям друзьям и семьям, которые решили жить рядом. Заместитель мэра говорит: «Мы хотим, чтобы это место снова засияло». Администрация области Молизе на юге Италии предложила пособие желающим переехать в один из населенных пунктов региона с населением до 2 тыс. жителей. Размер пособия новоприбывшим составит 700 евро в месяц, его будут выплачивать в течение трех лет; таким образом, общая сумма компенсации за переезд составит 25,2 тыс. евро. В качестве обязательных условий для получения регулярных денежных выплат власти указывают постоянное проживание в деревне или небольшом городе области и открытие в этом населенном пункте собственного бизнеса.

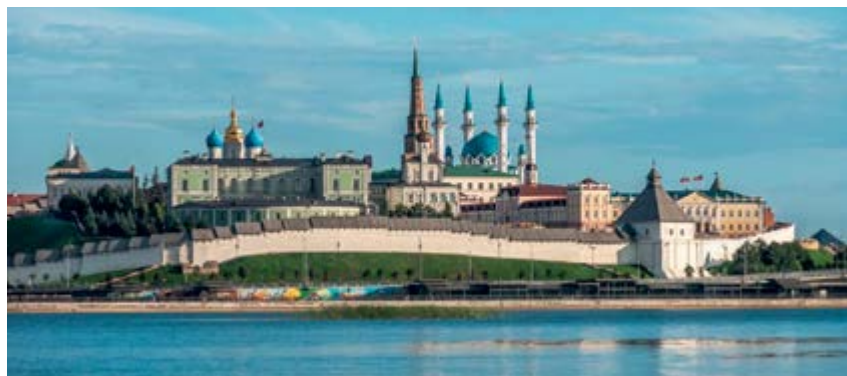
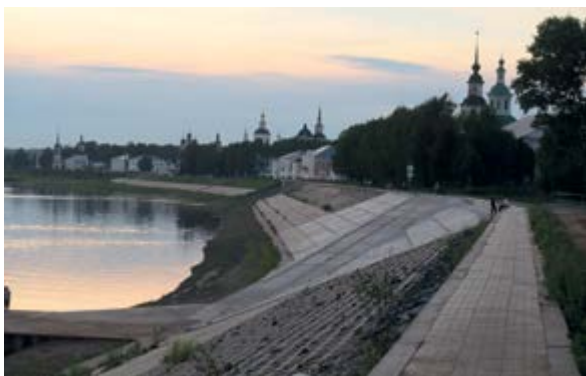
Администрация сицилийской коммуны Бивона, решив привлечь новых жителей в постепенно вымирающий

город, также выставила на продажу дома по цене 1 евро. На работы по восстановлению зданий запланировано четыре года. Власти сицилийского города Каммарата предлагают новым жителям дома бесплатно. Сейчас в городе проживает около 6 тыс. жителей. Мэр города предлагает собственникам, покинувшим или покидающим город, бесплатно передать свои дома новым жителям, чтобы Каммарата не исчез. Lonely Planet сообщает: мэр заявил, что невозможно смотреть, как «этот великолепный старинный город опустел и превратился в руины». Приоритет имеют молодые семьи с детьми. При переезде они получают от администрации по 1 тыс. евро. Потенциальным жильцам придется отремонтировать дом, внеся перед этим залог в размере 5 тыс. евро (более 353 тыс. руб.). Деньги будут возвращены после ремонта.

Бережет свои старинные деревни и Швейцария. Муниципалитет горной деревни Монти Щага (Monti Sciaga) в кантоне Тичино объявил о продаже местной недвижимости (это ветхие, а иногда разрушенные почти полностью дома в рустикальном стиле) по цене в один швейцарский франк, но покупка за эту цену, по сведениям Daily Mail (swissinfo.ch@swissinfo_de), возможна только при условии обязательной реставрации построек в соответствии с местными законами. Подобные примеры можно множить, и они достоверно показывают отношение к национальной самобытности своей архитектуры и градостроительства в Западной Европе.

v Рис. 16. Набережная в Великом Устюге, 2020

v Рис. 17. Современная панорама Казанского Кремля

^ Рис. 18–19. Снос исторического центра Казани, 2008

В России программы сбережения мелких населенных пунктов нет; скорее, памятен советский опыт ликвидации неперспективных деревень. Справедливости ради, напомним, что с 2012 года действует программа предоставления исторических усадеб в аренду на 49 лет по ставке один рубль за один квадратный метр (правда, такой ставка станет только после окончания реставрации объекта, а в процессе – полная аренда по коммерческой стоимости) [3]. Фактически она пока ничего не изменила в деле сохранения архитектурного наследия: реставрация слишком дорогостоящая деятельность, чтобы ею могла заняться наша интеллигенция – ученые, писатели, врачи. Практики передачи городской недвижимости на условиях, подобных европейским, вообще нет. Может быть, для нашего общества все прежние черты городской самобытности и в самом деле остались в прошлом, а день сегодняшний диктует новые культурные ориентиры? Судя по СМИ, сохранение самобытных элементов сегодня воспринимается, скорее, как диковина, чем нормальное отношение к собственной культуре.

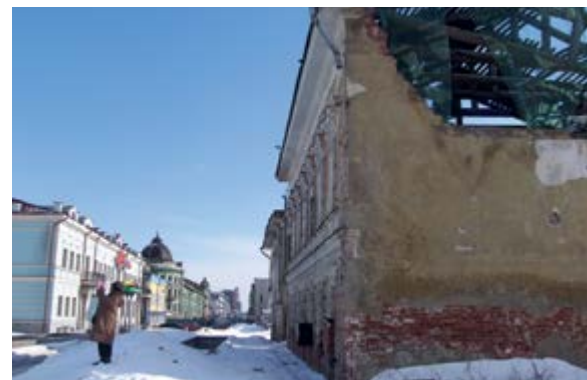
Яркий пример «современного» отношения к историческому архитектурному наследию в нашей стране дает Казань, где в значительной степени уже уничтожен облик большого российского губернского города и создан вымышленный сказочный облик восточного (татарского), с мечетью посреди древнерусского Кремля (рис. 17). Вот кадры 2008 года: тотальный снос исторической застройки Казани первой половины XIX века, которая могла бы составить гордость любого русского города (рис. 18–23). Будет справедливо сказать, что похожие примеры тоталь-

ных сносов в прошлом, а иногда и в настоящем можно найти и в Москве (рис. 24), и в Нижнем Новгороде (рис. 25), и в других крупных городах РФ.

Действия по расчистке территории центра вполне вписываются в проект зон охраны исторического центра Казани, где выделены 4 зоны, причем ни в одной из них не акцентированы сохранение и реставрация. Так, в первой разрешена застройка лишь в историческом стиле (!) (причем, видимо, в любом; это легко проиллюстрировать). Вторая предполагает строительство на основе исторических объемно-пространственных типов (сохраняется масштаб и принципы исторической застройки). В третьей может производиться застройка с ограниченными высотности; в четвертой зоне регламентируется застройка, прилегающая к ценным ландшафтными объектам. Особые условия застройки в первых двух зонах, совпадающих с охранной зоной Кремля и прилегающим к ней улицами, звучат так: «К этим территориям предъявляются повышенные требования дизайн-кода, чтобы новая застройка не перебивала существующие исторические акценты» [13]. И так, главное в исторической среде – дизайн-код; что-то новое в сфере охраны исторического наследия! Предполагается, что «застройщикам раздадут «пространственные конверты» и посоветуют, как соблюсти идентичность [13].

В итоге нового подхода – масштабный снос исторической застройки в центре Казани, часть которой воспроизведена заново с условным сохранением фасадов, часть заменена новой. На что образно ориентируется новая застройка? Новые крупные общественные здания

> Рис. 20–21. Снос исторического центра Казани, 2008

< Рис. 23. Снос исторического центра Казани, 2008

в разных стилях в совокупности более всего напоминают Лас-Вегас с его разностильными казино; тут даже пирамида есть (рис. 26–29). О сохранении какого архитектурного наследия и о какой самобытности может идти речь в данном случае? Самое удивительное, что теперь Казань позиционирует себя чуть ли не лидером в области охраны исторического наследия! Может быть, такой откровенно бутафорский подход к архитектурному наследию и городскому ландшафту и есть новая российская «самобытность»? Ведь такого равнодушного и откровенно торгашеского отношения к исторической застройке и памятникам больше нигде нет.

Примеров бездумного отношения к наследию, к сожалению, очень много. Проиллюстрируем Звенигородом, еще совсем недавно полно сохранявшим ландшафт древнерусского города в верховьях Москвы-реки и развивавшимся в советские годы как место отдыха, Подмосковная Швейцария (рис. 30–31). С тотальной распродажей окрестных земель и приходом сюда строительного комплекса в пойме реки быстро растет безликая типовая многоэтажная застройка, сливающая отходы в реку Москву, из которой столица еще пьет воду. Застройка поднялась даже над Городком с его собором XIV века и остатками фресок Рублева. Приехавшее по большей части из бывших южных республик население потихоньку меняет стиль городской жизни на привычный для себя и пока безропотно проводит жизнь в пробках, совершая ежедневные многочасовые челночные рейсы к месту работы в Москву. Но эти вопросы градостроительного планирования теперь никого не волнуют...

Конечно, нельзя не понимать, что исторические здания ветшают и их жизнь (увы!) конечна. Сегодня мы с переменным успехом все же пытаемся сохранить лучшее, в том числе фрагменты сложившейся городской среды. Это артефакты нашей подлинной исторической архитектурной культуры, свидетельства нашей архитектурной самобытности. Однако едва ли не более важной в смысловом отношении является сегодня проблема нового строительства, которое ведется на месте снесенных кварталов, современная российская архитектура, ее качество, ее образ, связь с национальной самобытностью. В конце XIX века архитектор и скульптор В. О. Шервуд, размышляя о самобытности русских городов, писал: «<...> предки наши не отрывались от своей исторической почвы; <...> они не думали, что можно, не изучив прошедшего, пренебрегая и отрицая его, создать что-либо великое, как это, к несчастью, думают полуобразованные люди нашего времени. История ясно доказывает, что великое искусство всегда было традиционно» [15, с. 138–139]. Его слова звучат на редкость современно, хотя вывод и кажется сегодня чересчур категоричным, но именно такого знаточеского и бережного подхода очень не хватает при реконструкции русских исторических городов в наши дни. Градозащитная деятельность последних десятилетий во многом вызвана резким общественным неприятием сугубо коммерческого подхода и того архитектурного хаоса из заимствованных образов и штампованных деталей со всего света, которым заменяют привычную нам и еще сохраняющую российскую самобытность городскую среду.

< Рис. 24. Снос исторической застройки Якиманки в Москве. Фото 1970-х

< Рис. 25. Снос исторической застройки Нижнего Новгорода

> Рис. 30. Городок в Звенигороде, 2015

Архитектура – всегда портрет создавшего ее общества. Как тут не вспомнить мудрую русскую поговорку, послужившую Гоголю эпиграфом к его бессмертной комедии: «На зеркало неча пенять, коли рожа крива». Конечно, архитектурный портрет российских городов мозаичен, явлен во множестве образов, но он бесстрастно отражает объективную картину не только материальных, но и духовно-эстетических устремлений общества в конкретный отрезок исторического времени. Так в чем же сегодня выражается самобытность русского города? В заявленной пышными офисами и высокими небоскребами власти капитала, мало интересующегося чем-то, кроме прибыли, в явном превалировании материального над духовным, в безудержном развитии сферы потребления и развлечений, в пренебрежении вопросами сохранения природы в городах и их окрестностях?

Папа Иоанн Павел II (Кароль Войтыла), в апреле 2014 года причисленный к лику святых, писал в книге «Основания этики»: «Духовные ценности объективно выше материальных – только при таком подходе этика имеет полное право на существование. Подчинение этики экономике разрушает не только самую ее сущность, но и человека» [7, с. 47]. Хорошо бы эта истина стала азбучной и для нашего современного общества.

Переход к новой фазе экономического, культурного, а значит, и архитектурного развития невозможен без возвращения к вечным вопросам русского бытия, без осознания своего места в мире, без ощущения связи с глубокими корнями национальной культуры. Сегодня нам остро не хватает любви и бережного отношения к самим

себе, к своей истории и культуре, то есть общепринятого и совершенно естественного для развитых европейских стран чувства собственного национального достоинства. А это и есть основа самобытности.

Литература:

1. Rapport final [Conférence mondiale sur les politiques culturelles. Mexico.1982]: 26 juillet – 6 août 1982. 211, XXXIX p.
2. Déclaration universelle de l'UNESCO sur la diversité culturelle. UNESCO Universal Declaration on Cultural Diversity, adopted by the 31st session of the General Conference of UNESCO, Christchurch, New-Zealand, 23 Juin-2 July 2007. – URL: <https://ru.scribd.com/document/14573569/Declaration-universelle-de-l-UNESCO-sur-la-diversite-culturelleTap/9cc33372b4918c629bcacf1793f2222d4b059fc71> (дата обращения: 10.12.2020)
3. Швейцарская деревня устроила распродажу домов по 60 рублей. – URL: https://pikabu.ru/story/shveytsarskaya_derevnya_ustroila_rasprodazhu_domov_po_60_rublej_6818858 (дата обращения: 22.12.2020)
4. Список городов Центрального федерального округа. – URL: <https://rus-towns.ru/centralnyj-federalnyj-okrug/> (дата обращения: 27.12.2020)
5. Приключения Адама Олеария в Московии. – URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/595a287177d0e61cdc20393f/priklucheniia-adama-olearii-v-moskovii--5a9008dc8c8be391d21b2331> (дата обращения: 10.12.2020)
6. Щедровицкий, П., Григорьева, Е., Маяренков, С. Социальный портрет города: Интервью с Петром Георгиевичем Щедровицким // Проект Байкал. – 2018. – № 58. – С. 10–14
7. Войтыла, К. Основания этики // Вопросы философии. – 1991. – №1. – С. 29–60
8. Из альбомов императрицы Александры Федоровны // Николай I. Муж. Отец. Император. – Москва, 2000. – 612 с.
9. Карамзин, Н. М. Предания веков. – Москва, 1987. – 768 с.

> Рис. 26–29. Новая застройка исторического центра Казани

^ Рис. 31. Застройка поймы Москвы-реки в Звенигороде, 2016

10. Нащокина, М. В. Общие принципы и особенности развития городов России второй половины XIX – начала XX в. // Градостроительство России середины XIX – начала XX века. Под общ. ред. Е. Кириченко. – Москва, 2001. – Т. 1. – 340 с.
11. Самобытность. – URL: https://spiritual_culture.academic.ru/1910 (дата обращения: 27.12.2020)
12. Серова, Е. Малые города России. Прошлое, настоящее и будущее. – URL: 29.12.2013 https://echo.msk.ru/blog/gorod_ot_uma/1227610-echo/ (дата обращения: 27.12.2020)
13. Скрябин, И. Исторический центр Казани делят на зоны: стройка выйдет из «ручного управления»? «БИЗНЕС Online»: <https://www.business-gazeta.ru/article/460227>
14. Стендаль. Письмо графине Пьер Дарю. М., 16 октября 1812 г. [Стендаль. Собр. соч. в 15 тт. – М., 1959. – Т. 15] – URL: <http://henri-beyle.ru/books/item/f00/s00/z0000013/st043.shtml> (дата обращения: 22.03.2020)
15. Шервуд, В. О. Опыт исследования законов искусства. Живопись, скульптура, архитектура и орнаментика. – Москва : Университетская типография, 1895. – 235 с.
16. Щепкин, М. П. Опыт изучения общественного хозяйства и управления городов. – Москва, 1882. – Ч. 1. – 409 с.

References

Déclaration universelle de l'UNESCO sur la diversité culturelle. UNESCO Universal Declaration on Cultural Diversity, adopted by the 31st session of the General Conference of UNESCO, Christchurch, New-Zealand (2007, June 23-July 2). <https://ru.scribd.com/document/14573569/Declaration-universelle-de-l-UNESCO-sur-la-diversite-culturelleTap/9cc33372b-4918c629bcfa1793f2222d4b059fc71>

Iz albumov imperatritsy Aleksandry Fedorovny [From the albums of the empress Alexandra Fedorovna] (2000). Nikolai I. Muzh. Otets. Imperator. Moscow.

Karamzin, N. M. (1987). Predaniya vekov [Traditions of centuries]. Moscow.

- Nashchokina, M. V. (2001). Obshchie printsipy i osobennosti razvitiya gorodov Rossii vtoroi poloviny XIX – nachala XX v. [General principles and peculiarities of the development of cities in Russia in the second half of the 19th - early 20th centuries] (E. Kirichenko, Ed.). Vol.1. Moscow.
- Priklucheniya Adama Oleariya v Moskovii [Adventures of Adam Olearius in Moskovia] (2018, February 23). <https://zen.yandex.ru/media/id/595a287177d0e61cdc20393f/priklucheniia-adama-olearia-v-moskovii--5a9008dc8c8be391d21b2331>
- Rapport final [Conférence mondiale sur les politiques culturelles. Mexico.1982] (1982, July 26-August 6). 211, XXXIX.
- Samobytnost [Identity] (n.d.). In Akademik. Retrieved December 17, 2020, from https://spiritual_culture.academic.ru/1910/
- Serova, E. (2013, December 29). Malye goroda Rossii. Proshloe, nastoyashchee i budushchee [Small towns in Russia. The past, the present and the future]. https://echo.msk.ru/blog/gorod_ot_uma/1227610-echo/
- Shchedrovitsky, P., Grigoryeva, E., & Mayarenkov, S. (2018). The City's Social Portrait: An Interview with Petr Georgievich Shchedrovitsky. Project Baikal, 15(58), 10-14. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.58.1378>
- Shchepkin, M. P. (1882). Opyty izucheniya obshchestvennogo khozyaistva I upravleniya gorodov. [Practices in studying public economy and urban management]. Part 1. Moscow.
- Sherwood, V. O. (1895). Opyt issledovaniya zakonov iskusstva. Zhivopis, skulptura, arkhitektura i ornamentika [Research practice in the laws of art. Painting, sculpture, architecture and ornamentation]. Moscow: Universitetskaya tipografiya.
- Shveysarskaya derevnya ustroila rasprodazhu domov po 60 rubley [A Swiss village held a sale of houses for 60 roubles] (n.d.). https://pikabu.ru/story/shveysarskaya_derevnya_ustroila_rasprodazhu_domov_po_60_rubley_6818858
- Skryabin, I. (2020, March 5). Istoricheskiy tsentr Kazani delyat na zony: stroika vyidet iz "ruchnogo upravleniya"? [The historical center of Kazan is divided into zones: will the construction get out of "manual control"?]. BUSINESS Online. <https://www.business-gazeta.ru/article/460227>
- Spisok gorodov Tsentralnogo federalnogo okruga [The list of cities of the Central Federal District] (n.d.). <https://rus-towns.ru/centralnyj-federalnyj-okrug/>
- Stendhal (1959). Pismo grafine Pier Daryu. M., 16 oktyabrya 1812 g. [Letter to the Countess Pierre Daru. Moscow, 16 October 1812]. In Collection of works in 15 vols. (Vol. 15) <http://henri-beyle.ru/books/item/f00/s00/z0000013/st043.shtml>
- Voityla, K. (1991). Osnovaniya etiki [Foundations of ethics]. Voprosy filosofii, 1, 29-60.

в Рис. 1. Явление Небесного Иерусалима Иоанну Богослову. Шпалера из «Анжерского Апокалипсиса» – серии шпалер, запечатлевших сцены Откровения Иоанна Богослова (созданы во второй половине XIV века для Людовика I Анжуйского)

Город как визуальный дискурс всегда в той или иной степени актуализует ключевые архетипические образы культуры. Статья посвящена влиянию на развитие европейского города такого важнейшего архетипа, как Град Небесный, зафиксированного в противоположных по смыслу мифологиях Небесного Иерусалима и Вавилонского столпотворения, вокруг семантической оппозиции которых разворачивается размышление о концептах видимости и невидимости города.

Ключевые слова: город; свет; видимое; невидимое; архетип; мифология; символизм; визуальный дискурс; репрезентация. /

The city as a visual discourse always actualizes the key archetypal images in culture. The article tells us how a European city developed under the influence of such an important archetype as the Heavenly City. This archetype is featured in the opposite mythologies of the Heavenly Jerusalem and the Tower of Babel, around the semantic opposition of which the reflection on the concepts of the city's visibility and invisibility is built.

Keywords: city; light; visible; invisible; archetype; mythology; symbolism; visual discourse; representation.

Град Небесный / The Heavenly City

текст
Леонид Салмин /
text
Leonid Salmin

Разделяя города на видимые и невидимые, мы говорим преимущественно о качестве их визуального дискурса, прежде всего имея в виду возможность зрительного запечатления образа. С точки зрения этой возможности современный город обладает множеством неоспоримых преимуществ, например, перед средневековым городом. Современный город имеет куда более логичную и понятную планировочную структуру, более открытое и обозримое пространство; он снабжен средствами визуальных коммуникаций, навигационными сервисами и благодаря электричеству круглосуточно освещен. Жизнь его частных недр в немалой степени репрезентируется

в общественном пространстве с помощью камер видеонаблюдения, различных каналов трансляции и всякого рода экранов – от гигантских сити-скринов до компактных дисплеев персональных мобильных устройств.

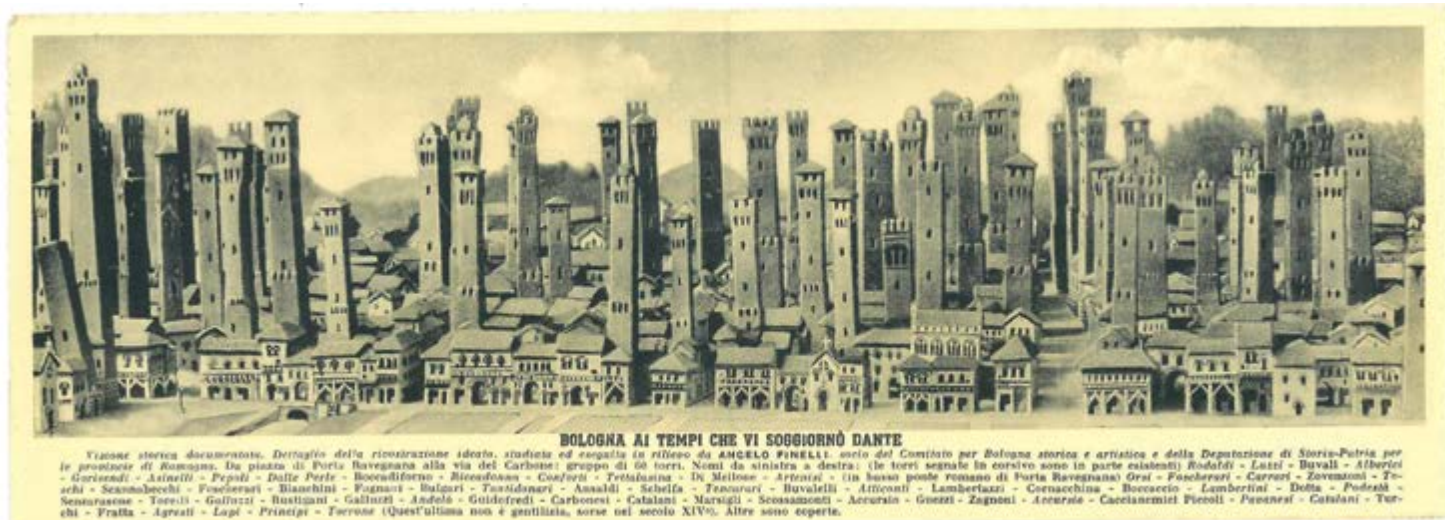
Оптика, обеспечивающая видимость современного города, понимается прежде всего как световая, зрительная. При этом свет понимается почти исключительно в физическом смысле. В то же время ясно, что визуальное отображение города, то есть запечатление его образа как суммы отражений света от поверхностей его плотного тела – лишь один из множества возможных способов его видения. Способ этот оказался доминирующим на пути развития новоевропейского рационализма. В рамках картезианской парадигмы, главной конструкцией которой выступает принцип дуализма души и тела, город понимается скорее как телесная субстанция, как «res extensa» (нечто протяженное), нежели как душевная субстанция, как «res cogitas» (нечто думающее).

В новоевропейском сознании тело города все менее мыслится одухотворенным, обладающим интегральной субъектностью, но все более воспринимается как объект – исчислимый и измеримый. Поэтому видение города уже давно стало главным образом задачей внешней фиксации рисунка, создаваемого потоками отраженного света. По этой же причине сегодняшнее представление о городе тысячелетней давности несет в себе стереотип «темного средневековья». Для современного обыденного зрения средневековый город предстает почти невидимым: ведь в нем не было ни электричества, ни камер видеонаблюдения. Превращение такого города в видимый начинается с его физической иллюминации.

Однако ни солнечной погоды днем, ни света фонарей ночью недостаточно, чтобы сделать город по-настоящему видимым. Для понимания города как визуального дискурса необходимо прояснить связь между его телом и душой, между освещенностью его улиц и освященностью его пространств, нужно увидеть город не только и, может быть, не столько через физическую оптику глаза или фотообъектива, сколько через ментальную оптику интуиции и воображения. В развитии визуального дискурса города такой «внутренний», проникающий способ его видения

> Рис. 2. Фрагмент иконы «Неопалимая купина» с изображением Небесного Иерусалима (конец XVI века)

и его полный и целостный образ, получаемый благодаря способности духовного зрения, играют огромную роль.

Исключительно важное значение для всей истории развития визуального дискурса европейского города имеют библейские урбанистические образы – как новозаветные, так и ветхозаветные. Пожалуй, самый важный из них – образ Небесного Иерусалима, зафиксированный Иоанном Богословом в последних главах Апокалипсиса. Явление Иоанну образа Небесного Иерусалима – ключевой сюжет для понимания того, что именно утрачено нами за два последних тысячелетия в практике видения города.

Святому Иоанну город предстает как божественный ответ на вопрошание верующего сердца и способность духовного зрения: «И вознес меня в духе на великую и высокую гору, и показал мне великий город, святой Иерусалим, который нисходил с неба от Бога» (Откр. 21: 10). Город, как мы видим, явлен Иоанну в удивительной целостности зримого образа и в изобилии ясно различимых символических подробностей, описываемых им как вполне материальные. В акте Божественного Откровения Небесный Иерусалим разворачивается перед духовным взором Иоанна с исчерпывающей детализацией и с точностью безукоризненного архитектурного проекта. Иоанн описывает образ города настолько подробно, насколько мог бы это сделать его реальный житель, ежедневно созерцающий камни его стен, или заинтересованный турист, воочию воспринявший его пространственное устройство: «Он имеет большую и высокую стену, имеет двенадцать ворот, и на них двенадцать Ангелов; на воротах написаны имена двенадцати колен сынов Израилевых: с востока трое ворот, с севера трое ворот, с юга трое ворот, с запада трое ворот. Стена города имеет двенадцать оснований, и на них имена двенадцати Апостолов Агнца» (Откр 21: 12, 13, 14).

Современный читатель «Откровения» вполне готов сделать поправку на условно-символический характер описания «воображаемого» объекта. Но в том-то и дело, что явление Небесного Иерусалима Иоанну – нечто иное, нежели понятный нашему современнику акт творческого воображения. Иоанн не воображает, он – видит. Но оптика этого видения не физическая, а духовная.

Иоанн возносится «в духе», а Город нисходит к нему «во плоти». В ответ на возвышение ищущей души Град Небесный «нисходит», то есть как бы проецируется на землю. И в этой проекции он, дотоле невидимый, обретает видимость. Иоанн описывает его как нечто абсолютно светоносное. В этом описании фигурируют материалы, обладающие особо притягательной оптикой и ни с чем не сравнимой силой света. «Чистое золото» и «чистое стекло», «жемчужины» и «драгоценные камни»... Но все это лишь для того, чтобы отражать высший свет – свет славы Божией: «И город не имеет нужды

^ Рис. 3. Вид средневековой Болоньи отражает обилие башен как конкуренцию светских кланов города

< Рис. 4. Средневековое изображение башни как условный символический образ

> Рис. 5. Средневековые башни в Сан-Джиминьяно

ни в солнце, ни в луне для освещения своего, ибо слава Божия осветила его, и светильник его – Агнец» (Откр 21: 23).

Уловленный духовным зрением Иоанна Богослова Небесный Иерусалим – образ города, становящегося видимым в ответ на возвысившийся дух человека. Город, символизирующий обитель Бога, нисходит к алчущему сердцу, возлюбившему его. В этом – главный смысл библейского образа. «Откровение» – сюжет превращения города в видимый силой веры и любви, силой божественной иллюминации. И это, вероятно, самый мощный архетип в визуальном дискурсе города вплоть до Нового времени и эпохи декартовского дуализма.

Другой, не менее важный библейский архетип города – Вавилон. Уже само это имя вызывает в памяти и воображении образ гигантского урбанистического муравейника, рвущегося к небу, стремящегося явить миру свой фантастический облик, свой невероятный полифонический строй. Символически Вавилон – противоположность Небесному Иерусалиму. Если Небесный Иерусалим, нисходя, открывается взору как божественный ответ на вопрошание исполненной веры человеческой души, то Вавилон, стремящийся возвыситься до небес, распространяется как крик бескрайнего человеческого тщеславия.

Вавилонский сценарий построения видимого города зафиксирован в ветхозаветном мифе о столпотворении.

> Рис. 6. Ансамбль Версальского дворца «с высоты птичьего полета». Его пространственное устройство, понятное с первого взгляда, – идеальная модель видимого города. Воплощенный в структуре пространства Свет абсолютной монархии знаменует окончательный уход от «хаоса и темноты» города в условиях позднесредневекового разновластия

Строители Вавилонской башни пытаются «достучаться до небес» посредством физической визуализации, они стремятся сделать город видимым не только для всего земного населения, но и для Всевышнего. Однако Всевышний лишает строителей единства языка, обрекая обитель человеческой снечи на невидимость. Урбанистической симфонии не складывается, смешение языков и коммуникационная рассогласованность не позволяют завершить строительство. Символическое притязание грешного, земного Вавилона на место лучезарного Небесного Иерусалима, его стремление самому стать Градом Небесным, взойдя с земли на небо, предопределяют его неосуществимость, его обреченность остаться невидимым.

Тем не менее, в разное время многие европейские города обнаруживали в своем развитии означенный «вавилонский синдром». Строительство башен, определявшееся в значительной мере практическими задачами защиты и безопасности, имело при этом и явно символический смысл амбициозного стремления человека к Небу. Так, городские башни средневековых городов зачастую демонстрировали не столько практическую (например, военную) целесообразность, сколько престижно-статусную конкуренцию между отдельными городскими институтами, кланами или состоятельными горожанами. Наследие такого высотного строительства можно и сегодня найти в старинных городах Италии – таких разных по характеру и масштабу, как Сан-Джиминьяно в Тоскане и Болонья в Эмилии-Романье. В XII – XIII веках соревнование богатых семейств Болоньи, выразившееся в строительстве башен, привело к тому, что, по некоторым историческим свидетельствам, в городе одновременно было около сотни этих «небоскребов средневековья», отразивших уже не только библейскую семантику, но и архаику фаллического символизма. Богатейшие люди города задиристо и гордо мерялись башнями – «градусниками» самомнения и тщеславия.

Средневековый бум частного башнестроения, несомненно, отражает как силу библейского архетипа, так и, более конкретно, имеющийся в мифе столпотворения мотив дискommunikации. Каждый амбициозный гражданин строит собственную башню, не вступая в союзы

< Рис. 7. Трехвековое развитие системы регулярного плана города завершается вырождением изначальных смыслов и ценностей «горизонтального» дискурса. Запечатленная на фото улица Санкт-Петербурга носит символическое имя – проспект Просвещения («L'avenue des Lumières», как сказали бы три века назад, или «Просвет», как запросто говорят сегодняшние питерцы). В наши дни эта перспектива воспринимается архитектурным издевательством над градостроительными и общественными идеалами века Просвещения

и партнерства, рассчитывая «достучаться до небес» в одиночку. Города-коммуны с их враждой между светской и церковной властями, с их системой гражданского самоуправления не аккумулируют материально-технических и мастерских ресурсов для реализации коллективного проекта мега-башни, призванной «достать до Неба». Да это и не нужно, ведь в символическом смысле эту функцию исполняют храмы.

Исторически тяга к реализации «вавилонского сценария» обнаруживается лишь в тех социальных организмах, где экономическая и идеологическая монополия государства определяет единство цели и ничем не ограниченную возможность концентрации необходимого для ее достижения ресурса. Конечно, этому критерию отвечает и цивилизация Древнего Египта, но египтяне оставили после себя не башни, а пирамиды. Башня же (в библейском ее понимании) на протяжении веков оставалась лишь идеалом, мечтой. Мечта дождалась XX века, когда, наконец, была предпринята попытка ее превращения в реальность. Речь о проекте возведения в Москве башни Дворца Советов – сооружения циклопического размера и символа непомерных амбиций сталинского режима, перед которым должны были померкнуть куда более скромные опыты египетских фараонов. А. В. Луначарский писал: «Это смелое и крепкое ступенчатое устремление, не возвышение к небу с мольбой, а скорее, действительно, штурм высот снизу» [4, 629].

В своей публикации я отмечал: «Победивший в конкурсе проект архитектора Бориса Иофана предполагал строительство гигантской башни Дворца Советов на месте разрушенного Храма Христа Спасителя. Дворец должен был сделать Москву самым видимым городом на свете. По сути, это означало, что взамен сформулированной в начале XVI века монахом Филофеем концепции «Москва – третий Рим» бессознательно выдвигалась концепция «Москва – истинный Град Небесный». Разумеется, смысл проекта оформлялся в большевистской риторике, отрицающей ассоциации с библейскими архетипами, однако весь ход событий воспроизводил сценарий вавилонского столпотворения. Сначала сталинская Москва отвергает Небесный Иерусалим в образе Храма Христа Спасителя путем его разрушения, то есть физической

девизуализации. Затем создается образ нового храма, архитектура которого призвана зримо выразить идею всемирно-исторического возвышения земного царства большевиков» [5, 49]. Но сила архетипа такова, что вполне в согласии с библейским сюжетом башня Дворца Советов не была построена. Бог опять смешал исторические карты.

Спустя семь десятилетий в российской столице случился еще один рецидив «вавилонского синдрома». Он выразился в планах строительства на территории Москва-сити грандиозной башни Россия по проекту Нормана Фостера. И вновь непомерность амбиций разбилась о реальность экономики. В 2009 году город отказался от реализации

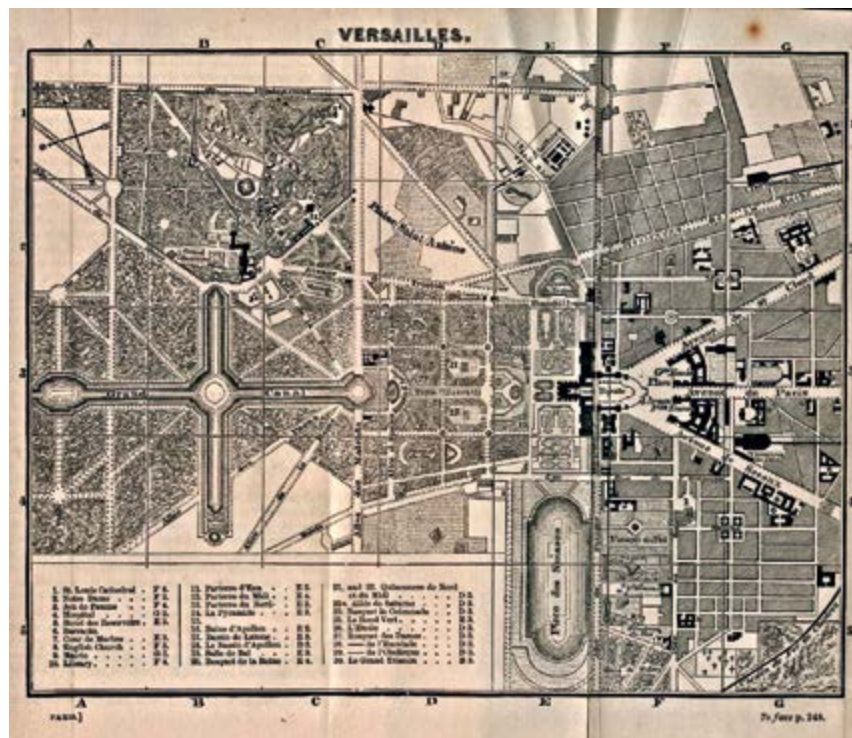
< Рис. 8. Перспектива, именуемая «исторической осью» Парижа. Вид из парка Тюильри. Современная оптика длиннофокусного объектива «сжала» пространство, совместив в плотный коллаж аллею Тюильри, Обелиск на площади Согласия, Триумфальную арку на площади Шарля де Голля и далекие небоскребы района Дефанс

^ Рис. 9. Заданный Доменико Трезини план Санкт-Петербурга 1717 года отразил начальный этап застройки, еще при жизни Петра I. Ортогональная сетка кварталов и улиц Васильевского острова – несколько наивное, но весьма показательное отражение идеи рационалистической дисциплины пространства

неподъемного и, что важнее, бессмысленного мегапроекта. К счастью, ни сталинский СССР, ни тем более постсоветская Россия не в состоянии оказались «закрывать» вавилонский гештальт возведением соответствующего сооружения.

Между тем урбанистическое развитие последних двух-трех веков с очевидностью показывает, что в системе самых фундаментальных визуальных практик города (градопланировка, архитектура) «вавилонский» архетип одерживает верх над архетипом Небесного Иерусалима. Это свидетельствует, что понятная средневековому сознанию формула «поверить – значит увидеть» инвертировалась в формулу «увидеть – значит поверить». Примат визуальности, возможность материальной верификации

v Рис. 10. План Версаля самой своей геометрией и рисунком линий визуализирует идею света, лучезарности и всеобъемлющего порядка

образа, его «объективность» – таковы условия существования видимого города в новоевропейском сознании. На протяжении веков способность духовного зрения вытесняется из сферы визуальных практик, связанных с городом. Внешнее, оптическое зрение побеждает внутреннее.

Уже эпоха Возрождения отдает предпочтение «свету разума» как философской категории в познании и «освещению» как визуально-пластической категории – в искусстве. Свет как божественная иллюминация все более отходит в область исключительно духовных практик. Город разумно построенный, хорошо освещенный, доступный практически мгновенному визуальному восприятию уже через пару веков становится идеалом практики градоформирования. Образ города как «храма», как «дома Бога», как обители власти небесной постепенно вытесняется образом резиденции власти земной. Светское теснит религиозное. Понятие «высшего света» меняет семантику.

Город как дом монархии становится главным мотивом развития европейского градостроительства в эпоху классицизма. В XVII веке возникает идеальная модель такого понимания города – придворные архитекторы Людовика XIV Андре Ленотр, Луи Лево и Жюль Ардуэн-Мансар создают комплекс Версальского дворца. Устройство Версальского ансамбля – рафинированная пространственно-планировочная метафора победы Света (света королевской власти) над всей тьмою мира. Изваяние Короля-Солнце – центр всей пространственной композиции. От этого «светильника» расходятся парадные трехлучие главных улиц. За спиной короля – симметрично раскинувший крылья фасад дворца, позади которого феерическая ось паркового ансамбля.

Зрительно величие Версаля лучше всего открывается при взгляде с вертолета. Отсутствие такой возможности во времена Людовика XIV вполне компенсировалось развитой картографией и обилием различных планов королевской резиденции. К тому же сама планировочная структура пространства обеспечивала возможности его максимально информативного визуального охвата из определенных видовых точек. Статика плана, дающая возможность умо-зрительного постижения пространства, стала важнейшим фактором визуального дискурса города с XVII века. Светский европейский горожанин эпохи Людовиков не в состоянии достичь такой глубины душевного переживания и такой силы духовного сосредоточения, которые необходимы для визуализации «Небесного Иерусалима». Вместо этого образ Града Небесного зримо воплощается в абсолютистском градостроительном ансамбле, означаящем символическое нисхождение Солнца (читай – Неба) на Землю в лице высшего властителя – короля. По сути, именно в этой исторической точке возникает новоевропейский тип визуального дискурса города. Этот дискурс можно условно назвать «горизонтальным». По мере активизации светских и гражданских форм городской жизни главное значение приобретает система наземных, горизонтальных (в том числе – визуальных) коммуникаций. Город начинает «проговаривать» себя вовне, он адресует свои визуальные послания во многих направлениях. Прежде доминировавшая сакральная вертикаль утрачивает свое исключительное значение, пути и арки становятся важнее башен. Взгляды все менее устремлены к небу, все более – вдаль. Визуальный символизм города принципиально изменяется.

Эпоха Просвещения, наследовавшая и трансформировавшая монархическую идею лучезарного источника в идею Разума, самим своим названием (*siècle des lumières*) утверждает роль света, освещения как условия рационального познания. Именно в это время рационализм декартовского толка побеждает в практике

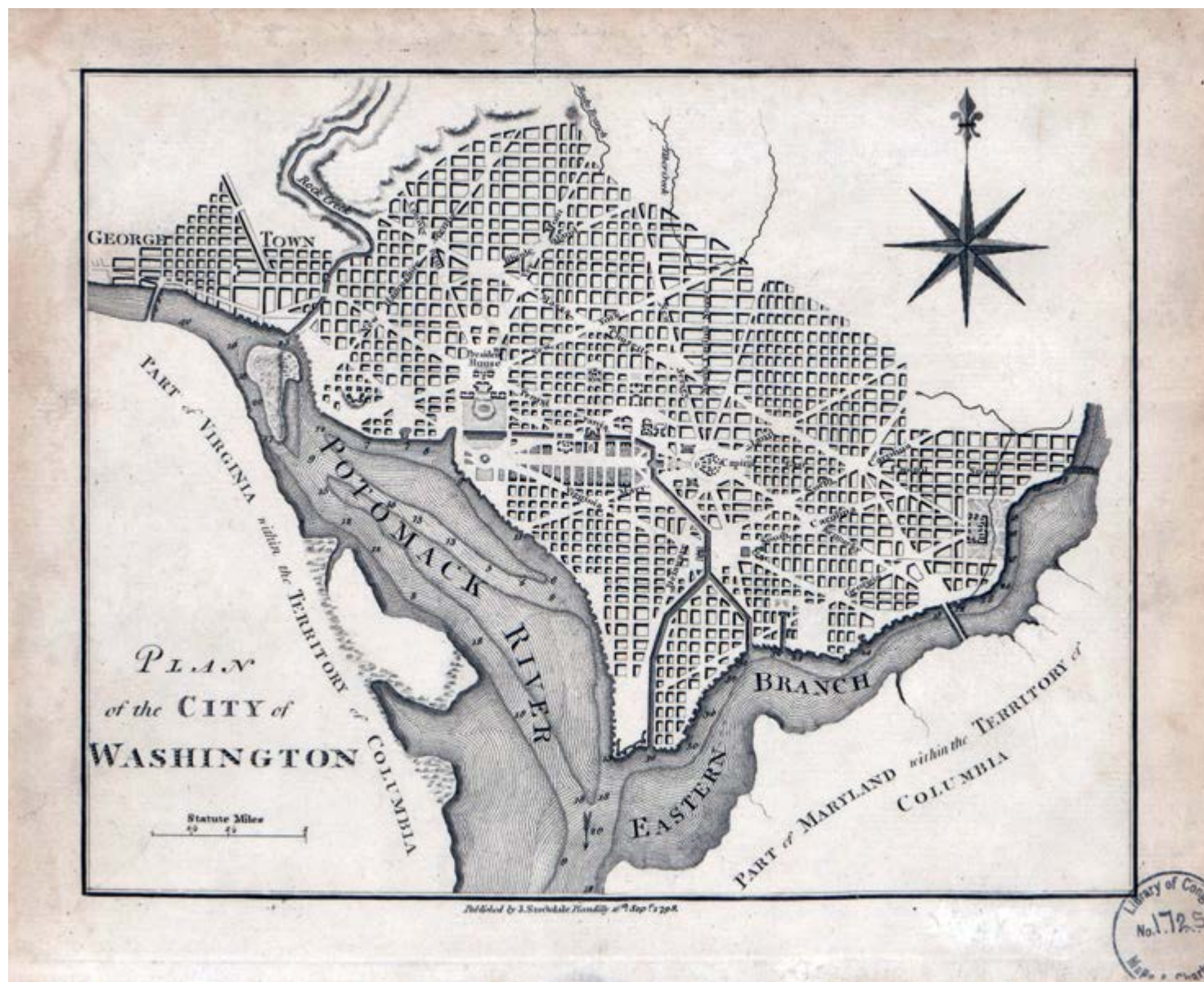
европейского градоформирования и дает образцы регулярного плана. Ряд европейских городов, унаследовавших средневековую структуру пространства, уже с предыдущего столетия активно реконструируются, пробивая перспективами новых улиц архаическую паутину прежней планировки, стремясь обрести открытость, стать видимыми. Когда в XVII веке сын главного садовника Тюильри, сам мастер садов и ландшафтный архитектор Андре Ленотр с поистине аграрным размахом ведет реконструкцию оси Лувра, его, как можно полагать, уже стимулирует предпринятый столетием раньше многотрудный опыт Доменико Фонтана по реконструкции Рима. Ленотр не ограничивает себя в масштабе пространственной реорганизации, расчищая, таким образом, путь своим последователям на три века вперед и предвосхищая формирование современной «Большой оси» – главной визуальной перспективы Парижа¹. Позже Людовик XV продлевает перспективу прокладкой Елисейских полей, продолженных еще полвека спустя Наполеоном ули-

^ Рис. 11. План Трускотта 1753 года, на котором можно видеть «Адмиралтейское трехлучие» Петербурга как реминисценцию версальского планировочного архетипа

1. На самом деле Парижская ось начинается не с Лувра, а с маленькой старинной церкви Сен-Жермен-л'Оксеруа с восточной стороны Лувра, и повторение ее легкого поворота относительно Парижской оси на 4 градуса обеспечило победу молодому и никому не известному архитектору в конкурсе на Дефанс (прим. редакции)

v Рис. 12. План Вашингтона сочетает ортогональную сетку кварталов, оживленную системой диагоналей, вызывающей ассоциации с планировкой Версаля

> Рис. 13. Дом за домом, квартал за кварталом Стефен Уилтшир методично воспроизводит по памяти панораму города

цей Риволи. Уже в XIX веке начинание Ленотра было доведено до логического оформления бароном Османом, осуществившим самую масштабную реконструкцию французской столицы, преобразовавшим 60% парижской недвижимости и придавшим «Большой оси» новый, целостный облик. Осман пространственно визуализировал разрыв Парижа со своим средневековым прошлым.

Значение главной парижской горизонтали в развитии визуального дискурса европейского города очень важно, поскольку начатая Ленотром «Большая ось» простирается не только через пространство, но, что не менее важно, через время. Начинаясь от здания Лувра, проходя через построенную Наполеоном арку Каррузель, аллеи парка Тюильри, площадь Согласия, далее по Елисейским полям сквозь Триумфальную арку вплоть до площади Дефанс, она нанизывает на себя живую историю Парижа. Окончательная точка в этой визуализации времени была поставлена уже при президенте Франсуа Миттеране в виде завершающей перспективу грандиозной арки Дефанс.

Накопленный европейскими городами к началу XVIII века опыт регулярной планировки был активно использован в ходе построения «с нуля» двух новых столиц – в России и (менее века спустя) в только что возникших Соединенных Штатах Америки. Санкт-Петербург и Вашингтон стали наиболее яркими примерами создания видимого города в его рационалистическом понимании. В обоих случаях важна чистота градостроительного эксперимента: в отличие от европейских городов, обремененных историческим наследием средневековой организации пространства, и Санкт-Петербург, и Вашингтон создавались фактически «на пустом месте», в соответствии с единовременным крупномасштабным замыслом, как бы «поперек истории». Благодаря этим городам, выстроенным «вне времени», «по чертежу», возник новый, совершенно особый тип урбанистического визуального дискурса.

Обе новые столицы решали сходные символические задачи: Санкт-Петербург и Вашингтон с разных сторон посылали меседж Европе. Российская столица, эксцентрически вынесенная на западный край державы, заявляла о своих амбициях в евроатлантической политике. Своим географическим местоположением, пространственной

организацией, планировкой и архитектурной лексикой она завязывала новый диалог с Европой, осуществляла, говоря современным языком, геополитическое самопозиционирование. Вашингтон же оформлял в своем облике идею суверенности североамериканской федерации, приучая Старый Свет к новым, равноправным отношениям. И в том, и в другом случае ясная, зримая структура городского пространства, легкость его единовременного визуального охвата имели принципиальное значение. Коммуникационная горизонталь стала главной детерминантой визуального дискурса города.

Санкт-Петербург и Вашингтон на стадии формирования их пространств решали, в первую очередь, светские символические задачи. Они не мучились «вавилонскими» комплексами, не претендовали на место Небесного Иерусалима, а потому не злоупотребляли развитием вверх. По своей высоте сакральные вертикали этих городов достаточно скромны. Вертикальный рисунок архитектурного ландшафта Санкт-Петербурга и Вашингтона на протяжении всей их истории удерживается в пределах, свидетельствующих, что верящее в Бога население этих городов умеет различать смыслы Града Небесного и града земного. Возможно, именно поэтому в Вашингтоне нет небоскребов. Возможно, именно поэтому в Санкт-Петербурге уже в наши дни встретил мощное общественное сопротивление и не смог реализоваться с первой попытки проект строительства башни Газпрома (Охта-центр).

История развития способов видения города предстает как вектор, направленный от «внутреннего взора», от способности «духовного зрения» (как в случае явления Иоанну Богослову образа Небесного Иерусалима) к физическому созерцанию, основанному на чисто зрительном, оптическом («объективном») восприятии окружения. Естественно предположить, что образ города, складывающийся на основе визуального восприятия, уступает во всеохватности и целостности образу, зафиксированному духовным зрением. Описание Иоанном Богословом Небесного Иерусалима вызывает ощущение удивительной гармонии между безграничным и неохватным божественным Светом, наполняющим город, и обозримостью, понятностью его пространственного

и символического устройства, между его зримым телом и незримой душой. Целое и деталь в образе Града Небесного соотносятся как божественное и человеческое. Кажется, что современный земной город, тотально превратившийся в «res extensa» и полностью утративший качество «res cogitans», невозможно охватить как целое, не потеряв частного. Сумма непрерывно приумножаемых деталей не в состоянии дать современному горожанину чувство приближения к сакральному целому.

Ощущение реликтовости целостного видения города заставляет обращать особенно пристальное внимание на встречающиеся время от времени случаи разного рода удивительных исключений. Экстраординарный пример всеохватного видения города – наш современный британец Стефен Уилтшир, художник, рисующий по памяти феноменально подробные городские панорамы. В детстве страдающему немотой Стефену был поставлен диагноз – «аутизм». В пятилетнем возрасте его определили в Лондонскую школу Queensmill, где его главным и единственным занятием стало рисование. Именно рисование стало для мальчика главным средством общения с миром. Благодаря рисованию он смог, в конце концов, начать говорить и успешно социализироваться. Уилтшир увлеченно рисовал городские виды, отличавшиеся невероятно подробной детализацией изображаемого. Феноменальная «фотографическая» память позволила Стефену воспроизводить в своих рисунках виды огромных городских территорий с точностью до самых мельчайших деталей архитектурного ландшафта.

С 2005 года художник начал создавать более подробные городские панорамы на основе впечатлений, полученных в ходе краткой вертолетной прогулки над городом. Токио, Лондон, Нью-Йорк, Гонконг, Франкфурт, Рим, Мадрид, Иерусалим – вот лишь несколько городов, запечатленных Уилтширом в виде невообразимых по количеству деталей и по степени целостности панорам. Какой памятью нужно обладать современному горожанину, каким зрением нужно видеть город, чтобы воспроизводить его с такой невероятной точностью? Невольно возникает желание сопоставить восприятие Стефена Уилтшира с восприятием Иоанна Богослова, соотнести состояния их сознания и способы видения. Подавляющему большинству

современных горожан, утративших способность видеть город как целое, покажется, что в обоих случаях речь идет о состояниях измененного сознания. Возможно, художник-аутист и святой апостол действительно обладают схожими механизмами зрения, но все же по-настоящему измененным сознанием (измененным за счет огромных исторических утрат) представляется все же сознание масс современного городского населения.

Литература:

1. Архитектура ансамбля Версаля. – Москва : Изд-во Академии архитектуры СССР, 1940. – 108 с. : ил.
2. Кудрявцева, К. Г. Некоторые мифологические мотивы в апокрифах Второго Храма и Откровении Иоанна Богослова // Обсерватория культуры. – 2015. – № 1. – С. 118–125. – URL: <https://doi.org/10.25281/2072-3156-2015-0-1-118-125> (дата обращения: 17.12.2020)
3. Лидов, А. М. Образ Небесного Иерусалима в восточнохристианской иконографии. – Электронная научная библиотека по истории древнерусской архитектуры. – URL: <http://rusarch.ru/lidov1.htm> (дата обращения: 17.12.2020)
4. Луначарский, А. В. Социалистический архитектурный монумент // Луначарский А. В. Статьи об искусстве. – Москва ; Ленинград : Искусство, 1941. – С. 624 – 631
5. Салмин, Л. Ю. Невидимая Москва: к проблеме города как визуального дискурса // Проект Байкал. – 2018. – № 55. – С. 46–50

References

- Arkhitektura ansamblya Versalya [Architecture of the ensemble of Versailles] (1940). Moscow: Izd-vo Akademii arkhitektury SSSR.
- Kudryavtseva, K. G. (2015). Nekotorye mifologicheskie motivy v apokrifakh Vtorogo Khrama i Otkrovenii Ioanna Bogoslova [Mythological motifs in the apocrypha of the Second Temple Period and the Revelation of St John]. *Observatoriya kulturey*, 1, 118-125. <https://doi.org/10.25281/2072-3156-2015-0-1-118-125>
- Lidov, A. M. (2006). Obraz Nebesnogo Ierusalima v vostochnokhristianskoi ikonografii [The image of the Heavenly Jerusalem in the Eastern Christian iconography]. *Elektronnaya nauchnaya biblioteka po istorii drevnerusskoi arkhitektury*. <http://rusarch.ru/lidov1.htm>
- Lunacharsky, A. V. (1941). Sotsialistichesky arkhitekturny monument [Socialist architectural monument]. In *Statyi ob iskusstve* (pp. 624-631). Moscow; Leningrad: Iskusstvo.
- Salmin, L. (2018). Invisible Moscow. The issue of a city as a visual discourse. *Project Baikal*, 15(55), 46-50. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.55.1280>

Доклад «Живая планета», недавно опубликованный Всемирным фондом природы, показал, с какой стремительной скоростью мы теряем разнообразие жизни на Земле. Глобальное уничтожение природы и ее исчезновение в городах оказывает негативное влияние на наше здоровье. Флоре и фауне должно быть отведено свое место в городах: появляются новые виды градостроительных и архитектурного проектов, уделяющие первоочередное внимание биоразнообразию. Большинство из них становятся прототипами и исследовательскими проектами, стремящимися наилучшим образом удовлетворить потребности флоры и фауны и обеспечить их необходимым пространством. Представлен обзор семи проектов, стремящихся повысить биоразнообразие в Париже.

Ключевые слова: биоразнообразие; изменение климата; флора; фауна; зеленый «голубой коридор»; природа; Париж; городское сельское хозяйство. /

The recently published Living Planet Report from the WWF shows clearly that biodiversity – the rich diversity of life on Earth – is being lost at an alarming rate. The population sizes of mammals, birds, fish, amphibians and reptiles have seen an alarming average drop of 68% since 1970. Humans are not above, or besides nature, but simply part of nature. The global destruction of nature and its disappearance in the cities has a negative impact on our well being, physically and mentally. Flora and fauna must be offered their own space in the cities. New forms and types of urban interventions and architecture projects are now emerging with a focus on biodiversity. Most of them are prototypes and research projects to better integrate the needs of and a space for the flora and fauna. Following you will find an overview of seven recent projects in Paris, that enhance the biodiversity inside the city. Working with nature has become an obligation, being ecological and sustainable is a plus for each attractive city.

Keywords: biodiversity; climate change; flora; fauna; green blue corridor; nature; Paris; urban agriculture.

Биоразнообразие в городах / Biodiversity in cities

текст
Кристиан Хорн /
text
Christian Horn

Введение

Недавно опубликованный Всемирным фондом природы (WWF) доклад «Живая планета» отчетливо показал, насколько быстро мы теряем биоразнообразие – разнообразие жизни на Земле. С 1970 года численность популяций млекопитающих, птиц, рыб, амфибий и рептилий сократилась в среднем на 68%. «И такое стремительное уничтожение природы наносит катастрофический вред не только популяциям дикой природы, но и здоровью и всем остальным аспектам жизни человека», – заявил Марко Ламбертини, генеральный директор WWF.

Долгие годы многие люди были убеждены (а некоторые и до сих пор считают), что человеческий вид возвышается над природой и экосистемами либо занимает обособленное положение; что мы можем изменить природную среду нашей планеты без каких-либо последствий для нашего здоровья и жизнедеятельности; что каким-то образом технологии могут компенсировать

непрерывный процесс разрушения нашей естественной среды. Чтобы получить ископаемое топливо, мы бурим скважины; чтобы добыть металл, мы роём карьеры, чтобы использовать древесину, мы рубим деревья, чтобы питаться мясом, мы выращиваем скот в промышленных масштабах. При этом не принимаются во внимание очевидные последствия нашей деятельности и предупреждения ученых.

Аналогично мы строим здания. Для высотных зданий со стеклянными фасадами требуется энергоёмкая система охлаждения, чтобы регулировать температуру внутри помещений. Этот факт не мешает нам строить такие дома даже в зонах с пустынным климатом. Города разрослись далеко за границы своих исторических центров; это привело к неконтролируемому «расползанию», внутригородской миграции, транспортным пробкам и увеличению загрязнения воздуха. Растительность была вытеснена из городов; зелёные пространства уступили место парковкам, поскольку число автомобилей не переставало расти.

Однако человечество теперь видит и ощущает последствия таких действий. Человек не возвышается над природой и не может жить отдельно от нее, он лишь часть природы. Глобальное уничтожение природы и ее исчезновение в городах оказывают негативное влияние на наше здоровье как на физическом, так и на психическом уровне. В городах, которые мы построили, зачастую не учитываются всеобщие потребности и не отводится должного места флоре и фауне. Уменьшение биоразнообразия – трагедия, затронувшая не только отдаленные тропические леса планеты, но и наши балконы и крыши, скверы и парковки, дороги и магистрали.

Стратегия биоразнообразия

Европейский Союз недавно представил свою Стратегию биоразнообразия на 2030 год – основную часть Европейского зеленого соглашения под названием «Возвращение природы в нашу жизнь». На локальном уровне администрация Парижа представила в 2018 году «План биоразнообразия на 2018–2024 гг.». Этот план мероприятий играл не менее важную роль, чем парижский «План действий по изменению климата» (Horn, 2019;

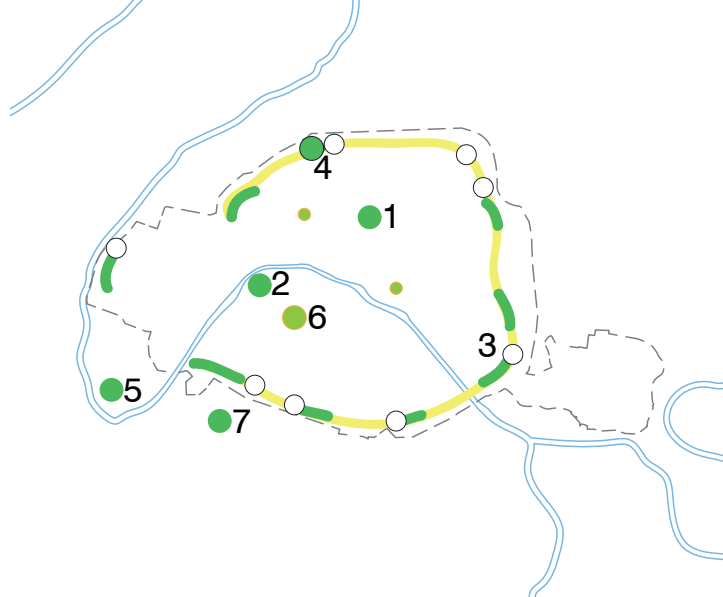
v Остров Рим в Абу-Даби.
Автор: Кристиан Хорн,
RETHINK / Reem Island
in Abu Dhabi. Author:
Christian Horn, RETHINK

Introduction

The recently published Living Planet Report from the WWF shows clearly that biodiversity – the rich diversity of life on Earth – is being lost at an alarming rate. The population sizes of mammals, birds, fish, amphibians and reptiles have seen an alarming average drop of 68% since 1970. “And this increasing destruction of nature is having catastrophic impacts not only on wildlife population but also on human health and all aspects of our lives”, states Marco Lambertini of WWF International.

For a long time many humans had, and some still have, the conviction that the human species is standing above, or besides nature and the ecosystems. That we could change the natural environment of our planet without any consequences for our health and well being. That somehow technology could compensate the continuous degrading of our natural environment. We want fossil fuel, so we take drill holes. We want steel, so we dig holes. We want wood, so we cut trees. We want meat, so we raise livestock on industrial scale. Ignoring the well known consequences of our actions and the alerts from the scientist.

^ Расположение проектов в Париже 1) Зеленый плавучий остров 2) Плавучий сад 3) Малая кольцевая железная дорога 4) Кафе «Ресиклери» 5) Начальная школа наук и	биоразнообразия 6) Школьные дворы «Оазис» 7) Городская ферма Автор: Офис RETHINK / The location of the projects in the city of Paris 1) Green raft	2) Floating garden 3) Small belt railway 4) Recyclerie cafe 5) Primary school for sciences and biodiversity 6) Oasis school-yard 7) Urban farm Author: Office RETHINK

Horn, Sykina & Turki, 2020). Планы дополняют друг друга. Например, рост температуры ведет к появлению тепловых волн в летнее время, оказывающих негативное влияние на здоровье населения; в особенности это касается его наиболее уязвимых слоев. Во время самой большой тепловой волны в 2003 году правительство Франции зафиксировало 15000 дополнительных случаев смерти, спровоцированных жарой. Поскольку исследования показали, что наличие в городах большого количества растительности, в особенности деревьев, снижает температурный пик, оба плана действий предполагают увеличить площади озеленения в городах.

Кроме парков и аллей, появляются новые формы градостроительных и архитектурных проектов с акцентом на биоразнообразие. Многие из них становятся прототипами и исследовательскими проектами, стремящимися

наилучшим образом удовлетворить потребности флоры и фауны и обеспечить их необходимым пространством.

Ниже представлен обзор семи проектов, недавно разработанных в Париже и стремящихся повысить биоразнообразие в городе. Подобное внимание к природе стало обязательным, а экологическая устойчивость – неотъемлемым критерием привлекательности города. Данные примеры зеленых проектов для парижской метрополии, от самого малого до самого большого, иллюстрируют четыре категории: зеленые «голубые коридоры», заброшенные инфраструктуры, общественные здания и городские фермы.

Зеленый плавучий остров на канале Сен-Мартен

По каналу Сен-Мартен, одному из голубых коридоров Парижа, плавает зеленый остров. Этот маленький плавучий сад оживляет берега канала и улучшает биоразнообразие

v Рисунок разных слоев зеленого плавучего острова. Авторы: Biomatrix, Ecocean / Illustration of the different layers of the green raft. Author: Biomatrix, Ecocean

< Зеленый плавучий остров на канале Сен-Мартен в Париже. Автор: Кристиан Хорн, RETHINK / The green raft of the canal Saint Martin in Paris. Author: Christian Horn, RETHINK

And we built our cities accordingly. High rise buildings with glass facades often need energy-intensive cooling systems to control the inside temperature. A fact that does not hinder us to built them in desert climate zones. Cities expanded far beyond their historic centres, creating urban sprawl, commuting, traffic jams and increasing air pollution. Vegetation got pushed out of the cities and green spaces vanished for more parking space as more cars were invading the cities.

But humanity now see and feel the consequences of these actions. The human species are not above, or besides nature, but simply part of nature. The global degradation of nature and its suppression in the cities has a negative impact on our well being, physically and mentally. The cities we built are often not the cities, that take into account the need of all. Flora and fauna must be offered a space in the cities. The loss of biodiversity is not only a drama playing in the far away rain-forests, but also on our balcony's and rooftops, squares and parking lots, roads and highways.

Biodiversity Strategy

The European Union recently presented its Biodiversity strategy for 2030 as a core part of the European Green Deal and with the

subtitle 'Bringing nature back into our lives'. On a more local level, the City of Paris presented in 2018 its Biodiversity plan 2018-2024. An action plan as important as its Climate air and energy (Horn, 2019; Horn, Sykina, & Turki, 2020). Both plans are complementary. For example, rising temperatures lead to heat waves during the summer months with negative impacts on the health of the citizens, especially vulnerable people. During the major heat wave in 2003 the French government counted 15000 additional deaths due to high temperatures. As measures show that a stronger presence of vegetation and especially trees in the cities reduce the temperature peak, both action plan foresee to strengthen the presence of vegetation in the city.

Besides parks and tree rows, new forms and types of urban interventions and architecture projects are now emerging with a focus on biodiversity. Most of them are prototypes and research projects to better integrate the needs of and a space for the flora and fauna. Following you will find an overview of seven recent projects in Paris, that enhance the biodiversity inside the city. Working with nature has become an obligation, being ecological and sustainable is a plus for each attractive city. These examples of green projects in

на воде и под водой. Данный инновационный проект представляет собой экологическую зону, разработанную учредителем Ассоциации «Природа и мы» Катариной Диа и реализованную администрацией города Парижа.

Зеленый плавучий остров имеет площадь 40 м² и состоит из двух главных частей, разделенных водной поверхностью. Видимая часть засажена растениями-эндемиками региона Иль-де-Франс. Плотность насаждений – 15 растений на 1 м², что в целом составляет 620 растений. Вторая часть представляет собой искусственное нерестилище, спрятанное под поверхностью воды. При более детальном рассмотрении часть острова, находящаяся над водой, оказывается сделанной из переработанных материалов или материалов, пригодных для повторного использования, включая слой кокосового волокна, геотекстильную, цилиндрическую и полиэтиленовую решетку для обеспечения жесткости и плавучести. Под водой различные модули наполнены ракушками, которые обеспечивают естественную среду и пищу. Они чередуются с пустыми пространствами – укрытиями. У рыб есть

возможность откладывать икру в слоях натурального вереска. Вся эта конструкция дополнена пустыми ячейками, в которых могут укрываться мальки. Такие модули стали результатом сотрудничества шотландской компании Biomatrix Water, которая занималась разработкой части над поверхностью воды, и французской компании Ecosoap, создававшей подводную часть.

Легкость конструкции зеленого плавучего острова не позволяет дать доступ публике. Это исследовательский проект, направленный на улучшение биоразнообразия канала Сен-Мартен, со скромным бюджетом в 20 тыс. евро. В случае успеха проект предполагается использовать в других локациях Парижа.

Плавучий сад на реке Сена

Предшественниками описанного проекта были плавучие сады Ники де Сен-Фалль рядом с мостом Альма через реку Сену, которая служит главным голубым коридором Парижа. Плавучие сады открыты для посещения и являются частью пешеходной набережной Сены. Сады занимают площадь 1800 м² и состоят из пяти зеленых островков, расположенных на плавучих металлических конструкциях. Здесь растут 60 деревьев, 280 кустарников и 3000 трав разного вида. Каждый остров отличается своей растительностью и оборудованием: на Центральном острове преобладают минералы; Остров Прерий богат растительностью; Остров Высокой травы – укромное место для детской площадки; Остров Фруктового сада засажен декоративными яблонями; а Птичий остров – самый «дикий» из пяти островов, он имеет самую густую растительность.

Плавучие сады усиливают биоразнообразие и помогают переосмыслить связь парижан с рекой Сену. Они обеспечивают уникальное доступное общественное пространство на воде. Но поскольку растения высажены на плавучих металлических конструкциях над поверхностью воды, контакт растений с водой более ограничен, нежели в вышеописанном примере плавучего острова и его подводных модулей. Поэтому были добавлены маленькие зеленые островки между островами и берегом реки. Они недоступны для публики и содержат околоречные растения, дополняющие плавучую экосистему.

v Плавучий сад Ники де Сен-Фалль в Париже. Автор: Кристиан Хорн, RETHINK / The Floating garden Niki de Saint Phalle in Paris. Author: Christian Horn, RETHINK

the Paris metropolis go from smaller to larger projects and illustrate four categories: blue green corridors, abandoned infrastructures, public buildings and urban farming.

The green raft in the canal Saint-Martin

The green raft is floating in the canal Saint Martin, one of the blue corridors of Paris. A small floating garden that revitalizes the banks of the canal and promotes biodiversity in, out and under the water. This innovative project is an ecological spot imagined by Katarina Dear, the founder of the association Nature & Us, and it had been put in place by the City of Paris.

The green raft has a surface of 40 m² and is made up of two main parts divided by the water surface. The visible part is composted by plants endemic to the region of Ile-de-France with a density of 15 plants by m², in total 620 plants. The second part is made up of artificial spawning grounds, hidden under the surface of the water. In detail, the part afloat of the raft is made of recycled and recyclable materials with a coconut mat, geotextile, tube and polyethylene mesh to ensure rigidity and flotation. Underwater, different modules are filled with oyster shells that serve as habitat and food support and they alternate with empty spaces offering refuge.

Natural heather bands are allowing fishes to lay eggs. The set is completed by empty mesh boxes in which young fishes can protect themselves. This modular principle is the result of a collaboration between 'Biomatrix Water', a Scottish company, for the part above the water surface, and 'Ecocean', a French company, for the part below the water.

Made of a light structure the green raft is not accessible to the public. It is a research project to enhance the biodiversity of the canal Saint-Martin with a low budget of 20 000€. In case of success the project will probably be reproduced on other locations in Paris.

The floating garden on the river Seine

A precursor project are the floating gardens Niki de Saint Phalle near the Alma bridge on the river Seine, the main blue corridor of Paris.

The floating gardens are accessible to the public and part of the Seine river front walk. The gardens cover an area of 1800 m² and they consist of five planted islands on floating metal structures. All together they offer space for 60 trees, 280 shrubs and 3000 grasses of different sizes. Every island is vegetated differently and equipped with its own furniture: The central island

v Малая кольцевая железная дорога в Париже. Автор: Кристиан Хорн, RETHINK / The small belt railway in Paris. Author: Christian Horn, RETHINK

Малая кольцевая железная дорога

От голубых коридоров канала Сен-Мартен и реки Сены мы переходим к зеленому коридору на бывшей железнодорожной линии в Париже. Малая кольцевая железная дорога протяженностью в 32 км опоясывала Париж в границах Бульваров Марешо. Многие отрезки этой линии были закрыты с 1934 года. В последующие годы она использовалась лишь время от времени для особых случаев. Сегодня только несколько небольших секций включены в оживленную сеть железных дорог.

Поскольку линия все еще официально является частью этой сети, она оставалась в стороне от застройки. Местное население не имело доступа к этой линии, и она постепенно превратилась в своеобразное городское пристанище для различных видов фауны и флоры (например, туннели стали домом для летучих мышей).

С 2006 года муниципалитет Парижа открыл частичный доступ к малой кольцевой железной дороге. Необходимые постройки сведены до минимума и могут быть в любой момент разобраны. Возможность передвижения рельсового транспорта, каким бы он ни был в будущем, должна быть сохранена. В то же время участок пути длиной 6,5 км с садами общего пользования, зонами для встреч и прогулок стал доступен публике. Самые ценные места остальной части пути подлежат сохранению благодаря своему биоразнообразию: ведь бывшая линия железной дороги служит уголком природы в городе – домом для некоторых редких видов флоры и фауны.

Кафе «Ля Ресиклери»

Бывшие станции малой кольцевой железной дороги преобразованы после закрытия линии; некоторые – официально, другие – неофициально. По возможности их выкупает муниципалитет и открывает к ним доступ некоммерческим организациям, чтобы те обеспечили их интеграцию с окружающей территорией благодаря разнообразному использованию.

Бывшая станция на бульваре Орнано трансформирована в кафе «Ля Ресиклери» в 2014 году. Идея заключалась в том, чтобы создать экспериментальное место для встреч на основе гибридной экологической программы, объединив ресторан, бар, школу танцев, ремонтную

^ Малая кольцевая железная дорога в Париже. Автор: Кристиан Хорн, RETHINK / The small belt railway in Paris. Author: Christian Horn, RETHINK

is predominantly mineral; the prairie island is generously planted; the tall grass island is a hiding playground for children; the orchard island is punctuated by decorative apple trees; and the bird Island is the most densely planted and 'wild' of the five islands.

These floating gardens reinforce the biodiversity and help to rethink the relationship of the Parisians to their river Seine. They offer a unique, accessible and floating public space on the water. But as the vegetation is planted on floating metal structures above the water surface, the contact between the plants and the water is more limited than with the green raft and its underwater modules. So the City of Paris added small green islets between the islands and the river bank. Not accessible to the public, they accommodate semi-aquatic plants to complete the floating ecosystem.

The small belt railway

From the blue corridors of the canal Saint Martin and the river Seine, we switch to a green corridor on a former railway line in Paris. The small belt railway was a 32 kilometre long railway line circumnavigating Paris within the Boulevards des Maréchaux. Most parts of this line had been closed since 1934. In the following years the railway was used only from time to time for specific functions.

v Кафе «Ресиклери» в Париже. Автор: Кристиан Хорн, RETHINK / The Recyclerie cafe in Paris. Author: Christian Horn, RETHINK

Today only a few smaller sections are still incorporated into the active railway network.

As the line is still legally part of the railway network, it has remained free from development and constructions. Inaccessible for the population, the railway line developed into an urban retreat for the fauna and flora: e.g. bats found a their home in the tunnels.

Since 2006, the City of Paris has made the small belt railway partly accessible. The necessary constructions are limited to the minimum and can be dismantled. The option to let rail vehicles run again on the line, whatever they will look like in the future, should remain possible. In the meantime 6.5 km have been made accessible to the public with shared gardens, small cultural gatherings and walks. For the rest, the city continues protecting the most valuable sections in terms of biodiversity as this former railway line reinforces the place of nature in the city and is home to some rare species.

La Recyclerie café

The former train stations of the small railway belt were converted after the closure of the line, partly officially, partly unofficially. If possible, they are now bought by the City of Paris and made

мастерскую и городскую ферму. Концепция опирается на четыре меры, цель которых – сделать мир здоровее, чище и устойчивее. Это так называемые 4R: Refuse, Reduce, Reuse, Recycle, что означает «отказ, уменьшение, повторное использование, переработка». На этой экспериментальной площадке компания «Ресиклери» с каждым годом старается сделать шаг вперед для уменьшения экологического следа, который остается от их деятельности, а также делиться своим опытом с другими. Здесь также практикуется активное участие общественности в решении вопросов, связанных с окружающей средой.

Для каждого времени года была создана специальная программа. С января по март «Переосмысление» – период, чтобы пересмотреть существующий образ жизни и подумать о завтрашнем мире, проявляя заботу о природе и биоразнообразии. С апреля по июнь «Уменьшение» – период, когда нужно уменьшить количество отходов и снова заняться озеленением города, чтобы достичь безотходного образа жизни с устойчивым местным потреблением. С июля по сентябрь «Восстановление» – период реставрации и восстановления вместо выброса отходов. С октября по декабрь «Переработка» – период, нацеленный на обеспечение экологического перехода.

Биоразнообразие занимает важное место в деятельности «Ресиклери». С 2014 года компания занимается переоборудованием малой кольцевой железной дороги в участок, засаженный разнообразными овощами, экспе-

available to non-profit associations in order to integrate them in the neighborhoods with various uses.

The former station on Boulevard Ornano had been transformed in 2014 in the Recyclerie café. The concept was to set up an experimental meeting place with a hybrid, ecologically-oriented program: partly a restaurant, a bar, a dance school, a repair shop and an urban farm. The concept is based on the 4Rs (Refuse, Reduce, Reuse, Recycle), that are four successive actions to move towards a healthier, fairer and more sustainable world. The place is experimental and the association of the Recyclerie tries every year to go further in reducing the ecological footprint of their activities and to communicate their actions. It is a place to promote the engagement of the civil society on environmental issues.

A specific program had been organized for each period of the year. From January to March: Rethinking, a period to rethink lifestyles and think about the world of tomorrow while respecting nature and biodiversity; From April to June: Reduce, a period to reduce waste and replant the city in order to achieve a zero waste lifestyle with a sustainable local consumption; From July to September: Repair, a period of restoration and repairing instead of

риментированием с различными семенами и разведением мелких животных (кур) и рыб для циклического производства пищи. Сегодня это место стало очень популярным, его можно назвать маленьким райским садом.

Начальная школа наук и биоразнообразия

Общественные здания являются значимыми объектами в любом городе. Их архитектура может поведать нам об истории и управлении городом. Общественные здания служат образцом, особенно школьные здания: ведь они оказывают большое влияние на образование детей.

Комплекс школы наук и биоразнообразия в Булонь-Бийанкуре по проекту бюро Chartiers Dalix – пример исследования интеграции природы и зданий. В здании размещено 18 классов (11 начальных и 7 дошкольных классов), спортивный зал, школьная столовая и центральный школьный двор. Школа представляет собой заселенный городской ландшафт с большими горизонтальными поверхностями на толстом слое почвы, зеленой террасой и зеленым фасадом. Проектом предусмотрено создание функциональной экосистемы.

Зеленый фасад с оросительной системой и замысловатым рельефом позволяет выращивать растения вертикально. Доступная крыша с большим висячим садом создает пространство для местной флоры и фауны и служит продолжением зеленого фасада. Приподнятый ландшафт школы также позволяет улучшить условия жизни в окружающих зданиях. Наличие растительности снижает высокую температуру воздуха летом и создает прекрасный вид для соседних домов.

Школа биоразнообразия дает возможность школьникам получить особое образование, делая открытия, углубляя свои знания в области науки и природы (окружающей нас флоры и фауны). У детей формируется новое представление о городе, образовании и природе.

< Начальная школа наук и биоразнообразия в Булонь-Бийанкуре. Автор: CDX Такудзи Шиммура / Primary school for sciences and biodiversity in Boulogne-Billancourt. Author: CDX Takuji Shimmura

> Школьный двор «Оазис» в Париже. Автор: Лорен Бургонь, Париж / Oasis school-yard in Paris. Author: Laurent Bourgonne, Paris

throwing away; From October to December: Recycling: a period in order to guarantee the ecological transition.

Biodiversity take an important part in the activities of the Recyclerie. Since 2014 they are transforming a section of the small railway belt into a diversified vegetable garden, experimenting with different seeds and the introduction small livestock, as chicken and fish, for a circular food production. Today it has become a very popular place and small Garden of Eden.

Primary School For Sciences And Biodiversity

Public buildings are important anchor points in every city. Their architecture tells us a lot about the history and governance of the city. Public building has a role of exemplarity, especially school buildings, as they have a large impact on the education of the children.

The Science and Biodiversity School Group in Boulogne-Billancourt, designed by the office Chartiers Dalix, is exemplary in its exploration on the integration of nature in buildings. The building houses 18 classes (11 elementary and 7 nursery classes), a gymnasium, a school restaurant and a central school-yard. The school is conceived as an inhabited landscape in the city. It offers larger

Школьные дворы «Оазис»

Программа для школьных дворов Парижа «Оазис» имеет цель, схожую с предыдущим примером: модернизация существующих школ. В 2018 году муниципалитет Парижа, получив финансовую поддержку Евросоюза, решил заняться преобразованием нескольких школьных дворов в зеленые пространства. Проект предполагается завершить в 2050 году полной реновацией всех школьных дворов Парижа.

За последние десятилетия большинство школьных дворов превратились в бетонные площадки, где изредка можно встретить несколько деревьев. Практически незатененные минеральные поверхности быстро нагреваются под прямыми солнечными лучами, создавая суровые климатические условия для школьников. Проектом «Оазис» предусмотрено оживить дизайн, посадить новые деревья, чтобы создать больше тени, добавить растительность, небольшой огород, а также использовать воду и естественную почву для улучшения управления дождевой водой. Это позволит повысить у школьников понимание нашей тесной связи с природой и привить уважение к ней. В каждой школе взрослые и дети работают вместе над трансформацией своего школьного двора, что помо-

horizontal surfaces with a thick layer of soil, a green terrace and a green facade. It had been conceived as a functional ecosystem.

The green façade with its watering system and a playful relief offers the possibility of growing plants vertically. An accessible roof with a large hanging garden ensures a space for a local flora and fauna to develop in continuity with the green façade. With its elevated landscape, the building also improves the living conditions in the surrounding buildings. The presence of vegetation reduces the peak temperature in summer and gives a nice view for the neighbouring buildings.

The school of biodiversity offers the schoolchildren the possibility of a specific education, allowing them to discover and deepen their knowledge of science, nature and the flora and fauna that surround us. A new way of thinking about the city, education and nature.

The Oasis school-yards

The program of the Oasis school-yards of the City of Paris has a similar objective as the previous example by retrofitting the existing schools. In 2018 the City of Paris decided with a financial contribution of the European Union to experiment the transformation of several school-yards into green spaces. A project that should end in

2050 with a complete renovation of all school-yards in Paris.

School-yards had become in the previous decades mainly concrete surfaces with eventually a few trees. Mineral surfaces with little shade that heat up quickly in direct sunlight and offer a harsh environment for the school children. The Oasis project proposes a more playful design, more shade thanks to new trees, more vegetation, a small vegetable garden, the presence of water and natural soil allowing for a better rainwater management. And it offers the possibility to rise awareness on our intimate relationship and necessary respect for nature. In each school children and the adults work together on the transformation of their school-yard for a better distribution of the space and a friendly, natural environment. School-yards are social microcosm. Their layout and use can convey civic and republican values, the respect for the environment and the living together.

And there is a second aspect of the program. The Oasis school-yards represent more than 70 hectares of surface area in Paris and they are distributed evenly over the territory. Until now they are closed to the public even when the schools are empty, like on public holidays and weekends. The Oasis program foresees to intensify the

> Городская ферма на крыше Порт-де-Версаль, Париж.
Автор: Valode&Pistre architectes Atlav AJN /
The urban farm at the porte de Versailles in Paris.
Author: Valode&Pistre architectes Atlav AJN

гает лучше распорядиться пространством и создать дружелюбную естественную среду. Школьные дворы – это общественный микрокосм. В их обустройстве и использовании могут быть заложены гражданские и национальные ценности, уважение к окружающей природе и стремление к мирному сосуществованию с ней.

У программы есть еще один аспект. Школьные дворы «Оазис» представляют собой более 70 гектаров, которые равномерно расположены по всей территории Парижа. До сегодняшнего дня они были закрыты для публики даже когда в школах не проводилось обучение (например, в праздники и выходные). Программа «Оазис» предполагает усилить использование этих новых зеленых пространств. Летом обновленные школьные дворы могут быть открыты для публики, а в жаркий период стать укры-

тием и местом встреч для людей, подверженных влиянию высоких температур, давая им возможность отдохнуть и пообщаться в тени среди зелени.

Городская ферма на крыше площадью 14000 м²

В качестве примера широкомасштабного проекта можно рассмотреть самую большую городскую ферму в Европе, недавно открывшуюся в Париже на крыше выставочного центра Порт-де-Версаль. Это экспериментальный проект, направленный на выявление возможностей для выращивания продуктов на больших площадях городских крыш.

Проект занял 14000 м² площади над выставочным центром, и главным вопросом явился вес конструкции. В связи с этим использование естественной почвы стало невозможно. Была создана легкая конструкция, чтобы

uses of this new green spaces. During summer the new designed school-yards can open to the public and become a refuge and meeting place for vulnerable people during peak temperatures. By offering shade, vegetation and social contact, they offer a moment of rest during the hot days of the year.

An urban farm of 14000 m² on a rooftop

On a larger scale, the biggest urban farm in Europe opened recently in Paris on the rooftop of an exhibition hall at the Porte de Versailles. It is an experimental project to test the possibility and capacities to grow food on larger urban rooftops.

Implemented on 14000 m² above the exhibition hall, weight becomes a major subject. So the use of natural soil was not possible. A light structure has been implemented in order to provide a maximum of plants with a minimum of weight. The cultivation system uses two methods. The first is horizontal with gutters that are used for climbing plants. The second is vertical with hollow tubes and each tube houses about fifty strawberry plants. Both methods limit the use of water with an enclosed system to reduce evaporation and again limit weight. The rooftop is also partly accessible to the public with its panoramic views of Paris. It offers a restaurant and

разместить максимальное количество растений с минимальной нагрузкой. Система культивации использует два метода. Первый – горизонтальная, с желобами для вьющихся растений. Второй – вертикальная, с полыми трубами, в каждой из которых выращивается около 50 клубничных кустов. Оба метода ограничивают использование воды внутри замкнутой системы, чтобы уменьшить испарение и уменьшить нагрузку. Крыша частично доступна публике, которая может насладиться панорамными видами Парижа, посетить ресторан и бар с большим садом. В ресторане в основном используются продукты городской фермы. Некоторые части крыши можно брать в аренду, чтобы создавать свой собственный городской сад.

Городские крыши (так называемый «пятый фасад») часто не принимались во внимание или использовались только для технического оборудования, которому нежелательно находиться на виду, на улице. Но эти недостаточно используемые поверхности обладают большим потенциалом для нового применения. Одним из видов такого использования могут быть сады и городские фермы. В исследовании 2017 года муниципалитет Парижа заявил, что для производства фруктов и овощей для жителей мегаполиса необходимо 11 тыс. га сельскохозяйственной территории. 1,4 га городской фермы не внесет большого вклада в это производство, но сможет поднять уровень осведомленности городского населения о новом способе выращивания продуктов и обогатит биоразнообразие.

Изменение климата и уничтожение окружающей среды – две главные проблемы настоящего времени. Следующее десятилетие станет решающим в деле осуществления экологического перехода. Города должны адаптироваться и повысить наш уровень жизни, интегрируя удовлетворение потребностей и предоставление необходимого пространства для флоры и фауны. Вышеупомянутые семь примеров – только малая доля возможностей, которые у нас есть. Но они демонстрируют, как может выглядеть город уже сегодня.

Литература / References

Horn, C. (2019). Climate Action Plans, an Essential Planning Tool for Cities. Project Baikal, 16(62), 9-17. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.62.1535>

a bar with the large rooftop garden. The restaurant will use mainly the products of the urban farm. Some sections of the rooftop are available for rent to cultivate your own urban garden.

The fifth facade of the city, the rooftops, have been often ignored or only used for technical equipment that nobody wishes to see in the streets. But these underused surfaces offer a large potential for new uses. Gardens and urban agriculture can be one of them. The City of Paris indicated in a study of 2017 that an agriculture surface of 11000 ha would be necessary to produce fruits and vegetable for all Parisians. The 1,4 ha of the urban farm will not bring a big contribution to the supply of the Parisians, but it brings awareness on food production to the urban populations, and enriches the biodiversity.

Climate change and the degrading of our natural environments are two of the major challenges of our times. And the next decade will be decisive to implement the ecological transition. Our cities have to adapt to and to contribute to our well being by integrating the needs of and a space for the flora and fauna. These seven examples are just a small section of possibilities, but they show how the city of today could look like.

Horn, C., Sykina, K., & Turki, E. (2020). Interview with Yann Françoise on climate action plans. Project Baikal, 17(64), 12-18. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.64.1626>

Living Planet Report 2020. (2020). WWF. <https://www.wwf.fr/vous-informer/actualites/rapport-planete-vivante-2020>

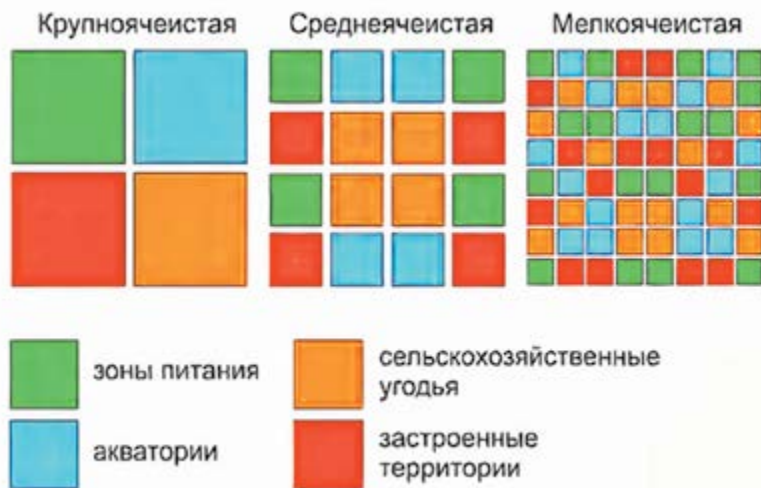
Plan Biodiversité de Paris 2018 – 2024. (2019). Ville de Paris. <https://www.paris.fr/pages/biodiversite-66>

Ville de Paris. (2018). Plan Climat Énergie. Consulté à l'adresse <https://www.paris.fr/pages/paris-pour-le-climat-2148/#le-plan-climat-energie-de-paris>

v План биоразнообразия города Парижа. Автор: муниципалитет Парижа / The biodiversity plan of the city of Paris. Author: City of Paris

< Городская ферма на крыше Порт-де-Версаль, Париж. Автор: Nature Urbaine / The urban farm at the porte de Versailles in Paris. Author: Nature Urbaine

Все использующие и производящие виды природопользования и экономической деятельности; материальные блага и ресурсы, в том числе интеллектуальные; творческие виды и знания, начиная с доисторических времен и до нашего времени требуют пространственного оформления условий реализации. На этой основе можно найти простое решение создания условий экономической и пространственной устойчивости, а также стабильного развития любых административно-территориальных образований. Ключевые слова: устойчивое развитие; бюджет административно-территориального образования; пространственное распределение видов деятельности. /

All types of environmental management and economic activities, both those that produce material goods and resources, as well as intellectual, creative types and knowledge, from prehistoric times to our time, require spatial design of the conditions for implementation. On this basis, a simple solution can be found to create conditions for economic and spatial stability, as well as for the stable development of any administrative-territorial entities. Keywords: sustainable development; budget of administrative-territorial formation; spatial distribution of activities. /

Градостроительная основа формирования бюджета / Urban planning basis for budgeting

ТЕКСТ

Сергей Митягин
Павел Спирин
Злата Гаевская /
text
Sergey Mityagin
Pavel Spirin
Zlata Gaevskaya

Введение

На исходе третье десятилетие объявленного ООН перехода к устойчивому развитию. В этот период по планете прокатилось несколько волн экономического кризиса и крупных локальных экологических ударов как природного, так и техногенного характера, региональных и местных военных столкновений, международных экономических и политических конфликтов. Социально-экономическое развитие в целом и в отдельных регионах Земли приобрело острые черты турбулентности и неуравновешенности. Взаимоотношения между Человечеством и Природой становятся все более напряженными.

В этой ситуации проблема перехода к устойчивому развитию явно потеряла актуальность, но не остроту ни в локальных, ни в региональных, ни в планетарном аспектах. Попытки снизить негативное воздействие на компоненты окружающей среды этих образований с неизбежным возрастанием антропогенных нагрузок встречают активное сопротивление практически на всех уровнях организации хозяйственной деятельности. Действующие во всех странах механизмы регулирования экономики природопользования не дают желаемого эффекта в обеспечении условий устойчивого развития. Извлечение прибыли и прибавочного продукта за счет ограниченных ресурсов планеты как один из принципов развития только увеличивается, расширяются пространства активной хозяйственной деятельности и урбанизации территорий, сокращаются возможности компенсации антропогенной нагрузки со стороны компонентов биосферы. Повсеместно проявляется недостаточность капитальных вложений в охрану и восстановление ресурсов окружающей среды. Возникает проблема: либо охрана Природы, либо необходимый экономический рост административно-территориальных образований и повышение степени благоустройства жизненной среды населения этих образований.

Очевидно, что решение данной проблемы может быть осуществлено путем создания условий самоограничения хозяйствующих субъектов, тем или иным способом использующих разные виды природных, в том числе пространственных ресурсов. Создание таких условий должно стать приоритетом на уровне международных отношений,

государственной политики на региональном уровне, градостроительной и хозяйственной практики в локальных муниципальных образованиях.

Методы

Градостроительство как средство социальной эволюции биосферы Земли может предложить реальный механизм оптимизации антропогенных нагрузок и объектов преобразования окружающей среды, эффективного и нерасточительного использования ее ресурсов. Следует отметить и роль зонирования и функционального размещения объектов капитального строительства различного назначения и, соответственно, распределения земельных участков разных видов использования. Таким образом, функционально-планировочная организация урбанизированных территорий и территорий вне границ населенных пунктов, занимаемых негражданскими видами экономической деятельности, а также капитальное строительство как один из видов этой деятельности и любое преобразование ландшафта, связанное с изменением земной поверхности, практически представляет собой набор инструментов целенаправленной, иногда осмысленной, а иногда фактически случайной реконструкции сложившейся пространственной системы ландшафтного комплекса, адаптации этой системы для решения текущих задач экономики местного, регионального или национально-государственного уровней. Все данные инструменты составляют содержание градостроительного проектного процесса, следовательно, могут применяться комплексно и целенаправленно с учетом стоящих задач создания условий устойчивого развития, сложившихся форм материально-пространственной среды и особенностей места.

Следует учитывать, что в результатах труда любого субъекта экономических отношений используются как природные, так и искусственно созданные пространственные ресурсы. Проектное моделирование будущих планировочных структур градостроительных объектов целесообразно вести с позиций максимально возможного вписывания технологических процессов природопользования в естественные процессы массоэнергообмена в биосфере. Поэтому градостроительные механизмы

^ Рис. 1. Модели простой и сложной организации природно-антропогенного комплекса

Взаимный учет при планировании объектов федерального, регионального, муниципального уровня.

Максимовичева Россия

19

пространственной организации общества в виде функциональной организации различных видов разрешенного использования земельных участков могут играть ключевую роль в создании условий устойчивого социально-экономического развития всей иерархии административно-территориальных образований.

Использование конкретных пространственных ячеек для какого-либо вида экономической деятельности и организации быта людей очевидно ограничивает возможности использования этих же ячеек в целях ведения других видов деятельности и размещения других людей. Пространственные природные и искусственно сформированные ресурсы в земных условиях принципиально ограничены в каждый исторический период цивилизационного развития Человечества. Конкретно они ограничены общепризнанными национальными границами государств и внутренних административно-территориальных образований, в пределах которых функционирует иерархическая структура пространственных ячеек разного функционального назначения. Эффективность сочетания видов деятельности в сложно организованной пространственной структуре любого административно-территориального образования зависит от степени оптимизации распределения и параметров развития этих видов, а также интенсивности использования пространственных материальных и нематериальных ресурсов.

Физическое проявление природообразующей функции градостроительства заключается в изменении ландшафтных и климатических характеристик среды, определяемых качественным состоянием, поглощающей, отражающей и излучающей способностями и величинами каждого функционального элемента поверхности. В упрощенном виде это означает, что возможность изменения мощности потока антропогенно выделяемой энергии в территориальном природно-антропогенном комплексе связывается с тем изменением степени отражения солнечной радиации, которое является прерогативой градостроительства как средства территориальной организации общества. Знание лимитов по всем видам природных ресурсов важно для проектного моделирования и формирования экологически сбалансированных структур расселения, энергетического и материального производства, производства продуктов питания, организации рекреационной деятельности, транспортных и инженерных сетей. В целом в проектном решении важно не допустить опустынивания и заболачивания местности, крупномасштабного однородного зонирования, упрощающего организованность биосферы (рис. 1).

Ограничения в функциональном использовании пространственных ячеек могут иметь долгосрочные, среднесрочные и текущие, а также периодические, сезонные и временные измерения. Практика свидетельствует об изменчивости назначения пространственных ячеек, периодические преобразования их под требуемые условия осуществления тех или иных видов экономической деятельности и организации быта населения. Трансформация природных ландшафтов, строительство новых объектов и реконструкция сохраняемых основных фондов как видов социальной эволюции биосферы Земли в целом и локальные преобразования окружающей материальной среды жизнедеятельности людей в частности укладываются в содержание градостроительной деятельности [1, с. 217–230].

Главная историческая закономерность градостроительной деятельности заключается в постоянном расширении занимаемой этой деятельностью и ее результатами физического пространства. Эта закономерность проявляется повсеместно, хотя и с разной степенью интенсивности. Она находится в прямом соответствии с темпами социально-экономического развития любого

административно-территориального образования. В нем градостроительная деятельность через проектно-планировочные документы и строительную активность полностью отражает текущие и стратегические хозяйственные интересы страны, которые в настоящее время могут быть локализованы в системе целей обеспечения условий устойчивого и безопасного развития [2].

Таким образом, градостроительная документация через планировочные решения землеустройства, определяющие пространственное распределение и структуру хозяйственной деятельности, формирует средовые условия социально-экономического развития соответствующих административно-территориальных образований (рис. 2). Эти условия создаются путем пространственного распределения видов деятельности, эффективная концентрация которых обеспечивается прежде всего в границах населенных пунктов. Именно здесь может реально достигаться необходимая экономическая и социальная результативность; здесь зарегистрированы юридические адреса хозяйствующих на территориях муниципальных образований субъектов экономической деятельности (юридических и физических лиц – налогоплательщиков) [3; 4].

Связь пространственных ячеек, занимаемых различными видами хозяйственной (в том числе интеллектуальной) деятельности с их финансовыми результатами и, соответственно, с объемами бюджетных поступлений в самом простом виде может быть установлена в зависимости от параметров земельных участков и объектов капитального строительства, выделяемых в градостроительной документации для данных видов деятельности [5].

Поскольку все платежи и поступления в доходные части местных и государственных бюджетов напрямую связаны с финансовыми результатами деятельности абсолютно всех хозяйствующих субъектов, в том числе и физических лиц, то упрощение налогового регулирования и обеспечение прозрачности и очевидности назначений, их справедливости в глазах общества и конкретных налогоплательщиков очень важны для улучшения инвестиционного климата. Ясная налоговая система должна стать одним из факторов ускоренного и устойчивого

^ Рис. 2. Взаимный учет при планировании объектов федерального, регионального, муниципального уровня [9]

экономического роста для любых административно-территориальных образований и отдельных хозяйствующих субъектов [6].

При этом необходимо, чтобы конкретные плательщики – физические или юридические лица – ясно осознавали и прогнозировали, какой объем средств, полученных в результате их экономической деятельности, должен быть направлен в доходы бюджетов разных уровней и какими средствами после вычета всех текущих затрат, переходящих и планируемых капитальных вложений, эти плательщики смогут свободно распоряжаться.

Следовательно, реформирование инструментария наполнения бюджетов можно вести в секторе стабилизации и очевидности платежей, их фиксации как можно на более длительный период. В связи с тем, что источником бюджетных поступлений является экономическая деятельность и ее результаты как в области материального производства, так и в области разного рода интеллектуальных и социальных услуг, то освобождение доходов, полученных вследствие физического и интеллектуального труда налогоплательщиков в виде прибавочного продукта, было бы справедливо, дало бы возможность для более эффективной и интенсивной творческой деятельности, стимулировало бы развитие инновационной составляющей этой деятельности в большей степени, а также повысило бы заинтересованность в труде и рост экономически активной части населения [7].

Вместе с тем, в результатах труда любого субъекта экономических отношений в полной мере задействованы используемые для данного вида деятельности и природные, и искусственно созданные территориально распределенные пространственные ресурсы. К ним относятся ресурсы недр и земной поверхности, ресурсы природных зон, водные ресурсы и ресурсы воздушного бассейна, инженерные ресурсы и объекты, а также интерьеры зданий и все экстерьерные открытые пространства (в том числе и урбанизированных территорий) [8].

Подготовка проектно-планировочной документации административно-территориальных образований муниципального уровня осуществляется в целях создания условий для устойчивого развития этих образований, сохранения окружающей среды и объектов культурного наследия, обеспечения прав и законных интересов физических и юридических лиц, правообладателей имущественных комплексов, а также для создания условий привлечения инвестиций, в том числе путем предоставления возможности выбора наиболее эффективных видов разрешенного использования земельных участков и объектов капитального строительства.

Поэтому на основании в большинстве случаев не подкрепленной расчетами, субъективно принятой структуры распределения земельных участков разных видов разрешенного использования еще нельзя утверждать, что конкретное планировочное решение создаст необходимые и достаточные условия для устойчивого развития данного административно-территориального образования [10].

Очевидно, что устойчивость в развитии административно-территориальных образований достигается через формирование положительного сальдо доходных и расходных частей бюджетов этих образований. Если доходы административно-территориальных образований формируются из налоговых поступлений, аренды муниципального и государственного имущества (в том числе земельных участков), части прибыли местных организаций, то расходы определяются прежде всего социальными обязательствами местного самоуправления и органов государственной власти.

И то, и другое может быть измерено в динамике от достигнутого уровня, сделаны необходимые добавления,

чтобы получить требуемую балансовую модель бюджета, которую затем можно будет распределить между его расходной и доходной частями по земельным участкам, связанным с конкретными видами деятельности. В результате открывается возможность получить необходимую структуру бюджета административно-территориального образования с помощью комбинации видов использования земельных участков и объектов капитального строительства, их объемных и количественных характеристик.

В основе такой структуры формирования бюджета лежит простое и очевидное предположение: каждый земельный участок в границах административно-территориального образования, каждый объект капитального строительства и связанный с ними вид хозяйственной деятельности участвуют в социально-экономическом развитии этого образования. Поэтому совокупный экономический вклад указанных элементов градостроительной структуры при удачном планировочном решении может оказаться в состоянии обеспечить условия для стабильного функционирования и устойчивого развития социальных и экономических подсистем данного административно-территориального образования. Такие условия достигаются с помощью эффективного пространственного распределения земельных участков с объектами капитального строительства разных видов разрешенного использования.

На этой основе можно найти простое решение проблемы обеспечения необходимой и достаточной бюджетной насыщенности административно-территориальных образований. Данное решение может базироваться на кадастровой стоимости земельных участков, тарифах земельного налога и ставках арендных платежей. От параметров земельных участков относительно легко осуществить переход к пространственным характеристикам, занимаемым каким-либо видом деятельности, и затем соотнести экономические показатели совокупных финансовых результатов деятельности с конкретными земельными участками или пространствами [11].

Результаты и обсуждение

Таким образом, объем бюджета любого административно-территориального образования, требуемый для обеспечения устойчивого функционирования и развития всей городской и поселенческой инфраструктуры, а также исполнения иных социальных обязательств органов местного самоуправления и государственной власти можно получить за счет компенсационных (налоговых и арендных) платежей хозяйствующих субъектов и владельцев имущественно-пространственных комплексов. Эти платежи должны находиться в зависимости от видов экономической деятельности, осуществляемых в границах занятых этими видами деятельности пространственных ячеек. При этом иные местные налоги и платежи, формируемые из доходов от деятельности хозяйствующих субъектов, могут не изыматься в муниципальных и государственных интересах даже частично. Это может значительно упростить всю систему экономического регулирования, переводит ее на абсолютно объективные пространственные показатели и связывает достижение условий устойчивого развития административно-территориальных образований с эффективностью использования пространственных ресурсов.

На этой методологической основе достаточно просто рассчитать необходимые объемы имущественных налогов и арендных платежей в бюджеты разных уровней, полностью заменяющих все иные поступления от деятельности хозяйствующих субъектов.

Использование кадастровых механизмов в градостроительной деятельности становится реально возможным благодаря переводу проектно-планировочной документации на цифровую основу, позволяющую осуществлять

координатные привязки проектных границ земельных участков, определять параметры и виды их разрешенного использования [12].

Важной предпосылкой неизбежного перехода на цифровой формат подготовки градостроительной документации является использование специализированных геоинформационных продуктов и создаваемых на их основе информационных систем обеспечения градостроительной деятельности, которые позволяют не только ускорять, повысить прозрачность, обоснованность и качество проектных решений на всех уровнях подготовки проектно-планировочной документации, но также гарантировать всем субъектам экономических отношений, в том числе и жителям данных урбанизированных территорий, соблюдение их имущественных прав и последовательное формирование комфортных и благоприятных условий жизнедеятельности [13].

Заключение

Связь кадастровой оценки имущественных комплексов, состоящих из земельных участков и основных фондов, размещенных и планируемых для строительства на этих участках, с доходной частью бюджета административно-территориальных образований показывает значение результатов градостроительной деятельности для создания условий устойчивого социально-экономического развития административно-территориальных образований. При этом появляется возможность целенаправленного изменения функционального зонирования административно-территориальных образований, изменения ставок имущественных налогов и арендных платежей, необходимость проектной оптимизации планировочных решений, осознанного пересмотра нормативной базы градостроительного проектирования, в том числе санитарных и иных технических норм с чисто экономических позиций.

На этом пути необходимо обеспечить единство классификации назначения земель и земельных участков на всех уровнях градостроительной деятельности. Важным становится вопрос о межведомственном взаимодействии и интеграции законодательных, отраслевых и административных правовых актов, определяющих назначение видов использования земельных участков и связанных с ними объектов строительства, а также кодов регистрационной системы, устанавливающей разрешенные виды хозяйственной деятельности в границах формируемых экстерьерных и интерьерных ячеек.

В результате превращения градостроительной документации в материалы по обоснованию социально-экономической политики и землеустройству роль этой документации в современных условиях резко возрастает и может стать определяющей в бюджетно-налоговой сфере административно-территориальных образований.

Литература

1. Казначеев, В. П. Учение Вернадского В. И. о переходе биосферы в ноосферу, его философское и общенаучное значение. – Москва, 1990. – Т. 1. – 248 с.
2. Митягин, С. Д. Обеспечение устойчивости биосферы – задача территориального планирования // Биосфера. Междисциплинарный научный и прикладной журнал. – 2014. – Т. 6. – № 1. – С. 151–162
3. Кухтин, П. В. Методология управления земельными ресурсами. – Москва : Карпов Е. В., 2004. – 264 с.
4. Кухтин, П. В. Экономическая оценка земель населенных пунктов: теория, методология, практика. – Москва : Карпов Е. В., 2005. – 187 с.
5. Кухтин, П. В., Левов, А. А. Методология управления земельно-имущественным комплексом в регионе. Учебно-методическое пособие / Российский научный центр государственного и муниципального управления. – Москва : ФГНУ РНЦГМУ, 2003. – 410 с.

6. Султанов, Г. С., Алиев, Б. Х. Современная система налогообложения России: проблемы и пути решения // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – № 8–4. – С. 601–603

7. Золотарева, Г. И., Смородинова, Н. И. Бюджетная система Российской Федерации. Учебник. – Москва : КноРус, 2016. – 233 с.

8. Артюхин, Р. Е. Актуальные вопросы совершенствования правового регулирования бюджетных платежей. – Москва : Русайнс, 2015. – 76 с.

9. Основные направления государственной политики в сфере территориального планирования: повышение эффективности. Доклад Минэкономразвития России. – URL: http://nopriz.ru/upload/conference_13nov/2_PLENAR_2015-11-13/2_2.pdf (дата обращения: 06.12.2020)

10. Митягин, С. Д. Оценка влияния документов территориального планирования на социально-экономическое развитие административно-территориальных образований // Промышленное и гражданское строительство. – 2017. – № 4 (апрель). – С. 10–14

11. Теоретические и методические положения управления земельными ресурсами и формирование системы государственного земельного кадастра / под. ред. А. А. Варламова. – Москва : ГУЗ, 2001. – 300 с.

12. Морозова, Я. С., Максимов, Н. Э. Применение геоинформационных систем при разработке стратегии развития территории // Актуальные вопросы технических наук: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Пермь, апрель 2015 г.). – Пермь : Зебра, 2015. – С. 147–150

13. Спиринов, П. П., Бежаева, Е. Б. Проблемы создания автоматизированных информационных систем обеспечения градостроительной деятельности как основы стратегического планирования // Управление развитием территории. – 2013. – № 2. С. 42–47

References

- Artyukhin, R. E. (2015). Aktualnye voprosy sovershenstvovaniya pravovogo regulirovaniya byudzhetykh platyezhei [Current issues of improvement of the legal regulation of budgetary payments]. Moscow: Rusains.
- Kaznacheev, V. P. (1990). Uchenie Vernadskogo V. I. o perekhode biosfery v noosferu, ego filisofskoe i obshchenauchnoe znachenie [V. I. Vernadsky's teachings of biosphere-noosphere transition, its philosophical and scientific significance]. Vol. 1. Moscow.
- Kukhtin, P. V. (2004). Metodologiya upravleniya zemelnymi resursami [Methodology of land management]. Moscow: Karpov E. V.
- Kukhtin, P. V. (2005). Ekonomicheskaya otsenka zemel naselennykh punktov: teoriya, metodologiya, praktika [Economic assessment of the settlement lands: theory, methodology, practice]. Moscow: Karpov E. V.
- Kukhtin, P. V., & Levov, A. A. (2003). Metodologiya upravleniya zemelno-imushchestvennym kompleksom v regione. Uchebno-metodicheskoe posobie [Methodology of management of the land and property complex in the region. Study guide]. Rossiiskiy nauchnyi tsents gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniya. Moscow: FGNU RNTSGMU.
- Ministry of economical development of Russia (2015, November 13). Osnovnye napravleniya gosudarstvennoy politiki v sfere territorialnogo planirovaniya: povyshenie effektivnosti [Basic directions of the state land-use planning policy: efficiency improvement]. http://nopriz.ru/upload/conference_13nov/2_PLENAR_2015-11-13/2_2.pdf
- Mityagin, S. D. (2014). Obespechenie ustoichivosti biosfery – zadacha territorialnogo planirovaniya [Provision of the sustainability of the biosphere is an objective of land-use planning]. Biosfera. Mezhdistsiplinarny nauchnyi i prikladnoi zhurnal, 6(1), 151-162.
- Mityagin, S. D. (2017, April). Otsenka vliyaniya dokumentov territorialnogo planirovaniya na sotsialno-ekonomicheskoe razvitie administrativno-territorialnykh obrazovaniy [Assessment of the impact of the land-use planning documents on the socio-economic development of the administrative-territorial entities]. Promyshlennoe i grazhdanskoe stroitelstvo, 4, 10-14.
- Morozova, Ya. S., & Maksimov, N. E. (2015, April). Primenenie geoinformatsionnykh sistem pri razrabotke strategii razvitiya territorii [Application of geoinformation systems when elaborating o a land development strategy]. Aktualnye voprosy tekhnicheskikh nauk: Proceedings of the III International scientific conference (pp. 147-150). Perm: Zebra.
- Spirin, P. P., & Bezhaeva, E. B. (2013). Problemy sozdaniya avtomatizirovannykh informatsionnykh sistem obespecheniya gradostroitelnoi deyatelnosti kak osnovy strategicheskogo planirovaniya [Problems of creation of automated information systems for providing urban planning activities as a basis for strategic planning]. Upravlenie Razvitiem territorii, 2, 42-27.
- Sultanov, G. S., & Aliev, B. Kh. (2016). Sovremennaya Sistema nalogooblozheniya Rossii: problemy i puti resheniya [The modern tax system of Russia: problems and solutions]. Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamentalnykh issledovaniy, 8-4, 601-603.
- Varlamov, A. A. (Ed.) (2001). Teoreticheskie i metodicheskie polozheniya upravleniya zemelnymi resursami i formirovanie sistemy gosudarstvennogo zemelnogo kadastra [Theoretic and methodic guidelines for the land resources management and formation of the system of the state land use inventory]. Moscow: GUZ.
- Zolotareva, G. I., & Smorodinova, N. I. (2016). Byudzhelnaya Sistema Rossiiskoi Federatsii. Uchebnik [A budget system of the Russian Federation. A manual]. Moscow: KnoRus.

Современный этап мирового технологического развития характеризуется высокими темпами внедрения инноваций. Требуются новые подходы к пространственной организации территорий. Все чаще используется понятие «кластер» как особого территориального образования, но отсутствует его понимание в градостроительстве. Предложена формулировка. Выявлены необходимые составляющие кластера – производство, наука, образование, инфраструктура и общие принципы их взаимосвязей. Выделено четыре планировочных типа кластеров, определяющие особенности городского планирования.

Ключевые слова: территориальное планирование; кластер; территориальный кластер; инновационность; планировочный тип кластера.

The current stage of the world technological development is characterized by rapid innovation. The spatial organization of the territory demands new approaches. The notion of "cluster" is now frequently used to denote a special territorial entity, but the urban studies lack comprehension of this concept. The authors propose its definition and the necessary elements of the cluster: production, science, education, infrastructure and general principles of their interrelation. The authors formulate four planning types of clusters that define specific features of urban planning.

Keywords: land-use planning; cluster; territorial cluster; innovation; cluster planning type.

Кластер и преобразование городского пространства / Cluster and transformation of urban space

текст
Антон Гашенко
Юлия Тарасова /
text
Anton Gashenko
Yulia Tarasova

Переход к новой инновационной экономике требует сбалансированного пространственного развития любой используемой территории. Эта проблема особенно остра в городах, где территориальное планирование длительное время формировалось в иных условиях развития экономики и общества, отличающихся от современных.

В настоящее время одним из значимых способов освоения новых и реорганизации существующих территорий становится кластерный подход. Учитывая важность и эффективность, во многих странах развитие с его использованием поддерживается на государственном уровне (Австралия, Великобритания, Германия, Индия, Испания, Италия, Канада, США, Япония и многие другие). Аналогичный подход развивается и в России [1]. К сожалению, при бурном развитии кластерного подхода основное внимание уделяется экономико-технологическим вопросам. Аспекты территориального планирования, обеспечивающего гармоничное развитие территории, проработаны недостаточно.

Рассмотрение кластеров экономистами не включает вопросы пространственной организации территории, что затрудняет решения территориального планирования. Авторы предлагают принципиальную схему организационной структуры, которая позволяет реализовать необходимые условия и темпы современного развития. В зависимости от специфики элементов кластеров и их взаимосвязей, т. е. в зависимости от функциональной его направленности и освоенности территории, выделено четыре типа планировочных решений кластеров.

Объектом исследования является кластер в градостроительном планировании. Предметом – планировочные типы территориального кластера.

Цель статьи – дать определение кластера, учитывая его принятый экономический взгляд и применимого для территориального планирования в градостроительстве, раскрыть специфику территориального образования с новыми свойствами, а также обозначить планировочные типы кластеров в зависимости от особенностей их формирования.

Степень изученности темы. Термин «кластер», используемый в различных областях знаний, нашел широкое применение в экономике. Его изучали западные экономисты – Р. Бро, В. Руйгрок и Р. Ван Тульдер, М. Портер.

Майкл Юджин Портер заложил его классическое определение в экономике и, проведя исследование экономики России, по сути, ввел термин «кластер» в оборот. Ряд отечественных специалистов занимаются современными исследованиями кластеров – В. А. Агафонов, О. В. Ибраева, Е. А. Монастырный, Л. В. Гайкова, Р. С. Жуковский и многие другие. Эти исследования стали основой для выявления термина в градостроительстве, определения его специфики и содержания структурных элементов.

Проблема исследования. Появление кластера связано с необходимостью внедрения инновационных технологий во все отрасли деятельности общества и организации производства. Это, в свою очередь, становится возможным при высокой концентрации человеческого, интеллектуального и производственного потенциала, что происходит в результате активно идущего процесса роста и развития городов и агломерационных образований. В то же время и сам кластер не просто связан с городом: он становится катализатором преобразования и превращения города в агломерацию или мегаполис.

Несмотря на широкое применение понятия «кластер», четкого и полного определения, а следовательно, и его понимания нет. Предлагаемое для градостроителей понятие «кластер» определяется как «объединение в географических рамках отдельной территории элементов городского организма в единое образование с учетом множественности взаимосвязей между ними (пространственных, информационных, экономических, социально-культурных, коммуникационных и пр.) с обеспечением самодостаточности и устойчивости полученной системы» [2]. Отмечается неопределенный набор стандартных городских функций, применимых для любого города. Специфика кластера в таком определении не отражена. Но это новая, ранее не существовавшая территориально-пространственная единица. Она отличается от существовавших до сих пор территориальных образований. Для выполнения новых задач она должна иметь и имеет свою структуру, которая отражает особенность связи между элементами. В определении ничего не отражено. Это осложняет работу градостроителей, что, в свою очередь, не дает возможности реализовать весь потенциал кластеров.

Методика. В ходе исследования проанализированы научные работы отечественных и зарубежных авторов, с разных сторон затрагивающие понятие кластера. Обозначен контекст рассматриваемого нами явления, позволяющий более точно задать понятийные рамки.

Прежде всего, стоит отметить многомерность и мультидисциплинарность понятия «кластер». Оно широко используется в математике, астрономии, лингвистике, информационных технологиях и других видах знаний и практик. При описании территориальных кластеров в градостроительстве следует также обратить внимание на разницу в применении этого понятия в зависимости от контекста.

Можно выделить несколько масштабных уровней, на которых применяется данное понятие. На уровне системы расселения («макроуровень») кластеры трактуются как экономические конструкты – «гроздь» предприятий или иных институций, связанных родом деятельности. Такое понимание лишь формально затрагивает пространственный аспект применения понятия: предполагается, что предприятия локализованы на ограниченной территории, которую можно выделить из окружения. При этом характер пространственного взаимодействия, как правило, рассматривается лишь отчасти. Понятием кластера на макроуровне оперируют при описании, например, региональных рекреационных [3] или аграрных систем.

На уровне внутригородской структуры («микроруровень») кластер – понятие скорее пространственно-морфологическое, нежели функционально-экономическое. Например, группа домов индивидуальной жилой застройки с общей развортной площадкой – характерный пример простейшего градостроительного кластера. Существуют и кластеры в масштабе отдельных зданий или небольших комплексов [4].

На уровне города, на «мезоуровне», кластер может рассматриваться как локально-целостное градостроительное образование [2] (например, субцентр города [5]), а поэтому, кроме функционально-экономического, имеет потенциал пространственного описания и типологизации на основе функционально-планировочных образцов формирования. Именно в этом контексте рассмотрено понятие кластера в данной статье.

Сформулированное определение кластера применимо для территориального планирования в градостроительстве, на основе которого, в зависимости от специфики, выделены планировочные типы. В целом понятие кластера в градостроительстве можно рассматривать как инструмент структурирования урбанизированных систем [2].

Понятие «кластер» пришло от западных экономистов, поэтому широко распространен именно экономический подход к представлению о нем: делается акцент на промышленно-экономическую сторону развития – конкуренцию, экономическую эффективность и пр. [6]. Но этого явно недостаточно для понимания его функционирования как пространственного, территориального образования.

На недостатки такого подхода указывают и некоторые российские экономисты. Отмечается, что только взаимодействие предприятий и организаций на ограниченной территории не может рассматриваться как кластер. В противном случае значительная часть производственно-экономической системы стран, в том числе России, попадает под это определение. Следовательно, границы кластера и окружающей его среды провести невозможно [7]. Тем не менее, существует широко распространенное мнение, что промышленные зоны с компактно расположенными предприятиями, относящиеся к одной отрасли, можно рассматривать как кластер. Но исследователи-экономисты указывают, что скопление предприятий на одной территории далеко не всегда представляет собой кластер» [8]. Если принять распространенное понимание

кластера, то старые, уже существующие структуры предлагается определить как новый объект лишь на основе повышенной концентрации производства. В таком случае введение нового понятия «кластер» не имеет смысла.

На появление нового территориального образования указывает и то, что повышенная концентрация предприятий одной отрасли на одной территории совсем не обязательно может давать импульс развитию и территории, и отрасли. Как правило, требуется реорганизация производства, новые архитектурно-пространственные и территориально-планировочные решения, создание новых, в том числе инфраструктурных, элементов. Формируется новая структура организации территории. Это требует совместной работы и тесного взаимодействия специалистов разного профиля – экономистов, технологов, градостроителей и т. д. Только в таком случае можно оптимизировать пространственно-планировочное, технологическое и социально-экономическое взаимодействие всех элементов нового объекта – кластера. В противном случае оптимизация развития и существования самого кластера невозможна.

Прежде всего, требуется четкое понимание функций кластера, специфики его элементов и структуры. Следовательно, и единое, четкое его определение, отражающее особенности кластера и с точки зрения экономики, и с точки зрения градостроительства.

Одним из ключевых свойств кластера в любой области является его целостность как единого объекта. Следовательно, он может рассматриваться как самостоятельная территориальная единица, обладающая определенными свойствами [6]. В таком случае территориальная планировка является одной из характеристик единства этого объекта. Специфика территориальной планировки зависит от набора и взаимосвязей элементов, которые обеспечивают его свойства. Основатель классического определения кластера Майкл Юджин Портер выделил основные их свойства:

- географическая локализация;
- взаимосвязь между предприятиями;
- технологическая взаимосвязанность отраслей;
- критическая масса (значительное число участников) [6].

Свойства кластера Портером рассматриваются прежде всего с производственно-экономической точки зрения. Только первое в самом общем виде говорит о территории. Структура ее организации, использование и роль в выполнении функции кластера не раскрываются.

Современные исследования в этой области, прежде всего отечественных специалистов: В. А. Агафонова, И. М. Бортника, Л. В. Гайковой, О. В. Ибраевой, Е. А. Монастырного, М. Ю. Шерешевой и многих других внесли существенный вклад в изучение именно структуры кластера. Она может быть основой для полного современного понимания сути кластера, специфики его территориального планирования и месте в системе градостроительства.

За основу рассмотрения кластера взята инновационность. Именно это свойство дает возможность интенсивного развития любой отрасли и сферы жизнедеятельности на современном уровне. С учетом этого важнейшего свойства была предложена структура территориального кластера, представленная в виде схемы (рис. 1) [9].

В схеме выделено пять элементов, определяющих необходимые сферы жизнедеятельности кластера. Важно, что все элементы взаимосвязаны друг с другом. Из этого можно сделать вывод, что инновационность касается всех элементов. Тогда в результате синергетического эффекта возможно интенсивное развитие. В противном случае требуемые темпы развития отдельных отраслей и территории в целом не могут быть достигнуты.

Е. А. Монастырный утверждает, что рассматривает кластерный подход с социально-экономической позиции. С этим можно согласиться лишь частично. Базовой осно-

вой его рассмотрения остается экономический аспект. Рассматриваются, как подчеркивает сам автор, экономические кластеры, эффект формирования и развития которых приводит к повышению конкурентоспособности экономики и механизмам согласования интересов власти и бизнеса при разработке региональной стратегии развития территории [9].

Желаемый и максимальный синергетический эффект может быть достигнут только при параллельном инновационном развитии социальной инфраструктуры. Иначе последняя будет мощным лимитирующим фактором развития территории (закон лимитирующего фактора) [10]. Такие процессы наблюдаются в ряде восточных регионов. С учетом рассмотренного выше можно предложить откорректированную схему структуры инновационного территориального кластера.

В схеме предложено деление предприятий на две группы: малые, средние и отдельно – крупные, что с точки зрения экономики и технологии важно. Но с точки зрения территориального планирования их размещение будет определяться характером экономического и экологического взаимодействия с окружающей средой [11]. Поэтому для использования в территориально-планировочной практике можно предложить следующую схему (рис. 2).

В таком случае в функционировании кластера и построении его структуры участвуют четыре равноправных по важности элемента: наука, образование, производство и инфраструктура. К инфраструктуре относится вся система обеспечения проживания, досуга, отдыха и развлечений жителей кластера как территориального образования. К собственно производству относится размещение производственной инфраструктуры, являющейся неотъемлемой его частью.

Но инновационность только отрасли производственной деятельности не может дать должного эффекта. Вероятно, максимальный эффект достигается при инновационности всех элементов кластера как единой системы. Их распределение в различных кластерах будет различаться по двум причинам. Во-первых, в зависимости от специализации кластера. Во-вторых, от специфики освоения территории: формирования на свободной от застройки территории или при реконструкции ранее освоенной, т. е. уже сложившейся городской планировочной структуры. В любом случае каждый элемент будет находиться в пределах зоны, определенной в соответствии с территориальным зонированием.

Все элементы кластера (производство, наука, образование и инфраструктура) существовали ранее. Но в кластере они будут гораздо теснее взаимосвязаны друг с другом. Именно специализация кластера, специфика инновационных взаимосвязей и развития будет оказывать влияние на его формирование и существование, а следовательно, и на структуру.

Одним из первых мировых примеров такого сочетания элементов инфраструктуры (комфортной жилой среды), образования (от клуба юных техников и физико-математической школы до университета и аспирантуры), науки (научно-исследовательских институтов) и производства (опытно-конструкторских бюро и опытного завода) является создание в конце 1950-х – начале 1960-х гг. Академгородка в г. Новосибирске. Планировочная структура

города-спутника (Советского района г. Новосибирска) формировалась под поставленные специфические задачи. Своей инновационностью она отличалась от существовавших на тот момент подходов к планированию городской среды [13]. Но целенаправленное доведение до широкого внедрения в производство в должной мере отсутствовало. Сейчас его планируют реализовать в проекте «Академгородок 2.0».

В итоге анализа принципов организации территориальных кластеров можно определить его как структурную единицу территориально-пространственной организации городской среды, занимающую определенную ограниченную территорию (или совокупность территорий), включающую научно-исследовательский, учебно-образовательный, производственный элементы и соответствующую инфраструктуру, функционально объединенных и взаимосвязанных общим направлением инновационного развития отрасли экономики [12].

Предлагаемое определение кластера отражает инновационность, а также экономико-технологические и территориально-планировочные аспекты в формировании использования территории.

Кластеры могут различаться в зависимости от специфики выполнения ими поставленных задач и расположения на территориях с разнообразными природными характеристиками и уровнем освоенности. Сочетание этих условий будет определять и архитектурно-планировочное решение для каждого конкретного кластера индивидуально. Но, несмотря на специализацию, масштабы деятельности и территориальные размеры, можно выделить несколько планировочных типов кластеров, сохраняющих общность принципов построения структуры.

В любом случае распределение взаимосвязанных элементов в кластере зависит от:

- специализации (функциональной направленности) кластера;
- специфики освоенности исходной территории для формирования кластера.

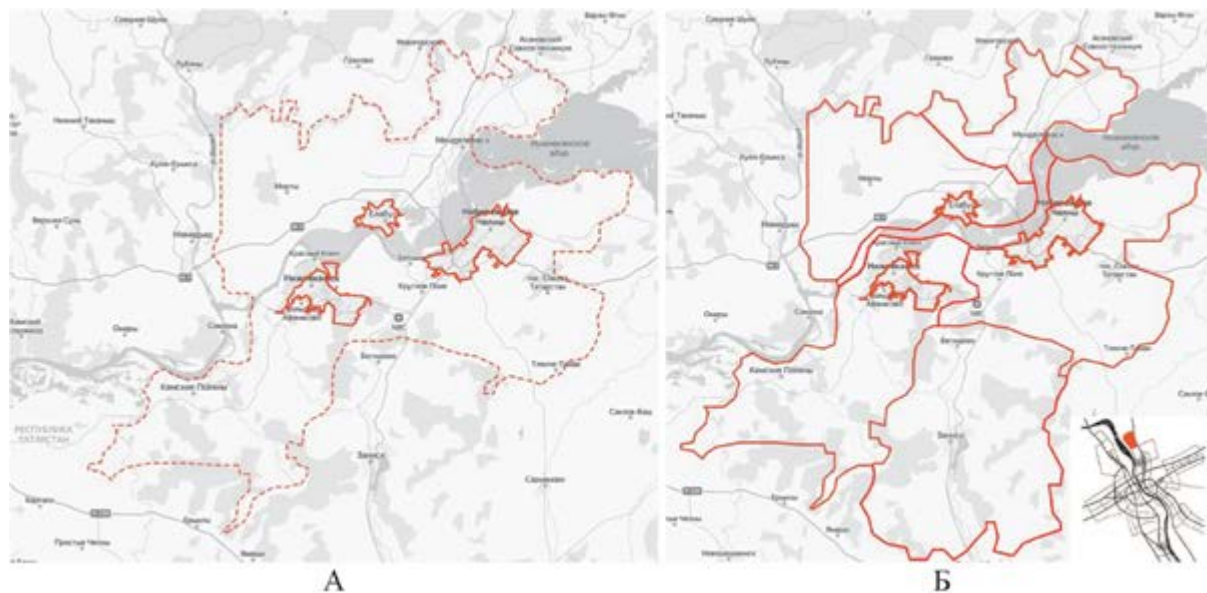
Начнем рассмотрение кластеров, планировочная структура которых зависит прежде всего от его специализации. Подобные варианты развития кластера могут быть реализованы только на свободной, ранее не освоенной территории. В таком случае создание структуры кластера будет обусловлено в основном специализацией.

С территориальной точки зрения возможны два варианта. В первом можно обеспечить тесное функциональное взаимодействие, характерное для любого кластера, и обеспечить территориальную близость всех элементов, которые необходимы для развития. Такой тип территориального кластера можно назвать «монолитным». Примером монолитного кластера на свободной территории (за пределами планировочной структуры города, но с компактным и близким расположением территорий и элементов) может служить Камский инновационный территориально-производственный кластер – ИННОКАМ (рис. 3). Территорию кластера формируют области близко расположенных городов, основные из которых – Набережные Челны, Елабуга и Нижнекамск. Они же формируют и Камскую агломерацию (рис. 3А). Однако территория кластера (рис. 3Б) выходит за пределы агломерационного образования (отмечено штриховой линией на рис. 3А).

> Рис. 1. Структура инновационного кластера по Е. А. Монастырному [9]

> Рис. 2. Структура территориального инновационного кластера по Ю. И. Тарасовой, А. В. Киншту [12]

< Рис. 3. Камский инновационный территориально-производственный кластер – ИННОКАМ:
 3А. Камская агломерация: Набережные челны – Елабуга – Нижнекамск
 3Б. Территория кластера ИННОКАМ

Это уникальный феномен, поскольку кластеры являются определенными катализаторами превращения города или их совокупности в агломерацию. В данном случае кластер выступает фактором расширения границ самой агломерации. Таким образом, приведенный территориальный кластер представляет собой большое по площади образование и по праву является самым крупным в Российской Федерации. Крупнейшие предприятия, формирующие элемент «производство» в его структуре, расположены в радиусе 30 км. Это несущественные расстояния в масштабах всей территории. Конечно, внутри планировочной структуры кластера будет наблюдаться относительно удаленное расположение ряда составляющих его главных элементов. Тем не менее с точки зрения единства и непосредственной близости территорий, формирующих ИННОКАМ, его следует отнести к монолитному планировочному типу. Наряду с элементом «производство» в кластере также представлены и остальные, необходимые для его успешного функционирования – наука, образование и объекты инновационной инфраструктуры.

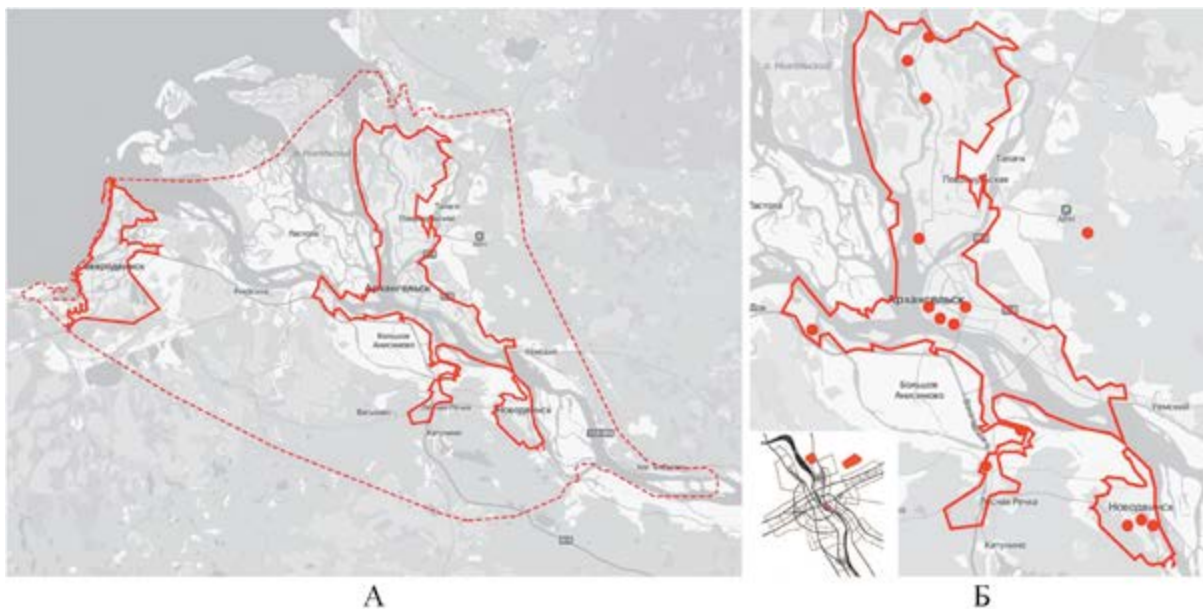
Второй вариант территориального размещения кластера можно назвать «дисперсным». Он обусловлен тем, что технологические или природно-экологические требования и возможности к размещению прежде всего опытного или серийного производства, диктуют необходимость их размещения на значительном расстоянии от остальных элементов. Тем не менее они функционально связаны с остальными составляющими. Кластеры с такой структурой можно назвать «дисперсными» (на свободной, выходящей за пределы планировочной структуры города территории, с рассредоточенным расположением территорий и элементов). Таков инновационный территориальный лесопромышленный кластер Архангельской области «ПоморИнноваЛес» (рис. 4). Это территориальное образование является катализатором развития агломерации (отмечено штриховой линией на рис. 4А), включающей три города. Кластер сформирован на базе двух городов – Архангельск и Новодвинск, а также территорий с лесными и водными ресурсами (рис. 4Б). Дисперсность кластера определяется рассредоточенным расположением элементов: во-первых, на территориях двух разных городов, во-вторых, за счет обособленно расположенных лесных массивов, находящихся в ведом-

стве лесных хозяйств. Одними из ключевых участников, представляющих элементы структуры данного кластера, отметим: производство – Лесозавод, фанерный завод, Архморторгпорт, Соломбальский машиностроительный завод; наука – Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова; образование – Индустриальный техникум.

Большая часть кластеров формируется в процессе реорганизации уже сложившейся территориальной планировочной структуры. В таких условиях процесс планирования и использования территории усложняется, но принципы построения кластера остаются прежними. И монолитный, и дисперсный типы сохраняются, но могут иметь некоторые особенности.

Даже в пределах города может формироваться монолитный кластер (кластер с близко расположенными элементами). Это возможно, если он включает и объединяет ткани уже имеющейся планировочной структуры. Как правило, требуется некоторая корректировка, прежде всего касающаяся инновационности всех элементов кластера. Широко распространен вариант, когда происходит реконструкция промышленной территории, если инновационное ее развитие, в том числе и ее адаптация (рекультивация и пр.), позволяет использовать площади для обеспечения на них полноценного функционирования всех необходимых элементов кластера. Чаще монолитный кластер развивается в периферийной зоне. Например, инновационный территориальный кластер «Зеленоград» (рис. 5). Территориально этот кластер расположен на небольшом удалении от планировочной структуры города, но официально считается частью Москвы, то есть входит в ее состав (рис. 5А). Сегодня границы реальной Москвы значительно шире указанных и поглощают Зеленоград. Этот кластер уникален тем, что изначально создавался под заданные цели и задачи инновационного развития общества в соответствующей сфере деятельности – микро- и нанoeлектроники – на отдельной компактной территории (рис. 5Б) и по принципам предлагаемой структуры кластера. В Зеленограде представлены: производство – многочисленными предприятиями, например, Микрон, Зеленоградский электронный завод, Московский электроламповый завод, завод «Компонент», технопарк «Зеленоград» и т. д.; наука – Институт проблем проек-

> Рис. 4. Инновационный территориальный лесопромышленный кластер Архангельской области «ПоморИнновалес»:
4А. Агломерация Архангельск – Северодвинск – Новодвинск
4Б. Основные участки (территории) кластера «ПоморИнновалес»

тирования в микроэлектронике РАН, НИИ нанотехнологии; образование – Институт применения технологий, Институт прикладной нанотехнологии; инфраструктура – соответствующая комфортная жилая среда с социально-культурным обслуживанием в непосредственной близости от остальных элементов кластера. Подобным же примером монолитного кластера внутри города может служить и Академгородок в Новосибирске с той лишь оговоркой, что элемент «производство» не был реализован в достаточной мере. Стоит отметить, что монолитный тип кластера внутри города может быть воплощен и в уже сложившейся планировочной структуре посредством реконструкции и оптимизации территорий и пространственных характеристик составляющих ее объектов.

Появление дисперсного кластера в городских условиях, помимо эколого-технологических ограничений, может быть обусловлено и уже имеющимися планировочными решениями. В результате, происходит вынужденное распределение элементов кластера, зависящее от территориальных возможностей в городе. При этом одно из основных положений кластера – функциональные связи между элементами должны сохраняться. Примером является кластер медицинской, фармацевтической промышленности, радиационных технологий Санкт-Петербурга (рис. 6). Участники-территории данного кластера расположены в пределах территориальных границ города, но рассредоточены в его планировочной структуре. Особенно важные из них: производство – Вертекс, Лангфарм, Галенофарм, Солофарм и т. п.; наука – Научно-исследовательский институт экспериментальной медицины Северо-Западного отделения РАМН, Научно-исследовательский институт гриппа, Институт физиологии им. И. П. Павлова Российской академии наук; образование – Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; инфраструктура – в данном случае все возможности города.

С широким внедрением во все сферы жизни общества инновационного подхода связано появление новой структуры в городском планировании – кластера. Это образование как структурная единица территориально-пространственной организации городской среды включает обязательные элементы – производство (со своей производственной инфраструктурой), науку, образование

и инфраструктуру (подразумевает все, что связано с проживанием, досугом и социально-культурным обслуживанием).

Анализ определений и терминов «кластер» с учетом выявленной его специфики позволил сформулировать его понятие для градостроительных целей и задач.

Территориальный кластер – это структурная единица территориально-пространственной организации городской среды, занимающая определенную ограниченную территорию (или совокупность территорий), включающей научно-исследовательский, учебно-образовательный, производственный элементы и соответствующую инфраструктуру, функционально объединенных и взаимосвязанных общим направлением инновационного развития отрасли экономики [12].

Инновационность как обязательное свойство каждого элемента предлагаемой структуры кластера является особенно важным для успешного функционирования территориального образования в новых условиях и темпах технологического развития общества и экономики.

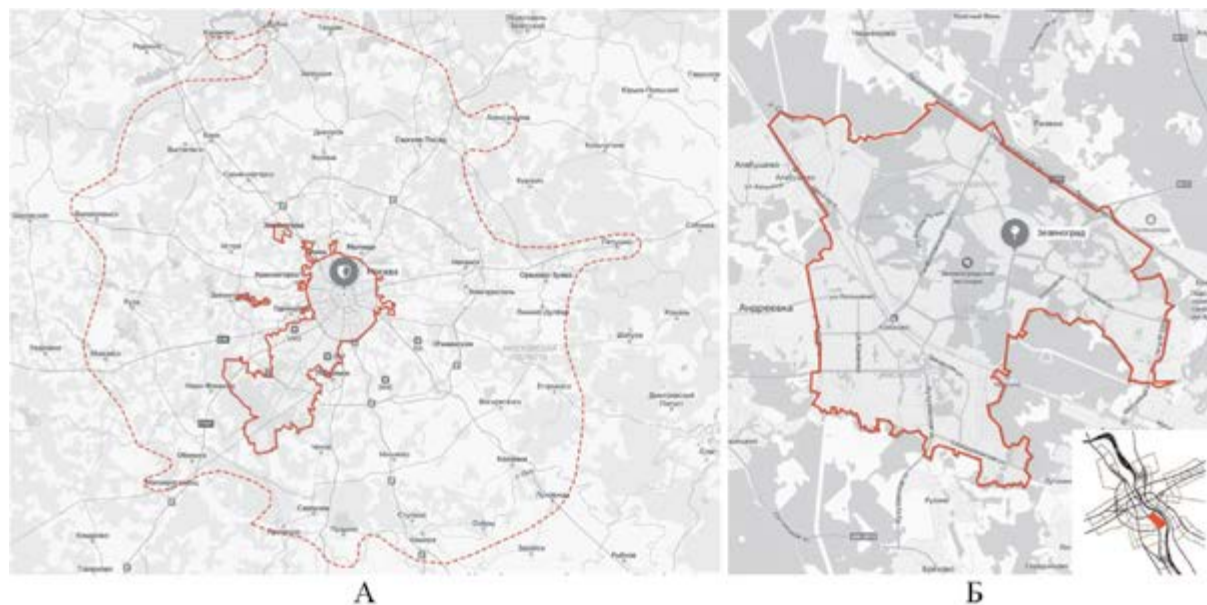
В зависимости от собственной структуры и места формирования кластера в планировочной структуре города можно выделить четыре его типа:

- монолитный на свободной территории (периферии города);
- дисперсный на свободной территории (периферии города);
- монолитный внутри города;
- дисперсный внутри города [12].

Тесная территориальная и функциональная взаимосвязь элементов, их инновационность, в том числе особенности размещения в существующей планировочной структуре городов и соответствующая оптимизация планировочных решений определяют современное градостроительное планирование, что позволяет решать задачи развития общества на высоком технологичном уровне.

Литература

1. Пилотные инновационные территориальные кластеры в Российской Федерации / под ред. Л. М. Гохберга, А. Е. Шадрина. – Москва : Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2013. – 108 с.

< Рис. 5. Инновационный территориальный кластер «Зеленоград»:

5А. Московская агломерация и территория города

5Б. Территория кластера «Зеленоград»

в Рис. 6. Кластер медицинской, фармацевтической промышленности, радиационных технологий Санкт-Петербурга. Основные участники (территории)

2. Гайкова, Л. В. Полицентризм как парадигма развития российских городов // Архитектон : известия вузов. – 2015. – № 2 (50). – URL: http://archvuz.ru/2015_2/6

3. Ахмедова, Е. А., Жоголева, А. В. Градостроительные предпосылки формирования региональных кластеров в среднем Поволжье на примере Самарской области // Архитектура и строительство России. – 2015. – № 2 (206). – С. 2–13

4. Сергеев, А. М. Творческий кластер как новый импульс развития городских промышленных территорий // Региональные архитектурно-художественные школы. – 2016. – № 1. – С. 44–47

5. Жуковский, Р. С. Перспективность кластерного подхода как стратегия формирования общественно-деловых субцентров в городах // Приволжский научный журнал. – 2017. – № 2 (42). – С. 161–166

6. Портер, М. Международная конкуренция : Конкурентные преимущества стран. – Москва : Альпина Паблицер, 2016. – 947 с.

7. Агафонов, В. А. Региональные инновационные кластеры // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. – 2015. – № 3 (43).

8. Шерешева, М. Ю. Проблемы создания инновационных кластеров в регионах России // Практика кластеризации бизнеса. – 2009. – С. 213–230. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/>

9. Монастырный, Е. А. Инновационный кластер // Инновации. 2006. № 2 (89). С. 38–43. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnyy-klaster>

10. Реймерс, Н. Ф. Экология (теории, законы, правила, принципы и гипотезы). – Москва : Журнал Россия молодая, 1994. – 367 с.

11. Киншт, А. В. Экологические аспекты территориального зонирования. Проблемы преобразования среды жизнедеятельности // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. – 2017. – № 6 (65). – С. 41–49

12. Тарасова, Ю. И., Киншт, А. В. Кластер как структурная единица территориально-пространственной организации среды в России // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. – 2018. – Т. 20. – № 6. – С. 66–74

13. Век Лаврентьева. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2000. – 456 с.

References

Agafonov, V. A. (2015). Regionalnye innovatsionnye klasteri [Regional innovative clusters]. Regionalnaya ekonomika i upravlenie: elektronnyi nauchnyi zhurnal, 3(43).

Akhmedova, E. A., & Zhogoleva, A. V. (2015). Gradostroitelnye predposylki formirovaniya regionalnykh klasterov v srednem Povolzhie na primere Samarskoj oblasti [Urban prerequisites for the formation of regional clusters in the middle Volga region on the example of the Samara region]. Arkhitektura i stroitelstvo Rossii, 2(206), 2-13.

Gaikova, L. V. (2015). Politsentrizm kak paradigma razvitiya rossiiskikh gorodov [Polycentrism as a paradigm of development of cities]. Arkhitekton: izvestiya vuzov, 2(50). http://archvuz.ru/2015_2/6

Grokhberg, L. M., & A. E. Shadrin (Eds.) (2013). Pilotnye innovatsionnye territorialnye klasteri v Rossiiskoi Federatsii [Pilot innovative territorial clusters in the Russian Federation]. Moscow: Natsionalnyi issledovatel'skii universitet "Vysshaya shkola ekonomiki".

Kinsht, A. V. (2017). Ekologicheskie aspekty territorialnogo zonirovaniya. Problemy preobrazovaniya sredy zhiznedeyatel'nosti [Ecological aspects of land zoning. Issues of transformation of living environment]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta, 6(65), 41-49.

Monastyrnii, E. A. (2006). Innovatsionnyi klaster [Innovation cluster]. Innovatsii, 2(89), 38-43. <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnyy-klaster>

Porter, M. (2016). Mezhdunarodnaya konkurentsia: Konkurentnye preimushchestva stran [International competition: Competitive advantages of states]. Moscow: Alpina Publisher.

Reimers, N. F. (1994). Ekologiya (teorii, zakony, pravila, printsipy i gipotezy) [Ecology (theories, laws, rules, principles and hypotheses)]. Moscow: Zhurnal Rossiya molodaya.

Sergeev, A. M. (2016). Tvorcheskii klaster kak novyi impuls razvitiya gorodskikh promyshlennykh territorii [A creative cluster as a new impulse for the development of urban industrial areas]. Regionalnye arkhitekturno-khudozhestvennye shkoly, 1, 44-47.

Sheresheva, M. Yu. (2009). Problemy sozdaniya innovatsionnykh klasterov v regionakh Rossii [Issues of establishing innovative clusters in the regions of Russia]. In Praktika klasterizatsii biznesa (pp. 213–230). <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-sozdaniya-innovatsionnykh-klasterov-v-regionah-rossii>

Tarasova, Yu. I., & Kinsht, A. V. (2018). Klaster kak strukturnaya edinitsa territorialno-prostranstvennoi organizatsii sredy v Rossii [Cluster as a structural unit of the land and spatial organization of the environment in Russia]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta, 6(20), 66–74.

Vek Lavrentieva (2000). Novosibirsk: Izd-vo SO RAN.

Zhukovsky, R. S. (2017). Perspektivnost klaster'nogo podkhoda kak strategiya formirovaniya obshchestvenno-delovykh subtsentrov v gorodakh [Prospects of the cluster approach as a strategy of formation of public and business subcenters in the cities]. Privolzhskii nauchnyi zhurnal, 2(42), 161–166.

1. Проект реализован при поддержке гранта Президента Российской Федерации, предоставленного Фондом президентских грантов (проект № 20-2-000280). / The project was supported by the grant of the President of the Russian Federation provided by the Presidential Grants Foundation (Project № 20-2-000280).

Представлен анализ главных направлений современных исследований влияния цветового оформления городской среды на социально-психологические процессы людей, живущих в городе. В центре внимания находятся три исследовательских вопроса: (1) какие темы являются наиболее обсуждаемыми в контексте изучения городской среды; (2) как меняется современная парадигма размышлений о цвете; и (3) какое влияние это оказывает на образовательную практику и цветодидактику.

Ключевые слова: цвет; городская среда; колористика; архитектура; градостроительство; дизайн. /

The article analyses the main trends in the modern studies of the impact of the colour arrangement of the urban environment on the socio-psychological processes of city residents. The article focuses on three research issues: (1) which topics are mostly discussed within the context of the study of urban environment; (2) how the modern paradigm of reflections on the colour changes; and (3) what impact it has on the educational practice and colour didactics.

Keywords: colour; urban environment; colouristics; architecture; urban planning; design.

Цвет, удобный для жизни / A livable colour

текст
Юлия Грибер /
text
Yulia Griber

Введение

Повседневная жизнь наполнена бесчисленным количеством оттенков и хроматических нюансов. Городская среда, на первый взгляд, складывается из огромного количества цветных объектов; ее колористика кажется совершенно не поддающейся системному анализу и управлению: это общественные и жилые здания разных эпох, хозяйственные и технические постройки, «зеленая» архитектура и многое другое. Однако в этой сложной структуре все же можно увидеть порядок, если найти правильную концептуальную призму.

В начале декабря 2020 года несколько сотен специалистов в области цветового проектирования в архитектуре, градостроительстве, дизайне, наследии и ландшафте из 49 различных стран мира и 17 регионов Российской Федерации собрались вместе на первой международной научной конференции Российского общества цвета¹, чтобы обсудить самые последние исследования в этой области [1].

Анализ представленных работ с точки зрения имеющегося эмпирического задела, сопоставления тем, методов и методологии исследования позволил понять:

- 1) какие темы являются наиболее обсуждаемыми в контексте анализа цвета в городской среде;
- 2) как меняется современная парадигма размышлений;
- 3) какое влияние это оказывает на образовательную практику и цветодидактику.

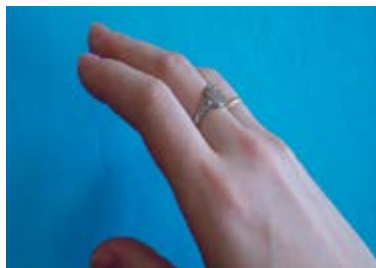
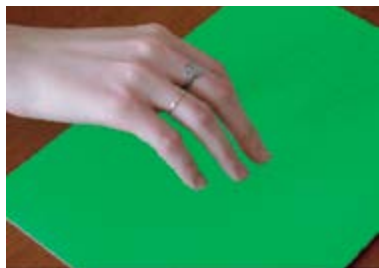
Цель статьи заключается в том, чтобы представить магистральные направления передовых отечественных и зарубежных исследований влияния цветового оформ-

ления городской среды на социально-психологические процессы людей, живущих в городе.

Фокус современных исследований

Наиболее обсуждаемой темой в контексте анализа цвета в городской среде становится возрождающийся интерес к феномену атмосферы. В таких исследованиях речь прежде всего идет о создании чувства комфорта в ходе планирования городов и проектирования новых объектов архитектуры. По мнению ключевого исследователя эстетики атмосферы Г. Бёме, она представляет собой особое «настроение пространства», «нечто среднее между ощущений субъекта, полностью зависит от его восприятия [2, с. 15]. Атмосфера всегда нуждается в ком-то, кто бы воспринимал и переживал ее, и это переживание является мультисенсорным.

В последних исследованиях механизмов создания атмосферы особая роль отводится изучению устойчивых физиологических реакций на цвет, о существовании которых большинство горожан даже не подозревают. В современных условиях подобные исследования все чаще проводятся с применением новых методов мультисенсорного экспериментального исследования, включая методы нейроиконики, виртуальной реальности, аппаратной регистрации электрической активности головного мозга, исследования окулomotorной активности и кинематики тела. Применение высокотехнологичного оборудования для сбора и обработки значительных массивов данных позволяет лучше понять, как именно цвет воздействует на другие сенсорные модальности человеческого воспри-

> Рис. 1. Безусловно-рефлекторные реакции мышц кисти на хроматические стимулы [3, с. 34]. Фото Юрия Бурыкина

< Рис. 2. Восприятие различных оттенков (слева) в пожилом возрасте (справа). Реконструкция на основе данных М. Ф. Хассана и др. [6, с. 1020]

ятия (слуховую, тактильную, обонятельную, вибрационную и др.).

Эмпирические данные убедительно свидетельствуют о том, что определенные цвета и оттенки влияют на пульс и давление, на ощущение тепла и холода, на чувство времени, вкус еды и напитков. Показательным примером отечественных исследований подобного рода являются эксперименты, которые проводятся в Сургутском филиале Научно-исследовательского института системных исследований Российской академии наук под руководством Ю. Г. Бурыкина [см. 3, с. 31–36]. Исследования научной группы показывают, что окружающие человека цвета способны менять его моторику и постральную устойчивость, вызывая рефлекторные микрореакции различных мышечных групп тела. Наблюдение за физиологическими реакциями мужчин и женщин разного возраста позволило ученым зафиксировать особые паттерны оculo-моторной активности, которые соответствуют отдельным цветам. Наиболее выраженные различия обнаружены при восприятии желтого и черного цветов. Воздействие черного цвета вызывает реакцию мышц флексоров и, как следствие, компенсаторную реакцию мышц-разгибателей нижних конечностей и туловища, участвующих в сохранении вертикальной устойчивости. При восприятии хроматических цветов и особенно желтого площадь статокинезиограммы (давления испытуемого на стабилметрическую платформу) заметно уменьшается. Форма кисти при восприятии желтого цвета принимает веерообразный вид, а восприятие черного сопровождается выраженной флексией всех фаланг пальцев (рис. 1, 1–6). Аналогичные реакции разных групп мышц дают

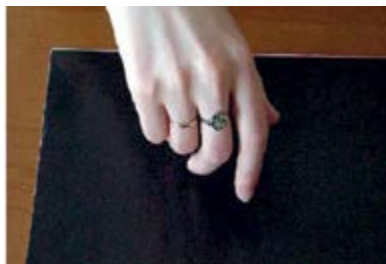
все основания предполагать, что вся мышечная система организма реагирует на цветовые стимулы одинаково.

В современном изучении цвета городской среды фокус внимания постепенно смещается со связи между цветом и индивидуальным сознанием, которая традиционно изучалась в рамках гуманитарных наук, на отношения между цветом и обществом, анализ социальной дифференциации цветовых кодов культуры, выявление взаимосвязи между структурой цветового пространства и социальными структурами.

Исследования последних лет показывают, что фундаментальные механизмы восприятия и переработки связанной с цветом информации заметно меняются с возрастом, и этого нельзя не учитывать при формировании комфортной цветовой среды, соответствующей ожиданиям и запросам пожилых людей [4, с. 368–383].

В процессе старения происходят заметные изменения органов и тканей, которые участвуют в цветовом зрении. Зрачок уменьшается в размере и теряет эластичность, пропуская в глаз меньше света. Хрусталик становится более плотным, мутным и заметно желтеет. В результате часть световых волн, которые попадают на роговицу, поглощаются, рассеиваются и отражаются, не достигая сетчатки. Способность хрусталика пропускать свет снижается с 95% в возрасте 30 лет до 75% в возрасте 53 года и 31% – в возрасте 75 лет, а наиболее заметные изменения происходят после 70 лет [5, с. 4076–4084].

Стремительно сокращается количество палочек – фоторецепторов, которые ответственны за ночное зрение и чувствительность к низкой освещенности и низкому контрасту. Снижается чувствительность фоторецепторов

> v Рис. 3. Колористика Сиэтла, США (фото справа) и модель цветового поля (снизу)

к восприятию цветовых волн всех длин – коротких, средних и длинных [6, с. 1019–1020].

В результате всех этих физиологических изменений люди в пожилом и старческом возрасте совершенно по-другому видят окружающий мир и воспринимают его цветосветовые характеристики: у них меняется способность узнавать и различать цвета, оттенки и хроматические контрасты. Исследователи часто сравнивают изменения цветовосприятия пожилых людей с триан-дефектом цветового зрения (нарушением функции колбочек, чувствительных к сине-желтому спектру), поскольку ошибки, которые они допускают в цветоразличении, очень похожи [7, с. 91–92]. Все воспринимаемые цвета кажутся пожилым людям более темными, более холодными и менее активными. Синий цвет они видят зеленоватым, а зеленый – более синим и более желтым (рис. 2, 1–2).

Поскольку хрусталик пожилых людей производит больше световой дисперсии, чем хрусталик молодых людей, меняя остроту зрения и вызывая эффект размытости изображения, снижается чистота наблюдаемых оттенков.

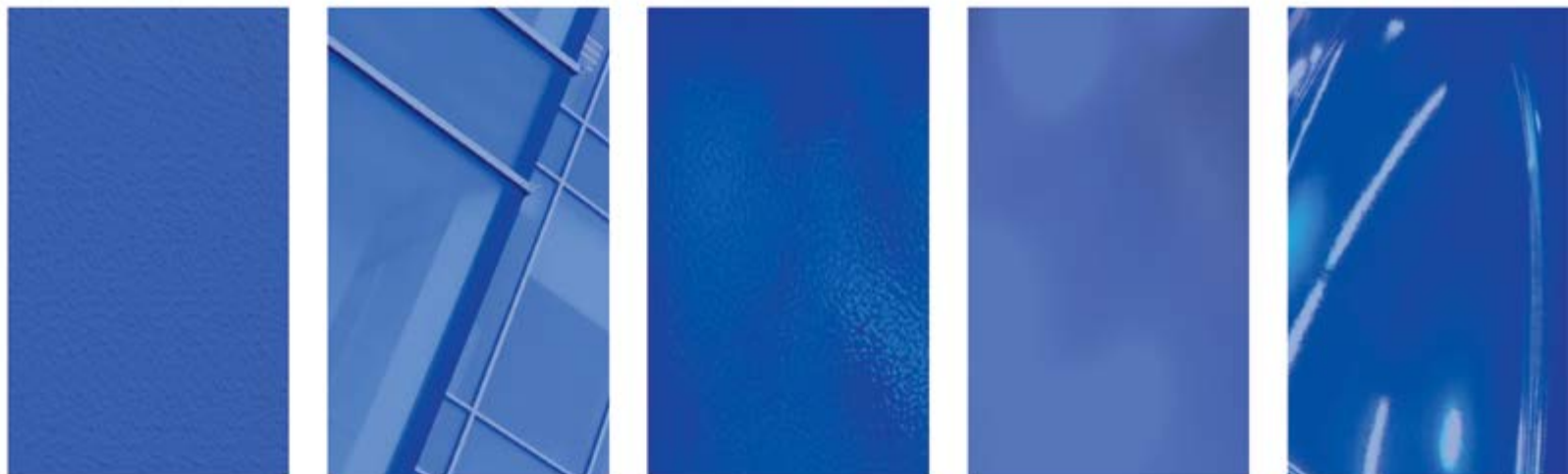
Оттенки воспринимаются как менее насыщенные, и этот эффект усиливается при восприятии мелких объектов и избыточном освещении, которое характерно для современных помещений.

Изменение цветовосприятия приводит к тому, что пожилые люди часто путают цвета, которые для молодых людей выглядят совершенно непохожими. Особенно часто – желтый и белый, синий и зеленый, темно-синий и черный, фиолетовый и темно-красный. Они испытывают трудности с узнаванием смешанных цветов – сине-зеленого, желто-зеленого, оранжевого – и хуже различают зеленые, синие, фиолетовые и все темные оттенки. Больше всего ошибок, которые они при этом допускают, связаны с восприятием тона и насыщенности; меньше всего – с восприятием светлоты. Самые сложные для названия области для этой возрастной когорты – темно-фиолетовая (здесь женщины допускают ошибки в цветонаименовании в 94% всех случаев, а мужчины – в 89%), светло-розовая (73% ошибок у женщин и 79% у мужчин) и бирюзовая (57% ошибок у женщин и 55% у мужчин) [7, с. 96].

Сужение зрачка делает цветовосприятие пожилых людей более чувствительным к условиям освещенности, чем цветовосприятие молодых людей. Они гораздо сильнее, чем молодые, реагируют на недостаток света в помещении и адаптируются к таким условиям намного дольше. Кроме того, пожилые люди по-другому воспринимают цвет электронных продуктов, который видят на мониторах различных устройств (компьютеров, планшетов, мобильных телефонов, цифровой наружной рекламы и пр.).

Интересным является факт, что в результате действия процессов адаптации в ходе нормального старения люди не осознают, что с ними происходят все эти изменения и считают, что их цветовосприятие на протяжении всей их жизни остается одинаковым. Человеческий глаз адаптируется к отмеченным физиологическим изменениям и компенсирует их за счет феномена длительного цветопостоянства (цветовой константности) [8, с. 326–327], благодаря которому воспринимаемый цвет объектов кажется примерно одинаковым в течение всей жизни

(например, человек видит лист белой бумаги белым вне зависимости от возраста).

Парадигма размышлений о цвете антропогенной среды

В современном научном дискурсе коренным образом меняется метаязык размышлений о цвете городской среды. В лингвистике термин «метаязык» принято использовать для обозначения языка описания, который нужен для исследования другого языка (языка-объекта). Метаязык всегда выполняет роль строго определенной системы координат, масштабами и мерками которой мы измеряем изучаемый объект.

Если разобраться, что именно происходит, в глаза бросаются два ключевых изменения.

Во-первых, перестраивается структура системы терминов, определяющих границы возможных суждений, которые принято использовать, когда говорят о цвете в контексте архитектуры, градостроительства, дизайна, наследия и ландшафта.

Традиционно в теории цвета воспринимаемые цвета принято было описывать с помощью трех основных характеристик – цветового тона, насыщенности и яркости или светлоты. Под давлением традиционной парадигмы описания цвета, ведущей начало от учения Исаака Ньютона, разложившего в конце XVII в. с помощью стеклянной призмы луч света на части (которые он назвал спектром) и расположившего эти части в виде круга, главным среди этих атрибутов считался тон – характеристика цвета, определяющая его положение в спектре (красный, оранжевый, синий и др.). Две другие характеристики – светлота (степень близости цвета к белому) и насыщенность (степень отличия хроматического цвета от такого же по светлоте ахроматического) в описании и анализе цвета считались второстепенными. Так, прежде всего о тоне традиционно шла речь в исследовании и описании связанных с цветом эмоций, в результате чего за каждым тоном постепенно закрепилась определенная эмоция (желтый цвет стал ассоциироваться с радостью, красный – с гневом, черный – с печалью и грустью) [9, с. 107)]. Эта же схема использовалась и в анализе цветовых предпочтений.

Однако исследования последних десятилетий начали медленно подтачивать сложившуюся парадигму. Новые эмпирические данные убеждают в том, что не только тон, но и другие показатели цвета оказывают на человека сильное воздействие и влияют на реакцию людей на цвета в различных контекстах: в дизайне, в культуре, в учебном пространстве, в выборе палитры и поддержке определенного настроения [10, с. 1245–1260]. Если в отношении цветовых стимулов, полностью изолированных от других, тон действительно может заметнее других атрибутов коррелировать с восприятием, то в отношении неизолированных цветов, которые всегда оцениваются по отношению к цвету других цветовых стимулов и зависят от пространственных и временных характеристик, этого не происходит.

Этот вывод оказался очень важным для анализа цвета городской среды. Представляя собой сложное поле, она включает множество взаимодействующих друг с другом оттенков, эмоциональный эффект которых определяется действием целого ряда факторов, среди которых и расположение зрителя, и качество фона, и тип цветоносителя [11, с. 110–114]. Когда мы видим несколько различных пятен цвета, каждый из которых способен оказать на нас определенное и понятное нам воздействие, эмоциональный эффект от этих цветовых комбинаций не суммируется и не умножается. Цветовая комбинация воздействует на человека принципиально по-другому, совершенно не так, как каждый из образующих ее оттенков в отдельности. Кроме того, подавляющее большинство оттенков, формирующих колористику города, имеет низкую хроматичность. Крайне мало насыщенных оттенков и в природной среде, которая составляет основу городской колористики (рис. 3).

Учитывая все эти обстоятельства, традиционная парадигма описания цвета постепенно утрачивает свою актуальность, а в формирующейся новой одинаково важная роль отводится не только тону, но и насыщенности и светлоте, или зачастую исключительно двум последним атрибутам.

Еще одним заметным изменением «оптики» анализа цвета в пространстве города становится расширение традиционного перечня основных характеристик цвета,

^ Рис. 4. Синий цвет: матовый, прозрачный, глянцевый, зеркальный, блестящий. Фото Владимира Устименко

который современные исследователи предлагают дополнить новым и еще непривычным для русскоязычного научного дискурса понятием «сесия» (*cesia*). Аргентинский ученый Сесар Джаннело образовал этот термин от собственного имени (*César*) для того, чтобы обозначить такие качества окрашенных поверхностей, как яркость, блеск, прозрачность, матовость, глянец. По его мнению, все упомянутые свойства поверхности представляют собой важные визуальные ощущения, играющие в восприятии материала не менее значимую роль, чем форма или текстура, а потому нуждающиеся в особом понятии.

В современной специальной литературе по цветовому дизайну сесия определяется как аспект визуального восприятия, объясняющий ощущения, которые варьируются по трем осям: прозрачный против непрозрачного, гляцевый против матового и светлый против темного [12, с. 258–259].

Любой цвет может иметь множество различных вариантов сесии. Например, синий цвет может быть матовым, прозрачным или обладать зеркальным блеском (рис. 4, 1–2). Наоборот, любое свойство сесии может проявляться в разных цветах. Например, матовость может реализовываться в синем, красном, желтом и любых других цветах.

Все зрительные категории, содержащиеся в понятии сесия, не были объяснены классическими теориями цвета, но приобрели особое значение в современном архитектурном дизайне и градостроительном проектировании. Прозрачные плоскости, металлический блеск, зеркальное отражение широко используются в современной архитектуре для дематериализации сверхразмерных зданий и усиления их эстетического воздействия. Ведь фактически любая отражающая поверхность создает ощущение легкости (поэтому и зеркало, которое приходится нести, всегда оказывается неожиданно тяжелым). Блеск же придает плоской поверхности глубину, но эта глубина является полной противоположностью атмосферной глубине традиционного искусства; она механическая и невыразительная.

Таким образом, традиционный перечень характеристик цвета, включающий тон, насыщенность и светлоту/яркость, в современных исследованиях оценивается как неполный. С другой стороны, даже в этом списке

> Рис. 5. Улицы Рима. Карта опыта. Рисунок Гелена Майны

перераспределяются доминанты и тон, который обычно играл ключевую роль в описании цвета; он уступает свои позиции другим характеристикам. Оба изменения в метаязыке цвета позволяют лучше понять механизмы современного цветового дизайна и сопровождаются целым рядом сопутствующих веяний, которые в ближайшей перспективе могут вызвать в теории городской колористики настоящую семиотическую революцию.

Цветодидактика

Наметившийся перенос фокуса внимания со связи между цветом и индивидуальным сознанием на отношения между цветом и обществом и изменение парадигмы размышлений о цвете городской среды заметно влияют на образовательную практику.

Современная цветодидактика как комплексная междисциплинарная отрасль педагогики, представляющая собой теорию систем и методов профессионального обучения цвету в учебных заведениях разного уровня, стремительно развивает принципиально новые дидактические модели, адаптированные к нуждам широкого круга специалистов, деятельность которых прямо или косвенно связана с выбором цвета.

Один из главных вопросов, которые волнуют современных педагогов: как научить будущих специалистов проектировать цветовую среду, комфортную и понятную различным социальным группам горожан – мужчинам и женщинам, людям разного возраста, представителям разных профессий.

Исследователи предлагают сразу несколько возможных стратегий.

Одна из них – делать в обучении акцент на эмпирическом изучении города, анализе взаимодействия людей с городской средой, учить студентов экспериментировать с общественным пространством в реальном городском контексте. Для этой цели хорошо подходит метод американского исследователя Гелена Майны [13, с. 78–80], направленный на «переживание» города в процессе перемещения в нем обычного наблюдателя, когда сменяющиеся друг друга ракурсы в итоге синтезируются в особое понимание цветовой идентичности и образа города, позволяя лучше понять его хроматическую структуру и характер.

Специальные графические символы помогают воссоздавать на едином плане города расположение зданий, колористику, структуру и отделку их фасадов; с помощью толщины линий, очерчивающих их контур, передавать высоту (рис. 5). Получившаяся в результате карта опыта дает возможность лучше понять, как видит и воспринимает город идущий по улице человек, выделять и объединять группы зданий с похожими формой и рисунком отделки, искать и находить проявления визуальной дисгармонии.

Вторая стратегия заключается в использовании в обучении цветовому дизайну современных технологий «смешанной реальности», главные среди которых – это дополненная (AR) и виртуальная реальности (VR). Помогая педагогам лучше подстроиться под изменившийся образ жизни современных студентов, которые принадлежат к поколению «цифровых аборигенов» и учатся иначе, чем предыдущие поколения, обе технологии на протяжении последних двадцати лет все чаще используются в преподавании связанных с дизайном дисциплин [1, с. 161–162]. Они позволяют оптимизировать обучение решению целого ряда задач, начиная с проектирования, построения и коммуникации проекта и заканчивая совместным принятием решений.

В современном обучении цветовому проектированию дополненная реальность позволяет добавлять к видимым объектам виртуальное содержание: «присоединять» виртуальную цветовую информацию к обычному видео-

потоку (Video See-Through AR), отображать виртуальный цветовой контент на стеклах очков или на закрепленном перед глазами прозрачном экране шлема, через который человек непосредственно смотрит на реальный мир (Optical see-through AR), и даже показывать в реальном пространстве виртуальные полноразмерные 3D модели, а также визуализировать цветковые решения элементов виртуального здания (оформление пола, стен, окон или внешних фасадов) в реальном пространстве в масштабе 1:1 (Projection-based AR).

В отличие от дополненной, виртуальная реальность предполагает взаимодействие с объектами в полностью нереальной (виртуальной) среде. Опыт VR обычно требует более сложного оборудования и предоставляется с помощью шлема или очков виртуальной реальности. В этом направлении цветодидактика делает только первые шаги, поскольку эта технология предполагает наличие специальных приборов и специфических навыков у учащихся и инструкторов. Но уже сейчас видно, что ее применение способно коренным образом изменить преподавание теории цвета и других связанных с цветом прикладных дисциплин. Программы, поддерживающие удаленное синхронное проектирование, уже в ближайшие годы должны стать незаменимыми для изучения влияния цвета на эстетическое восприятие архитектурных пространств и экспериментов с окрашенными поверхностями и красителями, позволяющими лучше понять природу цвета.

Выводы

Анализ работ последних лет убеждает: в последние десятилетия начала формироваться новая парадигма размышлений о взаимодействии цветового оформления городской среды и социально-психологических процессов в городе.

В центре внимания исследований, посвященных изучению воздействия цветových характеристик пространства на человека, традиционно находилось влияние отдельных цветов и цветových комбинаций на человеческие эмоции, а также исследование индивидуальных и гендерных цветových предпочтений. В настоящее время наблюдается явный перенос акцентов с психологических исследований на физиологические, с изучения субъективного на анализ объективного.

Фокус внимания современных исследований все больше смещается с индивидуальных и коллективных цветových ассоциаций и предпочтений к механизмам принятия решения представителями различных социальных и возрастных групп, которое проводится в контролируемых условиях с применением высокотехнологического оборудования.

Важными направлениями исследований являются совершенствование комплексной геронтологической инфраструктуры (оздоровительной, профессиональной, досуговой) и необходимая возрастная «корректировка» цветовой среды, предназначенной для людей в пожилом и старческом возрасте, а также применение технологий смешанной реальности в педагогической практике.

Наметившийся поворот имеет широкие перспективы дальнейшего развития.

Современная наука и социальная практика, стремительное развитие новых методов исследования (в частности, с помощью приборов для бесконтактной регистрации движений глаз, сверхточной фиксации кинематики тела, портативных приборов для непрерывной регистрации активности головного мозга человека, технологий виртуальной реальности, систем захвата движений и методов регистрации глаз) все более остро ставят вопрос о необходимости междисциплинарного подхода к получению и анализу эмпирических данных. Такой подход способен поднять понимание когнитивных механизмов воздействия цвета городской среды на новый уровень – уста-

новления причинно-следственных связей между заданной цветовой стимуляцией и ее влиянием на индивидуального человека, открывая перспективы направленного управления этими связями во имя улучшения качества его жизни.

Литература

1. Международная научная конференция Российского общества цвета : сборник тезисов / под ред. Ю. А. Грибер, В. М. Шиндлер. – Смоленск : Изд-во СмолГУ, 2020. – 186 с.
2. Böhme, G. *The Aesthetics of Atmospheres*. – London: Routledge. 2017. – 230 p.
3. Бурькин, Ю. Г. Роль моторного компонента в цветовосприятии // Социальные трансформации. – 2019. – Вып. 30. – С. 31–36
4. Griber, Y. A., Selivanov, V. V. & Weber, R. Color in the educational environment for older people: recent research review // Перспективы науки и образования. –2020. – № 5 (47). – С. 368–383
5. Artigas, J. M., Felipe, A., Navea, A., Fandino, A. & Artigas, C. Spectral transmission of the human crystalline lens in adult and elderly persons: color and total transmission of visible light spectral transmittance of the old human crystalline lens // Investigative Ophthalmology & Visual Science. – 2012. – № 53 (7). – P. 4076–4084
6. Hassan, M. F., Paramesran, R., Tanaka, Y. & Tanaka, K. A method using uniform yellowing pigmentation to model the color perception of the elderly people // Signal, Image and Video Processing. – 2018. – № 12 (6). – P. 1019–1026
7. Wijk, H., Berg, S., Bergman, B., Hanson, A.B., Sivik, L. & Steen, B. Colour perception among the very elderly related to visual and cognitive function // Scandinavian Journal of Caring Sciences. – 2002. – № 16 (1). – P. 91–102
8. Hardy, J. L., Frederick, C. M., Kay, P., Werner, J. S. Color naming, lens aging, and grue: what the optics of the aging eye can teach us about color language // Psychological Science. – 2005. – № 16. – P. 321–327
9. Лидин, К. Экономика наглого пинка. Минеральные пигменты и качество цвета в архитектуре // Проект Байкал. – 2009. – № 19. – С. 106–109
10. Jonauskaite, D., Abu-Akel, A., Dael, N., Oberfeld, D., Abdel-Khalek A. M., Al-Rasheed, A. S., Antonietti, J.-Ph., et al. Universal patterns in color-emotion associations are further shaped by linguistic and geographic proximity // Psychological Science. – 2020. – Vol. 31. – № 10. – P. 1245–1260
11. Железняк, О. Цвет в городе // Проект Байкал. – 2009. – № 19. – С. 110–114
12. Caivano, J. Cesia: a system of visual signs complementing color // Color Research and Application. – 1991. – № 16(4). – P. 258–268
13. Грибер, Ю. А., Майна, Г. Градостроительная живопись. – Москва : Юрайт, 2020. – 104 с.

References

- Artigas, J. M., Felipe, A., Navea, A., Fandino, A., & Artigas, C. (2012). Spectral transmission of the human crystalline lens in adult and elderly persons: color and total transmission of visible light spectral transmittance of the old human crystalline lens. *Investigative Ophthalmology & Visual Science*, 53 (7), 4076–4084.
- Böhme, G. (2017). *The Aesthetics of Atmospheres*. London: Routledge.
- Burykin, Yu. G. (2019). Rol motornogo komponenta v cvetovosprijatii [The role of the motor component in color perception]. *Socialnye transformacii*, 30, 31–36.
- Caivano, J. (1991). Cesia: a system of visual signs complementing color. *Color Research and Application*, 16 (4), 258–268.
- Griber, Yu. A., & Minah, G. (2020). *Gradostroitel'naya zhivopis' [Urban color]*. Moscow: Yurayt.
- Griber, Yu. A., & Schindler, V. M. (Eds.) (2020). *The International Scientific Conference of the Color Society of Russia: Book of Abstracts*. Smolensk: Smolensk State University Press.
- Griber, Yu. A., Selivanov, V. V., & Weber, R. (2020). Color in the educational environment for older people: recent research review. *Perspektivy nauki i obrazovaniya*, 5 (47), 368–383.
- Hardy, J. L., Frederick, C. M., Kay, P., & Werner, J. S. (2005). Color naming, lens aging, and grue: what the optics of the aging eye can teach us about color language. *Psychological Science*, 16, 321–327.
- Hassan, M. F., Paramesran, R., Tanaka, Y., & Tanaka, K. (2018). A method using uniform yellowing pigmentation to model the color perception of the elderly people. *Signal, Image and Video Processing*, 12 (6), 1019–1026.
- Jonauskaite, D., Abu-Akel, A., Dael, N., Oberfeld, D., Abdel-Khalek A. M., Al-Rasheed, A. S., Antonietti, J.-Ph., et al. (2020). Universal patterns in color-emotion associations are further shaped by linguistic and geographic proximity. *Psychological Science*, 31 (10), 1245–1260.
- Lidin, K. (2009). *Ekonomika naglogo pinka. Mineralnye pigmenty i kachestvo cveta v arhitekture [The economics of perky pink. Mineral pigments and color quality in architecture]*. Project Baikal, 6(19), 106–109. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.19>
- Wijk, H., Berg, S., Bergman, B., Hanson, A.B., Sivik, L., & Steen, B. (2002). Colour perception among the very elderly related to visual and cognitive function. *Scandinavian Journal of Caring Sciences*, 16(1), 91–102.
- Zheleznyak, O. (2009). *Cvet v gorode [Color in the city]*. Project Baikal, 6(19), 110–114. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.19>

Высотные здания и комплексы, особенно многофункциональные, уже давно входят в городскую среду. В них постепенно размещается все большее количество городских функций (жилые, общественные и даже производственные). С увеличением доли их площадей в городской застройке все острее встает вопрос об их доступности для маломобильных групп населения (далее МГН), который определяется спецификой архитектурно-планировочных решений и инженерных систем. Это требует внимательно рассмотреть проблему ограничений применения высотной застройки и условий ее развития.

Ключевые слова: высотные здания и комплексы; многофункциональные здания и комплексы; доступность для маломобильных групп населения (МГН); архитектурно-планировочные решения; здоровье маломобильных групп населения; безопасность высотных зданий. /

High-rise buildings and complexes, especially multifunctional ones, have been included in the urban environment for a long time. More and more urban functions (residential, public and even production) are provided by them. As the proportion of their areas in the urban development grows, the issue of their accessibility for people with limited mobility (PLM) becomes more urgent. It depends on the specific characteristics of the architectural and planning concepts and utility systems. It is necessary to investigate the problem of the restrictions concerning the usage of high-rise development and its conditions.

Keywords: high-rise buildings and complexes; multifunctional buildings and complexes; accessibility for people with limited mobility (PLM); architectural and planning concepts; health of people with limited mobility; security of high-rise buildings.

Высотки: доступность, здоровье, безопасность и архитектура / High-rises: accessibility, health, security and architecture

текст

Татьяна Бобкова
Елена Булгакова
Николай Дубынин
Вера Коновалова /
text

Tatyana Bobkova
Elena Bulgakova
Nikolai Dubynin
Vera Konovalova

Высотные здания обычно характеризуются общественным мнением как модные и дорогие стеклянные башни; для инвесторов, покупателей и арендаторов помещений – как символ представительности и комфорта. Такие оценки обусловлены их внешним обликом, высокой стоимостью строительства, сравнительно дорогой эксплуатацией и большим спросом на помещения с панорамными видами на город. Создается обманчивое представление, что переход к высотной застройке – вопрос только моды и богатства общества. Но существуют и другие, более существенные факторы, не позволяющие их строить и использовать как обычные здания средней этажности (от 5 до 8 этажей) и многоэтажные (от 9 до 25 этажей, высотой до 75 м), успешно освоенные в массовом строительстве еще XX века. Это градостроительные ограничения и правила, обеспечивающие безопасность, сохранение ценной городской среды, а также предлагаемые к рассмотрению в данной работе вопросы доступности зданий, взаимосвязи архитектуры с безопасностью и здоровьем пользователей.

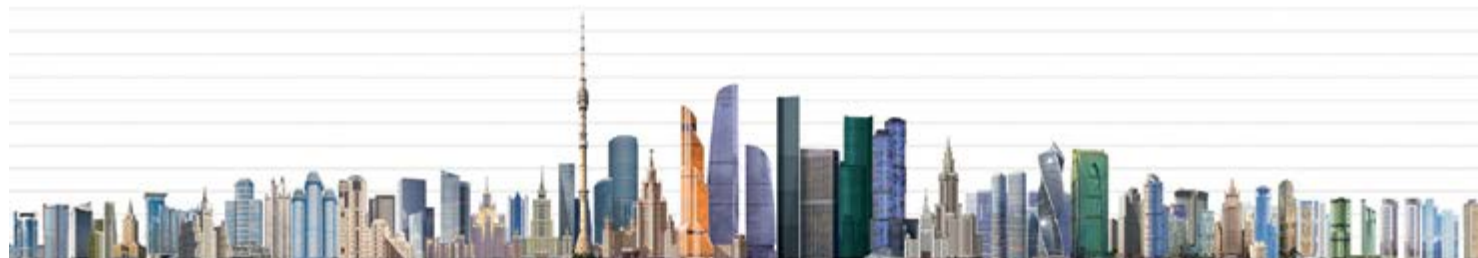
Надо признать, что специфика проектирования и строительства высотных зданий и комплексов еще недостаточно изучена; существующие работы освещают отдельные аспекты разработки конструкций, инженерных систем [1, с. 9]. С развитием нормативных документов, от разработанного ранее МГСН 4.19–2005 «Временные нормы и правила проектирования многофункциональных высотных зданий и зданий-комплексов в городе Москве» к выполненному на основе опыта его применения на практике СП 267.1325800.2016 «Здания и комплексы высотные. Правила проектирования» и других докумен-

тов были решены многие технические вопросы, включая определение высоты, расчета конструкций, проектирования инженерных систем, набора обязательных помещений, необходимых для обслуживания и обеспечения механической безопасности зданий, которые ранее были спорными и решались на основании зарубежного опыта [2, с. 8; 3, с. 9; 4, с. 11] и разработки специальных технических условий (СТУ).

Однако проблема доступности высотных зданий для МГН до сих пор комплексно не рассматривалась, объем исследований в данной области незначителен и не учитывает принципиальные отличия архитектурно-планировочных решений данных зданий от остальных. Практически отсутствуют рекомендации по решению возникающих при эксплуатации сложностей с перемещением МГН по зданию, эвакуации из него, а также предотвращению возможного отрицательного влияния внутренней среды на здоровье людей.

Исследования в данной области представляются актуальными в связи с постоянным увеличением темпов и объемов строительства высотных зданий, замещающих существующую застройку городов. При этом особой популярностью пользуются высотные многофункциональные здания и комплексы как наиболее универсальные объекты, позволяющие использовать целые территории и точечные участки в существующей застройке. Кроме того, существует целый ряд перспективных направлений, привлекательных для инвестиций, которые рассмотрены исследователями-архитекторами: биоклиматические и биоэкологические, бионические решения, города-башни, города-пирамиды и т. п. [5, с. 127–136]. Перемеще-

v Высотные здания
Москвы

^ Башня Тайбэй–101 (Táiběi Yílingū), Тайбэй (Тайвань)

^ Уиллис-Тауэр (Willis Tower), Чикаго

ние в высотные здания и комплексы все большего числа частных, муниципальных, государственных и общественных организаций, жилищ различных форм собственности, производственных предприятий требует серьезной проработки вопросов их доступности. Это необходимо, чтобы исключить снижение доступности городской среды и последовательно следовать принципам, заложенным в Конвенции ООН о правах инвалидов, вступившей в силу в Российской Федерации 25 октября 2012 г.

Авторы предлагают обратить внимание на комплекс вопросов, определяющих доступность высотных зданий для МГН. Их можно объединить в группы: проблемы вертикального транспорта, безопасность внутренней среды, возможность ориентации, обеспечение эвакуации [6].

Вертикальные коммуникации в высотном здании являются основным элементом функционально-планировочной схемы, которому подчинены горизонтальные связи и размещение функционально-планировочных компонентов. Их специфика, в отличие от многоэтажных зданий, заключается в необходимости перемещения на большую высоту, что и для МГН, и мобильных людей исключает возможность использования каких-либо приспособлений и устройств помимо лифта. Хотя лестницы и устраивают от уровня земли до самого верхнего этажа, при штатной эксплуатации они могут использоваться только частично: для связи смежных этажей или расположенных в пределах 15 м друг от друга по вертикали, что сопоставимо с 5-этажным зданием, как правило, проектируемым без лифта. Массовое использование лестниц при длительном спуске и, тем более, подъеме на большую высоту невозможно ввиду серьезной физической нагрузки на человека, особенно неблагоприятной для МГН и людей с патологией сердечно-сосудистой системы.

К техническим и функциональным параметрам вертикального транспорта в высотном здании предъявляются особые требования, от которых зависит комфорт, психическое и физическое здоровье пользователей. Использование обычных лифтов, как в многоэтажных зданиях, невозможно: учитывая большое количество пользователей, лифты должны иметь скорость, позволяющую обеспечить быстрый доступ каждого на нужный этаж. Иначе, при некорректном выборе скорости и неправиль-

v Всемирный торговый центр (World Trade Center), Нью-Йорк

> Эмпайр-Стейт-Билдинг (Empire State Building), Нью-Йорк

> Башня «Федерация» в Москве

ной организации движения, ожидание лифта, как показывает практика, может составлять 45 мин. и более. Кроме того, скопление людей в часы «пик» в лифтовом холле может отрицательно воздействовать не только на психологическое благополучие человека, но и санитарные качества среды и физическое состояние людей. Во-первых, инженерные системы лифтовых холлов, поддерживающие микроклимат, часто не рассчитаны на большое скопление людей; во-вторых, отсутствует оборудование для длительного ожидания (места для сидения). Поэтому в настоящее время основным средством вертикального транспорта высотных зданий стали скоростные лифты. Вот несколько примеров применения скоростных лифтов в зданиях «Всемирного торгового центра» (World Trade Center) в Нью-Йорке. Скорость их перемещения составляет 10 м/сек.; в башне «Тайбэй – 101» (Táiběi Yīlíngyǐ) в Тайбэе, Тайвань – 17 м/сек., в «Финансовом центре» (Finance center) в Гуанчжоу, Китай – 20 м/сек. [1, с. 294].

Однако применение скоростных лифтов требует особого анализа, так как скорость подъема и спуска становится одним из серьезных факторов, влияющих на здоровье пользователей и особенно МГН. Как известно, при подъеме или спуске в скоростном лифте люди часто ощущают эффект заложенности ушей; в зависимости от состояния здоровья этот эффект может вызывать болезненные ощущения, как отмечают многие исследователи, в том числе Сергей Мануков в своем выступлении «Лифты со скоростью стресса» на сайте Эксперт-Online. Это вызвано скачками давления в кабине лифта, возникающими в результате турбуленции в шахте, а также перепадом давления между нижним и верхним этажами. Изменение давления составляет 10,1 мм ртутного столба на каждые 100 м высоты. Болезненные ощущения могут вызывать вибрация и повышенный шум, которые возникают при быстром движении кабины лифта.

Эти проблемы могут быть решены, учитывая, что ведущие производители лифтов постоянно внедряют в свою продукцию различные устройства для поддержки давления за счет герметизации и специальных вентиляционных систем, а также снижения вибрации и шума посредством шумоизоляции, амортизации и совершенствования технологий, повышающих эффективность работы механизмов.

В результате интенсивность скачков давления может быть снижена на 37%, а шума – до 45 дБ¹.

Изменить же перепад атмосферного давления между нижними и верхними этажами нельзя; приходится считаться с тем, что не все люди могут адаптироваться к резкой смене давления, особенно при быстром подъеме. Но пользователи высотных зданий, которые проживают или работают в них, вынуждены перемещаться по вертикали порой не один раз в день. Скоростной подъем на высоту в несколько сотен метров продолжительностью несколько секунд, который, казалось бы, не может причинить особого вреда из-за кратковременности воздействия, врачи сопоставляют по нагрузке на организм с получасовой пробежкой².

Если все же пренебречь указанными аргументами и по привычке, выработанной во время проживания и работы в многоэтажных зданиях, также часто пользоваться скоростными лифтами, то у людей с ослабленным здоровьем могут появиться следующие симптомы [7]³:

- потемнение в глазах, головокружение, посторонний звук в ушах;
- повышенное артериальное давление и т. п.

Допустим, что пользователь высотного здания, решив избежать указанных симптомов, будет реже пользоваться лифтом, подолгу не оставляя свой этаж (квартиру или офис). Например, он работает дома или выбрал квартиру и офис на смежных этажах, между которыми можно без проблем передвигаться по лестнице, что вполне осуществимо в многофункциональных зданиях, имеющих вертикальное или горизонтальное функциональное зонирование. Однако в этом случае возможно возникновение психологических проблем, обусловленных снижением «связи» с землей и сокращением контактов с социумом. Возникающие последствия долгого пребывания человека в одиночестве или в узком кругу общения нескольких сотрудников или соседей:

- чувство одиночества, провоцирующее в поведении недовольство и отчужденность;
- из-за преувеличения ненадежности связи с землей в некоторых случаях возникают опасения, что в критической ситуации ему не успеют оказать скорую медицинскую помощь;

< 432 Парк-Авеню (Park Avenue), Нью-Йорк
< Бурдж Халифа (Burj Khalifa's), Дубай (ОАЭ)

– в результате снижения чувства реальности – преувеличенная боязнь преступности, настороженность к новым контактам, подозрительность к незнакомым людям;

– в случае пребывания в таких условиях детей, в результате ограничения общения со сверстниками, становится особенно опасным развитие десоциализации.

Учитывая, что поездки на скоростном лифте между этажами, имеющими существенный перепад атмосферного давления, можно считать вредными для МГН, в т. ч. людей, страдающих повышенным или нестабильным артериальным давлением, беременных женщин, целесообразно предположить следующее решение данной проблемы. Во-первых, следует рассмотреть вопрос использования для подъема МГН отдельного лифта, скорость которого регулировалась бы согласно рекомендациям медиков, учитывающих состояние здоровья человека. Это позволило бы исключить резкую смену давления при подъеме или спуске, хотя увеличивало бы время на дорогу и дополнительные экономические затраты на вертикальный транспорт. Во-вторых, было бы целесообразно рекомендовать МГН, а в перспективе – и остальным пользователям определенные этажи пребывания, подъем и спуск на которые не стал бы столь существенным фактором, влияющим на их самочувствие. Но эти решения требуют существенных проработок со стороны медиков и гигиенистов.

Внутренняя среда, формируемая объемно-планировочными параметрами помещений и микроклиматом, по сути, определяет комфорт и здоровье пользователей, являясь одной из важных составляющих концепции здорового здания. Ее характеристики требуют особого, пристального учета потребностей людей, чувствительных к составляющим микроклимата, что часто характерно для МГН.

Но обеспечить идеальные условия среды в высотных зданиях мешает ряд отрицательных параметров. Одним из них является эффект раскачивания, характерный для верхних этажей высотного здания, что вызвано их горизонтальным перемещением при отклонении конструкций верхней части от вертикальной оси под действием природных факторов (ветер, сейсмика). При проектировании зданий максимальная амплитуда отклонения

верхней части от вертикальной оси предусматривается всего до одной пятисотой от высоты. Но на высоте более 100 м раскачивание все же становится ощутимым. Так, отклонение верха от вертикальной оси высотных зданий в плохую ветреную погоду по данным ряда источников [8], составляет следующие величины:

- 0,3 м – «Уиллис-Тавэр» (Willis Tower) в Чикаго при высоте 442,1 м;
- 0,5–0,7 м – «Эмпайр-Стейт-Билдинг» (Empire State Building) в Нью-Йорке при высоте 381 м;
- 0,7 м – башня «Федерация» в Москве при высоте 374 м;
- 1,2–1,5 м – «432 Парк-Авеню» (Park Avenue) в Нью-Йорке при высоте 426 м;
- 1,5 м – «Бурдж Халифа» (Burj Khalifa's) в Дубае, ОАЭ при высоте 829,8 м.

Ощутимое влияние на высотные здания оказывают также сейсмические воздействия. Так, верхняя часть находящейся на сейсмоопасном участке башни «Трансамерика Пирамид» (Transamerica Pyramid) в Сан-Франциско высотой 260 м при толчке магнитудой 7,1 в 1989 году раскачивалась в течение минуты с отклонением от вертикальной оси на 0,3 м. Естественно, при проектировании высотных зданий учитывают возможные сейсмические воздействия, применяя различные решения, чтобы уменьшить раскачивание: например, специальный демпфер в башне Тайбэй – 101 (Táiběi Yīlíngyī) в Тайбэе, необходимый при высоте 509,2 м [1, с. 89]. Но раскачивание исключить все же невозможно, оно в определенной степени необходимо для обеспечения устойчивости здания.

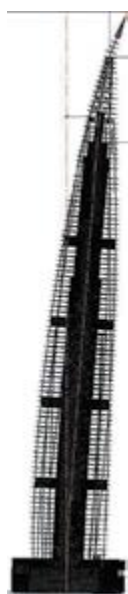
Следует упомянуть, что даже незначительное проявление эффекта раскачивания при длительном воздействии может влиять на вестибулярный аппарат и общее самочувствие. По данным медиков, синдрому укачивания подвержены около 30% взрослых и 60% детей. Комплекс симптомов кинетозов включает следующие виды реакций и их проявления:

- двигательные реакции, изменение тонуса поперечнополосатой мускулатуры;
- вегетативные расстройства, при которых характерны побледнение, холодный пот, отсутствие аппетита, тошнота, рвота, брадикардия;

1. «Быстрее лифты. Часть первая: кабины пассажиров» редакторов научно-популярного журнала Мембрана.ру. Доклад о достижениях японских производителей.

2. П. К. Исаков. «Ускорение, действие на организм». Большая медицинская энциклопедия (БМЭ).

3. «Американские медики считают, что жить в небоскребах вредно для здоровья». Материал репортажа на Пятом канале («5») 11.05.2012

^ Горизонтальное перемещение верхних этажей

^ Ориентация внутри здания. Пример сложной схемы плана

^ Пример сложного для ориентации пространства

- сенсорные реакции, характеризующиеся головокружением, нарушением пространственной ориентации;
- психические расстройства.

Выявленная доминирующая симптоматика позволяет условно различить четыре основные формы кинетозов: нервную, желудочно-кишечную, сердечно-сосудистую, смешанную [9]. Это позволяет говорить о возможности вполне реальных нежелательных последствий пребывания на верхних этажах высотных зданий для здоровья людей, чувствительных к укачиванию.

В числе других отрицательных параметров внутренней среды высотных зданий можно назвать следующие:

- наличие на верхних этажах фона микроколебаний, источниками которых служат природные микросейсмические процессы (постоянно присутствующие естественные колебания Земли), динамические нагрузки от порывистого ветра, техногенные факторы: работа тяжелой уборочной техники, вибрация от проезда транспортных средств – грузовых автомобилей, трамваев, метро, железнодорожного движения, а также функционирования механического оборудования инженерных систем (приводов лифтов, вентиляции, кондиционирования, водоснабжения и отопления, устройств трансформативной архитектуры, особенно часто применяемых в многофункциональных зданиях). Если в многоэтажных зданиях этот фон незаметен, то на большой высоте он становится ощутимым и способен вызвать чувство дискомфорта у человека;
- при строительстве на некоторых территориях существует вероятность возникновения на верхних этажах повышенного фона инфразвука. Он может возникать в результате природных воздействий (прибрежных волн, сейсмических воздействий, резких колебаний атмосферного давления) или техногенных факторов (транспортных магистралей и крупных развязок, смежных промышленных зон и территорий). На земле и в многоэтажных зданиях инфразвук практически не ощущается, но так как он распространяется от земли вверх, то в зависимости от направления волн может концентрироваться на большой высоте, приобретая более высокую интенсивность. По мнению информационного ресурса ADME.ru, представившего данные на странице «Специалисты

назвали самые безопасные этажи для жилья», это явление становится опасным в случае совпадения частоты инфразвука с частотой колебания внутренних органов;

- опасность снижения качества воздуха, отклонение от нормы влажностного режима и количества микроорганизмов из-за ограничения на открывание окон верхних этажей в целях безопасности и необходимости перехода к частичной или полной искусственной вентиляции и кондиционированию. Эксплуатация данных систем требует особого внимания к контролю за работой и обслуживанием автоматики; даже незначительный сбой, недочет службы эксплуатации или неучет каких-либо условий может привести к недостаточности или избытку воздухообмена, сухости воздуха, скоплению бактерий в фильтрах. Другой проблемой является вероятность перетекания воздуха с нижних на верхние этажи по внутренним вертикальным коммуникациям или по пространству между ограждающими конструкциями двойных фасадов, что может увеличивать опасность распространения инфекционных заболеваний;

- вероятность повышенного фона электромагнитных колебаний, в т. ч. высокочастотных электромагнитных излучений. Применение современных технологий для управления инженерными системами и оборудованием характерно именно для высотных зданий [10, разд. 4.3], где их количество и сложность, уровень автоматизации и телеуправления гораздо выше, чем в обычных многоэтажных зданиях. Кроме того, следует учесть такие источники электромагнитных колебаний, как силовые кабели, проходящие по шахтам, распределительные станции на промежуточных технических этажах, ретрансляторы Wi-Fi сетей и других сигналов, большое количество мощной офисной техники⁴. Влияние электромагнитных излучений на организм человека регламентируется (ограничивается) нормами, но даже незначительные на первый взгляд отклонения могут создавать негативные факторы для здоровья;

- снижение интенсивности геомагнитного поля земли (ГМП), которое является важным фактором, влияющим на здоровье человека. По мнению специалистов, его ослабление может вызвать инсульт мозга, инфаркт миокарда, психические расстройства, признаки криминального

< Пример применения зеркал, усложняющих ориентацию

и суицидального поведения [11]. В докладе на конференции «Экономический кризис. Истоки и перспективы» (2015) В. Ефимов подчеркнул зависимость снижения ГМП от экранирования его железобетонными конструкциями; в высотных зданиях этот эффект еще более выражен. Коэффициент снижения ГМП зависит от использования различных строительных материалов в качестве несущих и ограждающих конструкций, отделочных материалов: дерево оказывает минимальное влияние на уровень ГМП, металлоконструкции максимально снижают его.

При сочетании перечисленных факторов в некоторых случаях возможно проявление следующих симптомов:

- психологическое необъяснимое беспокойство, чувство страха или незащищенности;
- возникновение или обострение акрофобии (боязни высоты);
- провокация мыслей о суициде;
- опасение заразиться от кондиционируемого воздуха.

Данные симптомы вполне способны привести человека к состоянию стресса или депрессии, что может стать причиной ослабления иммунитета и повышенной заболеваемости⁵.

Требуется поиск возможностей для исключения или снижения нежелательного влияния рассмотренных факторов на здоровье. Прежде всего – разработка конструкций вибро- и шумоизоляции, совершенствование для упрощения и удешевления обслуживания инженерных систем, нейтрализации электромагнитных излучений в помещениях. Эти вопросы требуют исследований и инновационных предложений инженеров и медиков, так как существующие решения пока далеки от совершенства.

Ориентация во внутреннем пространстве зданий обеспечивает удобство пользователей, исключает нерациональные передвижения в поисках цели посещения, сокращает время доступа к нужному помещению. Несмотря на кажущуюся простоту задачи учета в данной области особенностей МГН, в большинстве современных высотных зданий ориентация оказывается затруднена. Основная причина – отсутствие необходимого внимания к данному вопросу при проектировании.

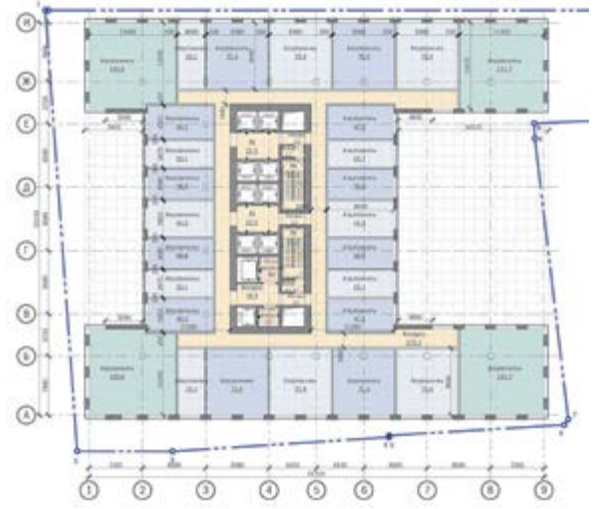
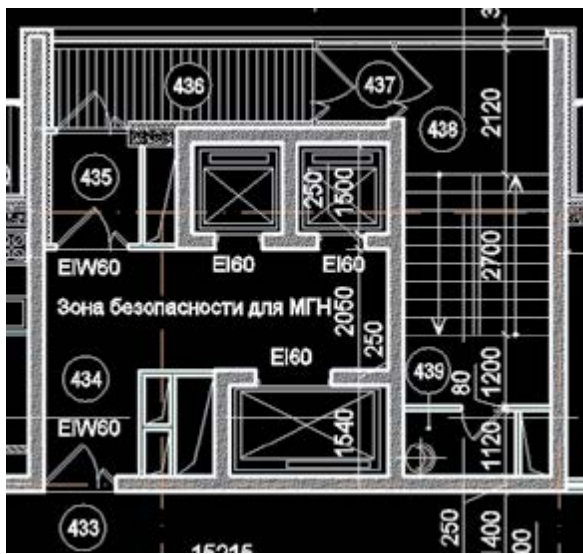
< Пример сложного для ориентации пространства

< Пример применения зеркал, усложняющих ориентацию

4. П. К. Исаков
«Ускорение, действие на организм». БМЭ.

> Примеры планов высотных зданий с зонами безопасности в лифтовых холлах

Архитекторы часто отдают предпочтение применению динамичных схем движения со сложной траекторией, использованию привлекающих молодежь приемов игровых сценариев ориентации, где нужное направление не указано явно. В многофункциональных высотных зданиях, особенно в помещениях, предназначенных для размещения предприятий торговли, применяются так называемые бизнес-схемы, предусматривающие движение посетителей не по краткому маршруту, а с проходом через определенные точки, к которым необходимо привлечь внимание посетителей в коммерческих целях. Часто в больших помещениях со сложной конфигурацией главным способом ориентации становится система указателей, ориентируясь по которой, пользователь вынужден выполнять указания, не задумываясь об их целесообразности, не понимая, как он идет к своей цели.

В ряде случаев усложненные схемы движения можно встретить и на первых этажах, и в стилобатной части, и на типовых этажах. Высотные здания имеют широкий корпус, коммуникационные пространства выполняются без естественного освещения, что делает невозможным ориентацию по световым проемам, как в обычных многоэтажных зданиях, где коридоры, как правило, имеют световые карманы или холлы. Все это затрудняет интуитивную ориентацию и существенно осложняет самостоятельное перемещение пользователей. В первую очередь это относится к МГН, которым сложно разгадывать «ребусы» в выборе правильного направления и совершать лишние передвижения в случае ошибке.

Особенностью высотных зданий является и частое применение светопрозрачных конструкций: дверей, перегородок, ограждения галерей и балконов (например, в атриуме, многосветном пространстве), наружных ограждающих конструкций и даже эксплуатируемых покрытий (стеклянный пол). Не менее часто применяются и зеркальные элементы отделки стен, потолков, полов. В целях поиска оригинальных решений дизайнеры прибегают к искажению пространства, используя это как игровой нюанс, элемент неожиданности.

Безусловно, использование подобных строительных и отделочных материалов соответствует контексту современных технологий и во многих случаях является

эффективным. Однако некоторые решения оказываются барьером на пути движения слабовидящих категорий МГН. Искаженное отражениями пространство, как и прозрачные препятствия, дезориентируют, сбивают с маршрута, создают опасность столкновения. Сплошное остекление фасада или прозрачный пол вызывают эффект визуального отсутствия ограждающих конструкций, что в большинстве случаев вызывает рефлекторное чувство незащищенности от падения.

Сложности с ориентацией для многих психологически здоровых людей становятся причиной раздражительности, чувства напрасной потери времени, вынужденного совершения нерациональных, навязанных действий. Все это вызывает беспокойство, стресс, желание покинуть здание, даже не дойдя до цели своего визита. Чтобы исправить ситуацию, можно предложить следующие правила, позволяющие сделать высотные здания доступными для МГН и комфортными для всех других пользователей:

- обеспечить визуальную доступность цели движения (например, вход в здание, помещение, лифтовой холл и т. п.) или визуальную связь промежуточных пунктов движения;
- предусмотреть композиционное выделение цели движения в интерьере, а также основных маршрутов движения (за счет объемной композиции пространства, формы, декоративных элементов, отделки, мощения, цвета и т. п.);
- оптимизировать маршрут движения к цели, обеспечив его максимальное сокращение и исключив нерациональные повороты, подъемы, спуски;
- организовать и направлять движение средствами архитектурной композиции пространства, используя форму помещений, выделяя рекомендуемый путь рисунком пола, потолка и т. п.;
- проработать систему ориентиров, создав на пути следования систему запоминающихся точек или целых помещений за счет объемной композиции, дизайна отделки, открывающихся видов на интерьер или экстерьер;
- выделить специальными обозначениями и маркерами светопрозрачные и светоотражающие конструкции, с возможным использованием звукового и светового

^ Примеры высотных комплексов с переходами. Многофункциональный высотный комплекс Бродвей коридор (Broadway Corridor), Портленд (Орегон, США)

^ Юмеда Скай Билдинг (Umeda Sky Building), Осака (Япония)

информирования о приближении, обеспечив их распознаваемость слабовидящими МГН;

- максимально упрощать планировочные решения для расширения возможности интуитивной ориентации, при которой система навигационных знаков, текстовых, световых и иных указателей выполняет в основном вспомогательную функцию.

Эвакуация людей из высотных зданий при ЧС традиционно остается трудно решаемым, прежде всего для архитекторов, вопросом при разработке объемно-планировочных решений. При этом проблемы эвакуации возникают перед всеми категориями пользователей независимо от возраста и состояния здоровья, но особенно – МГН. Это обусловлено сложностью связи этажей, расположенных на большой высоте, с уровнем земли в условиях ограниченных возможностей применения технических средств. Проблемы эвакуации и спасения из высотных зданий вызывают у пользователей различные психологические симптомы:

- страх невозможности спасения при пожаре или иных ЧС;
- постоянное необъяснимое беспокойство, чувство незащищенности;
- стресс, депрессия.

Несмотря на споры инженеров и пожарных по поводу использования вертикального транспорта, главным эвакуационным путем из зданий являются лестницы [12, с. 361]; специальные лифты предусмотрены только для пожарных подразделений. Использование лифта для эвакуации людей при пожаре и других ЧС признано опасным, что подтверждает печальный опыт, поэтому оно не допускается нормами. В многоэтажных зданиях лестничные клетки Н1, Н2, Н3 успешно выполняют свои функции, но спуск по лестнице в высотном здании с отметки больше 75 м, тем более – когда речь идет о зданиях высотой 100–500 м, сложно выполним даже для здоровых людей. Так, длина пути по лестничной клетке с верхнего этажа, находящегося на отметке 75 м, составит около 160 м, что уже кажется длинной дистанцией, а при высоте 500 м – более километра. При этом передвигаться придется не по прямой, а спускаясь и постоянно поворачивая, не свободно, а в потоке людей высокой плотности.

Следует учитывать, что большинство здоровых людей испытывают усталость уже после первых 5 мин. от начала движения вниз по лестнице [13]. Поэтому главным вариантом эвакуации пользователей и в первую очередь МГН с верхних этажей является пожаробезопасная зона, размещаемая на каждом этаже или дополнительно на технических этажах. Ее ограждающие конструкции и инженерные системы жизнеобеспечения рассчитаны на время, за которое будут ликвидированы опасные факторы ЧС или организовано спасение людей.

Одна из проблем пожаробезопасной зоны – потребность в площади. Так, площадь на одного инвалида, передвигающегося самостоятельно, должна составлять 0,75 м², а на кресле-коляске – 2,4 м². Предположим, что на одном этаже административного здания одновременно может находиться до 100 чел. Если количество инвалидов среди них составляет 10% [12, с. 364], в т. ч. 0,25% передвигаются на кресле-коляске, то можно определить общую площадь пожаробезопасной зоны для инвалидов: $0,75 \times 10 + 1 \times 2,4 = 10 \text{ м}^2$. При этом еще не учтены группы инвалидов, требующих сопровождающего, а также и другие маломобильные граждане. Получается, что площадь безопасной зоны для этажа, на котором пребывает 100 человек, правильно было бы увеличить относительно нашего расчета условно до 25 м².

Но выделение большой площади под пожаробезопасные зоны нерационально, т. к. она не всегда может

< Башни Петронас (Petronas Towers), Куала-Лумпур (Малайзия)

^ Посещение высотных зданий МГН

поместиться в лифтовом холле. Кроме того, лифтовый холл – не самое удобное место для скопления и длительного ожидания: люди будут мешать пожарным подразделениям пользоваться лифтом. Размещение же пожаробезопасных зон в отдельных помещениях нерационально, поскольку они, как правило, не используются при штатной эксплуатации здания, оставаясь пустыми. Это заставляет при проектировании максимально оптимизировать размер площади пожаробезопасных зон, рассматривая как избыточные любые дополнительные ресурсы эвакуации, что отрицательно влияет на уровень безопасности здания в целом. Для решения проблемы можно предложить размещение пожаробезопасных зон в помещениях двойного назначения. При штатной эксплуатации такое помещение могло бы служить в качестве уборной, холла, зала совещаний и т. п. При этом необходимо предусмотреть возможность оперативной трансформации – уборки ненужной мебели при возникновении ЧС.

Мало проработанным, но важным вопросом является оборудование пожаробезопасной зоны с учетом возможных ситуаций, когда необходимо длительное пребывание людей. Это важно, так как время эвакуации и спасения людей из высотного здания значительно больше, чем многоэтажного. Для тех, кто передвигается самостоятельно, оно может составлять 20–45 мин.; спасение же МГН из пожаробезопасных зон может занимать до нескольких часов и зависеть от характера ЧС. Поэтому нельзя не учитывать физическое состояние и потребности МГН при длительном пребывании в пожаробезопасной зоне, предусматривая как минимум уборную, места для сидения, средства связи и информации, место или зону для оказания первой помощи, т. к. ЧС может отрицательно повлиять на самочувствие. Предлагаемое оборудование потребует увеличения площади пожаробезопасной зоны примерно на 25–50%.

Альтернативный вариант эвакуации, пока требующий проработки и научных обоснований, может применяться для высотных комплексов, включающих два и более высотных зданий. Он предусматривает возможность устраиваемого на определенных этажах перехода из здания, в котором возникла ЧС, в соседнее здание. Это позволит использовать для эвакуации и спасения людей верти-

кальный транспорт соседнего здания, что значительно облегчит и ускорит ее. Такое решение существенно разгрузит пожаробезопасные зоны, учитывая, что спускаться по лестницам нужно будет не до уровня земли, а только до этажа с переходом. При этом системы вертикального транспорта должны быть рассчитаны так, чтобы иметь возможность принять поток эвакуирующихся без ущерба безопасности другим пользователям.

В настоящее время существуют нормативные ограничения по функциональному назначению помещений пожаробезопасных зон и самостоятельных эвакуационных выходов из здания, не связанных с другими зданиями. Поэтому для решения вопросов о возможности двойного назначения пожаробезопасных зон и эвакуации через переходы в соседнее здание требуется выполнение научных работ, обосновывающих решение нормативных коллизий.

В целом можно оценить позитивно доступность высотного здания для МГН при условии выполнения ряда правил и ограничений, а также дальнейшей научной проработке ряда вопросов, в том числе посредством научно-исследовательских работ. Это позволило бы в перспективе обоснованно корректировать нормативную базу и найти новые технологии, позволяющие преодолеть или компенсировать существующие проблемы.

Инженерные решения вертикального транспорта и правила пользования им требуют доработки и инновационных технических средств, позволяющих исключить или существенно снизить отрицательные факторы, возникающие при пользовании лифтом (шум, вибрацию, резкое изменение давления), а также определить рациональную скорость кабины лифта, снижающую эффект перепада давления между верхними и нижними этажами.

Важным фактором, влияющим на внутреннюю среду высотных зданий, является уровень развития и применения инженерно-технических систем улучшающих защиту помещений от инфразвука, микроколебаний конструкций, электромагнитных излучений. Необходимо совершенствование вентиляционных и климатических систем по снижению шума и повышению качества воздуха, влажностно-теплового режима, не забывая о стоимости

их устройства и обслуживания. Говорить о решении проблемы раскачивания верхних этажей техническими средствами пока рано, и этот вопрос требует перспективных научных проработок.

При решении вопросов об ориентации в помещениях высотных зданий и комплексов следует обратить внимание на квалификацию, практические навыки и установку концептуальных ориентиров для архитекторов. Методический подход должен предусматривать выполнение планировочных и композиционных правил построения внутреннего пространства зданий, основанных на минимальном использовании технических средств и интуитивном понимании планировки пользователями.

Проблема эвакуации МГН из высотных зданий, повышение их безопасности при ЧС в перспективе может решаться разработкой и внедрением в нормативные документы новых требований и рекомендаций по проектированию пожаробезопасных зон, включая уточнение их площади и оборудования. Особого внимания требуют перспективные исследования по эвакуации и спасения МГН, которые проводятся пока недостаточно. Так, следует сделать возможным переход на верхних этажах в соседнее здание, задействовав его вертикальный транспорт, что в настоящее время требует законодательного и нормативного урегулирования.

Помимо новаторских технических решений, не исключая все отрицательные факторы (изменение атмосферного давления при подъеме, раскачивание верхних этажей, ограничение возможности эвакуации), возникает необходимость в разработке рекомендаций для МГН. Они должны учитывать возможности самостоятельного передвижения, состояние их здоровья, психоэмоциональное восприятие высоты, оторванности от земли, которые бы позволили предложить группы этажей высотного здания, посещение которых может быть относительно безопасным, а также этажи, не рекомендуемые к посещению. Это позволит при эксплуатации уберечь пользователей от отрицательных факторов, влияющих на их самочувствие и безопасность.

Принимая во внимание возможности современных прикладных и теоретических исследований, постоянно пополняемый опыт строительства высотных зданий, доступный для научного анализа, можно прогнозировать эффективное развитие архитектурных и конструктивных решений, инженерных систем высотных зданий, обеспечивающих их доступность для МГН, и постоянно растущие требования в данной области.

Но архитекторы и инженеры должны учитывать, что высотные здания не могут применяться в городской застройке, выполняя городские функции так же свободно, как давно применяемые на практике многоэтажки, основные достоинства и недостатки которых уже известны. Их включение в городскую среду должно осуществляться осторожно и обдуманно, ибо далеко не всегда и не везде оно может быть безопасно. Опыт архитектурного проектирования высотных зданий пока еще только накапливается. Необходимо, чтобы эти объекты стали безопасными как с точки зрения надежности конструкций, инженерных систем, планировочных решений, так и социального благополучия и физического здоровья человека за счет снижения или исключения воздействия на него неблагоприятных факторов. Все эти аспекты требуют фундаментальных научных исследований.

Литература

1. Граник, Ю. Г. Строительство высотных зданий. – Москва : ЦНИИЭП жилых и общественных зданий, 2010. – 480 с. : ил.
2. Маклакова, Т. Г. Высотные здания. – Москва : АСВ, 2006. – 160 с. : ил.
3. Рафайнер, Ф. Высотные здания: Объемно-планировочные и конструктивные решения / сокр. пер. с нем. Л. Э. Балановского; под ред. Ю. А. Дыховичного. – Москва : Стройиздат, 1982. – 180 с. : ил.

4. Руководство по высотным зданиям. Типология и дизайн, строительство и технология / пер. с англ. под общ. ред. С. В. Николаева. – Москва : Атлант-Строй, 2006. – 228 с. : ил.
5. Магай, А. А. Архитектура высотных зданий. – Москва : Окей-книга, 2007. – 288 с. : ил.
6. Magay A. A., Bulgakova E. A., Zabelina S.A. Organizing vertical layout environments: a forward-looking development strategy for high-rise building projects // в сборнике: E3S Web of Conferences. 2018. – С. 01016
7. Натыкина, Е. (Эксперты: Максимочкин В., Жигалин А., Чурикова Е.) Как сказывается жизнь в небоскребе на здоровье? : Как здорово. – 26.04.2013. – URL: <http://zdorovo.meta.ua/v/12645.html> (дата обращения: 01.10.2020)
8. Держитесь крепче: как шатаются башни и небоскребы : РИА Недвижимость. 17.05.2017. – URL: <https://realty.ria.ru/20170413/408518830.html> (дата обращения: 01.10.2020)
9. Пивоварова, А. М., Шабельникова, Е. И. Кинетоз – болезнь передвижения: симптомы, диагностика, профилактика и лечение : Практика педиатра. – февраль 2015. – с. 38–40. – URL: <https://medi.ru/info/95> (дата обращения: 01.10.2020)
10. Магай, А. А. Архитектурное проектирование высотных зданий и комплексов. – Москва : АСВ, 2015. – 248 с. : ил.
11. Сейфулла, Р. Д. Магнитное поле Земли и здоровье человека. – Москва : Сам Полиграфист, 2014. – 114 с.
12. Современное высотное строительство / под ред. Н. М. Щукиной – Москва : ИТЦ Москомархитектуры, ЦНИИЭП жилища, 2007. – 464 с. : ил.
13. Холщевников, В. В., Самошин, Д. А. Анализ процесса эвакуации людей из высотных зданий // Жилищное строительство. – 2008. – № 8. – С. 24–26

References

- Derzhites krepche: kak shatayutsya bashni i neboskreby [Hold on tight: how towers and skyscrapers sway]. (2017, May 17). RIA Nedvizhimost. Retrieved October 1, 2020, from <https://realty.ria.ru/20170413/408518830.html>
- Granik, Yu. G. (2010). Stroitelstvo vysotnykh zdaniy [Construction of high-rise buildings]. Moscow: TsNIIEP zhilykh i obshchestvennykh zdaniy.
- Kholshchevnikov, V. V., & Samoshin, D. A. (2008). Analiz protsessy evakuatsii lyudei iz vysotnykh zdaniy [Analysis of the evacuation process of people from high-rise buildings]. Zhilishchnoe stroitelstvo, 8, 24–26.
- Magay, A. A. (2007). Arkhitektura vysotnykh zdaniy [Architecture of high-rise buildings]. Moscow: Okey-kniga.
- Magay, A. A. (2015). Arkhitekturnoe proektirovanie vysotnykh zdaniy i kompleksov [Architectural design of high-rise buildings and complexes]. Moscow: ASB.
- Magay, A. A., Bulgakova, E. A., & Zabelina, S.A. (2018). Organizing vertical layout environments: a forward-looking development strategy for high-rise building projects. In E3S Web of Conferences (p. 01016).
- Maklakova, T. G. (2006). Vysotnye zdaniya [High-rise buildings]. Moscow: ASB.
- Natykina, E. (2013, April 26). Kak skazyvaetsya zhizn v neboskrebe na zdorovie? [How does the living in a skyscraper affect our health?]. Kak dorovo. Retrieved October 1, 2020, from <http://zdorovo.meta.ua/v/12645.html>
- Nikolaev, A. V. (Ed.) (2006). Rukovodstvo po vysotnym zdaniyam. Tipologiya i dizain, stroitelstvo i tekhnologiya [Guidelines on high-rise buildings. Typology and design, construction and technology]. Moscow: Atlant-Stroi.
- Pivovarova, A. M., & Shabelnikova, E. I. (2015, February). Kinetoz – bolezn peredvizheniya: simptomy, diagnostika, profilaktika i lechenie [Kinetosis, travel sickness: symptoms, diagnostics, prophylaxis and treatment]. Praktika pediatri, 38–40. Retrieved October 1, 2020, from <https://medi.ru/info/95>
- Rafeiner, F. (1982). Vysotnye zdaniya: Obyemno-planirovochnye i konstruktivnye resheniya [High-rise buildings: space-planning and constructive concepts] (L. E. Balanovsky, Trans., & Yu. A. Dykhovichny, Ed.). Moscow: Stroizdat.
- Seifulla, R. D. (2014). Magnitnoe pole Zemli i zdorovie cheloveka [The magnetic field of the Earth and human health]. Moscow: Sam Poligrafist.
- Shchukina, N. M. (Ed.) (2007). Sovremennoe vysotnoe stroitelstvo [Modern high-rise construction]. Moscow: ITTs Moskomarkhitektury, TsNIIEP zhilishcha.

Большинство крупных российских городов переживают эпоху нестабильности. Их «ткань» стремительно перерождается, изменения «каркаса» отстают. Если процессы изменения «каркаса» и «ткани» идут параллельно, город теряет историческую память. Высказана гипотеза, что генетическая градостроительная цепочка была устойчивой, пока город был «каменным» до начала XXI века. Города, сохранившие застройку прошлых веков в исторической части и развивающиеся на свободных территориях, обладают большим культурным потенциалом. Ключевые слова: Градостроительная «генетическая связь», «каменный» город, пассеизм, «каркас», «ткань», высотные здания, историческая городская среда. /

Most big cities in Russia are going through the epoch of instability. While their “fabric” is rapidly transforming, the changes in the “framework” lag behind. If the changes in the “framework” and the “fabric” happen simultaneously, the city loses its historical memory. It is supposed that a genetic town-planning chain was firmer until the 21st century, while the city remained “stone”. The cities that maintain the buildings from the past centuries in the historical part and develop in vacant areas have a greater cultural potential.

Keywords: town-planning “genetic links”; “stone” city; passeism; “framework”; “fabric”; high-rise buildings: historical urban environment.

О генетических связях, пассеизме и «каменном» городе / On genetic links, passeism and a “stone” city

текст
Елена Багина /
text
Elena Bagina

May you live in interesting times.

Английская поговорка

Живите в доме, и не рухнет дом.

Арсений Тарковский

Звенья длинной цепи поколений обыкновенно прочно сцеплены, но иногда распадаются, и тогда новые звенья не входят в «отверстия» предыдущих. Старая цепочка заканчивается, и зарождается новая. Революционные поколения меняют и образ жизни, и пространственное окружение. Об этом у Шекспира: «Распалась связь времен <...>» (Time Out of Joint) [1].

Откуда пошла поговорка «не дай вам Бог жить в эпоху перемен», доподлинно неизвестно. Англичане ссылались на китайцев, прочие поверили англичанам, и поговорка стала считаться китайской. А китайцы говорят: «Лучше быть собакой в спокойные годы, чем человеком в период хаоса» [2]. Уже четыре поколения россиян (и не только россиян) живет в «интересное время». Пятому поколению мир их прабабушек будет чужим.

Если нет революционных потрясений, социальных или технологических, города меняются медленно, сохраняя материальные свидетельства прошлого. XX век – век войн, социальных и технологических революций. Города в этих условиях плавно меняться не могли. Одни за короткое время утратили историческую застройку, другие остались такими, какими их знали наши прапрадеды в XIX веке, но эти города умирают. Оживить их может, к примеру, туризм или люди, которые работают удаленно. Города, сохранившие историческую застройку и развивающиеся на свободных территориях, представляются более благополучными. Понятно, что сохранение градостроительных структур прошлого напрямую зависит от системы ценностей общества, экономики, уровня образования et cetera.

У Корнея Чуковского в сказке «Доктор Айболит» есть странное существо Тянитолкай – животное с двумя головами, которые смотрят в противоположные стороны. Головам нужно каждый раз договариваться, в какую сторону двигаться, и какая из голов будет на этот раз главной. Временами это существо подолгу стоит на месте,

пока головы спорят. Градостроительный «Тянитолкай» все чаще игнорирует желание консервативной головы сохранять и реставрировать и действует по желанию другой: принимает решение сносить старое и строить новое. В последнее время он редко стоит на месте и думает. В результате историческая застройка исчезает.

Большинство крупных российских городов сегодня переживает эпоху хаоса. На обломках градостроительных структур прошлого рождается новый тип города. Отсюда транспортные коллапсы, дисбаланс плотности населения, изменение центров притяжения, разрушение традиционных улиц, исчезновение привычных городских силуэтов и прочие процессы, которые осознаются как негативные. Типичная эпоха перемен.

В свое время А. Э. Гутнов и И. Г. Лежава предложили дифференцировать все многообразие элементов, составляющих пространственную систему города, по степени изменчивости и разделить их на три группы: «каркас», «ткань», и «плазму». «Каркас» – долгоживущие элементы, «плазма» – легкозаменяемые гибкие элементы, «ткань» – промежуточная зона между каркасом и плазмой. «Каркас», «ткань» и «плазма» понимались как материальные элементы градостроительной системы [3, с. 90–126]. «Сроки жизни каркаса определяют сроки существования системы в целом. Рост «каркаса» или его значительная трансформация означают фактически создание новой системы. Но «каркас», как правило, очень устойчив. «Ткань» может быть подвергнута существенным изменениям или даже полностью заменена в процессе развития системы. Наконец «плазма» может сменяться как угодно часто <...>» [3, с. 90].

Генетическая связь города с прошлым ощущается, пока «каркас» остается неизменным и хотя бы фрагментарно сохраняются традиционные улицы с малозажной застройкой и исторические высотные доминанты.

Хаос наступает, когда «ткань» стремительно перерождается, а «каркас» остается неизменным. Замена «ткани» в крупных городах России идет сегодня с существенным повышением плотности застройки, плотности населения и этажности, особенно в Москве, Нижнем Новгороде, Екатеринбурге. Каркас в исторической части остается практически неизменным.

^ Рис. 1. Москва-Сити

v Рис. 2. Тянитолкай
> Рис. 3. Вид с Миланского собора

Екатеринбург не относится к городам-долгожителям. За свои неполные триста лет он кардинально менялся несколько раз, но такого хаоса, как в начале XXI века, город не переживал ни разу за свою историю. «Это не мой город», – сказала однажды моя мама о Екатеринбурге, в котором прожила почти всю жизнь, когда я везла ее по улицам со знакомыми названиями. Все дома, которые некогда стояли здесь, исчезли. На их месте высились стеклянно-бетонные новостройки, превратившие улицы в узкие тоннели, забитые автомобилями.

К лучшему ли менялся город? Пока богател и рос в XIX веке, можно сказать, что к лучшему. Но с его ростом изменился природный ландшафт. Были вырублены уникальные сосновые и кедровые леса, появились искусственные пруды, исчезли некоторые горы, на месте озер образовались болота.

Когда в 30-х годах XX века взорвали множество храмов и купеческих особняков и построили то, что называют ныне шедеврами конструктивизма, не всех эти перемены порадовали. Для тех, кто фанатично уверовал в светлое коммунистическое будущее, взрывы соборов, новостройки и новые промышленные гиганты были символом обновления и лучшей жизни. Для остальных? А кто их спрашивал?

В ту пору генетические связи города с прошлым полностью разрушить не удалось: помешала ограниченность ресурсов. Но цепочка преемственности была надорвана. В тридцатые-пятидесятые годы планировали создать ряд классицистических ансамблей, но не все планы были осуществлены.

В центре Екатеринбурга на стенах домов в последнее время можно видеть граффити: «Верните мне мой XIX век». Поздно, уже не вернуть. В 1960-е – 1980-е генетическая связь с городом XIX века еще существовала. Окончательно она была порвана в XXI веке, и на фрагментах старых градостроительных структур возник новый город.

Процессы, которые происходили в других городах в советское время, аналогичны. Исключения есть, но их немного. Испытания XX века центральная часть Петербурга с большими потерями выдержала; его ансамблевый градостроительный каркас крепок до сих пор. Во многих городах постсоветского пространства истори-

ческие ансамбли еще существуют. Но высотная фоновая застройка существенно меняет их пространственное окружение, нарушая целостность, которая складывалась в течение длительного времени.

В новой столице Казахстана Нур-Султане, казалось бы, должны были возникнуть ансамбли. Но этого не случилось. Нур-Султан похож на парк аттракционов, несмотря на все усилия архитекторов.

Само слово «ансамбль» не употребляется при описаниях новой застройки. Исчезновение понятия из профессионального лексикона симптоматично.

Что же мы наблюдаем? Высотные здания отнимают небо у старых дворцов, соборов, особняков и агрессивно вторгаются в привычные городские силуэты. Природа их такова, что они не могут существовать в одиночку. Соборы – могли. Рядом с одним высотным зданием неизбежно появляются ему подобные. Об одиночных в народе говорят: «палец в небо». Попасть пальцем в небо, как известно, означает сильно ошибиться в чем-либо.

Разрешение построить один небоскреб там, где его силуэт будет вторгаться в систему исторических высотных доминант – градостроительная ошибка. Так было с Охта-центром в Петербурге. Горожане отстаивали право Петропавловского собора царствовать в историческом силуэте города. Небоскреб построили в другом месте.

В Москве иначе. «Компания» высотных зданий «Москва-Сити» занимает значимое место в силуэте центра, соревнуясь с группой «сталинских высоток». Пока «смена власти» в городских силуэтах Москвы еще не произошла, но война уже объявлена, и идет одна атака за другой: город растет ввысь, повторяя судьбу многих больших городов, потерявших исторические силуэты.

Замечено, что новые доминанты более агрессивны, чем прежние. И если высота собора – признание власти Бога и мольба к Всевышнему, то высота стеклянных гигантов – символ власти «золотого тельца», аттракцион, соревнование.

Даже в компании себе подобных небоскребы остаются замкнутыми. «Петь в ансамбле» они не способны, только перекрикивать друг друга. Высотные здания – индивидуалисты. Они отрывают человека от земли, не предлагая на самом деле ничего, кроме вида на окрестности. Вид

в Рис. 4. Улица Горького, Екатеринбург.
 Разновременная застройка

> Рис. 5. Усадьба Терентия Рязанова, Екатеринбург.
 Арх. М. П. Малахов и К. Г. Турской, 1820

с высоты быстро становится обыденным, а головная боль, вызванная колебаниями конструкции – ежедневной. Пожарная безопасность в таких зданиях тоже сомнительна.

В последнее время так сложилось, что когда говорят о градостроительстве, имеют в виду художественную составляющую города, а когда об урбанистике – утилитарную. Урбанисты, как принято считать, заботятся о комфортной городской среде, временами забывая о том, что комфорт – это не только система обслуживания, скамейки, урны, велосипедные дорожки, мощные тротуары и газоны; не только качели и песочницы на старых площадях рядом с памятниками великим деятелям прошлого. История противопоставления утилитарного и художественного очень давняя.

Книга Камилло Зитте «Художественные основы градостроительства», написанная в конце XIX века, начинается так: «Сегодня дискуссии о системах градостроительной планировки принадлежат к числу самых жгучих. Как всегда, мнения расходятся, нередко они до-

ходят до крайних противоположностей. В общем можно отметить признание технических достижений в области транспорта, удачного использования застраиваемой территории и особенно в области улучшения гигиены. Наряду с этим неудачные современные градостроительно-художественные решения вызывают пренебрежение и даже насмешки. Однако это закономерно, так как в техническом отношении достигнуто много, а в художественном – почти ничего. В большинстве случаев великолепные новые монументальные постройки никак не увязываются с разбивкой окружающей территории и неудачной конфигурацией площадей» [4, с. 32]. Эти слова можно сказать и сегодня по отношению к современным городам, переживающим то ли ревитализацию, то ли реновацию...

Стеклянная высотная поросль, как сорняки на полях, появляется в городах, которым противопоказана высотная застройка в исторической части. В отличие от сорняков выполоть ее будет невозможно. Иркутским архитекторам пока удается сдерживать аппетиты застройщиков. Несомненной удачей является реконструкция деревянного 130 квартала. Проект «Иркутские кварталы», предусматривающий сохранение большого массива деревянных домов и исторических высотных доминант в центре Иркутска, несмотря на административные препоны и противодействие крупных застройщиков, реализуется. Город, таким образом, сохранит генетическую связь с прошлым.

В исторической части Екатеринбурга рядом с городским прудом уже выросли стеклянные громады. Одиноким пока пятидесятиэтажный небоскреб «Высокий» подобен Гулливеру в стране лилипутов. Понятно, что со временем большая часть лилипутов исчезнет, и рядом будут построены другие стеклянные высотные сооружения.

В профессиональной среде призывы сохранить, сбегать, отстоять, восстановить раздаются со всех сторон. Архитектурные журналы заполнены гравюрами и фотографиями построек прошлого. Может быть, профессиональное сообщество инфицировано вирусом пассаизма, которым было заражено искусство начала XX века? Болеющие этой аристократической болезнью только в минувшем видят шедевры и равнодушно-враждебно относятся к настоящему и будущему.

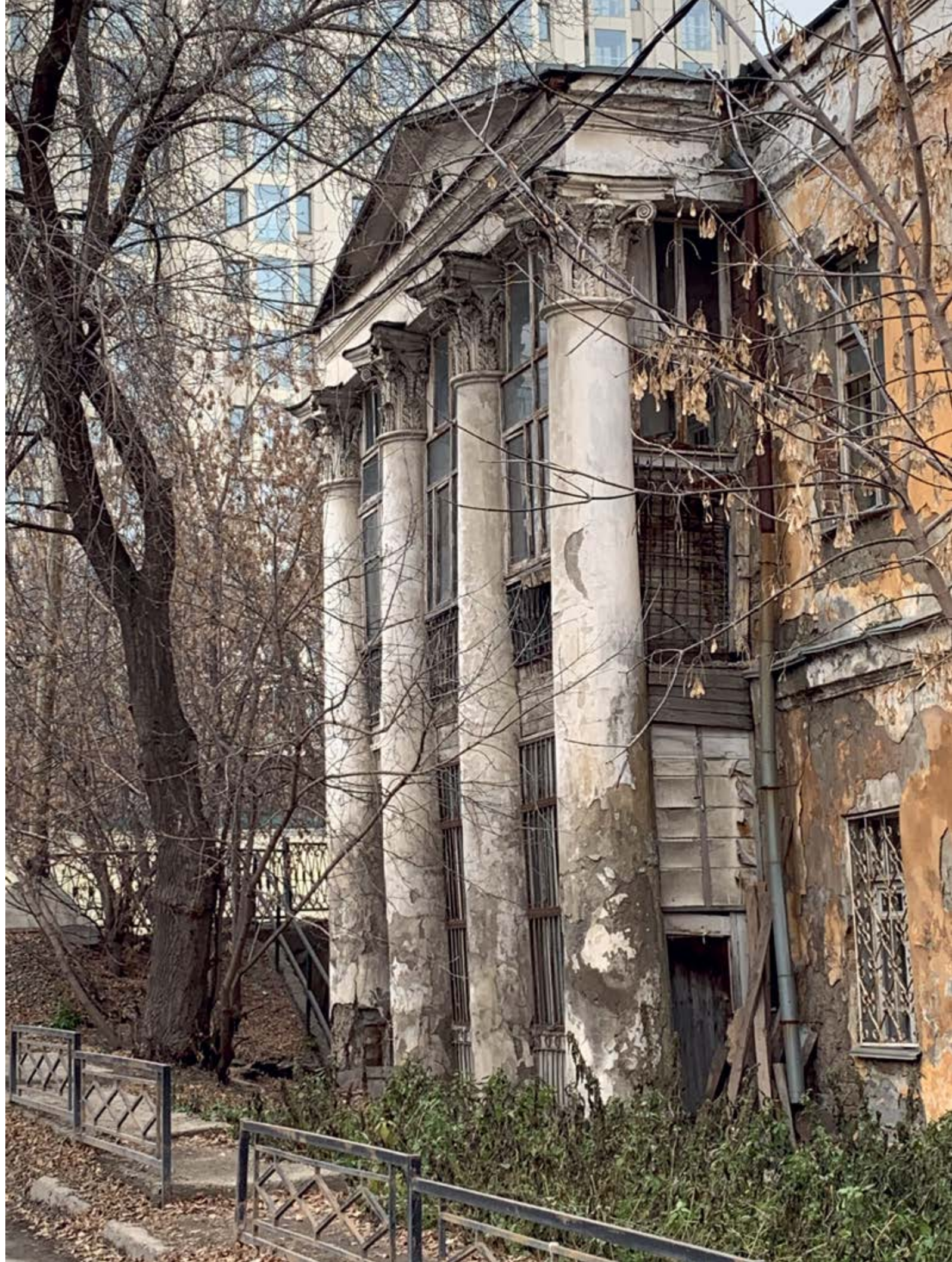
В начале XX века Александр Бенуа ввел в искусствоведение понятие «пассаизм» – страстное желание вернуть к жизни прошлое, «воскресить» его [5]. Пассаизм родственен консерватизму, без которого длинная цепочка наследования культурных ценностей рвется. Он в определенной пропорции свойствен архитектуре любой эпохи. Даже у Корбюзье находят отголоски ордерной архитектуры, есть мотивы Древнего Египта в творчестве Гинзбурга и Леонидова конца 30-х годов XX века [6].

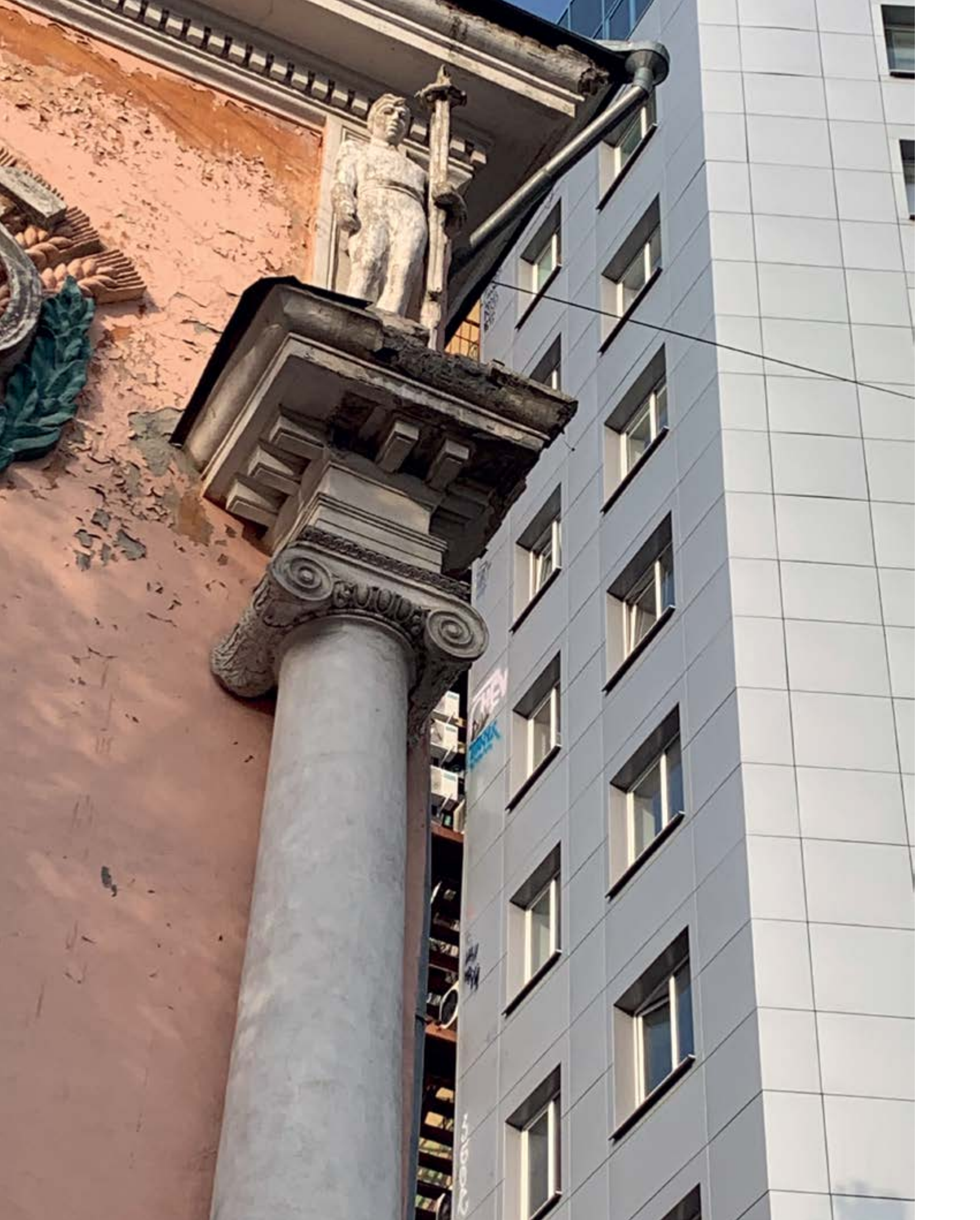
Многие сегодня испытывают горькое чувство утраты, когда сносят старые дома. Но ведь так было не всегда. К старым постройкам относились весьма прагматично и радовались, когда строилось новое. Когда в силуэте города появлялась новая высотная доминанта, это было предметом гордости горожан.

Лишь в начале XIX века стали задумываться о реставрации и сохранении памятников прошлого. Но реставрировать и сохранять хотели только шедевры. Не эта ли тенденция в общественном сознании породила историзм (эклетику) XIX века?

То, что впоследствии было названо рядовой застройкой, сносилось и перестраивалось без слез и сожалений. Сегодня каждый старый дом воспринимается как ценность вне зависимости от его архитектурных достоинств и состояния. Руинированные останки, прикрытые баннерами, вызывают чувство грусти и ностальгию по «старым добрым временам». Власти, очарованные идеей создания

«комфортной безбарьерной среды» и количеством квадратных метров в новостройках, искренне не понимают, почему люди хотят сохранить «эти гнилушки».

Может быть те, кто принимает решение о сносе – варвары? Думают только об экономической стороне дела и собственной выгоде? Мне кажется, дело намного сложнее.

О построенном в конце XX – начале XXI века лестно не отзываюся ни архитекторы, ни горожане. Особенно много нареканий получают многоэтажные жилые дома, которые иначе как «человейниками» не называют. И получается, что красивой, уютной, теплой большинству горожан представляется историческая застройка. Власти же озабочены утилитарной стороной дела.

Приспосабливать к потребностям современной жизни то, что было построено в прошлом, очень проблематично. Сохранить старую функцию для двух-трехэтажных домов XIX века почти невозможно. Музеи, кафе, офисы в старинных особняках постепенно изменяют их. Сначала изнутри, потом и снаружи. Музеефикация омертвляет. Гетерохронные коллажи, так ныне популярные, редко выглядят удачно.

Оставлять прежнюю функцию исторических строений удается крайне редко. И в то же время историческая городская среда, если она сохраняется и превращается в заповедник, очень привлекательна. Такие заповедники необходимы городу как больницы, дома отдыха и санатории. Утрата их означает фиксацию окончательного разрыва в цепи поколений. Осознание этого разрыва подобно переживанию, связанным со смертью родителей. Сами собой такие «заповедники» складываются редко. Не всегда удается так перестроить транспортную систему города, чтобы уменьшить нагрузку на районы с исторической застройкой. Ограничение высотности новых зданий, неизбежно появляющихся на исторических территориях – проблема, требующая изменений в градостроительном кодексе и так далее, и так далее, и так далее. Немаловажным является и вопрос о стилистике новых зданий. «Проектирование в исторических стилях» представляется тупиком.

Сносили старое и строили новое на том же месте всегда. Кто бы осмелился сегодня назвать варваром Василия Баженова, если бы он построил Большой Кремлевский дворец? Мы бы восхищались этим дворцом, и историки рассказывали бы нам, что было некогда на его месте. Вряд ли кто-то бы сильно сожалел о снесенных постройках.

Чтобы построить дом на Моховой по проекту Жолтовского, пришлось снести несколько исторических сооружений. Назвать Жолтовского варваром осмелится разве только Дмитрий Хмельницкий. Кстати, когда Жолтовского спросили, какие дома в Москве можно снести без ущерба для художественного облика города, он назвал достаточно много объектов XIX века, которые, по его мнению, были недостаточно гармоничны. За эти слова его сейчас некоторые осуждают: как мог такое сказать тонкий ценитель классической архитектуры? Да потому и мог, что был ценителем Классической Архитектуры, а все что, не укладывалось в его представления о Классике, ценности для него не имело.

Можно предположить, что причина возникновения разрыва между старой и новой застройкой – не только высотность и принципиальный отказ от классических принципов построения ансамблей, но еще и резкая смена материалов и фактур. Камень и дерево – материалы, рожденные планетой, сменились искусственными, гомогенными – стеклом, металлом, пластмассой. Но в сознании людей Архитектура – «вещь из камня» [7]. Можно высказать предположение, что генетическая градостроительная цепочка была устойчивей, пока стили менялись, но материалы, из которых строились города, оставались

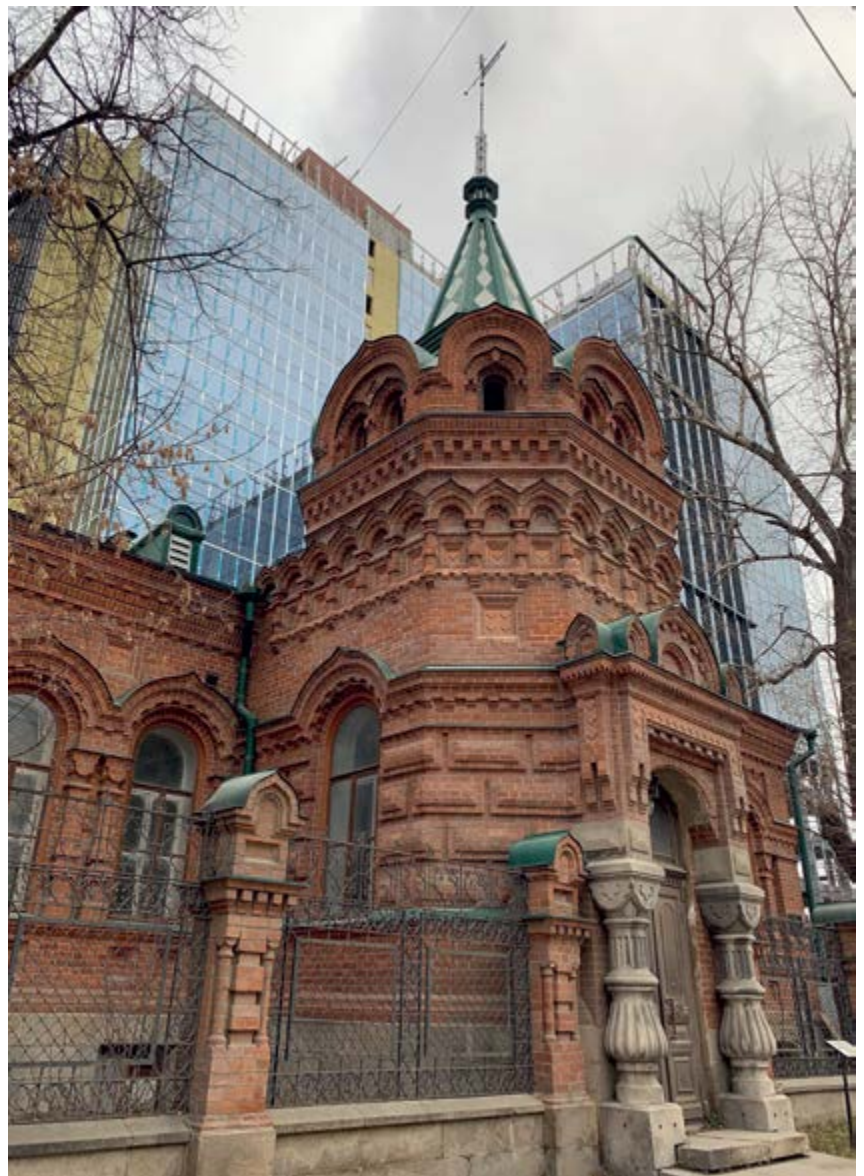
природными. Даже конструктивистские постройки, как они ни старались прикидываться стеклянно-бетонными, были сложены из кирпича и имели каменные цоколи. А потому со временем «вросли» в ткань «каменного» города.

Сегодняшняя архитектура принципиально не каменная и не деревянная. Легкие гомогенные литые материалы хороши и удобны, но они искусственные и воспринимаются как аморфные и холодные, а любой камень уникален, и время его жизни исчисляется миллиардами лет. Камни, из которых построены города, помнят руки людей предшествующих поколений. Каменные колонны и отесанные блоки веками кочевали из одной постройки в другую. Тому, кто правильно спрашивает, они многое могут рассказать. Камни разбрасывали и собирали вновь.

Развалины древних городов притягивают. Они подобны древним кладбищам с памятниками, на которых едва видны надписи. Есть в разбросанных камнях мертвых городов нечто такое, за что люди сражаются и умирают.

в Рис. 6.
Усадьба А. А. Железнова,
Екатеринбург.
Арх. Ю. О. Дютель.
1892–1895.
Рядом современные
высотные здания

< Рис. 7. Малага, Испания.
Собор и новая застройка

> Рис. 8. Дом в разрезе.
Рис. С. Эйзенштейна. 1913

О бесконечно меняющихся городах, построенных из легких синтетических материалов, мечтали фантасты начала XX века. Их фантазии реализовались в начале XXI века.

Новые каркасно-стеклянные дома и легкие конструкции общественных зданий из гомогенных материалов изменили не только облик городов, но и нормы поведения людей [8, с. 148]. Эту тенденцию заметил еще в 1920-х годах Сергей Эйзенштейн, когда города еще были каменными и деревянными, а архитектура предшествующих поколений жила полноценной жизнью.

В 1930-е годы в Голливуде он задумал снять фильм «Стекланный дом» – антиутопию с действием, развивающимся на этажах с прозрачными стенами и полом. Ничего хорошего из затеи со стекланным домом не получилось. Главный герой – поэт кончает жизнь самоубийством, кое-кто из жильцов сходит с ума [9]. Этот фильм мыслился как ответ на появление модных стеклянных сооружений немецких архитекторов Бруно Таута и Людвиг Миса ван дер Роэ. Бруно Таут считал, что стеклянные здания изменят визуальное восприятие людей и тем самым установят особые отношения между человечеством и Вселенной. Мир прозрачных сооружений поможет в создании открытых отношений и разрушит различия между общественным и частным» [10].

Эйзенштейном была очень точно подмечена нарождающаяся тенденция десакрализации сексуальных отношений и разрыва человеческих связей. Плотность городского населения и прозрачность архитектуры эту тенденцию сегодня усилили.

«Стекланный дом» по сценарию Эйзенштейна можно было бы снять и на основе современного материала. Действие могло бы разворачиваться в высотном стеклянном доме-человейнике.

Художественная литература, поэзия и кинематограф всегда четко фиксировали настроения людей и влияние на общество архитектурного окружения. Лет сорок назад культовыми книгами были депрессивные романы Селинджера и Бёлла, пророческая фантастика братьев Стругацких. Сегодня читают книжки-однодневки типа фантастического романа Ив Престон «Потерянные поколения» [11] о мире, утратившем свое прошлое. О войне,

которая то ли началась, то ли не началась, но уже затронула жизнь каждого. О городе, в котором невозможно уединиться, о бесконечной детской эпидемии, с которой не могут справиться. Появление романа симптоматично. Современные театральные спектакли, шокирующие зрителя, тоже об этом – о потерянном мире, об идиотизме жизни в «умном» прозрачном городе. На самом деле ни читать, ни смотреть подобные произведения не хочется. Катарсиса они не вызывают.

Так что же делать, чтобы окончательно не «порвалась связь времен»? Без уважения к истории своего рода, города, страны с этой задачей не справиться. Без уважения к архитектуре прошлого тоже ничего не выйдет. А для начала стоило бы убрать латиницу с городских вывесок и перестать мечтать, чтобы «в России было как в Европе». В России должно быть как в России, с уникальной архитектурой, историей, национальным характером.

Литература:

1. Шекспир, У. Гамлет, принц датский. – URL: <https://rustih.ru/shekspir-gamlet/> (дата обращения: 21.01.2021)
2. Не дай вам Бог жить в эпоху перемен. – URL: <https://ipmisa.livejournal.com/271538.html> (дата обращения: 20.01.2021)
3. Гутнов, А. Э. Лежава, И. Г. Будущее города. – Москва : Стройиздат, 1977. – 128 с. : ил.
4. Зитте, К. Художественные основы градостроительства (пер. с нем. Я. А. Крастиньша). – Москва : Стройиздат, 1993. – 255 с. : ил.
5. Бенуа, А. Н. Живопись, воспоминания, размышления. – Гл. 23. Моя собственная особа. – URL: http://benua.su/b1_p1_g23_4 (дата обращения: 20.01.2021)
6. Завадовский, П. Иван Леонидов и стиль «Наркомтяжпром» // – Проект Байкал. – 2019. – № 62. – С. 112–119
7. Иосиф Бродский. Архитектура. – URL: <https://www.culture.ru/poems/30620/arkhitektura> (дата обращения: 19.01.2021)
8. Багина, Е. Стекланная революция и странники виртуального мира // Проект Байкал. – 2015. – № 46. – С. 148–153
9. Клейман, Н. Неосуществленные замыслы Сергея Эйзенштейна. – URL: <http://www.screenwriter.ru/cinema/62/> (дата обращения: 21.01.2021)
10. Колина, Л. Берлин и стеклянные замки Сергея Эйзенштейна. – URL: <http://berlinetz.org/zhzl/73-berlin-i-steklyannye-zamki-sergeya-eizenshteyna.html> (дата обращения: 21.01.2021)
11. Престон, И. Потерянные поколения – URL: <https://www.livelib.ru/book/1001478049-poteryannye-pokoleniya-iv-preston> (дата обращения 18.01.2021)

References

- Bagina, E. (2015). Glass revolution and wanderers in the virtual world. Project Baikal, 12(46), 148-153. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.46.968>
- Benua, A. N. (n.d.). Zhivopis, vospominaniya, razmyshleniya [Paintings, memoirs, reflections]. Retrieved January 20, 2021, from http://benua.su/b1_p1_g23_4
- Brodsky, J. (n.d.). Arkhitektura [Architecture]. <https://www.culture.ru/poems/30620/arkhitektura>
- Gutnov, A. E., & Lezhava, I. G. (1977). Budushchee goroda [The future of the city]. Moscow: Stroizdat.
- Kleiman, N. (n.d.). Neosushchestvlennye zamysly Sergeya Eizenshteina [Unrealized ideas of Sergey Eisenstein]. <http://www.screenwriter.ru/cinema/62/>
- Kolina, L. (2013, January, 27). Berlin i steklyannye zamki Sergeya Eizenshteina [Berlin and glass castles of Sergey Eisenstein]. Berlinetz. <http://berlinetz.org/zhzl/73-berlin-i-steklyannye-zamki-sergeya-eizenshteyna.html>
- Ne dai vam Bog zhit v epokhu peremen [May you live in a time of change]. (2020, March 18). Livejournal. Retrieved January 20, 2021, from <https://ipmisa.livejournal.com/271538.html>
- Shakespeare, W. (n.d.). Hamlet, prints datskii [Hamlet, Prince of Denmark]. Rustih. <https://rustih.ru/shekspir-gamlet/>
- Sitte, C. (1993). Khudozhesvennyye osnovy gradostroitelstva [Artistic foundations of urban planning] (Ya. A. Krastinsh, Trans.). Moscow: Stroizdat.
- Zavadovsky, P. (2019). Ivan Leonidov and the “Narkomtyazhprom” Style. Project Baikal, 16(62), 112-119. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.62.1544>

Идея точечного, малобюджетного и неразрушающего воздействия на «городской организм» очень привлекательна. Но реальный положительный эффект здесь возможен только при глубоком понимании особенностей города, его генетики и текущего состояния. Необходимо точно определить фрагмент городской ткани, обладающий наибольшим потенциалом.

Как показывает отечественный и международный опыт, городская акупунктура, воздействуя на наиболее чувствительные точки должным образом, способна дать яркие положительные эффекты: реанимацию депрессивных зон, активизацию бизнес-процессов, оздоровление городской среды.

Общественные пространства и есть места, где горожанин чувствует связь с родным городом на генетическом уровне. Или должны быть таковыми. В поисках генетического кода – города Байкальского региона Сретенск, Борзя, Хужир и Тулун. Пермские ученые выбирают геокультурную стратегию для Верещагино, а новосибирские – исследуют южноалтайские крестьянские поселения старообрядцев.

Елена Григорьева

городская акупунктура / urban acupuncture

The idea of a punctual, low-budget and nondestructive intervention into the “urban organism” looks attractive. But a real positive effect is possible only given a deep understanding of the city’s specific features, genetics and current state. It is necessary to identify the fragment of the urban fabric that has the greatest potential.

As the national and international experience shows, urban acupuncture, properly affecting the most sensitive points, can give extraordinary positive effects: to revitalize depressive areas; to activate business processes, to make the urban environment healthier.

Public spaces are the places where citizens feel their relationship with the city on a genetic level. Or they should be such. The towns of the Baikal region, Sretensk, Borzya, Khuzhir and Tulun are looking for a genetic code. Perm scientists are choosing a geocultural strategy for Vereshchagino, and Novosibirsk researchers are studying settlements of Old Believers in the southern Altai.

Elena Grigoryeva

В статье обосновывается тезис о прикладном, практическом характере генетики города (как и генетики в целом). Рассмотрено несколько примеров из практики управления развитием городов в различных регионах. Сделан вывод о том, что метод городской акупунктуры может быть эффективным только случае, если проект точечного воздействия опирается на образы города, генетически заложенные в его историю и структуру. Ключевые слова: архитектура; урбанистика; развитие городов; городская акупунктура; генетика города. /

The article substantiates the thesis about the applied, practical nature of city genetics (as well as genetics in general). Several examples from the practice of urban development management in various regions are considered. It is concluded that the method of urban acupuncture can be effective only if the project is based on the images of the city genetically embedded in its history and structure.

Keywords: architecture; urban studies; urban development; urban acupuncture; city genetics.

Генетика и чжэнь-цзю-терапия города / Genetics and the zhen zhu therapy of the city

текст

Елена Булгакова
Константин Лидин /
text
Elena Bulgakova
Konstantin Lidin

Введение

У слова «генетика» причудливая и разноречивая биография. Эта относительно молодая наука успела побывать и идеологическим врагом советской власти, и надеждой всего человечества, и таинственной угрозой в виде генно-модифицированных монстров... Между тем реальная генетика была и остается прежде всего областью прикладной, практически направленной. В ней гораздо больше черт инженерии, интуитивных хитростей и случайных изобретений, чем красивых теорий или логически выверенных моделей.

Генетика города – также прикладная дисциплина.

1. Кейс Холма сокровищ. Забытые ветераны в экологии города

Прошлый, XX век оказался богат на войны и революции, но гражданская война в Китае продлилась рекордные 23 года. Впервые китайские коммунисты столкнулись с националистической партией Гоминьдан в 1927 году. Вооруженные столкновения продолжались с переменным успехом вплоть до второй мировой войны, которая для Китая началась нападением Японии в 1937 году. Значительная часть страны оказалась в зоне японской оккупации и подверглась свирепым репрессиям и массовому уничтожению мирного населения (по масштабам потерь в этой войне Китай держит печальное второе место после СССР). Перед лицом общей беды коммунисты и националисты объединились и повели партизанскую борьбу с захватчиками. Однако как только Вторая мировая окончилась, гражданская война вспыхнула с новым ожесточением и окончательно завершилась лишь в 1950 году. В конце 1949 года генералиссимус Чан Кайши с двумя миллионами последователей и значительной частью китайской казны перебрался на остров Тайвань и укрепился на нем. Образовалась частично признанная Китайская республика, которая фактически владеет островом и сегодня, хотя правительство материкового Китая с этим категорически несогласно.

Ветераны армии Чан Кайши, в отличие от партийных функционеров, в основном были оставлены на произвол судьбы, без пенсий и какой-либо поддержки правительства. В столице Тайваня Тайбэе они образовали район

компактного проживания, «Холм сокровищ» (Баозанг Йан), более известный в английском варианте названия «Treasure Hill». Община образовалась в результате сквота – самовольного захвата недвижимости, и внутри нее за несколько десятилетий сформировался совершенно особый уклад жизни. Больше полувека община была предоставлена сама себе, но город богател и расширялся, и, наконец, муниципалитет обратил внимание и на этот забытый кусок городской земли.

В 2005–2007 гг. мэрия Тайбэя приняла решение о перестройке квартала, для чего был приглашен финский архитектор Марко Касагранде. Обследование квартала показало, что за прошедшие десятилетия в нем сложилась уникальная субкультура, основанная на переработке городских отходов. Жители квартала выработали удивительный комплекс технологий, позволяющих существовать за счет сортировки и утилизации отходов, компостировании органического мусора и фильтрации городских стоков с крайне экономным расходом электричества (в основном украденного из городской сети). Собирая и перерабатывая городские отходы, жители Холма сокровищ полностью обеспечивали себя продуктами огородничества и садоводства и даже ухитрялись продавать плоды своего труда на частных рынках.

Касагранде выступил с предложением сохранить своеобразную локальную культуру общины Treasure Hill: «Для экологической городской лаборатории мне не нужно было ничего делать, она уже была там. Что я сделал, так это построил деревянные лестницы и связи между разрушенными домами и некоторыми убежищами, чтобы старики могли играть в маджонг и пинг-понг» [1, перевод авторов].

Энтузиазм горячего финского архитектора принял формы эмоциональных, почти публицистических выступлений. «Это было время, в октябре 2003 года, когда я впервые попал в Холм сокровищ – поселение недалеко от Гунгуана. Я был шокирован Treasure Hill. Это был анклав городской фермерской общины внутри современного города, в основном управляемый бабушками. К тому времени Treasure Hill умирал. Официальный город приговорил это незаконное поселение к смертной казни, и снос бульдозерами уже начался. Фермы превращались

^ Район Холм сокровищ, Тайбэй, Тайвань. Такие микроскопические садики и огородики в огромном количестве рассыпаны по всему району. Они обрабатываются вручную, и все вместе образуют мощную систему переработки органических отходов в продукты питания

> Примерно так выглядело столкновение современного жителя Тайбэя с бабушками-анархистками в районе Холма сокровищ. Рисунок с сайта, посвященного проектам Марко Касагранде и группы Архитизер. – URL: <https://architizer.com/projects/taipei-organic-acupuncture/>

в газоны, а фермеров переселяли в многоэтажные дома. Повсюду витал запах медленной смерти. Но энергия не покидала места. Оно было повсюду: в развалинах снесенных бульдозерами зданий, в мебели, алтарях и фотоальбомах заброшенных жилищ и в анархии незаконных садилов у реки. Еще оставшиеся жители были напуганы. Я чувствовал очень сильную человеческую энергию в Treasure Hill, но теперь она была направлена на смерть, разрушение. Мне нужно было составить план, как направить эту же энергию на строительство; например, переворачивать компост, который был самой неприглядной частью этой «фермы», чтобы он просто стал наиболее плодородным верхним слоем почвы. Я старался манипулировать этими скрытыми потоками энергии, и маленькие элементы, которые я ввел в Treasure Hill, можно сравнить с иглами в акупунктуре. Я назвал это городской акупунктурой» [1].

За прошедшие годы Холм сокровищ из маргинального сквота превратился в знаменитый на весь мир урбанистический эксперимент и самый посещаемый туристами объект Тайбэя. Заметим, что широкая известность имеет и обратную сторону. Сегодня проект подвергается критике из-за вторичных процессов, которые происходят в общине. Став модным и популярным, квартал утратил свою «анти-элитарность» и подвергся джентрификации: традиционные жители его покидают, а их место в основном замещается преуспевающими представителями артистических профессий и прочими представителями класса «средний плюс». Субкультура, обладающая уникальным опытом в сфере городской экологии, может быть утрачена.

Между тем термин «городская акупунктура» приобрел популярность и стал широко употребляться по отношению к множеству проектов повышения комфортности городской среды малыми и недорогими локальными вмешательствами. На авторство термина также претендует барселонский архитектор Мануэль де Соло Моралес. В 2008 году он опубликовал книгу «Сущность вещей» (Matter of Things), в которой провел развернутую аналогию между китайской моделью «меридианов энергии ци» в человеческом теле и городом [2].

^ Один из «меридианов» и акупунктурные точки на нем. Иллюстрация из средневекового китайского трактата по чжэнь-цзю-терапии. На рисунке видно, что точки «хе» обозначены довольно большими зонами. Конкретную точку для укола, массажа или прижигания врач выбирает, опираясь на развитую интуицию и чувствительность к движениям энергии ци

^ На каждого жителя Куритиба приходится рекордные 54 м² парков, причем каждый из них – это настоящая экосистема. Небольшое стадо капибар пасется в парке Бариги. Фото Luciana Calvin / Getty

2. Кейс Куритиба. Сельский регион и его новаторская столица

Наиболее часто с понятием городской акупунктуры ассоциируется имя Жаиме Лернера, губернатора бразильского штата Парана и многолетнего мэра столицы этого окраинного сельскохозяйственного штата – города Куритиба.

Жаиме Лернер занял пост мэра в начале семидесятых годов, через несколько лет после военного переворота в Бразилии. К этому времени масштабный проект правительства президента Кубичека – новая столица Бразилии по проекту Луиса Коста и Оскара Нимейера – уже десять лет, как служил вызовом традиционному хаосу латиноамериканских городов. Но до отдаленных провинций эти передовые веяния еще не доходили. Когда Лернер принял пост мэра, Куритиба демонстрировала полный набор типичных проблем стихийно растущего города. Волны мигрантов из разоренной послевоенной Европы в сороковые – пятидесятые года вызвали рост населения города со 140 до 360 тысяч. Передовые технологии выращивания соевых бобов (основная культура региона) выдавливали людей из деревень в город. Окраины Куритибы обрастали фавелами, а центр задыхался от обилия автомобилей.

Первый же проект Лернера в полной мере показал решительность и мощную политическую волю этого человека, с виду – круглого, забавного толстяка с манерами мультипликационного Карлсона. Предыдущий мэр Иво Арзуа сразу после переворота 1964 года инициировал разработку комплексного градостроительного плана развития Куритибы, и даже финансировал создание Куритибского института исследований и городского планирования (IPRUC). Прошло почти десять лет. В институте что-то исследовали, раскрашивали бумагу и составляли отдаленные планы без какого-либо практического выхода.

Жаиме Лернер со своей новой командой принял решение превратить одну из главных торговых улиц города Rua Quinze de Novembro в пешеходную и реализовал это решение в течение 48 часов, за одни выходные. В понедельник хозяева магазинов обнаружили, что обычный порядок работы невозможен: к дверям их торговых точек

больше нельзя подъехать на машине, погрузить покупки и уехать. Они пришли в ярость и стали готовить судебный иск, но через несколько дней обнаружили, что объемы продаж заметно выросли. Пешеходы заходили в магазины «по пути» и делали спонтанные покупки гораздо чаще, чем автомобилисты. Решение Лернера оказалось выгодным для всех, и он продолжил свои решительные действия по благоустройству города.

Через двадцать лет Куритиба снискала славу полигона новаторских урбанистических решений и самого зеленого города в мире [3]. Множество смелых и успешных экспериментов в управлении городом обеспечили Лернеру мировую известность в качестве идеолога, автора и пропагандиста творческих подходов в практической урбанистике. В книге «Городская акупунктура» он излагает свои взгляды в хлесткой афористичной манере, особенно упирая на развитие общественной транспортной системы и точечные, малобюджетные проекты. «Креативность начинается, если убрать один ноль из суммы бюджета, – говорит Лернер. – А устойчивое развитие получается, если убрать два нуля». Или так: «Автомобиль в городе – как теща. Можно ее любить и уважать, но если вы ей только позволите, она примется командовать всем домом» [4, 5].

К сегодняшнему дню городская акупунктура превратилась в один из самых популярных подходов в управлении развитием городов, но, как это часто случается, теоретическое осмысление метода сильно отстает от практики. Городская акупунктура применяется по всему миру – от Западной Европы и США до Китая и Египта [6], но результаты ее применения в каждом проекте больше зависят от интуиции конкретного архитектора, автора проекта. Попытки теоретического обоснования метода сводятся к набору метафор. Мануэль Касагранде рассматривает города как организмы, в которых различные перекрывающиеся слои потоков определяют действия граждан и их влияние на развитие города. Смешивая экологизм и городской дизайн в методе точечного манипулирования потоками городской энергии, он стремится к созданию экологически устойчивого городского развития в направлении «Города третьего поколения». Город третьего поколения – это органические руины промышленного города постиндустриальной эпохи. Современный город осознается не как комплекс объектов и инфраструктур, но как сложный многокомпонентный социум, более сходный с природным биоценозом, нежели с механизмом.

Понимание Мануэлем де Сола Моралесом городской акупунктуры включает восприятие проекта как средства преобразования смысла территории. Действовать проколами, надавливаниями, инъекциями – значит распределять энергию по коже. Именно «эпидермис» городских тканей позволяет нам трансформировать внутренний метаболизм его организма. Это городская ткань, которая передает нам в своих наиболее чувствительных точках и наиболее нейтральных зонах качественную энергию, которая накапливает коллективный характер в определенных пространствах, наполняя их комплексным значением и культурными ориентирами и делая их семантическим материалом, социальными конструкциями коллективной памяти. Независимо от их размера, момента или функции, урбанистические формы наделяют город тем богатством значений, которое человеческая мысль способна произвести в своем стремлении овладеть экономическим и социальным процессом – урбанизацией – и придать ему выбранную форму и образ.

Наконец, для Жаиме Лернера разделение видов деятельности, связанных с жизнью, работой и отдыхом в мегаполисе, приводит к появлению кварталов, которые «умирают» и «оживают» в суточных, недельных, годовых

ритмах. Метод городской акупунктуры связан со смешиванием и интеграцией совместимых городских функций для того, чтобы исключить эти умирающие элементы. Интеграция функций происходит в ключевых точках города. Обычно ключевыми точками являются общественные места – площадь, музей, улица, набережная и т. д. Это понятно, потому что общественные здания и общественные места служат большому количеству людей и могут быть эффективнее отдельных зданий и частных пространств. Однако при этом крайне важно сохранять целостный взгляд на город. Лернер сравнивает город с черепахой, облицовывающей жизнь, труд и движение (черепаший панцирь действительно напоминает план города). Если панцирь черепахи разделить на части, она будет сильно огорчена и даже может погибнуть, говорит Лернер [7].

Заметим, однако, что далеко не все точечные воздействия на городской организм вызывают положительный эффект. Зачастую проекты благоустройства городской среды остаются без поддержки жителей и, как следствие, быстро приходят к упадку и разложению. Не редкость и такие ситуации, когда проект, прекрасно выглядевший в чертежах и макетах, при реализации вызывает отторжение, и вместо оздоровительного эффекта в городском организме получается некий аналог воспаления, нарыва или паралича.

3. Китайская медицина и западный менталитет

Насколько оправдана аналогия городского метаболизма и модели «движения ци»? Обратимся к первоисточнику. Акупунктура (иглоукалывание), как и акупрессура (точечный массаж) и игнипунктура (прижигание) – группа методов традиционной восточной медицины, известная также под названием «чжэнь-цзю-терапия». Суть ее в том, что болезнь рассматривается как образование разрывов, пустот на путях движения жизненной энергии «ци». Такие «дырки» обозначаются иероглифом ㄩ («хе»), другое произношение «ка»), и это одна из древних идеограмм, входящая в «ключ Канси» (список из 116 наиболее простых первичных элементов, из которых складываются более сложные современные иероглифы). Его основное значение – «пещера», и сам иероглиф отчетливо несет следы исходной пиктограммы, изображающей два камня и щель между ними. В современном китайском языке иероглиф означает всякого рода пустоты, а в переносном смысле – недостаток, дефицит [8].

Применяя образ к организму города, можно сформулировать сущность городской акупунктуры как воздействие на такие точки, где прервано естественное течение жизни: образовалась пустота или застой там, где должен биться живой пульс потока событий.

Как будто все ясно и понятно. Проблемы начинаются, когда заходит речь о точной локализации именно таких «точек хе». Их размер в человеческом организме невелик, порядка долей миллиметра, поэтому укол, давление или прижигание должны быть направлены очень precisely – иначе положительного эффекта не будет.

Обучение врача в традиционной китайской культуре основывалось на развитии интуиции и обостренной чувствительности к потокам жизненной энергии. Книги и манекены с нанесенными на них картами «меридианов» и точек для акупунктуры в действительности служат лишь приблизительной подсказкой. В каждом конкретном случае врач должен выбрать точку для воздействия с учетом возраста, общего и текущего состояния, настроения пациента, а также времени года, погоды, расположения звезд и так далее. Учесть все эти параметры (значительная часть которых носит расплывчатый и приблизительный характер) рациональными методами невозможно. Врач находит точку воздействия «наощупь», используя тренированную фантазию, отождествляясь с пациентом и сосредоточенно прислушиваясь к ритмам гармонии

окружающего мира. Все это категорически противоречит основным парадигмам западной «доказательной медицины», в которой врач больше доверяет показаниям приборов и анализам, чем своей интуиции [9].

Такие же приемы используются в методах фэн-шуй – еще одном элементе традиционной восточной культуры, который подвергся радикальному искажению при переносе на западную почву и превратился в собрание мистических ритуалов. «Вульгаризованный фэн-шуй» дорогой ценой достигает согласия с западным менталитетом, теряя главную сущность исходного метода. Точно так же чжэнь-цзю-терапия зачастую становится модной игрушкой и лишается реальной целительной силы в процессе вестернизации.

Переходя на язык западной позитивной науки, можно сказать, что акупунктурное воздействие заключается в восстановлении динамического гомеостаза городского организма, динамического равновесия информационных потоков внутри него. Общая теория подобных систем очень молода [10]. Преждевременно говорить о каких-либо формализованных, четких и проверенных рецептурах ее использования. Поэтому сегодня городская акупунктура – это в большей степени искусство, чем технология, и ключевым, необходимым и решающим элементом в ней является личность зодчего, его талант, восприимчивость и творческая добросовестность.

4. Кейс Иркутска. Историческая лестница в городе дорог

Анализируя удачные примеры применения городской акупунктуры, можно выдвинуть предположение о том, что успех приходит в случае тщательного и доброжелательного погружения в историю города, в его генетику. Рождение города и его родители-основатели навсегда оставляют след в дальнейшей судьбе городского организма – пусть даже эта судьба извилиста и противоречива.

Иркутск был основан на скрещении торговых путей. Пути пролегали между Севером с его пушными богатствами и Югом, где пушнина играла роль конвертируемой валюты, между Востоком с передовыми технологиями Китая и растущими рынками Запада. В геномике города отпечатались хромосомы бродяг и номадов, переносчиков и посредников между разнородными культурами. Те периоды в истории города, когда Иркутск богател и приобретал столичный блеск, связаны с волнами миграции, строительством больших дорог, освоением диких земель. Периоды застоя и упадка – это периоды, когда городу пытались навязать чуждую ему статичную роль крепости или промышленного центра. Суть города – не строения, а дороги, каналы движения жизненной энергии [11]. Точки «хе» в организме Иркутска – это точки, в которых близорукая жадность застройщиков или рабское мышление чиновников перегородили потоки «ци».

Ярким примером такой проблемной ситуации может служить история одного объекта, небольшого по размерам в масштабе города, но значимого по своему содержанию.

Иерусалимская лестница была построена в середине XX века, в период бурного расцвета Иркутска как культурного и научного центра, в период рождения иркутской архитектурной школы и масштабной реконструкции города. Лестница заменила собой грунтовую тропинку в качестве главного пути к Центральному парку культуры и отдыха, (который, в свою очередь, получился в результате «переосмысления» самого старого в Иркутске двухсотлетнего кладбища).

В структуре города лестница усиливает длинную ось от центра (места слияния Ангары и Иркуты, оно же место высадки первых поселенцев) в направлении Байкала, связывая нижнюю часть города с нагорной. В проектах иркутских шестидесятников этой линии в направлении

> Иерусалимская лестница в Иркутске накануне реконструкции

запад-восток придавалось особое значение. Она получила название «Байкальского луча» и статус главной оси развития города, а Иерусалимская лестница, располагаясь параллельно улице Байкальской, становилась участником основного потока жизненной энергии в направлении великого озера [12].

В постсоветский период старинное кладбище переживает не лучшие времена. На его территории то пытаются расположить парк аттракционов и зоогаерею, а то и вовсе обсуждают варианты застройки этой ценной земли очередным элитным комплексом. Иерусалимская лестница «зарастает» случайными постройками – торговыми павильонами (особенно та ее часть, которая выходит к Центральному рынку), частными хозяйственными постройками, просто заваливается мусором... В потоке жизненной энергии возникает недостача, дефицит потока – дыра, пустота, «хе».

В 2016 году иркутские архитекторы проводят инициативную разработку проекта точечного воздействия – восстановления лестницы в качестве общественного пространства. К счастью, подрядчик проникся идеей проекта и пошел навстречу архитекторам. Торговый павильон, перегородивший подход к лестнице, был снесен. Удалось отстоять необходимость использования качественных натуральных материалов – вместо дешевой плитки (на которой настаивало строительное лобби в предвидении новых подрядов на ее замену через пару лет) использовался гранит. Нижняя часть лестницы была набрана палубной рейкой из сибирской лиственницы. Эта легендарная древесина очень трудоемка в обработке и требует внимательного соблюдения технологии обращения с ней, но зато с годами становится все прочнее, а за двести-триста лет приобретает почти каменную крепость. Материалы и конструкция объекта изначально приспособлены к большим потокам людей и событий.

Нельзя сказать, что экономия и «отрезание нулей от бюджета» были приоритетной целью проекта. Вероятно, проект можно было бы сделать дешевле. Безусловным приоритетом было оздоравливающее, целебное воздействие на городской метаболизм. Искушение дешевизны было преодолено ради ощущения достоинства, самоуважения города и горожан. Горожане оценили проект

адекватно: интерес к нему обнаружился еще на этапе строительства, а теперь лестница устойчиво держит роль пространства для разнообразных культурных событий, выставок, концертов, праздников. Вслед за лестницей, раскупорившей пробку, началась и реконструкция мемориального комплекса на горе. Отзывы о проекте положительные, доходящие до восторженных – так что авторы проекта пребывают в надежде, что в ближайшем будущем и важнейший меридиан города, «Байкальский луч» так не случайно и успешно подчеркнутый 130-м кварталом, будет последовательно освобождаться от загромождений, тромбов и прочих «точек хе» на всем своем протяжении [13].

Заключение

Расшифровка человеческого генотипа – долгая, трудоемкая и дорогая операция. Вероятно, понять генетику города ничуть не проще и не легче. Но в тех случаях, когда талант и упорство все-таки позволяют провести такую расшифровку, появляется возможность благотворного воздействия на организм города небольшими, точечными проектами. Забытый район Тайбэя становится знаменитым на весь мир образцом городской экологии. Торговая улица Куритиба, столицы сельскохозяйственного штата возвращается к своему патриархальному пешеходному состоянию. Заваленные мусором переулки в Каире превращаются в культурный центр, а руины исторической лестницы в Иркутске оживают в новом качестве общественного пространства.

Генетика города – прикладная, практически ориентированная дисциплина. Ее необходимо изучать, приспособив открытия Востока к менталитету Запада и раздвигая границы западного мышления на восток [14]. Возможно, тогда в палитре методов зодчего появятся приемы осознанного точечного, не требующего больших ресурсов, но микрометрически выверенного воздействия на городской организм. И наши города станут более здоровыми и полными жизни.

Литература

1. Casagrande M. Urban Acupuncture – Treasure Hill. – URL: https://www.researchgate.net/publication/216563643_Urban_Acupuncture_-_Treasure_Hill (дата обращения: 22.01.2021)

2. de Solà-Morales M. *A Matter of Things*. London: Nai Uitgevers, 2008. – 208 pp.
3. Story of cities #37: how radical ideas turned Curitiba into Brazil's 'green capital' // *The Guardian*. – URL: <https://www.theguardian.com/cities/2016/may/06/story-of-cities-37-mayor-jaime-lerner-curitiba-brazil-green-capital-global-icon> (дата обращения: 22.01.2021)
4. Lerner J. *Urban acupuncture*. Washington, DC: Island Press, 2016. – 156 pp.
5. Жаиме Лернер поет о городе // TED conferences. – URL: https://www.ted.com/talks/jaime_lerner_a_song_of_the_city?language=ru#t-744786 (дата обращения: 22.01.2021)
6. Yiming Tang, Lingrong Chen, Yuman Sun, Luni Shen, Taher Abdel-Hamid. *Urban Acupuncture and its Practices in China & Egypt*. *Creative Urban Renewal*, WS 2015/16, *Advanced Urbanism*, Institute for European Urban Studies, BAUHAUS-University Weimar. – URL: https://www.academia.edu/22298104/Urban_Acupuncture_and_its_Practices_in_China_and_Egypt (дата обращения: 22.01.2021)
7. «Акупунктура города» — этап становления // *Электронный журнал Архитектурный вестник*. – URL: <http://archvestnik.ru/2010/09/13/akupunktura-goroda-etap-stanovleniya/> (дата обращения: 22.01.2021)
8. Fazzioli E. *Chinese calligraphy: from pictograph to ideogram: the history of 214 essential Chinese/Japanese characters*. – New York: Abbeville Press, 1987. – 251 p.
9. Maciocia Giovanni. *The Foundations of Chinese Medicine*. 3rd Edition. *A Comprehensive Text*. London: Churchill Livingstone, 2015. – pp. 1320
10. Еськов, В. В., Хадарцева, К. А., Филатова, О. Е., Иванов, Д. В. Гомеостаз, как постоянство непостоянного (обзор литературы) // *Вестник новых медицинских технологий*. – 2018. – № 4. С. 2–8. – URL: <http://www.medtsu.tula.ru/VNMT/Bulletin/E2018-4/2-8.pdf> (дата обращения: 22.01.2021)
11. Лидин, К., Меерович, М. Предчувствие полицентричности: о «несоветском» проекте иркутских архитекторов 1970-х гг. // *Проект Байкал*. – 2006. – № 9. – С. 20–23
12. Григорьева, Е. И. Иерусалимская лестница и две площади // *Проект Байкал*. – 2016. – № 49. – С. 98–101
13. Григорьева, Е. И., Маяренко, С. Ю. Иркутские кварталы // *Проект Россия*. – 2020. – № 93/94. – С. 63–68
14. Булгакова, Е. А., Скворцов, М. Е. Экология мышления // *Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института*. – 2020. – № 2. – С. 5–12

References

- Architectural Digest* (2010, September). *Acupuncture of the city – stage of formation* <http://archvestnik.ru/2010/09/13/akupunktura-goroda-etap-stanovleniya/>
- Bulgakova, E.A., & Skvorzov, M.E. (2020). *Ecology of Mind*. *Bulletin of the Moscow Information Technology University - Moscow Institute of Architecture and Civil Engineering*, 2, 5-12.
- Casagrande, M. (n.d.). *Urban Acupuncture - Treasure Hill*. https://www.researchgate.net/publication/216563643_Urban_Acupuncture_-_Treasure_Hill
- Eskov, V.V., Hadarzeva, K.A., Filatova, O.E., & Ivanov, D.V. (2018, January). Homeostasis as the constancy of the fickle (literature review). *Bulletin of new medical technologies*. <http://www.medtsu.tula.ru/VNMT/Bulletin/E2018-4/2-8.pdf>
- Fazzioli, E. (1987). *Chinese calligraphy: from pictograph to ideogram: the history of 214 essential Chinese/Japanese characters*. New York: Abbeville Press.
- Grigoryeva, E. (2016). *The Jerusalem Staircase and Two Squares*. *Project Baikal*, 13(49), 98-101. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.49.1057>
- Grigorieva, E.I., & Mayarenkov, S.J. (2020) *Irkutsk Quarters*. *Project Russia*, 93/94, 63-68.
- Lerner, J. (2016). *Urban acupuncture*. Washington, DC: Island Press.
- Lidin, K., & Meerovich, M. (2006). *Predchuvstvie politsentrichnosti [Anticipation of polycentricity]*. *Project Baikal*, 3(9), 20-23. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.9.494>
- Maciocia, G. (2015). *The Foundations of Chinese Medicine*. 3rd Edition. *A Comprehensive Text*. London: Churchill Livingstone.
- Sol -Morales de M. (2008). *A Matter of Things*. London: Nai Uitgevers. TED conferences (2007, March). *Jaime Lerner singing about the city*. https://www.ted.com/talks/jaime_lerner_a_song_of_the_city?language=ru#t-744786
- The Guardian* (2016, May 6). *Story of cities #37: how radical ideas turned Curitiba into Brazil's 'green capital'*. <https://www.theguardian.com/cities/2016/may/06/story-of-cities-37-mayor-jaime-lerner-curitiba-brazil-green-capital-global-icon>
- Yiming Tang, Lingrong Chen, Yuman Sun, Luni Shen, & Taher Abdel-Hamid (2016, May). *Urban Acupuncture and its Practices in China & Egypt*. https://www.academia.edu/22298104/Urban_Acupuncture_and_its_Practices_in_China_and_Egypt

^ Иерусалимская лестница сегодня. Фото Марина Дубас

> Генеральный план

Рассматривается концепция «городской акупунктуры» на примере проекта – победителя Всероссийского конкурса лучших проектов создания комфортной городской среды в малых городах и исторических поселениях. Определение фрагмента городской ткани, обладающего наибольшим потенциалом, рассматривается как решающий этап разработки проекта ревитализации городской жизни. В свою очередь, архитектурно-планировочные решения, продиктованные общими векторами развития города и сопровождающиеся гибкой сценарностью, влекут за собой активацию прочих территорий, систем, деятельностей.

Ключевые слова: Сретенск; общественное пространство; городская акупунктура; благоустройство; городская идентичность; комплексное развитие городских территорий; малые города и исторические поселения; проект ревитализации. /

The article reviews the concept of urban acupuncture through the example of the winning project of the All-Russian Competition of the best projects for a comfortable urban environment in small towns and historic settlements. Finding a fragment of the urban fabric which has the greatest potential is considered to be a decisive stage of the elaboration of the project of revitalization of urban living. Whereas, architectural and planning concepts based on common vectors of urban development and adaptable scenarios imply activation of other areas, systems and activities. **Keywords:** Sretensk; public space; urban acupuncture; improvement; urban identity; complex development of urban areas; small towns and historic settlements; revitalization project.

Сретенск. Место встречи: проект ревитализации / Sretensk. A meeting place: Revitalization project

текст

Валентина Казакова
Алексей Козьмин /
text
Valentina Kazakova
Alexei Kozmin

Нашумевший Всероссийский конкурс лучших проектов создания комфортной городской среды, включенный в федеральный проект «Формирование комфортной городской среды», уже не первый год позволяет победителям реализовывать проекты ревитализации городской жизни. Для многих приходящих в упадок малых городов нашей страны это – глоток воздуха и некая отправная точка нового жизненного этапа: ведь комплексность заявки позволяет затронуть не только визуальную составляющую городского организма, но и привлечь активные группы населения, инициативы, все возможные ресурсы для запуска новых процессов.

Важное значение имеет верное определение «большого» места – площадки проектирования, которая обладает наибольшим потенциалом. И здесь мы обращаемся к концепции «городской акупунктуры», предполагающей воздействие на определенный фрагмент городской ткани, который в дальнейшем повлечет активацию деятельности на других территориях и в других социальных системах. При этом основополагающим является отказ от классической модели принятия решений «сверху вниз», отстраненно от инициатив горожан. Понимание того, что каждый горожанин – это двигатель городского развития, запускает диалог различных социальных групп и укрепляет сотрудничество государственного, частного и коммерческого сектора [1, с. 75].

Практическое применение такого подхода рассмотрим в одном из проектов-победителей Всероссийского конкурса 2020 г. – «Сретенск. Место встречи».

«Не зная прошлого, невозможно понять подлинный смысл настоящего и цели будущего».

Максим Горький

Говоря об одном из самых значимых исторических городов Забайкальского края, важно сделать краткий экскурс и упомянуть ключевые события, послужившие становлению Сретенска.

Присоединение Забайкалья к Российскому государству явилось логическим продолжением завоевания Сибири. В основе длительного и сложного процесса закрепления за Россией даурских земель, расположенных по сосед-

ству с Китаем, лежали прежде всего государственные геополитические устремления. Сретенск был основан на реке Шилке в 1648 или 1689 году (данные разнятся) как военный форпост Российской Империи на востоке и долгое время занимал одну из ключевых позиций на восточных рубежах, по значимости близкую к Нерчинску. Увеличение добычи руды (особое значение для страны имели местные серебро-плавильные заводы) в Восточном Забайкалье, развитие золотопромышленности в окрестностях Сретенска, а также присоединение Амурского края служат оживлению водного сообщения по реке Шилке и развитию города Сретенска. Станция обретает значение торгового центра, где сходятся конец Сибирского сухопутного тракта с одной стороны, а с другой – начало великого водного пути в Амурский бассейн вплоть до Тихого океана [2, с. 10]. В это время в Сретенске появляются купцы; речной фасад и центр города застраиваются уникальными архитектурными ансамблями; формируются общественные пространства. Многие российские предприниматели – купцы и промышленники – открывают в Сретенске свои представительства. У города появляется новый торговый смысл.

С наступлением эры железной дороги, на заре появления Транссиба, Сретенск становится ключевой точкой, узловой станцией. Приходящие по недостроенному Транссибу товары перегружают на пароходы, баржи и направляют по Шилке на Благовещенск и Хабаровск. Дальнейшее развитие торговой сферы и открытие новых производств способствуют притоку населения, уплотнению городской застройки, строительству церквей, учебных и культурно-досуговых учреждений. Дальнейшее строительство железной дороги в Забайкалье и появление новых связей с Дальним Востоком упростило значимость Сретенска как транспортного узла. Сретенская железнодорожная ветка становится тупиковой, утрачиваются смыслы городской деятельности.

Новый подъем Сретенска в советское время происходит благодаря строительству военного городка в период международной напряженности на Дальнем Востоке и на случай возникновения проблем с Китаем. Жители работают на судостроительном заводе в соседнем поселке и на девяти местных промышленных предприятиях.

Проектирование

Проектная фирма
000 «Сибирская
лаборатория урбанистики»

Авторский коллектив концепции

Алексей Козьмин
Валентина Казакова
Арина Московская
Станислав Соколов
Алёна Алёшина
Евгения Кензина
Анастасия Холявко
При участии
Сергея Маяренкова
Михаила Рожанского
Елены Коркиной
Анны Плотноковой
Виктории Андрияновой
Дарьи Белоокой

< Вид на Сретенск с р. Шилки. Начало XX в.

Продукцию фабрики валяной обуви и мяскокомбината даже поставляют в другие регионы [3].

После распада СССР Забайкальский военный округ и военный городок ликвидируются, войска выводятся, судостроительная верфь, как и все предприятия, приходит в упадок. Жизнь горожан вновь меняется, а опустевшие районы лишь напоминают о былом значении города.

В поиске новых смыслов

Жизнь города и его устройство зависят от той деятельности и смысла, которые в этом городе присутствуют. Организация городской жизни, карта и облик Сретенска – результат исторических эпох. Что же представляет собой город в настоящее время? Планировочная вытянутость вдоль реки, малоэтажная, в основном усадебная застройка, низкая плотность и запустение объектов и территорий. При этом город обладает богатым историко-культурным наследием: в нем насчитывается 121 объект, 110 из которых относятся к объектам культурного наследия регионального значения. Эклектичные каменные постройки начала XX века с элементами модерна (бывшие владения купцов), формирующие речной фасад и прилегающие центральные городские кварталы, соседствуют с деревянной усадебной застройкой, отличающейся разнообразием типов домов [4, с. 68].

Население города – шесть с половиной тысяч человек, фактически живущих на самообеспечении, не производящих никакой добавленной стоимости. Для города характерен сельский образ жизни, монотонный, завязанный на обычный сезонный и суточный циклы. Отсутствие значимых производств, перспектив роста для людей, особенно для молодого поколения, приводит к оттоку жителей в более развитые города. Чтобы изменить ситуацию, городу требуется задать новый импульс развития. Ревизия имеющихся ресурсов и поиск возможных векторов – одна из задач, решаемая в рамках федерального конкурса.

Благоустройство городской территории сопровождается разработкой сценариев, как регулярных, воспроизводимых с определенной периодичностью, так и эпизодических. Для экономического развития города, в котором нет средних или крупных производств, необходимо

развитие дополнительного потребительского спроса, расширение круга пользователей различных услуг. Проанализировав географическое положение Сретенска, мы выявили, что в радиусе двухчасовой транспортной доступности от города располагается значительное количество населенных пунктов-соседей, общая численность которых составляет 140 тысяч жителей. Двухчасовая транспортная доступность дает возможность семьям совершать однодневную поездку для культурно-развлекательного досуга, покупок и удовлетворения прочих потребностей. Таким образом, одной из главных задач разработчиков проекта было связать благоустройство территории с экономическим наполнением и трансформировать площадку для реализации новых сценариев горожан.

По мнению видного исследователя современного состояния португальской урбанизации Рио Фернандеша,

^ Сретенск. Центральная площадь. 1960-е

> Вид на Площадь
40-летия Победы

преобразования города, направленные лишь на удовлетворение туристических или бизнес-потребностей, неминуемо приводят к травмирующим городскую среду последствиям. Важно учитывать в первую очередь потребности горожан, которые являются постоянными пользователями территории, повышать их социальный оптимизм, заинтересованность в дальнейшем развитии города. В период подготовки заявки велась активная работа с жителями города как для выявления инициативных граждан, которые впоследствии войдут в управленческую команду или реализуют свои проекты на территории, так и с целью проектирования необходимых площадок и сценариев. Например, включение в проект городской активистки Светланы Акимовны Парфеновой позволило заинтересовать горожан и привлечь их к участию в проекте, поверить в возможность финансирования и реализации задуманных изменений. При этом совместно разработанное культурное программирование затрагивает и этап эксплуатации реализованной площад-

ки, и объединяющие сообщества мероприятия, которые стартуют до реализации проекта.

Точка городской акупунктуры

Предпроектный анализ позволил определить территорию, обладающую наибольшим потенциалом качественных изменений в жизнедеятельности Сретенска. Проектируемая территория расположена в центральной исторической части города и является ее ядром – главной городской площадью. На востоке площадь формируется одной из центральных магистралей города – улицей Луначарского с маршрутами общественного транспорта. На самой территории проектирования в настоящее время останавливаются междугородные маршруты, следующие в том числе до краевого административного центра – Читы. С западной стороны площадь граничит с набережной реки Шилка и речным вокзалом. В летнее время по реке курсирует катер, обеспечивая связь с отдаленными территориями Сретенского района. На площади и в непосредственной близости от нее расположены основные административные, культурно-досуговые, образовательные учреждения города Сретенска и Сретенского района; она граничит с коммерческим кварталом и центральным городским парком, а также обрамляется объектами культурного наследия (два из них – бывший Банк взаимного кредита и дом купца Штейна – являются самыми значимыми каменными постройками начала XX века в городе).

Площадь является центром всех городских событий – праздников, общегородских спортивных мероприятий, редких ярмарок; при этом будничное использование площади лишь транзитное. Свободное движение транспорта по площади создает некомфортные условия для досуга горожан. В выходные дни, когда все учреждения закрыты, жизнь здесь замирает.

Задача проекта – усилить значение территории как эпицентра городской активности, МЕСТА ВСТРЕЧИ – горожан, эпох, символов, маршрутов (Сретенье – церковный праздник; с древнерусского буквально «встреча», греческого встретить. Место – укр. місто «город» (из польского), древнерусское мѣсто «место, поле, площадь, селение»).

v Событийная площадь.
День Купца

> Молодежная зона. Культурная зона

^ Сретенский бульвар

Место встречи горожан. В концепции предлагается усилить досуговую роль центрального городского пространства и создать условия для сплочения жителей города. Новая реконструированная площадь, закрытая от сквозного движения автомобильного транспорта, становится центром активности городских сообществ. Площадки, создаваемые совместно с инициативными группами (паркур-сообщество, гиревики, творческие коллективы и др.), станут их резиденциями и помогут самореализовываться, обмениваться опытом и расширять круг единомышленников (в том числе проводить соревнования районного и регионального масштаба).

Место встречи маршрутов. На территории проектирования пересекаются наземные и водные маршруты общественного транспорта междугородного значения. Авторы концепции предлагают создать логистическую зону, в которой сконцентрируются парковки, комфортный остановочный пункт и места для стоянки такси. Здесь же в реконструируемом объекте появится визит-центр – стартовая точка туристических маршрутов по Сретенску и Сретенскому району, а территория проектирования станет приветственной площадкой для гостей города.

Место встречи эпох. Площадь хранит память об истории развития города с XVII века и до нашего времени. Новая мощеная ось, проходящая сквозь бульвар вдоль фасадной линии ОКН, связывает исторические кварталы и выходит к речному вокзалу. Расположенные на оси информационные стенды рассказывают историю места, а уникальные малые архитектурные формы, разработанные в рамках проекта, транслируют культурные коды Сретенска, связь эпох и значимых вех.

Место встречи символов. Как на территории проектирования, так и в непосредственной близости от нее располагаются памятные символы: мемориал участникам Великой Отечественной войны, памятник морякам-пограничникам, Вечный огонь и другие. Концепцией предлагается с помощью планировочных средств объединить территории с этими элементами и возродить утраченные символы. Навеивающий воспоминания городской сад отличается многообразием растений, характерных для Забайкальского края. А на месте расположенного ранее в саду краеведческого музея появляется сквер историй

«Собери свой Сретенск». Слово кирпичики музея, рассыпаны в мощении металлические плитки, символизирующие значимые для жителей места, события, исторические личности.

Ныне однообразная по пространственно-планировочным решениям территория в проекте делится на пять основных функциональных зон: зону бульвара, свободное площадное пространство, молодежную зону, логистическую зону, мемориальную зону – сквер историй, каждая из которых обретает пользователей и своих операторов.

Реализация концепции позволяет, с одной стороны, создать новое комфортное городское пространство, наполненное возможностями для деятельности разных социально-возрастных групп жителей Сретенска. С другой стороны, центральная площадь города становится местом для проведения событий городского, районного и межмуниципального масштаба, позволяющим привлечь в Сретенск дополнительный платежеспособный спрос. Одно из крупных мероприятий – «Дни городов Забайкалья», во время проведения которого реконструированная городская площадь примет гостей из разных районов и позволит местным производителям реализовать свою продукцию. В рамках подготовки заявки команда разработчиков инициировала подписание соглашения с несколькими центрами муниципальных районов – Нерчинском, Шилкой и Борзей. Каждый город раз в год будет предоставлять площадку для проведения ярмарки и культурно-развлекательной программы, организуемой другим городом-партнером. Активизация местной экономики, стимулирование производства товаров, характерных для данной местности, например, «Забайкальские чаи», местные рыбные и мясные изделия, выпечка и кондитерские изделия позволят создавать уникальный конкурентоспособный продукт, который может реализовываться на рынках других городов. В то же время претворение в жизнь проектных решений станет импульсом для развития города и укрепления его роли как административного, культурного и коммерческого центра района; усилится позиционирование Сретенска как города, имеющего туристический потенциал, обусловленный историческим наследием и рекреационными возможностями природных ландшафтов и реки Шилка.

^ Вид на ОКН и пешеходную зону. В проекте – Сретенский бульвар

Цель городского планировщика – не только создать визуально привлекательный проект благоустройства, связанный с существующей пространственно-планировочной структурой, но и повлиять на экономические, культурные и социальные процессы, происходящие в городе. Пришло время интегрированного городского планирования, включающего в себя все слои городской жизни, начиная с транспорта, идентичности и заканчивая экономикой. Для разработки комплексного, действующего интенционально проекта, влекущего за собой крупномасштабные изменения всей системы, необходимо формировать междисциплинарные команды, включающие архитекторов, социологов, экономистов, инженеров, краеведов, других узких специалистов, а также местных экспертов.

Литература

1. Казакова, В. «Город мастеров» в Шилке: создание комфортной среды // Проект Байкал. – 2020. – № 65. – С. 74–79
2. Чашин, А. Сретенск. Страницы прошлого. – Чита : Экспресс-издательство, 2009. – 256 с.
3. Энциклопедия Забайкалья. – URL: <http://encycl.chita.ru/encycl/person/?id=8928> (дата обращения: 20.11.2020)
4. Крадин, Н. Малые исторические города Забайкалья : Сретенск, Акша // Проект Байкал. – 2019. – № 61. – С. 67–79

References

- Chashchin, A. (2009). Sretensk. Pages from the past. Chita: Ekspress-izdatelstvo.
- Kazakova, V. (2021). "Town of all trades" in Shilka: creation of a comfortable environment. Project Baikal, 17(65), 74-79. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.65.1680>
- Kradin, N. (2019). Small and Historic Towns in Zabaikalye: Sretensk, Aksha. Project Baikal, 16(61), 67-79. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.61.1504>
- Mertsalov, V. I. (n.d.). Sretensk. Poslevoennyi podyem i razvitie [Sretensk. Post-war uplift and development]. In Entsiklopediya Zabaikalya. Retrieved November 20, 2020, from <http://encycl.chita.ru/encycl/person/?id=8928>

< Логистическая зона

На основе историко-архивных материалов и собственных натуральных исследований автор рассматривает архитектуру Борзы, одного из малых городов Забайкалья, обладающего богатой историей и памятниками культуры и природы, представляющими большой интерес не только для исследователей, но и жителей Забайкалья, а также гостей этого уникального края. В числе такого рода уникальных памятников – Кондуйское городище, церковь Рождества Пресвятой Богородицы, Солёное озеро и другие не менее интересные объекты.

Ключевые слова: Кондуй; Борзя; солёное озеро; промысел; село Курлыч. /

Based on historical and archival materials and on-site studies of the author, the article discusses the architecture of Borzya, one of the small towns of Transbaikalia, which has a rich history and monuments of culture and nature, which are of great interest not only to researchers, but also residents of Transbaikalia, as well as guests of this unique territory. Among such unique monuments are the Konduiskoye settlement, the Church of the Nativity of the Blessed Virgin Mary, Salt Lake and other no less interesting objects.

Keywords: Konduy; Borzya; salt lake; fishing; Kurlych village.

v Рис. 3. Археолог М. В. Константинов

Малые исторические города Забайкалья: Борзя / Small and historic towns in Zabaikalye: Borzya

текст

Николай Крадин /

text

Nikolai Kradin

Город Борзя (бурятское Бооржа), расположенный на юге Забайкальского края, возник в XVIII веке на месте бурятского пастбища. Вначале он представлял собой смешанное поселение. Судя по сведениям из энциклопедии Забайкальского края, это был пост или пикет тунгусских казаков, а спустя 20 лет на этом месте появился уже небольшой поселок, в котором проживало немногим более 220 человек. В нем имелось всего четыре деревянных дома и 46 бурятских юрт, а численность населения поселка не превышала 230 человек [7, с. 141]. В 1900 г. этому поселку дали название Суворовский в память о великом русском полководце А. В. Суворове, однако оно как-то не прижилось. Уже позднее, когда сюда пришла железная дорога, железнодорожной станции дали название реки, а в результате и сам поселок получил такое же название – Борзя. С 1901 года в Борзе заработала метеорологическая станция, и с этого времени стали регулярно проводиться наблюдения за природными явлениями. В течение многих десятилетий численность населения Борзы росла медленно, даже в 1924 г., спустя 150 лет после ее основания, здесь проживало менее трех тысяч человек. Со временем оживление развитию поселка придала Забайкальская железная дорога, для обслуживания которой на станции появились первые предприятия: оборотное депо и железнодорожные мастерские. Примерно к 1960 г. число жителей в Борзе возросло до 24 тысяч, а самая максимальная численность наблюдалась спустя еще тридцать лет, в 1992 году она составила 36700 человек. С тех пор численность стала снижаться и в 2017 г. составляла уже 28874 жителя. Судя по имеющейся статистике, среди 1115 российских городов Борзя по численности населения находится на 515 месте (практически в середине списка).

Судя по имеющейся информации, в России преобладают так называемые малые города, к категории которых относится и Борзя – их примерно 70% от общего количества городов. Печально и грустно то, что отток населения происходит в основном из таких периферийных, малых городов Дальнего Востока, Забайкалья и других российских окраин. В них остаются одни старики и пенсионеры, а молодежь устремляется покорять столицы – крупные города своего Отечества. И Борзя не исключение:

ежегодный отток населения здесь, судя по статистике последних лет, составляет от ста до трехсот человек. Молодежи не нужны местные достопримечательности, какими бы ценными они ни были – им надо устраивать свою жизнь, получать хорошее образование, делать карьеру. Однако оставим на будущее эту тему, какой бы острой и злободневной она ни являлась. Вернемся непосредственно к истории этого малого поселения.

В 1988 г. для Борзы А. Г. Киреевым был разработан первый герб города (рис. 1). Однако спустя всего 12 лет появился уже новый, более современный герб города, который отвечал всем правилам геральдического искусства (рис. 2). Вот описание этого герба: «В разделенном опрокинуто вилообразно на лазуревый (синий, голубой), зеленый и черный цвета, поверх всего стоящий серебряный журавль с вздытыми крыльями, золотыми лапами и поднятым вверх золотым раскрытым клювом». Над структурой и дизайном этого герба работал целый авторский коллектив: общая идея герба принадлежит Ларисе Вельц и К. Ф. Моченову, художник герба Роберт Маланичев, а компьютерный дизайн выполнял Сергей Исаев. Границы трех цветов герба означают направления дорог: вертикальная линия между синим и зеленым цветом – это дорога в Борзю из центра России, а две наклонные линии (между черным и синим и между зеленым и черным цветами означают дороги из Борзы в Монголию и Китай). Герб этот был официально утвержден в марте 2000 г. сначала местной властью Борзы, и после этого его внесли в официальный документ – Государственный геральдический реестр Российской Федерации под номером 648.

Может возникнуть вопрос: почему именно журавль изображен на гербе этого города? Ответ прост: даурские журавли ежегодно прилетают после зимовки в Японию на летний период в Забайкалье, в том числе и в Борзинский район. Эта удивительно красивая и грациозная птица внесена в Красный список Международного союза охраны природы (МСОП) как один из наиболее уязвимых видов птиц. Места обитания журавлей в Забайкалье – это Даурский заповедник, Агинские степи, берега рек Борзы и Онона. Согласно подсчетам орнитологов, всего в мире насчитывается не более шести тысяч этих

^ Рис. 1. Автор А. Г. Киреев. Первый герб города Борзы. 1988

^ Рис. 2. Современный герб Борзы. 2000

^ v Рис. 4–7. Плиточные могилы на территории Забайкалья

редких особей, причем в последние годы их численность несколько сократилась. Специалисты, профессионально занимающиеся орнитологией, связывают это сокращение с засухой, пожарами в степях и, как это ни печально, с браконьерством. Примечательно еще и то, что в Даурском заповеднике собираются почти все виды журавлей – шесть из семи; их скопление в среднем составляет здесь от 20 до 30 тысяч особей, а при более благоприятных климатических условиях и до 40 тысяч. В заповеднике они облюбовали удобные и тихие места, в которых находятся в течение нескольких теплых месяцев. Осенью журавли из Забайкалья улетают на зимовку в Корею и Японию. Именно на острове Кюсю находится одно из самых крупных мест зимовки журавлей, куда они прилетают после летнего пребывания в Забайкалье. Следует отметить также, что в высоту журавли достигают роста человека. Таким образом, выбор относительно содержания герба активисты и жители Борзи сделали совершенно правильным. Журавль – птица красивая, гордая и свободолюбивая, но в то же время она любит тишину и спокойствие.

История Борзи, ее окрестностей и всего района в целом оставили на территории множество памятников; в их числе следует назвать археологические, природные, архитектурные, исторические объекты. Среди многих интереснейших археологических памятников несомненный интерес представляют так называемые плиточные могилы, а также Шаман-гора, Царский курган и многие другие. В течение уже нескольких лет летом в окрестностях Борзи занимаются исследованиями и раскопками археологические экспедиции, достоящие «из-под земли» материальные свидетельства о далеком прошлом Забайкалья. Среди опытных исследователей, прежде всего, следует назвать известного забайкальского археолога Михаила Васильевича Константинова (рис. 3). Можно с уверенностью сказать, что это самый настоящий патриарх забайкальской археологии. Родившийся в 1948 году в городе Сковородино Амурской области, с 1969 г. после окончания Читинского педагогического университета он работал на кафедре отечественной истории, занимал должность декана факультета и возглавлял лабораторию палеоэкологии, многие годы руководил Чикойской археологической экспедицией, занимаясь в летние

сезоны раскопками. В результате многолетних исследований М. В. Константиновым изучены многочисленные археологические памятники Забайкалья от палеолита до этнографической современности. По его инициативе и под его научным руководством неоднократно проводились конференции самого высокого уровня (всесоюзные, международные, региональные и др.). Михаил Васильевич – доктор наук, профессор, почетный гражданин города Читы и с. Красный Чикой, заслуженный работник высшей школы.

Продолжая экскурс в историю Борзи, отметим, что ее окрестности богаты не только уникальными памятниками

> Рис. 8. Царский курган эпохи хунну в Ильмовой пади

природы. Здесь немало самых разнообразных археологических артефактов, составляющих ценнейший пласт культуры не только Забайкалья, но и всей России в целом. Среди остатков древних памятников особое место занимают так называемые плиточные могилы, которых в Забайкалье немало, особенно в степной зоне. Они представляют собой каменные плиты-блоки высотой от полтора до трех метров, торчащие из земли (рис. 4–7). Археологи называют такие плиточные могилы остатками культуры древних предков монголов. Кроме Забайкалья, подобного рода древние остатки встречаются

< v Рис. 9, 10. Остатки палеолитического жилища на стоянке Санний мыс

также в Прибайкалье, Монголии и Китае. Сама культура плиточных могил просуществовала довольно длительное время – с конца второго тысячелетия до н. э. и до первых столетий нашей эры. Исследуя древние захоронения, археологи находят в них немало уникальных предметов (конская упряжь, керамика, бронзовые изделия, бусы, бронзовые и золотые украшения, наконечники стрел и другие изделия). Довольно крупные могильники древности выявлены археологами во многих местах Забайкалья, в том числе у селений Цаган-Ола, Могойтуй, Бальзино, ст. Оловянная, Урульга. У одного только села Будулан в Агинском районе археологами обнаружено более 300 погребений.

С археологической точки зрения особый интерес представляет сохранившийся древний памятник, так называемый комплекс хуннских могильников, расположенный в Ильмовой пади, в 23 км от Кяхты. Здесь для археологов весьма важен памятник, получивший название Царский курган, относящийся, по определениям специалистов, к гуннской эпохе (рис. 8). Впервые этот интереснейший памятник был изучен археологом Ю. Д. Талько-Гринцевичем в 1890-е годы, и именно он раскопал здесь 11 могил. В середине XX столетия на данном объекте работал и известный российский археолог, этнограф и историк академик Алексей Павлович Окладников (1908–1981), составивший план захоронений. В последующие годы этот же памятник изучали также и другие археологи-исследователи (П. Б. Коновалов, С. В. Данилов, Б. Б. Дашибалов, Г. П. Сосновский).

К древним археологическим памятникам Забайкалья следует отнести и остатки палеолитических жилищ на стоянке Санний мыс (рис. 9, 10), находящейся на правом берегу реки Уды, в 35 км ниже города Хоринска. Этот уникальный памятник археологии представляет собой мощные отложения песчаных супесей делювиального и алювиального происхождения. Отложения, как это видно на иллюстрациях, насыщены глыбами камня, которые сползают со склона, разрушая тем самым культурные слои. Весь этот материал, смытый со склонов гор и сопок и скопившийся внизу, в науке получил название делювий. Не меньший интерес для археологической и исторической науки представляют также горные памятники,

созданные самой природой и получившие в народе название Шаман-гора. Уже в самом названии подобного рода природных памятников чувствуется некое волшебство, мистика. Как правило, такие природные памятники скрыты как бы самой природой от глаз и обычно находятся в труднодоступных горных местностях (рис. 11, 12).

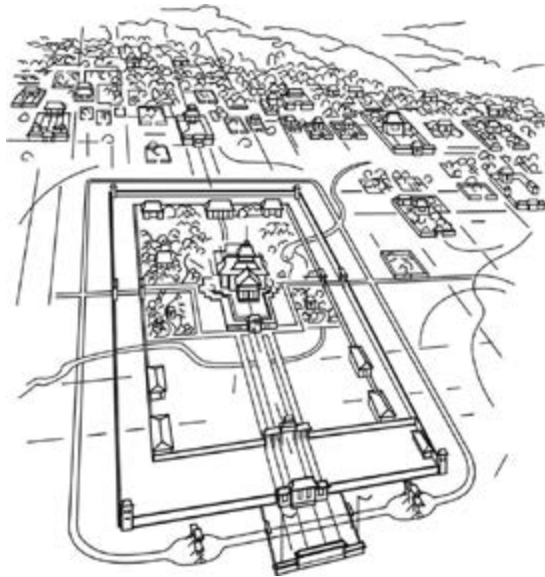
В окрестностях Борзи имеется уникальный в своем роде степной водоем овальной формы под названием «Соленое озеро» – естественный памятник природы [7, с. 140]. Его уникальность заключается не столько в солёности воды, сколько в том, что глубина его составляет в настоящее время всего 10 сантиметров (рис. 13), хотя еще в середине XIX столетия она достигала почти четырех метров. Озеро находится к юго-западу от города, примерно в 23 километрах по трассе, ведущей из Борзи в Соловьевск. Часто этот водоем называют Дабасу-Нор. Вода в нем очень соленая и, судя по историческим сведениям, еще в XVIII–XIX столетиях здесь производилась добыча поваренной соли. Населением, живущим в окрестностях этого уникального озера, а также и самой медициной уже давно проверено, что грязи данного водоема обладают положительными лечебными свойствами. Слой ила в озере имеет синевато-черный оттенок, а под ним располагается слой минерала (мирабилит), причем, толщина этого слоя не превышает одного метра. В зависимости от погоды (дождь или сухость), размеры озера изменяются, но округлость его формы (в виде блюдца) постоянно сохраняется. Следует отметить, что Борзинское соленое озеро находится под охраной

государства как уникальный памятник природы, поэтому оно и внесено в реестр охраняемых объектов.

В Борзинском районе есть интереснейшее историческое место с небольшим поселком под названием Кондуй. Занимаясь паспортизацией памятников истории и культуры Забайкалья еще в 1990-е годы, мне неоднократно приходилось бывать в этом небольшом селении, где археологами были исследованы остатки дворцового комплекса XIV века (рис. 14). Знакомясь с описаниями дворца разных исследователей, новосибирский архитектор Людвиг Карлович Минерт выполнил графическую реконструкцию этого комплекса. Графически изображая предполагаемый вид самого дворца (рис. 15), архитектор опирался на имеющиеся письменные документы, но более всего – на бурятские дацаны, которые он изучил досконально в 1970-е годы, выполняя их натурное обследование, обмеры, научное описание и фотофиксацию. Относительно недавно, в 2015 году на этом древнем городище осуществлялись археологические раскопки под руководством моего сына – Николая Николаевича Крадина, доктора исторических наук, профессора, члена-корреспондента РАН. Интерес к этим работам археологов проявляли не только жители окрестных селений, но и представители властных структур района и даже края. В частности, 17 июля 2015 года на месте раскопок побывал губернатор Забайкальского края Константин Ильковский, которому со стороны руководителя археологической экспедиции были даны самые подробные ответы на все его вопросы (рис. 16). Удивле-

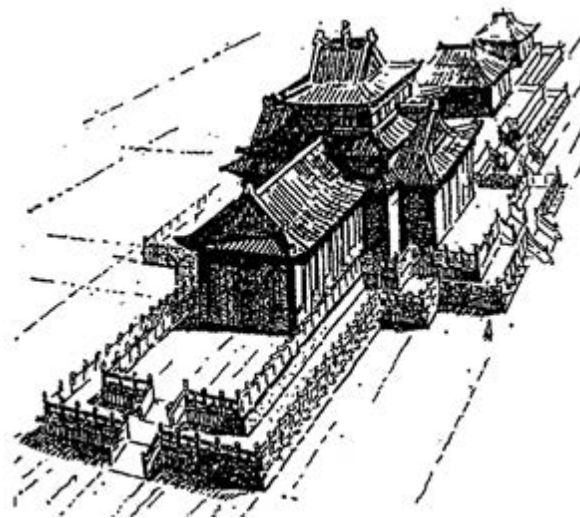

< Рис. 13. Соленое озеро в окрестностях города Борзи

> Рис. 14. Кондуйский дворец. Аксонометрия

> Рис. 15. Дворец в Кондуде. Реконструкция Л. К. Минерта

ние и гордость со стороны главного руководителя края вызвала информация археологов, что подобного рода уникальных памятников не только в России, но и во всем мире буквально единицы.

Дворец в Кондуде, руинированные остатки которого до сих пор изучают археологи обозревал еще в последней четверти XVII века русский посол в Китае Николай Спафарий. Проезжая в 1675 году мимо дворца (в то время еще не разрушенного), он записал в своем дневнике: «А к югу от Нерчинска есть город великий, каменный со многими строениями, и палаты в нем каменные целы, и, говорят, что в том городе от мору люди все пропали <...>». Почти 300 лет спустя, в 1957–1958 гг. на развалинах дворца, оставшихся от былого величия, осуществлялись археологические исследования (раскопки) под руководством члена-корреспондента АН СССР С. В. Киселева (1905–1962).

Несмотря на свое название (Кондуйское городище), этот древний археологический памятник находится не в самом поселке Кондуй, а в восьми километрах от него. На месте уникального археологического Кондуйского дворцового комплекса установлена памятная стела – своеобразный охранный знак. Самое любопытное в истории Кондуйского дворца то, что из материалов, собранных на развалинах бывшего комплекса, местные

жители еще в 1806 году построили в селе Кондуй каменную церковь, поскольку обычного кирпича для этого благого дела им взять было негде. Они возили на телегах камни разной формы, в том числе и детали декоративного убранства фасадов дворца (базы колонн, драконовидные изваяния и тому подобные фрагменты), употребляя их в кладку стен церкви. Их достаточно хорошо видно на представленных иллюстрациях. Однако подробнее об истории этой не совсем обычной церкви и ее архитектурных особенностях несколько ниже.

Из истории известно, что Кондуй возник в 1773 году как казачий поселок-караул, располагавшийся в пограничной зоне. Само слово «Кондуй» в переводе с бурятского означает «узкая падь». Для храма строители выбрали самое возвышенное место, чтобы жителям казачьей станицы он был отовсюду виден. Строительством руководил протоиерей Нерчинского собора Кирилл Суханов, а средства на возведение церкви выделили кондуйские богачи братья Эповы. Согласно статистическим данным, на территории региона в 1900 г. числилось 186 приходских и 77 приписных церквей, а также 220 часовен и 13 молитвенных домов. Уникальность названного выше храма заключается в том, что материалом для его строительства послужили развалины древнемонгольского дворца XIV века, находившегося в восьми километрах

> Рис. 16. Археологи у раскопа на Кондуйском городище. 2015

> Рис. 17. Современный вид Кондуйского городища

^ Рис. 21. Фрагмент декора стен Кондуйской церкви.
Фото Н. П. Крадина

^ Рис. 20. Общий вид Кондуйской церкви. Фото Н. П. Крадина

от Кондуйского селения, в котором этот храм и был построен в 1806 г. Часто храм просто называют по месту нахождения – Кондуйская церковь. Но его правильное название – храм во имя Казанской иконы Божией Матери и святых мучеников Иулитты и ее трехлетнего сына Кирика. В церковном православном мире эти святые мученики известны давно, им посвящено немало икон (рис. 18, 19), а также фресковых росписей. Изучая в 1990-е годы архитектуру этого необычного по своему виду храма, я делал его обмеры, фотофиксацию (рис. 20–22), выполнял зарисовки церкви и отдельных деталей ее декора (рис. 23–25). Хотя церковь внесена в реестр охраняемых объектов как памятник архитектуры федерального значения, находится она, можно сказать, в плачевном состоянии: нет прихода, нет средств на ее восстановление, да и специалистов-реставраторов в этом районе не отыскать.

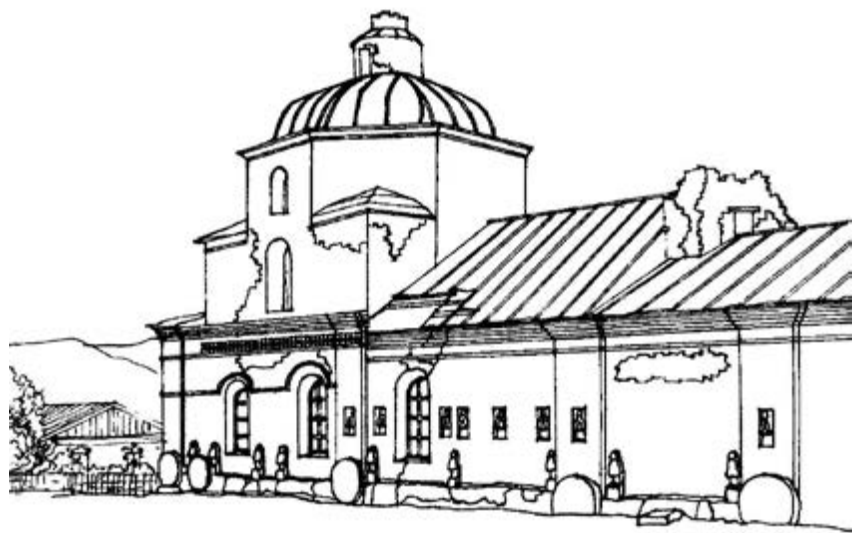
Еще один православный храм находится в селе Курунзулай Борзинского района. Церковь Преображения Господня построена в 1895 году на средства прихожан и освящена 4 июня 1898 года (рис. 26, 27). Храм представляет собой здание с ярко выраженной продольно-осевой композицией, отражающей некоторые региональные особенности деревянного церковного зодчества, состоящей из основного объема с прямоугольной апсидой, колокольни и притвора. Церковь расположена в северной части села среди одноэтажной деревянной застройки, ориентирована строго по сторонам света. В ее композиции противопоставлены две доминанты: многоярусная колокольня и массивное ядро, представляющее собой квадратный в плане сруб высотой в две трети высоты куба. В наружном оформлении это ядро представлено как комбинация трапезной и храмовой части, имеющих различное завершение. Трапезная завершена двускатной крышей, а над храмовой частью поставлена крестовая крыша со щипцовыми фронтонами, увенчанная восьмигранным основанием, граненым барабаном и шлемовидной главой. Апсида меньше основного объема в поперечнике и по высоте, имеет два окна на восточном фасаде, завершена двускатной крышей с треугольным фронтоном, увенчана над коньком маковицей, закрепленной на тонком пирамидальном барабане. В интерьере

< ^ Рис. 18, 19.
Иконы Свв. Кирика
и Иулиты

апсида и основной объем церкви образуют единое пространство, без перепадов высот. Размеры плана Преображенской церкви составляют 21,0 × 9,2 м.

Стены церкви рублены из круглых бревен с соединением углов «в лапу», фасады обшиты тесом с имитацией «под классицизм». Высокие прямоугольные оконные проемы расположены на одном уровне, обрамлены рамочными наличниками с узкими стойками и прямоугольным коротким фартуком. В большинстве наличников утрачены щитовые ставни. Проемы звонов колокольни имеют полуциркульные завершения и ленточное обрамление, ограждены парапетом. Второй ярус колокольни освещается через маленькие ромбовидные оконца с рамочными

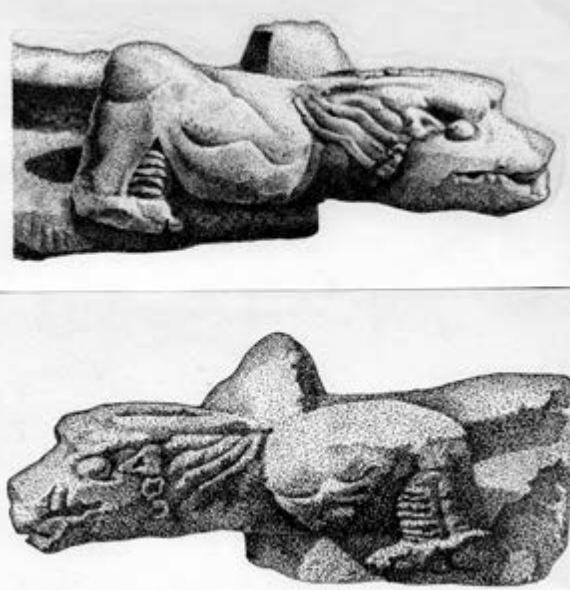
^ Рис. 23. Общий вид Кондуйской церкви.
Рис. Н. П. Крадина

наличниками. Убранство интерьеров церкви не сохранилось, поскольку длительное время она была бесхозной, а в настоящее время и вовсе наполовину разрушена. В северо-западном углу основания колокольни сохранился один марш лестницы, ведущей во второй ярус колокольни. Бревна стен срубов храма находятся в хорошем состоянии, в большинстве своем утрачена их наружная дощатая обшивка.

В Борзе немало и других памятников, связанных с разными периодами жизни города и района. Например, ОАО «РЖД» в 2017 году ко Дню железнодорожника в качестве памятника установила у Дома культуры железнодорожников раритетный паровоз Л-2084 выпуска 1953 года.

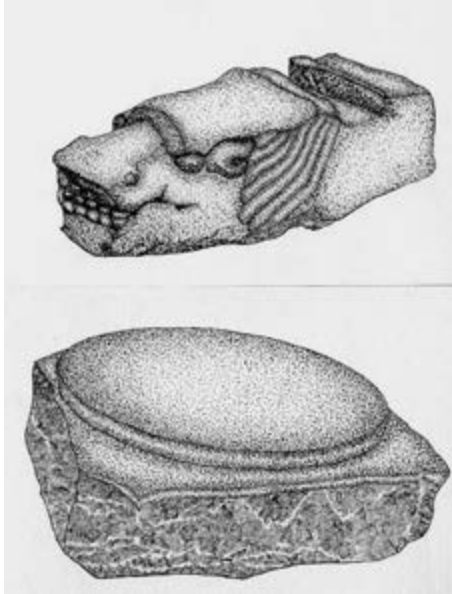
> Рис. 22. Фрагмент декора стен Кондуйской церкви.
Фото Н. П. Крадина

^ Рис. 24. Элементы декора Кондуйского дворца. Рис. Н. П. Крадина

Кроме того, в городе имеются памятник-танк, памятник воину, памятник-бюст вождю мирового пролетариата В. И. Ленину, на Привокзальной площади находится братская могила красных партизан, братская могила воинов, умерших от ран в госпиталях Борзи, памятник Александру Матросову. В качестве памятника истории в городе находится и охраняемая государством могила, революционно-го деятеля и учителя А. И. Попова-Коновалова. Из истории известно, что он был расстрелян в Борзе в 1906 году казаками генерала П. Г. Ранненкампа.

Из культовых сооружений внимание горожан и гостей Борзи привлекает своей архитектурой современный храм Преподобного Сергия Радонежского (рис. 28), построенный из красного кирпича. Название храма неслучайно: строительство церкви в 2014 году совпало с 700-летием преподобного Сергия Радонежского. В Борзе православный храм существовал и ранее, но в 1930-е годы, в период гонений на православную церковь, он был полностью разрушен. Инициатива, проект и финансирование строительства этого нового храма принадлежат одному и тому же человеку – иркутскому предпринимателю С. И. Балагурову. Когда-то он жил в Борзе, хорошо знает его историю и до сих пор поддерживает с городом деловые связи. Новый храм выстроен из красного кирпича, стены его не оштукатурены. Церковь имеет довольно обычную планировочную композицию, в которой на одной продольной оси последовательно расположены полукруглая в плане и низкая алтарная часть (апсида), собственно храмовый объем с башенкой, увенчанной позолоченной маковкой, трапезная, шатровая колокольня и притвор (входная часть) с западной стороны. В декоративном убранстве фасадов и отдельных частей храма можно обнаружить элементы древнерусской архитектуры. В частности, на стенах главного объема церкви присутствует аркатурный пояс, висячие гири имеются на арках входного объема с западной стороны храма. В целом эклектичная по своей стилистике, Сергиевская церковь стала в Борзе единственным действующим храмом, в котором православные верующие горожане стали принимать участие в службах и приходить в храм, чтобы поставить свечку «за упокой души» усопших родственни-

^ Рис. 25. Элементы декора Кондуйского дворца. Рис. Н. П. Крадина

^ Рис. 26. Церковь в с. Курунзулай. Вид с северо-востока. Фото Н. П. Крадина

ков. Здесь совершаются молебны, поминовения, обряды крещения новорожденных и другие церковные таинства.

Краткий экскурс в историю малого забайкальского города Борзи показывает богатое типологическое разнообразие памятников истории, культуры и природы, имеющих как общероссийское, так и мировое значение.

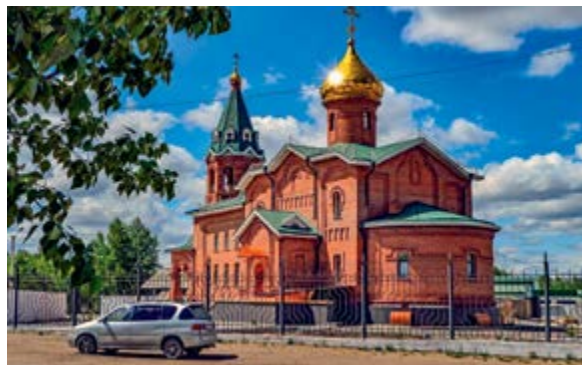
Литература

1. Баклыский, П. В., Крадин, Н. П. Деревянное культовое зодчество Забайкалья // Архитектурное наследие: [сб. статей]. – Вып. 66. – Москва; Санкт-Петербург, 2017. – С. 148–163
2. Константинов, А. В. Кондуйский городок // Малая энциклопедия Забайкалья: Архитектура и строительство. – Новосибирск: Наука, 2016. – С. 223, 224
3. Крадин, Н. П. Кондуйская церковь. Малая энциклопедия Забайкалья: Археология. – Новосибирск: Наука, 2011. – С. 172, 173
4. Крадин, Н. П. Архитектурные памятники Кондуя // Археология и культурная антропология Дальнего Востока. – Владивосток: ДВО РАН, 2002. – С. 233–244
5. Крадин, Н. П., Цыренжапова, Д. Е. Церковь Рождества Пресвятой Богородицы и Свв. Мучеников Кирика и Улиты // Малая энциклопедия Забайкалья: Архитектура и строительство. – Новосибирск: Наука, 2016. – С. 442, 443
6. Минерт, Л. К. Памятники архитектуры Бурятии. – Новосибирск: Наука, 1983. – 191 с., 20 л. ил.
7. Мясников, А. В. Борзинское соляное озеро // Энциклопедия Забайкалья: Читинская область: в 4 т. – Т. 2. – Новосибирск: Наука, 2003. – С. 140
8. Мясников, А. В. Бальдауф Иван Федорович; Бальдауф Федор Иванович // Энциклопедия Забайкалья: Читинская область: в 4 т. – Т. 2. – Новосибирск: Наука, 2003. – С. 92, 93

9. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. Дорожный дневник Спафария / с введ. и примеч. Ю. В. Арсеньева. – Санкт-Петербург, 1882. – 214 с.
10. Солодова, Н. Б. Борзя // Энциклопедия Забайкалья: Читинская область: в 4 т. – Т. 2. – Новосибирск: Наука, 2003. – С. 140, 141

References

- Baklysky, P. V., & Kradin, N. P. (2017). Derevyannoe kultovoe zodchestvo Zabaikalya [Wooden church architecture of Transbaikalia]. In *Arkhitekturnoe nasledstvo* (issue 66, pp. 149-163). Moscow; Saint Petersburg.
- Konstantinov, A. V. (2016). Konduisky gorodok [The small town of Konduy]. In *Malaya entsiklopediya Zabaikalia: Arkhitektura i stroitelstvo* (pp. 223, 224). Novosibirsk: Nauka.
- Kradin, N. P. (2002). Arkhitekturnye pamyatniki Konduya [Architectural monuments of Konguy]. In *Arheologiya i kulturnaya antropologiya Dalnego Vostoka* (pp. 233-244). Vladivostok: DVO RAN.
- Kradin, N. P. (2011). Konduiskaya tserkov [Konduy church]. In *Malaya entsiklopediya Zabaikalia: Arheologiya* (pp. 172, 173). Novosibirsk: Nauka.
- Kradin, N. P., & Tsyrenzhapova, D. E. (2016). Tserkov Rozhdestva Presvyatoi Bogoroditsy i Svv. Muchenikov Kirika i Uility [The Church of the Nativity of the Blessed Virgin Mary and Saint Martyrs Quiricus and Julietta]. In *Malaya entsiklopediya Zabaikalia: Arkhitektura i stroitelstvo* (pp. 442, 443). Novosibirsk: Nauka.
- Minert, L. K. (1983). Pamyatniki arkhitektury Buryatii [Monuments of architecture of Buryatia]. Novosibirsk: Nauka.
- Myasnikov, A. V. (2003a). Baldauf Ivan Fedorovich; Baldauf Fedor Ivanovich. In *Entsiklopedia Zabaikalia: Chitinskaya Oblast: in 4 Vols. (Vol. 2, pp. 92, 93)*. Novosibirsk: Nauka.
- Myasnikov, A. V. (2003b). Borzinskoe solyanoe ozero [Borzya salt lake]. In *Entsiklopedia Zabaikalia: Chitinskaya Oblast: in 4 Vols. (Vol. 2, p. 140)*. Novosibirsk: Nauka.
- Puteshestvie cherez Sibir ot Tobolska do Nerchinska i granits Kitaya russkogo poslannika Nikolaya Spafariya v 1675 godu. Dorozhnyi dnevniki Spafariya [A journey through Siberia, from Tobolsk to Nerchinsk and China boundaries of the Russian delegate Nikolai Spafary in 1675. Notes of a journey of Spafary]. (1882). Saint Petersburg.
- Solodova, N. B. (2003). Borzya. In *Entsiklopedia Zabaikalia: Chitinskaya Oblast: in 4 Vols. (Vol. 2, pp. 140, 141)*. Novosibirsk: Nauka.

< Рис. 27. Церковь в с. Курунзулай. Вид с юго-востока

< Рис. 28. Церковь Преподобного Сергия Радонежского в Борзе. Фото В. Хамина

«Энергия Солнца» – концепция развития и благоустройства территории в центре города Борзя, сообразующаяся с природно-климатическими особенностями местности и формирующейся на их основе идентичности. Характеризуются объекты и территории, становящиеся центром проекта и «точкой роста». Степень готовности рабочей документации позволяет начать реализацию проекта весной 2021 года.

Ключевые слова: Борзя; «Энергия Солнца»; общественные пространства; благоустройство; соучаствующее проектирование; точка роста. /

“Energy of the Sun” is a concept for the development and improvement of the area in the center of the town of Borzja with respect to natural and climate characteristics of the territory and the identity that they shape. The article features the objects and areas which become the focus of the project and the “growing point”. The level of readiness of the working documentation makes it possible to start the realization of the project in spring 2021.
Keywords: Borzja; “Energy of the Sun”; public spaces; improvements; participatory design; growing point.

Борзя. Энергия Солнца / Borzja. Energy of the Sun

текст

Анастасия Репина /
text
Anastasia Repina

Вместо предисловия

Проект «Энергия Солнца» был особенно важным для автора публикации, поскольку разрабатывался для родного города. Многим город известен как место краткосрочной службы. Бывшие военнослужащие вспоминают Борзю как не самое дружелюбное место, его знойное лето и суровые ветреные бесснежные зимы. Кроме того, в городе нет архитектурного наследия: основанный в 1899 году, он просто не успел накопить архитектурной истории. Когда-то большие промышленные предприятия прекратили свое существование и, глядя на городскую среду, ничего воодушевляющего, кажется, и найти нельзя. К счастью, это не так: многие коренные жители придерживаются иного мнения. Забайкальские степи сиротливы, в них нет природной пышности; зато есть огромное небо: потрясающие закаты с тонкой цветовой гаммой всевозможных оттенков и звездами. В степи замечательно пахнет свежими травами, можно запросто встретить редких животных и птиц – дзерана и журавля: Даурский заповедник, состоящий из степных озер и нескольких изолированных озерных и степных участков, находится всего в 19 км от города и является объектом Всемирного наследия ЮНЕСКО. Люди в городе часто бывают ворчливыми и вспыльчивыми, но они добрые и своим забайкальским говором располагают к себе.

Выбор территории

Территория выбрана жителями прежде всего из-за находящегося на ней бывшего Дома офицеров. Он пустует с 2013 года и нуждается в капитальном ремонте. Горожане практически единодушно проголосовали за восстановление бывшего Дома офицеров и благоустройство парка. Кто-то еще помнит его лучшие годы, когда это был общественный культурный центр, и мечтает о его восстановлении, а молодежь говорит о необходимости новых качественных пространств и изменении облика знакового места в центре города. Прилегающая к нему территория парка была заброшена, как и здание военной прокуратуры. Бывший Дом офицеров являлся завершением культурной оси: ул. Пушкина с расположенной на ней городской библиотекой, мемориал Великой Отечественной войны, Дом культуры железнодорожников, центральная

площадь, детская художественная школа, церковь Сергия Радонежского и кинотеатр «Восток». Кроме того, парк связан с привокзальной площадью и вновь сформированной площадью имени 6-й гвардейской танковой армии. Поэтому принято решение рассматривать их в комплексе как объединенную территорию.

Уже сейчас горожане проявляют интерес к территории, выбранной для проекта. Силами работников железной дороги из парка были убраны брошенное летнее кафе и бывшее здание военной прокуратуры, подстрижены деревья и уложены заново дорожки на привокзальной площади. Волонтеры проводят субботники в парке. Местный предприниматель (бывший военнослужащий) безвозмездно занимается охраной здания от маргиналов.

Проектные предложения

Для связности пространств, комфортного и безопасного передвижения пешеходов были проложены новые маршруты, организованы тротуары. Площадь имени 6-й гвардейской танковой армии фактически является широким перекрестком ул. Лазо и ул. Пушкина, на котором расположен памятник воинам одноименной армии (танк Т-34 с барельефами на постаменте). Проектом предложено сократить пространство перекрестка, переорганизовать движение, а перед памятником сформировать небольшую пешеходную площадь в уровень тротуара. Это предложение вызвало больше всего обсуждений и споров, но все же было принято. Вопросы, связанные с транспортным движением в малых городах, обсуждаются с неослабевающим интересом; возможно, это связано с плохо развитым общественным транспортом и неорганизованными парковками: за редким исключением горожане подъезжают практически к крыльцу и припарковывают автомобили в любом месте.

Центральная аллея в парке на привокзальной площади с вновь сформированной событийной площадью у Дома офицеров и располагающейся далее площадью имени 6-й гвардейской танковой армии стали новой системой общественных пространств. Таким образом основной пешеходный поток сможет пойти не по тротуару улицы, а через парк.

Проект разработан в рамках подготовки заявки на Всероссийский конкурс лучших проектов создания комфортной городской среды «Малые города и исторические поселения 2020».

ООО «Сибирская лаборатория урбанистики
Авторский коллектив концепции

Сергей Маяренко
Анастасия Репина
Павел Дорофеев
Евгения Кензина
Евгения Тульскова
Анастасия Селянгина
При участии
Алина Пак
Николай Беловежц
Динара Ильина

Культурная программа проекта построена на совместной работе восстановленного Дома офицеров и территории. Ключевые резиденты обретут место постоянного размещения для работы как в здании, так и в парке. Местный социально-культурный центр – основной партнер проекта – станет организатором нового Дворца и единым оператором управления территорией проектируемого парка и центрального городского парка. Остальные резиденты продолжают свою работу на новом месте и примут участие в благоустройстве территории. Представительство всероссийского детско-юношеского военно-патриотического общественного движения (Юнармии) занимается проведением занятий по патриотическому воспитанию и строевой подготовке. Штаб волонтеров проводит мероприятия, благотворительные акции, субботники. Общество инвалидов организует занятия для людей с ограниченными возможностями, проводит различные встречи, праздники, обучающие мероприятия, курсы. Совместная деятельность позволит объединить людей для формирования сильного сообщества.

Совместно с будущими резидентами и жителями автoрами концепции были запроектированы основные зоны и площадки: на территории социокультурного центра была необходима уже упомянутая выше событийная площадь для проведения мероприятий. Так, ученики «Юнармии» представили свои проекты полосы препятствий для тренировок, которые стали основой для проектирования площадки; для общества инвалидов была выделена территория с уличными тренажерами и площадкой для игры в бочке, на которой они смогут тренироваться и проводить соревнования. Совместно со школьниками был разработан открытый коворкинг с мебелью для занятий и проведения мероприятий. Широкая центральная аллея сможет разместить сезонные ярмарки.

Детские площадки разделены на две зоны: для детей старшего возраста и младшего, с игровыми элементами для детей с ограниченными физическими возможностями. Пешеходный фонтан между площадками также станет излюбленным местом для игры; расходящиеся от него дорожки подсвечены тротуарными светильниками. А вдоль

> Блогер Илья Варламов на этой визуализации не случаен: в апреле 2019 г. после поездки в Борзю он написал статью о городе «Худший город России». После реализации проекта «Энергия Солнца» можно будет убедиться, что ситуация поменялась

дорожек размещены группы пеньков, чтобы можно было прыгать по ним, пока идешь к площадкам.

Озеленение в парке запроектировано таким образом, чтобы территория была защищена от северного ветра: вдоль ограждения парка будут высажены сосны рядовой посадкой, а на следующем уровне – пышные кусты сирени. Растения подобраны из местных культур, а система автополива позволит создать в парке городской оазис, которому не страшны засушливое лето и палящее летнее солнце.

Самый солнечный город России

ФАКТИЧЕСКАЯ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ
СОЛНЕЧНОГО СИЯНИЯ В ГОД

2931,4 ч

данные за 2018г.

Транспортный центр юго-восточного Забайкалья

КЛЮЧЕВАЯ СТАНЦИЯ ТРАНСИБИРСКОЙ МАГИСТРАЛИ
УЗЕЛ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ АВТОМОБИЛЬНЫХ ДОРОГ
НА МОНГОЛИЮ, КИТАЙ, ВОСТОК И ЮГО-ВОСТОК КРАЯ

Месторождение соли

НАЗВАНИЕ ГОРОДА БОРЗЯ ПРОИЗОШЛО ОТ
СОЛЕННЫХ ОЗЕР, НАЗЫВАЕМЫХ
ПО-БУРЯТСКИ «БООРЖА»

ДОБЫЧА САМООСАДОЧНОЙ СОЛИ ВЕЛАСЬ
С 1756 ГОДА И НА ПРОТЯЖЕНИИ 180 ЛЕТ.

Даурский заповедник

ЯВЛЯЕТСЯ ОБЪЕКТОМ ВСЕМИРНОГО НАСЛЕДИЯ
ЮНЕСКО «ЛАНДШАФТЫ ДАУРИИ»

Трансляция идентичности

Когда мы приступили к проекту, для нас стало открытием, что Борзя – самый солнечный город России. Для достоверности заказали справку о количестве часов солнечного сияния в год и убедились: аж 2932 часа! Так появилась идея использовать солнечную тематику как ключевую, а в связке с людьми, заинтересованными в проекте и готовыми вести активную деятельность, родилось название – «Энергия Солнца». Далее через выявление городской идентичности и изучение ресурсов были сформированы идеи для их отражения в проекте.

– Использование природно-климатических условий для развития солнечной и ветровой энергии: солнечные батареи будут размещены на Дворце культуры, коворкинге, а также будут использованы для освещения территории и уличных розеток свободного доступа.

– Внутренний и международный туризм по природным объектам Даурского заповедника: туристический центр и гостиницы смогут предложить двухдневный экскурсионный тур.

– Ориентация на региональный и международный рынок в сельскохозяйственной деятельности. Специализация на экологически чистых продуктах и местных брендах (мука «Даурская», сахарный пряник и др.). Сувенирные лавки во Дворце культуры и Русском доме станут витриной продажи продукции.

– Медицинский кластер. Использование уникальных природных ресурсов; производство натуральной местной косметики; новый медицинский центр с соляными спа-комнатами будет открыт при гостинице на проектируемой территории.

– В благоустройстве парка знаковыми объектами станут интерактивные солнечные часы, светодинамический фонтан на «Солнечном сквере», беседки с «солевым» витражом, ландшафтные «солевые» лампы, клумба «Озеро Зун-Торей», повторяющая очертания одного из любимых мест отдыха горожан, скульптуры даурского журавля, игровые элементы детской площадки в виде кристаллической решетки поваренной соли, баннер на стене коворкинга, рассказывающий о журавлях заповедника и музей города под открытым небом (он был придуман школьниками в ходе проектных сессий). В рамках подго-

Литература

1. Крадин, Н. Малые исторические города Забайкалья: Сретенск, Акша // Проект Байкал. –2019. – № 61. – С. 67–70
2. Крадин, Н. Малые исторические города Забайкалья: Нерчинск // Проект Байкал. – 2019. – № 61. – С. 80–89
3. Репина, А., Станислав Соколов, С., Холявко, А. «Золотая нить» – концепция развития исторического центра Нерчинска // Проект Байкал. – 2019. – № 61. – С. 90–95
4. Казакова, В. «Таежные бульвары» – концепция благоустройства парка в г. Саянске // Проект Байкал. – 2019. – № 61. – С. 100–104

References

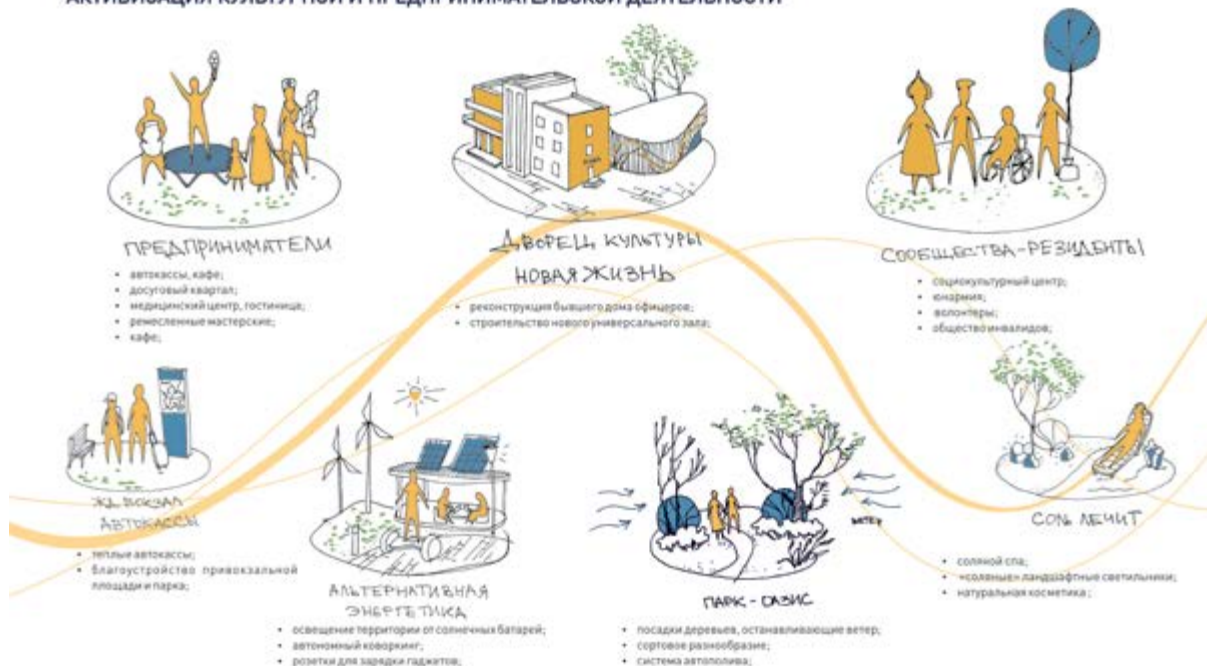
- Kazakova, V. (2019). "Taiga Boulevards": the park improvement concept for Sayansk. Project Baikal, 16(61), 100-104. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.61.1509>
- Kradin, N. (2019a). Small and historic towns in Zabaikalye: Nerchinsk. Project Baikal, 16(61), 80-89. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.61.1505>
- Kradin, N. (2019b). Small and historic towns in Zabaikalye: Sretensk, Aksha. Project Baikal, 16(61), 67-79. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.61.1504>
- Repina, A., Sokolov, S., & Kholyavko, A. (2019). "A Golden Thread": the concept for development of Nerchinsk historical center. Project Baikal, 16(91), 90-95. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.61.1506>

товки к школьным научно-практическим конференциям будут собраны материалы для музея.

«Энергия Солнца» – проект создания нового центра города, наполненного энергией жителей и темами, вырастающими из названия; проект даст импульс для развития культурной и предпринимательской деятельности, ориентированной на горожан. Он привлечет в город туристов (что важно для экономики города), создаст дополнительные рабочие места и обеспечит увеличение доходной части бюджетов. Организованная территория привокзальной площади повысит комфортность передвижения для пассажиров и благоприятно повлияет на образ

города для прибывающих. Теплый зал ожидания и площадка посадки-высадки пассажиров сделают проезд на автотранспорте более привлекательным и увеличат пассажиропоток. Новые парки станут местом отдыха и активного досуга горожан. Дорожки и тропинки свяжут ключевые объекты. Видеонаблюдение и наполненность пространств людьми сделают среду более безопасной. Проект создаст условия для развития местного предпринимательства: в здании на территории парка уже открылось кафе, рядом будут построены автокассы и досуговый квартал с медицинским центром, а в здании Дома офицеров откроются ремесленные мастерские.

ЭНЕРГИЯ СОЛНЦА - ИМПУЛЬС ОБЪЕДИНЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ, АКТИВИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНОЙ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

в Рис. 1. Карта градостроительного зонирования г. Тулуна. Братское землеустроительное предприятие. 2011

текст
Андрей Большаков /
text
Andrey Bolshakov

После наводнения 2019 года в городе Тулуна более 15 тысяч жителей лишились жилища. Тулуна – малый депрессивный город, обладающий природными ресурсами. Новый генеральный план уже учитывает свойства ландшафта. Остаются недостатки в планировке. Автор предлагает принципы ее реконструкции. Принцип ландшафтосообразности устанавливает порядок градостроительного зонирования и инженерной защиты от наводнений. Второй принцип – использование эконом-географического положения для возрождения города. Третий принцип – адресный подход к разработке морфотипов жилой застройки.

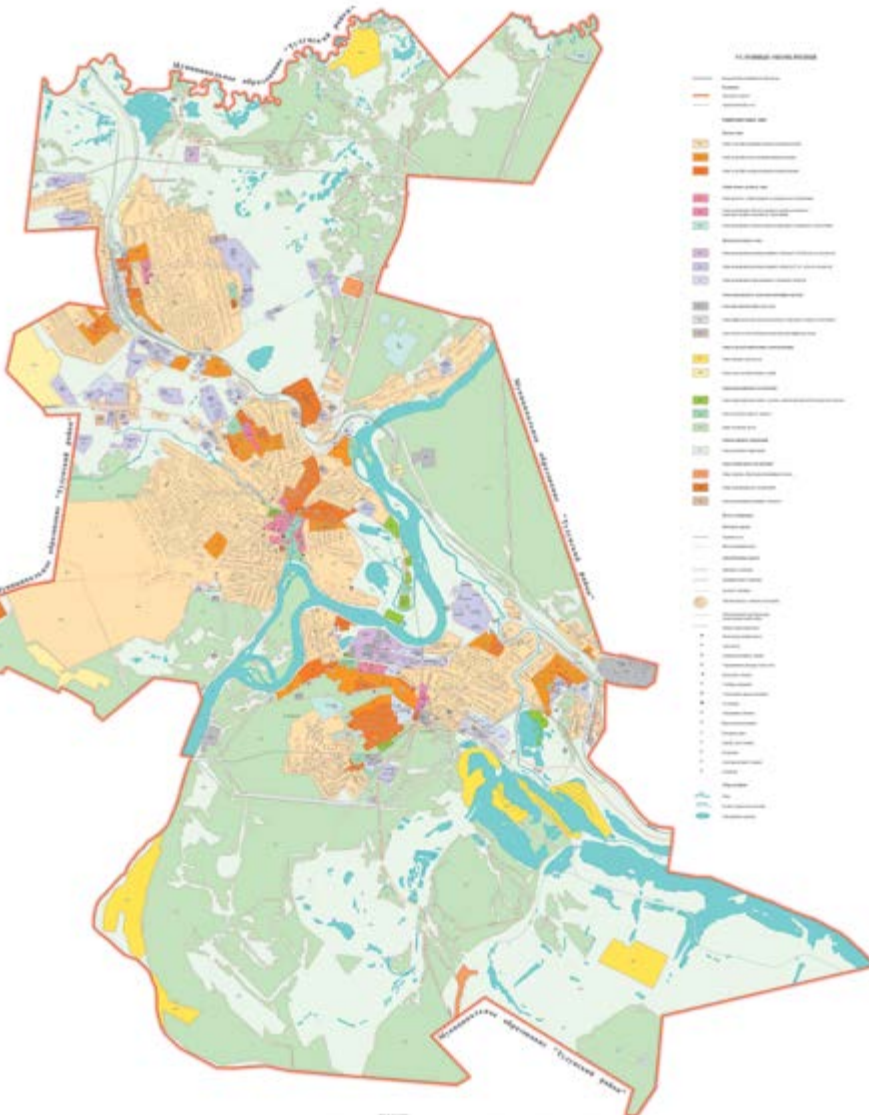
Ключевые слова: градостроительная оценка; затопление; малый депрессивный город; ландшафтосообразность; градостроительное зонирование; защитные дамбы; морфотипы жилой застройки. /

After the flood in Tulun in 2019, more than 15 thousand people lost their dwelling. Tulun is a small depressive town possessing natural resources. The new master plan takes into account the peculiarities of the landscape, but still has drawbacks of planning. The author proposes principles for its reconstruction. A landscape-oriented principle establishes a procedure of urban development zoning and engineering protection from floods. The second principle is focused on the use of the economic and geographical position to revive the town. The third principle implies a targeted approach to the working out of morphotypes of residential development.

Keywords: evaluation in urban planning; flooding; a small depressive town; respect for the landscape; urban development zoning; protection dikes; morphotypes of residential development.

Уроки ландшафтосообразности из Тулуна / Lessons of respect for the landscape drawn from Tulun experience

Правила землепользования и застройки муниципального образования - «город Тулуна»
Карта градостроительного зонирования

Введение

Градостроительная политика в России постсоветского периода ведет к депопуляции провинциальных территорий. Малые города становятся все меньше, а несколько мегаполисов концентрируют многомиллионное население, финансовые, трудовые, производственные ресурсы. Другая тенденция – развитие городских территорий путем полного замещения природного ландшафта. Такие свойства ландшафта, как экологическая ценность, устойчивость и динамика состояния природных экосистем [1], практически не учитываются. Обе тенденции порождают проблему малых депрессивных городов. Растет число городов, где сокращаются население и рабочие места, снижается уровень безопасности жизни. К ландшафту в Тулуна отношение небрежное. Более 1/3 территории расположено в пойме реки Ия. Эта река много раз затопляла город с частотой примерно один раз в 10 лет. 29 июня 2019 года случился сильный паводок; уровень воды в городе поднялся на 14 м, все поймы и низкие надпойменные террасы ушли под воду вместе с жилой застройкой [2]. Пострадали также главные объекты транспортной инфраструктуры. На две недели остановилось движение на федеральной автодороге Москва-Владивосток. Катастрофа показала необходимость разработки основ градостроительной политики для малых депрессивных городов [3], расположенных на реках. Три урока следует извлечь в градостроительной политике из истории города Тулуна, подвергшегося затоплению.

1. Градостроительное планирование, наконец, должно стать ландшафтосообразным. О правильном отношении города к ландшафту автором написаны труды в 1991, 2003, 2009, 2019 годах [7; 8]. Ландшафтосообразность позволит предотвратить огромные ущербы от затоплений. Только в Тулуна ущерб составил 29 млрд. руб.

2. Во избежание массового оттока населения из малых депрессивных городов жилую застройку следует делать адресно, по критериям привлекательности и с полноценной социальной инфраструктурой.

3. Малые города необходимо возрождать на основе преимуществ эконом-географического положения, с учетом имеющихся ресурсов путем модернизации и диверсификации рабочих мест.

1. Градостроительная оценка

Город расположен на пересечении транспортного коридора (Московского тракта и Транссиба) с рекой Ия. Ия – левый приток реки Ангары, стекает с гор Восточного Саяна. Река питается тающими снегами вершин и дождем. Город возник как станция ямской гоньбы (почтовая станция гужевого транспорта) на Московском тракте, созданном в XVIII веке. Тракт соединил Сибирь со столицей государства. Историки отмечают, что дорога строилась рядом с рекой в связи с тем, что зимой она превращалась в ледовую трассу. В конце XIX века параллельно гужевому тракту пролегла железная дорога – Транссибирская магистраль, стальной пояс России, стянувший на рубеже XIX и XX веков все регионы страны. Из Тулуна на север идет автотрасса «Вилкой» до Якутска, ставшая в 2007 году федеральной. В советское время в Тулуне работали региональные угледобывающие предприятия. На базе лесосырьевых ресурсов развивались лесозаготовительные и деревообрабатывающая отрасли, в частности, крупный гидролизный завод, производивший продукты лесохимии. Работал стекольный завод на местном месторождении кварцевых песков. Вокруг – благоприятные условия для сельского хозяйства. К 1990 году в городе проживало более 50 тыс. жителей. Перед затоплением численность населения составляла 41 тыс. человек.

Топография. Город расположен на обоих берегах реки Ия, текущей с юга на север. В створе Тулуна река делает широкую излучину, отступая от основного русла вправо на восток на три километра. По берегам расположены гряды холмов, вершины которых поднимаются над зеркалом воды до 100 м. Зеркало воды в створе центра имеет отметку 450 м. В границах города гряды состоят из двух холмов на каждом берегу, образуя высокий защитный вал. Однако в этих защитных прирусловых валах есть проран. Он представляет собой два широких лога, пересекающих долину в широтном направлении; по их днищу протекают левый приток – ручей Тулунчик и правый – речка Азей. В правое крыло прорана устремилась и сама река Ия, где она делает петлю, главную излучину. Это самое низкое урочище Тулуна, оно возвышается над водой менее чем на 10 м. В левом (западном) логе по самому его днищу проложен Транссиб. На правом (восточном) берегу Транссиб обходит лог и прижимается к склону северного холма. Полка Транссиба находится выше критического уровня паводка. Московский же тракт в правобережной части города был затоплен на всем своем протяжении от русла реки и до верхней кромки восточного лога, поскольку весь восточный лог находится ниже уровня паводка.

Планировка. Тулун более чем на 2/3 состоит из усадебной застройки. Блок-секционная застройка находится в трех кварталах. В городе три района: центральный, северный (железнодорожный) и южный (угольный и гидролизный) за рекой (рис. 1). По длинной оси поперек реки город вытягивается на 11 км. В центральном районе сеть главных улиц образует три оси. 1. Главная улица Ленина проходит вдоль левого берега реки по меридиану. На юг она направлена в поселок Икей, на север – в город Братск. 2. Улица Володарского, она же Московский тракт, идет перпендикулярно к реке вдоль ручья Тулунчик. 3) К районным улицам широтного направления относятся также улицы Коммуны и Советская.

Таким образом, планировка центрального района гребенчатая. Это означает, что от городской магистрали фронтально по отношению к реке расположения отходят перпендикулярные к ней рокадные улицы (Володарского, Советская, Коммуны). Общегородской линейный центр вытянулся по улице Ленина. Часть центрального района расположена в излучине реки. Эта часть ушла

под воду полностью. Граница пойменной и нагорной частей проходит по улице Ленина. Через излучину проложен Московский тракт. Они пересекаются в зоне разрыва между центральным и северным районами.

Северный район расположен частью на территории западного лога, частью на склоне северного холма левобережной гряды. Между центральным и северным районами сохраняется разрыв. По нему проходит Транссиб. Связь районов осуществляется круглыми путями. Три точки – въезд в северный район, выезд из центрального района и мост через железную дорогу – соединяются по сложной траектории из-за функциональной чересполосицы. Пятно района имеет форму эллипса. Главная улица Блюхера – длинная ось эллипса. С запада по периметру эллипса проходит железная дорога и вдоль нее четыре улицы, случайно увязанные в ломаную конфигурацию. На пересечении короткой оси эллипса и западного периметра находится железнодорожный вокзал Тулун. Внутри эллипса выстроена правильная ортогональная решетка. Ее ячейки образуют кварталы габаритами 80х350 м. Кварталы разбиты на усадебные участки.

Южный район расположен выше речной излучины, на холме за рекой. У подошвы холма лежит восточный лог, дренируемый речкой Азей. По подошве проходит улица Гидролизная – это городское название Московского тракта. Планировочная структура южного района в общих чертах соответствует форме рельефа. В логу расположен район усадебной застройки с мелкой парцелляцией. Он был затоплен до подошвы холма. Параллельно улице Гидролизной выше по склону идет улица Воскресенского. К ней подцепляются два микрорайона кластерного типа. Это микрорайон Угольщикова блок-секционной застройки и микрорайон усадебного типа Сосновый бор. Между двумя кластерами сохранился незастроенный участок. Улица Гидролизная мостом переходит реку Ию ближе к основанию главной излучины. Будучи границей восточного лога, эта улица была затоплена (рис. 2). Планировочный каркас города оценивается как уязвимый и слабо упорядоченный.

Градообразующая база советского периода.

Наибольшее развитие города происходило в советское время (рис. 1). Разрабатывались Тулунское и Азейское месторождения угля. Добыча велась в карьерах. После отработки угольных пластов выполнена рекультивация карьеров и отвалов. Видов рекультивации было два – залесение отвалов и обводнение карьеров. Компания «ВостСибУголь» на южном холме построила микрорайон из типовых домов средней этажности. У подошвы холма расположился гидролизный завод, производивший из древесной щепы продукты лесохимии. Завод и его шлам-отстойники расположены между берегом и улицей Гидролизной. В перестройку он был разорен, а в 2019 году полностью затоплен. В зоне между центральным и северным районами до 1990 года существовал стекольный завод, где производили листовое стекло, стеклянную посуду, другие изделия. Завод был перенесен из поселка Тальцы на Байкальском тракте в 1955 году, когда заполняли ложе Иркутского водохранилища. В Тулуне он работал на базе месторождения кварцевого песка, расположенного поблизости. Предприятия деревообработки располагаются к востоку и к западу от района железнодзорожников. В северном районе находится станция «Тулун». Работала селекционная станция, где выводили семена культур, районированных к условиям Восточной Сибири. К 1990 году на предприятиях Тулуна были заняты 19 тыс. человек [4].

2. Катастрофическое затопление

29 июня 2019 года вода реки Ия поднялась на 14 метров. Вся пойма центральной излучины и днища восточного и западного логов были затоплены. По космическому

снимку программы Google Earth от 1 июля 2019 года [5] (рис. 2) мы выполнили расчет ущерба от затопления. Способ подсчета следующий: 1) по космическому снимку очерчивается территория застройки, попавшая в затопление; 2) в этих границах отмечаются объекты, существовавшие в период, предшествующий затоплению; 3) количество индивидуальных домов и квартир в блок-секционных домах, попавших под затопление, умножается на 3, т. е. на среднее количество людей, проживающих в одной квартире. Результаты приводятся в значениях, показывающих порядок цифр ущерба.

А). Жилье. Количество людей, потерявших жилье:
3500 индивидуальных жилых домов;
1500 квартир в многоквартирных домах средней этажности.

Всего 5000 квартир × 3 чел. = 15000 чел.

в Рис. 2. Космоснимок затопления Тулуна 29 июня 2019 года. Google Earth, 2019

Б). Количество объектов социальной инфраструктуры: 1) средняя школа № 20, 2) средняя школа № 6 – всего на 1100 учащихся; 3) детский сад «Аленушка», 4) детский сад «Родничок», 5) детский сад «Лучик» – всего 280 мест.

В). Транспортная инфраструктура. Разрушены полностью и дорожное покрытие федеральных дорог и магистральных улиц городского значения:

1) Московский тракт – 8 км; 2) улица Ленина – 6 км – итого 14 км.

Г). промышленно-коммунальные объекты: 1) ремонтно-строительное управление; 2) мясокомбинат; 3) кондитерская фабрика; 4) агропромышленное предприятие; 5) плодокомбинат; 6) зверопромхоз; 7) рынок продовольственный и вещевого; 8) АЗС; 9) гидролизный завод.

Ущерб составил 29 млрд. руб. и 26 погибших [2]. Более 1/3 горожан потеряли жилье.

3. Малый депрессивный город

Критерии депрессивности города следующие: неблагоприятие населения; низкие стандарты жилья; низкий уровень занятости; низкий уровень разнообразия мест приложения труда; дефицит количества и качества объектов социальной инфраструктуры; низкий уровень безопасности; экологическое неблагоприятие; сокращение населения в результате оттока горожан.

Отрицательная динамика численности населения города Тулуна приводится в таблице 1. Отток населения из города за последние 10 лет привел к сокращению населения на 6,5 тыс. жителей [6]. Отчет администрации города: «непригодными для проживания признаны 5718 домов и квартир в зоне наводнения, в которых проживало 17154 человека. Подлежат капитальному ремонту 3 тыс. 458 жилых помещений, принадлежащих 10374 собственникам» [2].

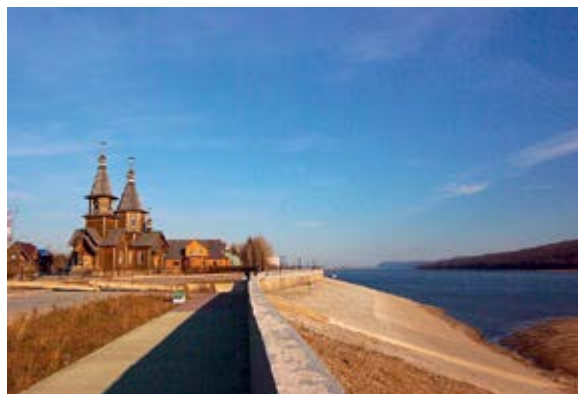
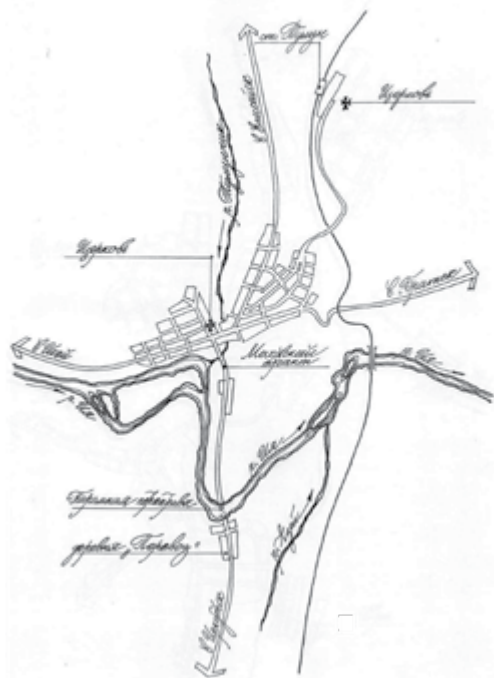
Таблица 1. Динамика численности населения Тулуна за последние 10 лет

годы	2008	2009	2011	2013	2015	2017	2019
население	47800	47266	44497	42961	42029	41671	41279

Общее количество семей, нуждающихся в новом жилье после потопа, составляет 5718. Снижение уровня занятости в градообразующих отраслях показывает таблица 2.

Таблица 2. Структура градообразующих кадров г. Тулуна [4]

Градообразующие отрасли	1986		Исходный год (2007)		2019		Расчетный срок (2025)	
	Тыс. чел.	%	Тыс. чел.	%	Тыс. чел.	%	Тыс. чел.	%
промышленность	7,2	36,4	2,6	40	2,2	42,1	4,0	52,6
Строительство	2,5	12,6	0,1	1,5	0,29	5,6	0,4	5,3
Внешний транспорт	2,3	11,6	1,5	23,1	1,62	31,0	1,7	22,4

< Рис. 3. План Тулуна – волостного центра в конце XIX в. [9]

Из таблицы видно, что в постсоветский период численность рабочих мест в промышленности снизилась в 3,3 раза. В строительстве их количество уменьшилось в 8,6 раза. И только на станции железной дороги и на внешних автоперевозках численность трудовых кадров упала не так сильно: в 1,4 раза. Добыча полезных ископаемых и лесопромышленный комплекс обеспечивают основной вклад в экономику и приносят наибольшую долю налоговых поступлений в бюджет города.

4. Новый генплан

Тулун – транспортный узел федерального значения. Периодические затопления этого узла делают его ненадежным. Институтом АО «Транспроект» в 2019 году была предложена схема северного обхода города Московским трактом. При этом обход пересекается с федеральной автотрассой «Вилуя» менее чем в 10 км к северу от существующего пересечения в центральном районе города. Генеральный план Тулуна, выполненный ООО «ППМ Мастер план», в конце 2019 года [4] основывается на правильном решении о выведении жилой застройки из затопляемой поймы и о размещении нового строительства на двух южных холмах левого и правого берега.

5. Принцип ландшафтообразности

Принцип ландшафтообразности сформулирован следующим образом [7]. **Из трех элементов микрорельефа масштабов фации и урочища, к которым относятся вершина, склон и низина (пойма, в частности), максимальная урбанизация допустима на плоской вершине; минимальная урбанизация, рекреация, формирование природного каркаса показаны в пойме, долине; склоны, в зависимости от крутизны, по интенсивности застройки должны занимать промежуточное положение.** Объясняется принцип экологическими свойствами местоположений. Вершинная поверхность характеризуется элювиальным режимом: с нее выдувается и вымывается ландшафтный материал, она устойчивее других местоположений к загрязнению. В низине накапливается материал; днище долины является аллювиальным ландшафтом, наиболее богатым по биологической продуктивности. При этом долина (низина) наиболее уязвима перед угрозой загрязнений. Пойма представляет собой

место с высокими рисками затопления. Экологический режим склона является делювиальным, транзитным. Склон менее устойчив, чем вершина и менее продуктивен, чем низина. Поэтому на склоне можно строить интенсивнее, чем в низине, но умереннее, чем на вершине.

На примере Тулуна практика показала, что жизненно необходимо вести градостроительную политику согласно принципу ландшафтообразности. В новом генеральном плане Тулуна [4] градостроительное зонирование приблизилось к этому принципу. Генплан не допускает строительство в пойме. Оно переносится на плоские вершины холмов. Заметим, что еще в XIX веке Тулун был спланирован более правильно: ниже нынешней улицы Ленина, в излучину реки Ия застройка не опускалась (рис. 3) [9]. Улица Ленина тогда называлась Большая. Главная улица ориентирована на Братск; это говорит о том, что связь Тулун-Братск изначально работала как одна из главных. Московский тракт в границах Тулуна в XIX веке проходил по-другому. На его пересечении с Большой улицей стоит Покровская церковь. Продолжением тракта служила улица Покровская, которую затем переименовали в Советскую. Покровская церковь служила важным градостроительным ориентиром на Московском тракте. Тракт с поймы подымался к церкви на 18 м, и церковь, таким образом, отделяла безопасное место от затопляемого.

Кроме методов градостроительного планирования, которые являются основополагающими, в проекте реконструкции Тулуна предложены также инженерные методы защиты от наводнения. АО «Институт Гидропроект» разработал схему двух дамб [10].

Затопление малых городов в Сибири не редкость. Так, в 2001 году в городе Ленске произошло катастрофическое наводнение. Из-за ледового зажора во время весеннего ледохода вода реки Лена поднялась на 21 м и затопила город целиком. Институтом «Сибирчпроект» [11] была спроектирована дамба обвалования протяженностью 19 км и высотой 18 м. Эта дамба имеет откосный поперечный профиль, выполнена из грунта, а откос укреплен железобетоном (рис. 4). Защитная дамба в Ленске стоит на пойме и не сжимает сечение русла реки.

< Рис. 4. Набережная на защитной дамбе и Церковь во имя Святителя Иннокентия в городе Ленске. Видна откосная конструкция защитной дамбы, 2009. Фото А. Зуева. – URL: <http://pravlogos.ru/glava-1-ot-muhtui-do-lenska-v-potoke-vremeni/>

< Рис. 5. Схема дамбы против затопления пойменных участков застройки Тулуна. АО «Институт Гидропроект», 2019

Наводнение и свойства обоих городов имеют сходство. Ленск тоже малый город: там проживает 27 тыс. жителей, и он испытывает убыль населения, как и Тулун. Но ландшафтно-градостроительная ситуация Ленска другая. Отличие в том, что вся его территория находится в зоне катастрофического наводнения. Подъем воды на 18 м покрывает весь город. В Тулуне ландшафтная и гидрологическая ситуация более благоприятная, потому что доля поймы в площади города не превышает 30%. Близко к реке подходят холмы, на которых уже расположена большая часть города, и пойменную застройку проще перенести на вершины.

Дамбы для Тулуна высотой 15 м разместятся: северная на левом берегу и южная на правом (рис. 5). Северная дамба ставится в основном на пойме главной излучины. Эта дамба параллельна улице Ленина и идет по краю микрорайона им. Г. К. Жукова, застроенного пятиэтажными домами, по сопряжению поймы и надпойменной террасы. Она простирается с севера на юг. На севере дамба примыкает к железнодорожному мосту. Здесь она более полукилометра идет по урезу воды на юг и затем поднимается на пойму. Пройдя пойму, дамба снова выходит на урез воды на юге и стоит на кромке левого берега, выше по течению относительно главной излучины. Этот отрезок дамбы подпирает берег протяженностью 300 м. Оконечности северной дамбы вызывают вопросы.

Южная дамба располагается на правобережье. Она отделяет застройку района Угольщиков и гидролизного завода от восточного лога и правобережной поймы Ии, простираясь с запада на восток. Вопреки принципу ландшафтообразности, власти города хотят сохранить застройку на пойме, на восточном крыле дамбы. В средней части дамба возвращается в тыл от поймы и защищает московский тракт (улицу Гидролизную). На западной оконечности дамба огибает вторую излучину и выходит здесь на урез воды.

Расположение участков на урезу воды вызывает возражение. Когда сжимают сечение русла реки и не дают ей разлиться в паводок, то вступают с ней в неразумное противоборство: вследствие увеличения давления и скорости сжатая речная струя вынесет из-под тяжелой дамбы основание, сложенное ее собственным аллювием,

и стена рухнет. Ландшафтосообразной является такая конструкция дамбы, как камнеабросный пляж с покатым склоном. Покатый склон берегозащиты дает реке возможность в паводок разливаться без нагнетания давления. В теле каменной наброски скорость струи гаснет, и она сама начинает строить для себя берегозащиту, откладывая в пустотах между валунами свой твердый сток.

Сохранять поселок на пойме, уже неоднократно затопленной, нецелесообразно, так как в случае неизбежного повторного подъема воды он будет, как минимум, подтапливаться. Таким образом, жилой фонд надо убирать отсюда и размещать на вершинах холмов.

6. Экономгеографическое положение и принцип инвестиционной привлекательности

Величинами эконом-географического положения являются: доступность минеральных и топливно-энергетических ресурсов; расположение на магистральных путях относительно рынков сбыта, рабочей силы, сельскохозяйственных угодий и лесных ресурсов. Уголь, лес, электроэнергия Братской ГЭС, возможности пересечения двух федеральных трасс – широтной и меридиональной – эти факторы служат предпосылками возрождения Тулуна. Региональные центры находятся на расстояниях: Красноярск – 600 км; Иркутск – 400 км; Братск – 200 км. Меридиональная связь актуальна как вектор движения в Арктику через Братск и Якутск. С этим связаны северный морской путь и другие арктические программы. Широтную связь по Транссибу известный советский и российский ученый градостроитель И. Г. Лежава рассматривал как линейный каркас расселения на Востоке России. То есть экономические и пространственные предпосылки развития Тулуна на Транссибе и Московском тракте имеются. Он представляет собой точку на линии Иркутск-Красноярск. На этой линии расположены 10 городов. Транссиб рассматривается как конвейер, на котором происходит обмен деятельностью, товарами и услугами. Используя свой местный потенциал, каждый город вносит вклад в региональный рынок. Границы рынка будут выходить за очерченную полосу, но важно, что общее возрождение начнется с конкретных мест. Для Тулуна существует программа из следующих пунктов.

1. Производство стеклокомпозиатов. Период реализации – 2020–2028 гг. Предполагаемый объем инвестиций 1000 млн. руб.; планируется создать 1100 рабочих мест.

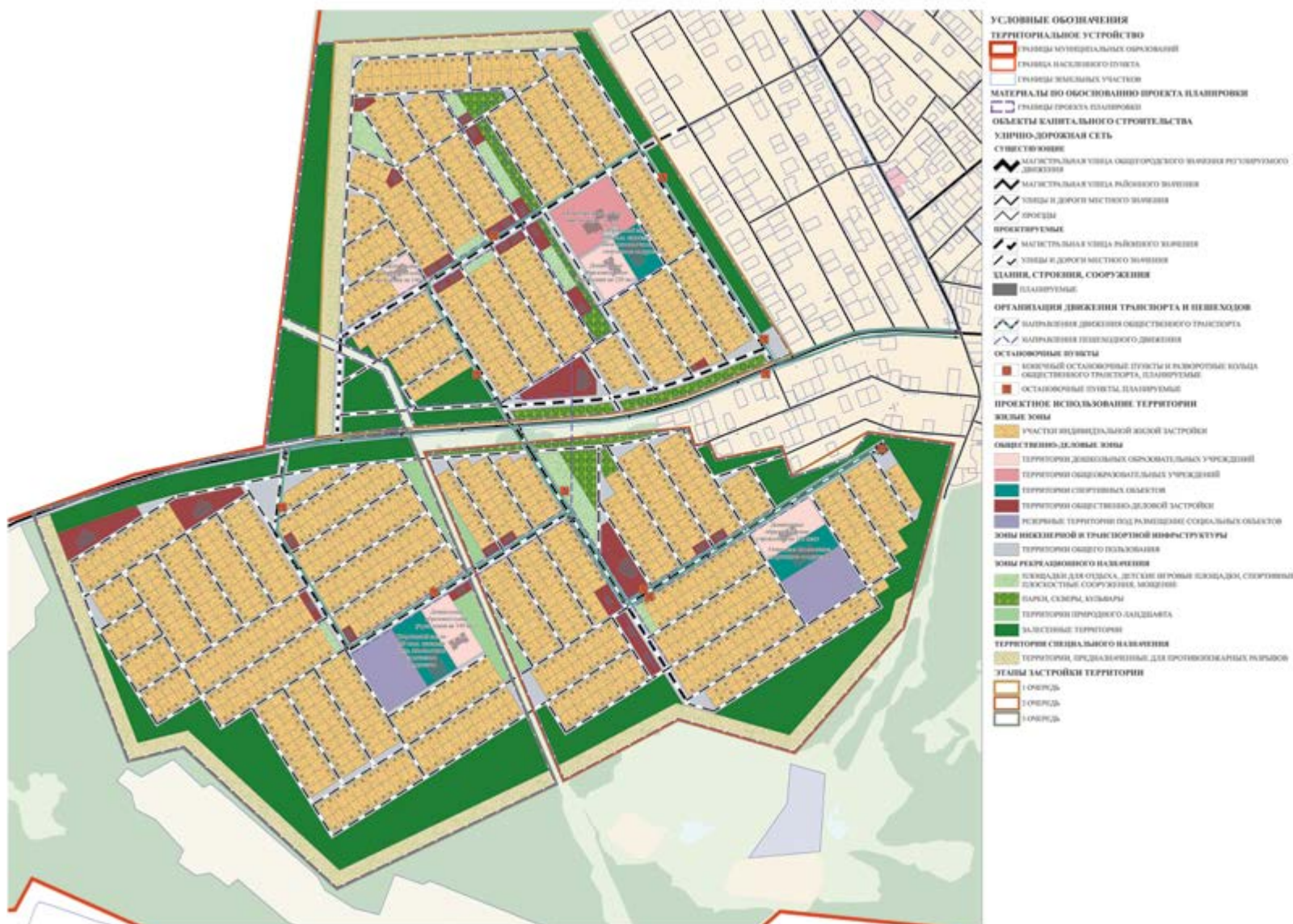
2. Производство березового шпона. Увеличение объемов существующего производства. Период реализации – 2021–2027 гг. Предполагаемый объем инвестиций 10,5 млн. руб.; планируется 240 рабочих мест.

Имеется программа опережающего социально-экономического развития, со льготным налогообложением для стимулирования инвестиций в экономику города. Кроме пространственного положения относительно ресурсов деятельности, имеет значение потенциал самого населенного пункта. Конкурентными преимуществами Тулуна является та часть ландшафта, которая мало изменена: река, тайга, поля; низкоплотная малоэтажная усадебная застройка; неторопливый темп жизни. Это ставит вопрос о морфотипе жилой среды, которая была бы адекватной и привлекательной для жителей города.

7. Морфотипы жилой застройки, адекватные для малого города

В Ленске после катастрофического затопления 2001 года был проведен опрос жителей, в результате которого выяснилось, что представления о безопасности жилища у населения неоднородны. Существует 4 категории населения, у которых свои требования к типам жилища в условиях рисков затопления [12]. Так, старожильческое население предпочитает жить в индивидуальных односемейных домах на своих земельных участках. Работники корпорации «АЛРОСА» предпочли компактное проживание в кварталах блокированных 2–4-этажных домов и были намерены самоорганизоваться в ситуации спасения от наводнения. Состоятельные граждане предпочитали построить коттеджный поселок за городом с автономной инфраструктурой. Наконец, жители, временно приехавшие в Якутию в расчете на «короткие деньги», предпочитали жить в квартирах многоэтажных домов.

в Рис. 6. Планировка усадебной застройки района «Березовая роща». Проект ООО ППМ «Мастер-план», 2019

< Рис. 7. Проект застройки в районе Угольщикова.
ЗАО «Востсибстройпроект», 2019

Для Тулуна были предложены два морфотипа жилья: усадебные дома с участками 10–20 соток и квартиры в блок-секционных домах. Усадебный район «Березовая роща» расположен на вершине южного холма на левобережье. Под застройку выделено 370 га, проектом планировочная территория разбита на 1200 участков. Планировочная связь нового района с существующим центром предложена по улице Коммуны. Благодаря своему расположению, она соединяет центральную улицу Ленина и периферию района и выходит за его границы. К этой улице подсоединили новый район. Следует сказать, что физические параметры улицы Коммуны не отвечают статусу районной магистрали: ее ширина в узком месте составляет всего 7 м, тогда как должно быть 40 м. Это ставит вопрос о реконструкции застройки в центральном районе из-за необходимости расширения улицы.

Планировочная схема усадебного района сделана производной от решетки существующих улиц в той части Тулуна, к которой он примыкает. Новая решетка состоит из ребер либо параллельных, либо перпендикулярных тем улицам (рис. 6). Новые улицы ориентированы с северо-северо-запада на юго-юго-восток. Это касается улиц, перпендикулярных по отношению к реке. Второе семейство улиц в решетке проложено параллельно реке и ориентировано с запада-юго-запада на восток-северо-восток. В итоге образованы кварталы 100×400 м – 44 единицы. Из них субширотно ориентированы 20, субмеридионально – 24 единицы; примерно поровну. Уличные фасады меридиональных кварталов смотрят на благоприятные стороны горизонта, а при широтной ориентации кварталов 50% уличных фасадов смотрят на север (северо-северо-восток, если быть точнее). Подобная ориентация компенсируется модификацией планировки самого дома. Парцеллы крупные – от 18 до 20 соток. Это позволяет вести подсобное хозяйство каждой семье. Если посчитать плотность нетто, учитывая только площади жилых кварталов, выйдет 15 чел./га. Это очень низкая плотность для города, и она не позволяет рассчитывать на центральную инженерную инфраструктуру. Но при обустройстве каждого домохозяйства автономным инженерным жизнеобеспечением эта проблема может быть снята. В районе предложено три планиро-

вочных фрагмента, объединенных каждый вокруг своей общественно-деловой зоны. В проекте также универсальный спортивный зал и три пешеходных озелененных бульвара.

Второй морфотип – блокированная двухэтажная и блок-секционная пятиэтажная застройка – предложен в микрорайоне Угольщикова (рис. 7) на площадке размером 4 га. На ней размещаются десять пятиэтажных двухсекционных домов на 480 квартир и три двухэтажных блокированных дома на 66 квартир. Группа домов средней этажности скомпонована по 4 двора габаритами около 50 м в поперечнике, то есть соотношение высоты здания к расстоянию между зданиями примерно 1:2. Это довольно просторный морфотип. Блокированные двухэтажные дома выстроены в три строчки. Торцы строчек обращены на северо-северо-запад, т. е. основные продольные фасады обращены к благоприятным сторонам горизонта. Конфигурация участка имеет вид трапеции, составленной из квадрата и треугольника. В квадрате решена компоновка жилых зданий, в треугольнике расположен детский сад на 140 детей. В квадрате найдено место для сквера. Всего 546 квартир, или около 2000 жителей. Плотность высокая, до 400 чел./га нетто. Однако она вполне приемлема для благоустройства и даже для озеленения.

Таким образом, Тулуну предложены два разных, поллярных морфотипа: усадебной низкоплотной и блок-секционной плотной застройки. Городу, если у жителей есть городская работа, городская квартира в плотном квартале предоставляет адекватные условия проживания. При условии дефицита или неполной занятости усадебная застройка со своим садом-огородом, конечно, идеальное место для жизни. В итоге имеем вариативное решение задачи создания привлекательной жилой среды в городе Тулуне. Жизнь покажет, какой тип жилья будет более востребованным [13].

Заключение

1. Выполненный градостроительный анализ и оценка территории показали прямую зависимость уровня безопасности города от степени приверженности градостроителей принципу ландшафтосообразности. Самый простой

и очевидный вывод из катастроф, подобных событиям в Тулуне: не стройте в поймах! Поймы и низкие надпойменные террасы в топографии города Тулуна занимают 30%. Топография города представлена двумя грядами холмов, расположенных по обоим берегам реки. При этом поперек реки, как проран в цепи холмов, простираются навстречу друг другу два лога с правым и левым притоками реки Ии. Эти низкие места были застроены. Историческое ядро города возникло на надпойменной террасе, на пересечении оси левого бережного лога и главной дороги Икей-Братск по бровке надпойменной террасы. По этой же оси в XVIII веке был проложен Московский тракт. Место пересечения Московского тракта и надпойменной террасы отмечено зданием Покровской церкви. Это место отделило безопасную часть города от затопляемой. Вопреки этому знаку город спустился ниже в пойменную излучину реки и претерпел многократные затопления.

2. Произошедшее летом 2019 года затопление было серьезным уроком. Наводнения такой силы (14 метров высоты подъема воды) повторяются в Тулуне с периодичностью примерно в 10 лет. И уже можно понять первый градостроительный принцип: строительство должно вестись на вершинах холмов, которые город, по факту, активно осваивает. Вершины холмов и высокие надпойменные террасы являются безопасными площадками для города.

Затопление затронуло базовые аспекты жизни города. Жилая недвижимость: крышу над головой потеряли 17 тысяч человек. Социальная инфраструктура: подтоплены школы и детские сады. Транспортная инфраструктура: пострадали также основные коммуникации, среди них федеральные трассы: Московский и Вилюйский тракты. Осознана необходимость обхода города Московским трактом с севера. Вилюйский тракт пересекается с этим обходом в девяти километрах от центра города. Здесь есть условия и предпосылки для создания комплексной площадки для перевалки грузов с железной дороги на Вилюйский тракт для движения в Арктику.

3. Диагноз, поставленный Тулуну – малый депрессивный город. Но это не приговор. Предлагается следовать **принципу возрождения города на основе экономико-географического положения.** Исходя из имеющихся ресурсов и опыта, необходимо преемственно развивать и модернизировать брошенные виды деятельности – угольную промышленность; глубокую деревообработку, включая лесохимию; производство стекла и перспективных стеклокompозитов; агропромышленный комплекс и его селекционную составляющую, а также животноводство. Необходимо совершенствовать Тулун как узел на пересечении широтных и меридиональных федеральных трасс транспортной инфраструктуры. В преобразовании Транссиба из пунктирной линии в русло расселения Иркутской области роль Тулуна представляется одной из числа первоочередных.

4. **Принцип инженерной защиты.** Строительство дамб – крайняя мера, когда градостроительные мероприятия исчерпаны. В проектировании дамбы особенно важно учитывать, что размещение стенок прямо по урезу воды, со сжатием сечения русла и с ограничением разлива реки на пойму в паводок, вызовет весьма неблагоприятные последствия: река из-под этой стенки вынесет свой собственный аллювий, и стенка потеряет под собой основание. Для надежного берегоукрепления предпочтительнее использовать откосный камнеобросный пляж.

Литература

- McHarg I. L. Design with nature. – New York: Natural History Press Doubleday & Company, Inc., 1971. – 198 p.
- Наводнение в Иркутской области (2019). – URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9D%D0%B0%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%B2_%D0%98%D1%80%D0%BA%D1%83%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9_%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B8_\(2019\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9D%D0%B0%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%B2_%D0%98%D1%80%D0%BA%D1%83%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9_%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B8_(2019))

3. Родяшина, К. Е. Опыт редевелопмента депрессивных прибрежных территорий // В сб. : IX Международный молодежный форум «Образование, Наука, производство». – Белгород : Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова, 2017. – С. 1575–1581
4. Корректировка генерального плана Тулуна. – URL: <https://fgistp.economy.gov.ru/ais/of1?id=A7C867D6199EAC44B9505D0A49A7E47A>
5. Google Earth Pro / Тулун, Иркутская область. Дата съемки 02.07.2019
6. Города России. Город Тулун. – URL: http://города-россия.рф/sity_id.php?id=401#district
7. Большаков, А. Г. Градостроительная организация ландшафта как фактор устойчивого развития территории / диссертация доктора архитектуры. – Иркутск, 2003. – 424 с.
8. Большаков, А. Г. Проектирование городской набережной. – Иркутск : ООО «Лаборатория культуры ландшафта и городской среды», 2009. – 120 с.
9. Город Тулун. Историко-архитектурный опорный план-схема / Шпирко, А. Е. и др. : Научно-исследовательская документация. – Иркутск : ЦСН Комитет по культуре администрации Иркутской области, 1993. Экземпляр № 467
10. Как дамбы Гидропроекта защитят Тулун от наводнений. – URL: https://kisorod.life/question_answer/kak_damby_gidroprojekta_zashchityat_tulun_ot_navodneniy/
11. Защитная дамба на реке Лена г. Ленск. – URL: <http://www.sibrechproekt.ru/proekty/lensk/12/>
12. Чернова, Е. Б. Конфликтологические разработки в территориальном планировании. – URL: <http://conflictmanagement.ru/chernova-elena-borisovna/>
13. Popesco Marc and others. Affordable housing and urban renewal project // Japan fund poverty reduction report. – Ulaanbaatar municipality, 2016. – 215 p.

References

- Bolshakov, A. G. (2003). Gradostroitel'naya organizatsiya landshafta kak faktor ustoychivogo razvitiya territorii [Landscape in urban development as a factor of sustainable development of the territory] [Doctoral Dissertation]. Irkutsk.
- Bolshakov, A. G. (2009). Proektirovanie gorodskoi naberezhnoi [Design of town embankment]. Irkutsk: 000 "Laboratoriya kultury landshafta i gorodskoi sredy".
- Chernova, E. B. (n.d.). Konfliktologicheskie razrabotki v territorialnom planirovanii [Conflictology solutions in territorial planning]. <http://conflictmanagement.ru/chernova-elena-borisovna/>
- Gorod Tulun [The town of Tulun] (n.d.). Goroda Rossii. http://города-россия.рф/sity_id.php?id=401#district
- Korrektirovka generalnogo plana Tuluna [Amendment of the master plan of Tulun]. (n.d.). FGIS TP. <https://fgistp.economy.gov.ru/ais/of1?id=A7C867D6199EAC44B9505D0A49A7E47A>
- McHarg, I. L. (1971). Design with nature. New York: Natural History Press Doubleday & Company, Inc.
- Navodnenie v Irkutskoi oblasti [Flood in the Irkutsk region] (2019). In Wikipedia. <https://ru.wikipedia.org>
- Popesco, M. et al. (2016). Affordable housing and urban renewal project. Japan fund poverty reduction report. Ulaanbaatar municipality.
- Rodyashina, K. E. (2017). Opyt redevelopmenta depressivnykh pribrezhnykh territorii [Experience of redevelopment of depressive territories along river banks. In IX Mezhdunarodnyi molodezhnyi forum "Obrazovanie, nauka, proizvodstvo". Belgorod: Belgorodskiy gosudarstvennyi technologicheskyy universitet im. V. G. Shukhova (pp.1575-1581).
- Shpirko, A. E. et al. (1993). Gorod Tulun. Istoriko-arkhitekturnyy opornyy plan-skhem [The town of Tulun. Historical and architectural basic plan]. Nauchno-issledovatel'skaya dokumentatsiya. Irkutsk: TsSN Komitet po culture administratsii Irkutskoi oblasti.
- Tulun, Irkutsk Oblast. (2019, July 2). Google Earth Pro.
- Zashchitnaya damba na reke Lena g. Lenk [Protection dam on the Lena River, town of Lenk] (n.d.). <http://www.sibrechproekt.ru/proekty/lensk/12/>
- Zverev, K. (2020, June 26). Kak damby Gidroprojekta zashchityat Tulun ot navodnenii [How Hydroproject dams will protect Tulun from floods. https://kisorod.life/question_answer/kak_damby_gidroprojekta_zashchityat_tulun_ot_navodneniy/

Описывается реализация проекта – победителя всероссийского конкурса лучших проектов развития городской среды «Малые города и исторические поселения». Рассматриваются осуществленные мероприятия по реконструкции инженерных сетей и транспортных артерий, общественных пространств фрагмента центральной части Тулуна: городской площади, скверов, детских площадок, автобусных остановок. Подчеркивается роль соучаствующего проектирования в реализации мер по восстановлению и развитию города.

Ключевые слова: городская среда; благоустройство; Тулун; Ия; экономика; дизайн./

The article describes the realization of the winning project of the All-Russian Competition for the best projects for comfortable urban environment in small towns and historic settlements". The article reviews the measures for reconstruction of utilities and transport arteries, as well as public spaces in a fragment of the center of Tulun: a city square; gardens, playgrounds and bus stops. It also highlights the role of participatory design in the promotion of restoration and development of the town.

Keywords: urban environment; improvements; Tulun; Iya; economy; design.

«Тулун ИЯ»: реализация / "Tulun IYA": realization

текст
Марина Ткачева /
 text
Marina Tkacheva

Материалы и фотографии
 предоставлены
 ООО «МАСТЕРСКАЯ
 АРХИТЕКТУРЫ И ДИЗАЙНА
 ФОКС» / Materials and
 photos provided by FOX
 Architecture & Design

Восстановление улицы Ленина, которая была ключевым объектом, представлялось не просто благоустройством, но и созданием притягательности центральной части городской среды, способом придания энергии изменению Тулуна, одному из малых городов Иркутской области. Поэтому цель проекта и его реализации – представлении центральной части Тулуна как «точки роста» городской жизни. Был выработан план работы на 5 лет: изменение линейной структуры центра города на трехмерную посредством введения в хозяйственный оборот смежных кварталов и улиц, обновление центральной улицы, строительство линейного парка на базе реки Тулунчик и гидропарка на болотистой территории [1, с. 98–102].

Первую стадию проекта по обновлению и благоустройству центральной улицы предполагалось осуществить за 1,6 года. Но в связи со сложившейся летом 2019 года форс-мажорной ситуацией в Тулуне, необходимостью срочных мероприятий по устранению последствий наводнения сроки ее реализации пришлось сократить до 6 месяцев. Реконструкция улицы Ленина проводилась одновременно с обновлением инженерных сетей, транспортных магистралей и жилого фонда во всем городе. По улице Ленина шел капитальный ремонт многоквартирных домов, школы № 1, объектов ОЖН, синхронизированный с капитальным ремонтом главной улицы. Запланированные проектные решения концепции, ее масштаб, качество и комплектация полностью реализованы. Насколько это оказалось возможным в сжатые сроки, несколько изменен контур дороги, оборудованы карманные парковки, сконструированы малые архитектурные формы, автобусные остановки, пандусы к некоторым важным зданиям ОЖН (Дом ветеранов). За апрель 2020 – август 2020 г. полностью закончено строительство важных социальных объектов – школы, инфекционной больницы и реконструкция ул. Ленина.

В процессе как проектирования, так и реализации участвовали квалифицированные специалисты: архитекторы, инженеры, строители, социологи, маркетологи, финансисты, знающие территорию, активные группы местного населения. Авторы исходили из принципа, что соучаствующее проектирование – это общая работа, связанная с городской стратегией, планами правитель-

ства региона, основанная на историческом бэкграунде территории, картах (что было, к чему привыкли горожане, как пересекаются интересы разных общественных групп), как происходит согласование конфликтных позиций участников. В результате соучаствующего проектирования возникли собственные мини-проекты самых активных участников. Многие стратегии благоустройства на основе комплексного, системного подхода делались впервые.

Таким образом, авторы концепции исходили из идеи, что без совместной аналитической работы с населением невозможна полноценная и качественная реализация ни одного крупного проекта в малых городах.

Деятельность по реализации проходила совместно с представителями федеральных властей, областной и городской администрациями, строителями, инженерными ресурсоснабжающими службами и городским сообществом – всеми участниками проекта.

Команда архитекторов имела дело с исторически разрозненной территорией: в Тулуне каждый район – это свой, достаточно изолированный фрагмент города. Реконструкция касалась 2,5-километровой улицы Ленина, что позволяло «собрать» центр, сделать его притягательным для горожан.

На участке существует очень сложный, проблемный с точки зрения транспортного потока перекресток в виде двух букв Т. В результате обсуждения с профессором ИРНТУ А. Ю. Михайловым было предложено вытянутое кольцо, позволившее организовать непрерывное движение транспорта на пересечении магистральных улиц Володарского (бывший Московский тракт) и Ленина. Это сразу повысило степень комфортности движения: сделало системным автомобильное и пешеходное движение в центральной части, уменьшило количество ДТП. На кольце установлена стела «Пшеничные колосья «СКАЛА»; весной планируется начать озеленение. В пределах возможного структурирована проезжая часть улицы Ленина. Оборудованы карманные парковки взамен стихийных, освобождающие проезжую часть от пробок, обозначены бесцветные пешеходные переходы.

Уложена песчаная плитка на тротуарах и в скверах, что «высветлило» колорит улицы. Плитка нескользящая,

< Перспектива ул. Ленина до и после реализации проекта

поэтому гарантирует безопасность передвижения пешеходов и зимой. Облагораживания тротуаров, ремонта скверов, установки МАФов, приведения в порядок автомобильного движения недостаточно без капитального ремонта фасадов жилых и общественных зданий, регламентации дизайн-кода рекламных вывесок, стенов, цветовых решений и ограждений. Часть из них отремонтирована, убрана навязчивая реклама.

Безусловно, в городе существует запрос на локальные места активности, которые уже стали возникать в центральном районе. Построены запроектированные и по-разному оформленные скверы. На главной городской площади, находящейся недалеко от центрального ЗАГСа, смонтирован уличный амфитеатр, установлен городской туалет и построен фонтан. Он имеет круглую форму, повторяющую изгиб реки Ия, и замощен гранитными блоками с вырезанным контуром и рельефом. А декоративные белые валуны, разбросанные вокруг него в видимом беспорядке, должны ассоциативно соотно-

ситься с галечным берегом; они создают атмосферу непреднамеренности, естественности возникновения востребованной территории, подобной берегу реки. Фонтан сразу стал местом оживленного движения горожан: здесь фотографируются, уже проходят различные общественные мероприятия.

Еще один сквер, в проекте названный «Кофейный дворик», украшен инсталляцией «Читающая Корова». Авторы опасались, что столь радикальное решение вызовет протест, но оно не оставило никого равнодушным и тоже возбудило интерес: в преддверии Нового года, в восточной традиции именуемого годом Белого Металлического быка, инсталляцию украсили, сменили газету, вокруг нее собираются горожане. В сквере еще появятся коммерческие точки, установка которых запланирована на весну 2021 года.

В карманном парке разместились скульптуры семейства медведей, вырезанные из цельного куска дерева, о которых жители на обсуждениях говорили с большим

проектирование

ООО «МАСТЕРСКАЯ АРХИТЕКТУРЫ И ДИЗАЙНА ФОКС»

авторский коллектив концепции

Наталья Коваль – руководитель, главный архитектор
 Валерия Ставицкая – ведущий архитектор, исследователь, руководитель проекта
 Валерия Габай – архитектор-исследователь, выпускник программы Архитектуры.РФ
 София Майорова – главный архитектор
 Екатерина Гладкова – архитектор
 Дарья Волохова – дизайнер
 Даниил Лоскутов – визуализатор
 Андрей Шустер – Финансист, экономист
 Ирина Беляева – редактор
 Юрий Петрук – визуализатор

< Городской Совет ветеранов

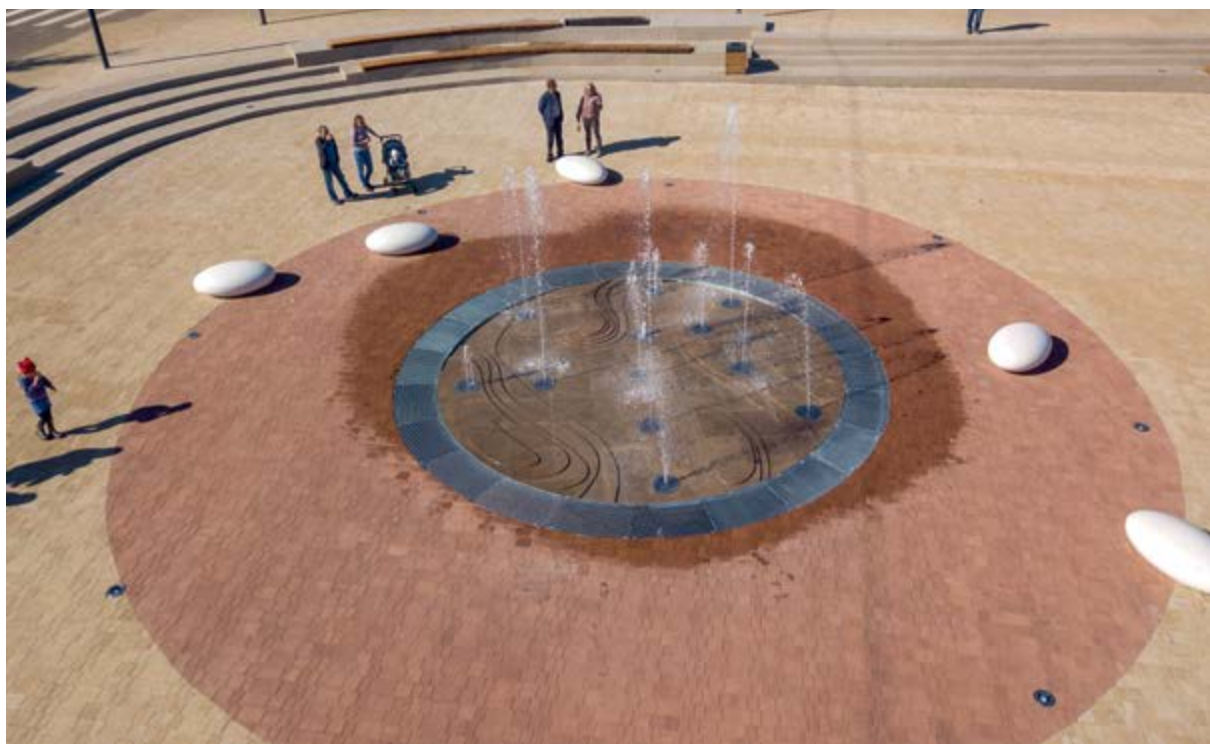
> В сквере вокруг фонтана

одобрением, и две огромные сосновые шишки, выполненные из кортеновской стали, испытывающей естественное ржавление, что придает скульптурам особый колорит.

На ул. Ленина расположена детская библиотека. С января 2020 году в ее помещении стал работать Центр опережающей профессиональной подготовки (ЦОПП), где начата подготовка дизайнеров, видеооператоров, плотников. А в творческом саду при библиотеке, вошедшем в проект, обновлено мощение, выполнено уличное парковое освещение и места для сменных выставок, инсталляций. В настоящее время в Центре проводится масса видеоконференций с успешными городскими деятелями и предпринимателями, цель которых – соринтировать молодежь на приложение своих сил именно

в городе, а не за его пределами, что важно для будущего Тулуна.

Особым объектом стала детская площадка. Потребность в движении на свежем воздухе у детей велика, и площадка вблизи дома всегда была, но в полуразрушенном и запущенном состоянии. Вместо привычных горок и лесенок появились деревянные подобия угольных и сельскохозяйственных машин с вмонтированными игровыми приспособлениями. Комбайны, самосвалы и трактора напоминают об истории промышленности и сельского хозяйства в Тулуне. Черный резинопол на детской площадке ассоциируется с цветом угля, а для детей это условие их безопасности во время игр. Кроме того, шестигранники, условно обозначающие хи-

> Фонтан

^ Игровые конструкции сделаны как машины, бульдозеры, самосвалы

мическую формулу угля, стали брендом, присутствующим в формах, МАФах многих выделенных и видоизмененных общественных пространств. На существующую в подсознании горожан историю Тулуна намекают цвет угля, дерева, злаков, воды в созданных объектах, придавая насыщенность цветовой атмосфере центра города и не создавая излишней пестроты.

Итогом активности и инициатив самих горожан становились подчас весьма неожиданные мини-проекты и реализации. Так, на стене одной из пятиэтажек на фото прекрасно виден изображенный цветок, который рисовали бескорыстные энтузиасты, а городская администрация добровольцам-художникам предоставила подъемники. Не будем снисбистски относиться к результатам подобных экспериментов; важно, что преобразования не оставляют равнодушными жителей.

Уже состоявшиеся изменения среды должны иметь продолжение, которое уже активно готовится авторами-архитекторами согласно 5-летнему плану обновления центральной части города. Идею осуществленной реализации можно афористически обозначить так: сделать жизнь людей сколь возможно лучшей уже сейчас, чтобы была перспектива развития города и людей в будущем.

Литература

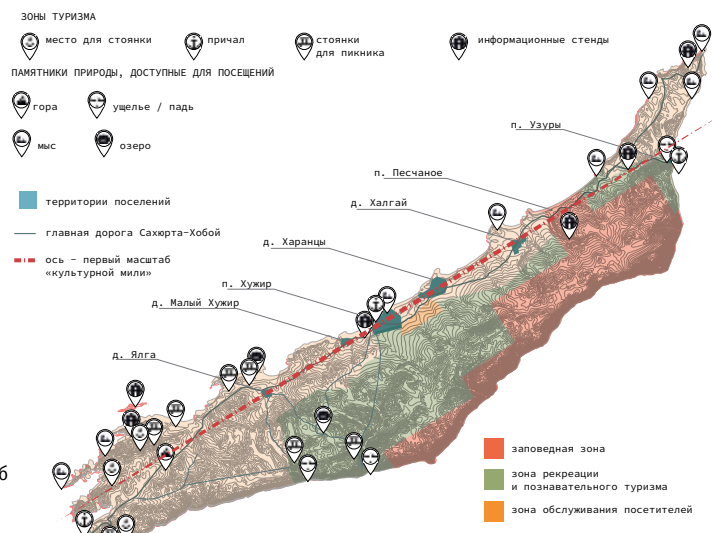
1. Фальковский, Д., Ткачева, М. «Тулун ИЯ». Концепция благоустройства улицы Ленина // Проект Байкал. – 2020. – № 65. – С. 98–102
2. Щенков, А., Антонова, Н. Архитектурное наследие и идентичность русских городов // Проект Байкал. – 2020. – № 65. С 27–31
3. Большаков, А. Ландшафтообразное градостроительство – фактор устойчивого развития городов Иркутской области // Проект Байкал. – 2019. – № 61. – С. 62–66

References

- Bolshakov, A. (2019). Landscape-Oriented Town Planning as a Factor of Sustainable Development of the Cities in the Irkutsk Region. *Project Baikal*, 16(61), 62-66. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.61.1503>
- Falkovsky, D., & Tkacheva, M. (2021). "Tulun IYA". The concept of improvement of Lenin Street. *Project Baikal*, 17(65), 98-102. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.65.1684>
- Shchenkov, A., & Antonova, N. (2021). Architectural heritage and identity of Russian cities. *Project Baikal*, 17(65), 27-31. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.65.1670>

v Автобусная остановка

> Рис. 1.
Первый масштаб
«Культурной
мили»

Проблема урбанизации прибрежных поселений Байкальского региона, находящихся в границах Центральной экологической зоны, является актуальной и требует особого подхода для сохранения историко-культурного и природного наследия, формирования мест пребывания сезонных туристических потоков. Дипломный проект «Культурная миля» в п. Хужир на о. Ольхон демонстрирует качественный подход к трансформации территории, опирающийся на актуальные запросы современности. Ключевые слова: Байкал; Ольхон; прибрежные поселения; туризм; культура; культурная миля. /

The urgent problem of urbanization of coastal settlements of the Baikal region within the Central Ecological Zone demands a special approach to preserve the historico-cultural and natural heritage and to create the places for seasonal tourist flows. The graduation project "Cultural Mile" in the settlement of Khuzhir, Olkhon Island, demonstrates a qualitative approach to the territory transformation based on the present-day challenges.

Keywords: Baikal; Olkhon; coastal settlements; tourism; culture; cultural mile.

«Культурная миля»: Хужир / The Cultural Mile: Khuzhir

ТЕКСТ

**Вероника Кожевникова
Валерий Козлов /
text
Veronika Kozhevnikova
Valery Kozlov**

**Дипломный проект
автор**

Вероника Кожевникова
руководитель
Валерий Козлов

Урбанизация ольхонских прибрежных поселений озера Байкал в последние десятилетия оказала значительное давление на экологию прибрежных ландшафтов, территориальное развитие прибрежных поселений. С учетом пандемических перемен резко возросло количество посетителей островных территорий, что существенно изменило размещение объектов их размещения и обслуживания. Изменились приоритеты в управлении социально-экономическим развитием поселений, повысились требования к оценке состояния внутреннего обустройства мест социальной активности населения, к сохранению существующего историко-культурного, археологического и природного наследия.

Остров Ольхон является крупнейшим на озере Байкал, имеет длину 73,5 км, ширину до 15 км, площадь 730 км². Активное освоение острова началось в индустриальный период: в 1932 г. построен Маломорский рыбзавод, в 1938 г. следом за ним образовывается пос. Хужир. Ведется активная промышленная добыча и переработка рыбных ресурсов. С 1990-х годов завод резко снижает производственные мощности и вскоре прекращает свою деятельность. В настоящее время остров Ольхон имеет статус уникального места массового отдыха населения региона с большим числом солнечных дней, чистой водой и воздухом. Специфика отдыха на острове связана с коротким теплым периодом и полным отсутствием инфраструктуры отдыха. Но именно рост «транзитных» ту-

ристических потоков из других регионов страны и из-за рубежа, период пребывания которых составляет не более трех дней, в последние десятилетия оказывает наиболее заметное влияние на структуру застройки центрального поселения Хужир.

Методология проекта

В качестве главной структурообразующей оси поселения Хужир рассматривается центральная улица Байкальская как «Культурная миля» – пространство с развивающимися функциями культуры: музей, театр, центр шаманов и др. Линейное пространство «Культурной мили» органично интегрирует концепцию «оазисов» культуры.

Улица Байкальская представляет собой специфическое пространство с варьирующимися параметрами ширины от 18 до 120 м, одноэтажным фронтом застройки, отсутствием разграничений пешеходной и транспортной зон и обустройством мест рекреации. На ней сосредоточены основные объекты инфраструктуры – школа, администрация, аптечный и пожарный пункты; кроме этого, здесь же вдоль фронта улицы расположены основные объекты обслуживания – магазины, автовокзал, точки общественного питания.

Проект выделяет главные замыкающие оазисы проектируемой «Культурной мили» – Маломорский рыбзавод и рыночная площадь, которые формируют главные границы улицы с западной и восточной сторон. Роль ориентиров играет каждый проектируемый объект, но акцентами являются центр шаманизма и квартал кухни; систему пешеходных потоков и общественных зон формирует подворье культуры «этноквартал».

Культурно-исторический кластер «Маломорский рыбзавод» включает группу объектов и зданий: музей истории рыбзавода, галереи, уличные общественные пространства, гостиничный корпус, кофейню и ресторан. Благоустройство портового причала и набережной, а также развитие прибрежной территории сформируют ландшафтный экопарк.

Центр шаманизма, расположенный в непосредственной близости от местного административного центра и через дорогу от этноквартала, с которым его связывают символические арки, является ключевым объектом,

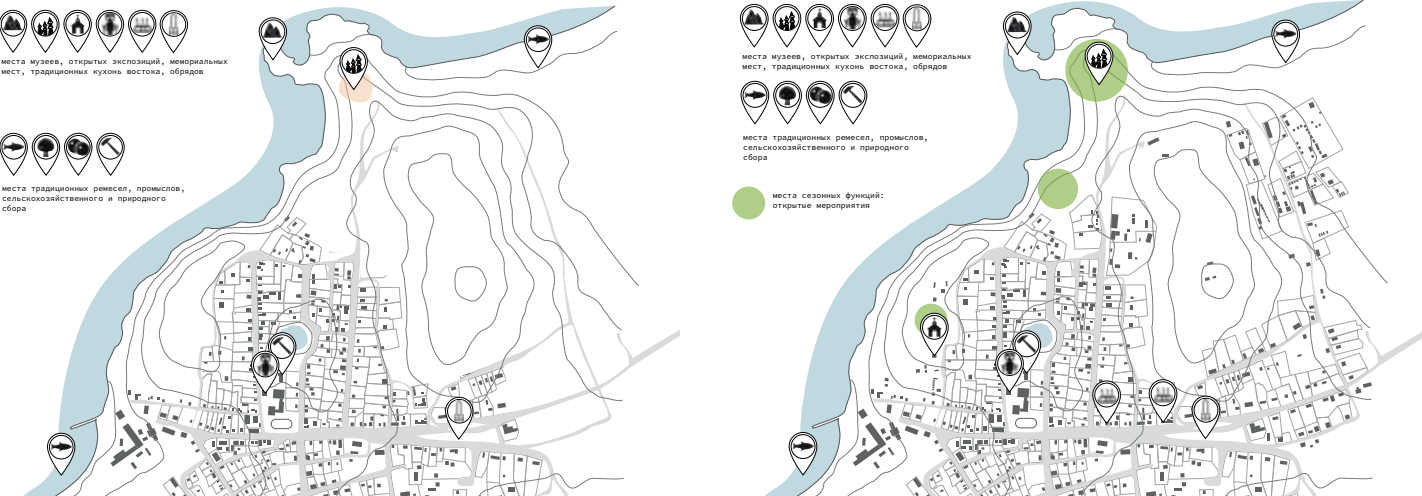
v Рис. 2. План
«Культурной мили» по
ул. Байкальская

ПЛАН ЗАСТРОЙКИ УЧАСТКА, М 1:1000

ЭКСПЛИКАЦИЯ:

1. ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ КОМПЛЕКС «МАЛОМОРСКИЙ РЫБЗАВОД»
2. ЦЕНТР ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ
3. РЕМСЛЕННЫЕ МАСТЕРСКИЕ «ПОДВОРЬЕ КУЛЬТУРЫ»
4. ЦЕНТР ТЕАТРА «ОЛЬХОН»
5. КВАРТАЛ МЕСТНОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУХНИ
6. РЫНОЧНАЯ ПЛОЩАДЬ

^ Рис. 3а. Трансформация функции. Культура в индустриальный и постиндустриальный периоды

выполняющим функции коммуникации, формирования и укрепления этнокультурных связей. Центр включает в себя главное здание, а также наружную зону для ритуальных процессов.

Подворье культуры «Этноквартал» состоит из группы домов жилого и коммерческого типа, формирует своеобразный квартал искусств и ремесленной культуры, в котором собраны творческие мастерские местных мастеров, художественные клубы этнической направленности для развития детей и подростков. Кроме этого, внутри дворовое пространство имеет несколько зон для отдыха и рекреации.

Центр театра «Ольхон», находящийся на оси пересечения улиц Байкальская и Пушкина, выступает пространственным узлом и включает само здание центра, а также уличное сценическое пространство для этнических и национальных празднеств и выступлений.

Квартал местной традиционной кухни заключен между ул. Пушкина и ул. Солнечная и формирует выразитель-

ный фронт проектируемой ул. Байкальская. Квартал представляет комплекс пунктов общественного питания: кафе, рестораны, закусочные с возможностью посадки внутри и снаружи. Внешние веранды включают деревянные настилы и перголы, выполняющие защитную и эстетическую функции.

Завершающим объектом «Культурной мили» является рыночная площадь, имеющая четыре основных зоны. Первая – это сквер с водным источником. Вторая точка – существующий Памятник воинам Великой Отечественной войны. Далее находится центральная рыночная площадь, на которой располагаются временные и постоянные торговые павильоны открытого и закрытого типа, созданные для проведения ярмарок и торговли продуктами местного производства. Обрамляющим завершением площади будет являться амфитеатр на рельефе, выполняющий функции отдыха и обзорной площадки с перспективой на всю ул. Байкальская и акваторию озера Байкал.

< Рис. 3б. Трансформация функции. Экология в индустриальный и постиндустриальный периоды

> Рис. 3в. Трансформация функции. Экономика в индустриальный и постиндустриальный периоды

^ Рис. 4. Существующий профиль улицы

Концепция проектирования среды на территории ул. Байкальская опирается на 3 основополагающих аспекта: экономика, культура и экология. Каждый из них имеет одинаковую ценность по отношению к другому. Исходя из этих трех базисов, мы будем анализировать, исследовать и проектировать территорию.

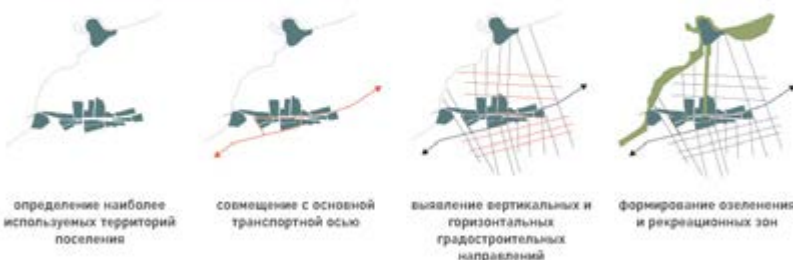
Каждый из проектируемых оазисов культуры на ул. Байкальской отвечает одному, двум или всем трем основным аспектам проектирования. Функциональные составляющие объектов ориентированы в первую очередь на улучшение качества жизни местного населения с возможностью дальнейшего развития для привлечения туристических потоков в сезонный период.

Пребывание на улице в любое время можно считать некомфортным и небезопасным по нескольким причинам: полнейшее отсутствие озеленения, качественного освещения и зонирования улицы. Прием оазиса в длинном пространстве улицы позволит обеспечить комфортные места пребывания. При анализе ул. Байкальская в контексте всего поселения мы обращаем внимание на зоны наибольшей активности населения, определяем основную транзитную дорожную структуру, считываем градостроительные вертикали и горизонтали поселения и впоследствии формируем необходимый зеленый каркас территории, который является основным связующим звеном между природной системой и урбанизированным пространством.

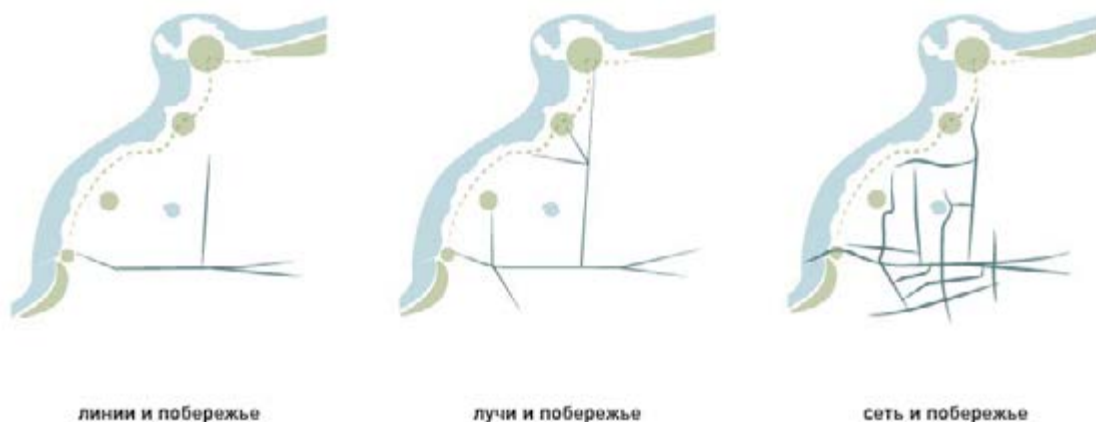
В формировании концепции будущей «Культурной мили» в проекте мы отталкивались от трех сценариев взаимодействия планировочных элементов: линии и побережье, лучи и побережье, сеть и побережье. Рассмотрение каждого из сценариев основывалось на анализе существующих связей поселка и потенциальных рекреационных мест, которые соединяли бы водное и городское пространство.

Итоговой стала группа пространств, объединяющих все функциональные, духовные и образные составляющие и выражающих идентичность территории. Сюда вошли: культурно-исторический кластер «Маломорский рыбзавод», подворье культуры «Этноквартал», «Центр шаманизма», «Центр театра Ольхон», квартал местной традиционной кухни и рыночная площадь. Все объекты

пространственно-планировочное решение

^ Рис. 5. Анализ существующей ситуации и формирование концепции развития

< Рис. 6. Сценарии развития «Культурной мили»

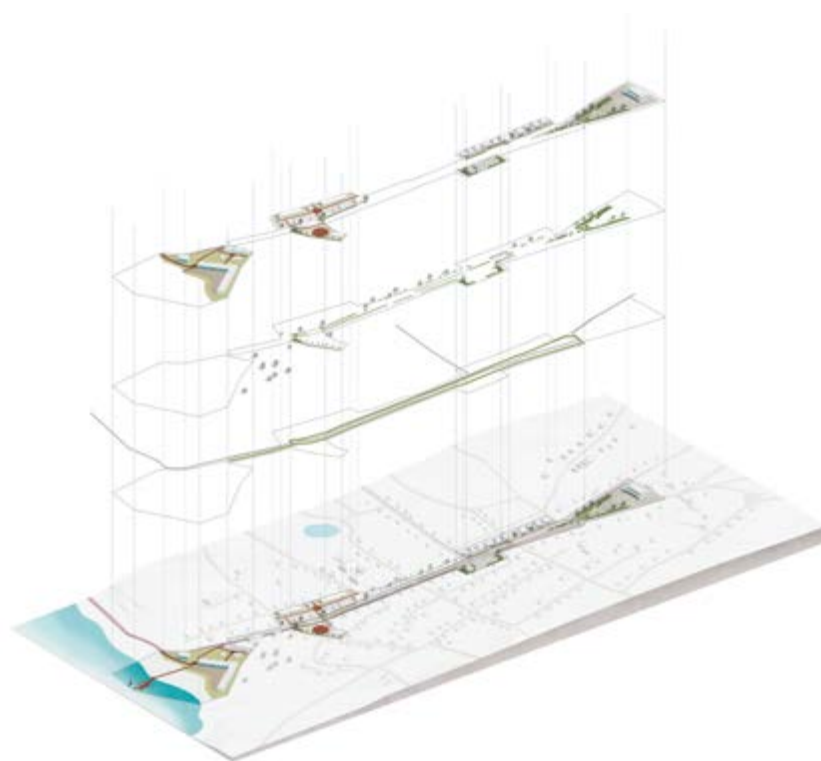
расположились вдоль ул. Байкальская, сформировав систему перетекающих пространств, которые стали своеобразным обрамлением всего фронта улицы. Таким образом сложилась «Культурная миля» поселения, несущая в себе и транслирующая уникальную идентичность местности.

Литература

1. Левашева, М. В. Проблемы освоения рекреационного потенциала острова Ольхон в контексте реализации концепции экологического туризма // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Науки о Земле. – Том 18. – 2016. – С. 56–68
2. Карта-схема распределения территории по функциональным зонам. Островное лесничество ФГУ «Прибайкальский национальный парк» (фондовые материалы)
3. Уфимцев, Г. Ф. Геоморфологические экскурсии в Прибайкалье. Остров Ольхон и Малое море. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 1991. – 63 с.
4. Григорьева, Е. И., Лидин, К. Л. Квартал для праздника. Несостоявшийся амфитеатр и универсальная лестница // Проект Байкал. – 2020. – № 63. – С. 62–69
5. Малько, А. «Пестрая Республика Нойштадт»: укрепление городской идентичности как средство сохранения историко-культурной среды // Проект Байкал. – 2020. – № 63. – С. 70–74
6. Нащокина, М. Проблемы сохранения архитектурного наследия и создания туристической привлекательности малого исторического города России // Проект Байкал. – 2019. – № 61. – С. 50–55

References

- Grigoryeva, E. & Lidin, K. (2020). Quarter for celebrations: A might-have-been amphitheatre and universal staircase. *Project Baikal*, 17(63), 62-69. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.63.1600>
- Karta-skhema raspredeleniya territorii po funktsionalnym zonom. Ostrovnoye lesnichestvo FGU "Pribaikalsky natsionalnyi park" (fondovye materialy) [The sketch map for the functional zoning. Island Forestry Department of the FSI "Pribaikalsky National Park"(fund materials)] (n.d.).
- Levasheva, M. V. (2016). Problemy osvoeniya rekreatsionnogo potentsiala ostrova Olkhon v kontekste realizatsii kontseptsii ekologicheskogo turizma [The problems of the development of the recreational potential of Olkhon Island in the context of realization of the concept of ecological tourism]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Nauki o Zemle* (Vol. 18, pp. 56-68).

^ Рис. 7. «Культурная миля»: взрыв-схема

- Malko, A. (2020). "Bunte Republik Neustadt": Strengthening urban identity as means of preservation of historico-cultural environment. *Project Baikal*, 17(63), 70-74. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.63.1601>
- Nashchokina, M. (2019). The issues of preservation of architectural heritage and creation of tourist attraction of a small historic town in Russia. *Project Baikal*, 16(61), 50-55. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.61.1500>
- Ufimtsev, G. F. (1991). *Geomorfologicheskie ekskursii v Pribaikalye. Ostrov Olkhon i Maloe more* [Geomorphological excursions in Pribaikalye. Olkhon Island and Maloe More]. Irkutsk: Izd-vo IGU.

> Рис. 2. Арт-объект
«Бутылка с посланием из
прошлого»

Театрализация и реновации городских территорий / Theatricalization and renovation of urban territories

текст

Наталья Дембич
Мария Зырина
Алина Фаткуллина /
text
Natalia Dembich
Maria Zyrina
Alina Fatkullina

1. Введение

В условиях скачкообразного развития коммуникационных систем и все нарастающей межкультурной интеграции большое внимание уделяется визуальному контексту городской среды [1; 2]. В качестве важнейших характеристик современного дизайна выступают, во-первых, универсальный утилитаризм и функциональность; во-вторых, мощное психоэмоциональное и предметно-чувственное воздействие на человека. Социальные технологии все больше влияют на творческий поиск дизайнеров [3; 4]. Шоу-дизайн и применение постановочных и драматургических принципов и приемов в проектной деятельности становится актуальным.

Скотт Маккуайр в книге «Медийный город» [5] отмечает, что включение медиасредств в городскую среду повышает технические возможности организации пространства, «картографирует» город и таким образом делает его доступным для восприятия, познания и действий. Медиасредства могут стирать временные границы, создавая эффекты машины времени, погружения в специфичную среду театральных декораций. Все это придает большую зрелищность и оказывает мощное влияние на чувства и эмоции людей, позволяет создавать новые формы общественного взаимодействия, способствующие выработке таких свойств, как коллективное участие и непредсказуемое сотрудничество, которые приобретают все большее значение в социальной жизни [5].

2. Материалы и методы

Соединение разных геометрических абстракций, трансформация традиционных архитектурных форм и их адаптация к новым целям, рациональность демократичных градостроительных принципов, соединение массовости с функционализмом в проектировании городского пространства создают многослойную структуру современного города. Введение принципа «эмоциональной театрализации» городской среды расширяет возможности проектировщика и смягчает монотонность функционализма.

По Н. Н. Евреину [6], театрализация жизни объясняет природу человека. Его концепция строится на том, что все события жизни человека можно представить

Средства психоэмоционального воздействия искусства имеют практическое применение в сфере дизайна среды. Использование средств сценического искусства для решения задач проектных разработок реновации городских промышленных территорий является перспективным. Введение принципа «эмоциональной театрализации» городской среды расширяет возможности проектировщика в создании эмоционально благоприятной среды обитания и использования этого художественного приема для целей реновации. Ключевые слова: дизайн; архитектура; реновация городских промышленных зон; театрализация городской среды; современное искусство, арт-объект, малая архитектурная форма. /

The means of psycho-emotional impact of art have practical application in the field of spacial design. The use of methods and means of dramatic arts for the purposes of project development of renovation of urban industrial territories is promising. The introduction of the principle of "emotional theatricalization" of the urban environment expands the designer's capabilities in creating an emotionally favorable living environment.

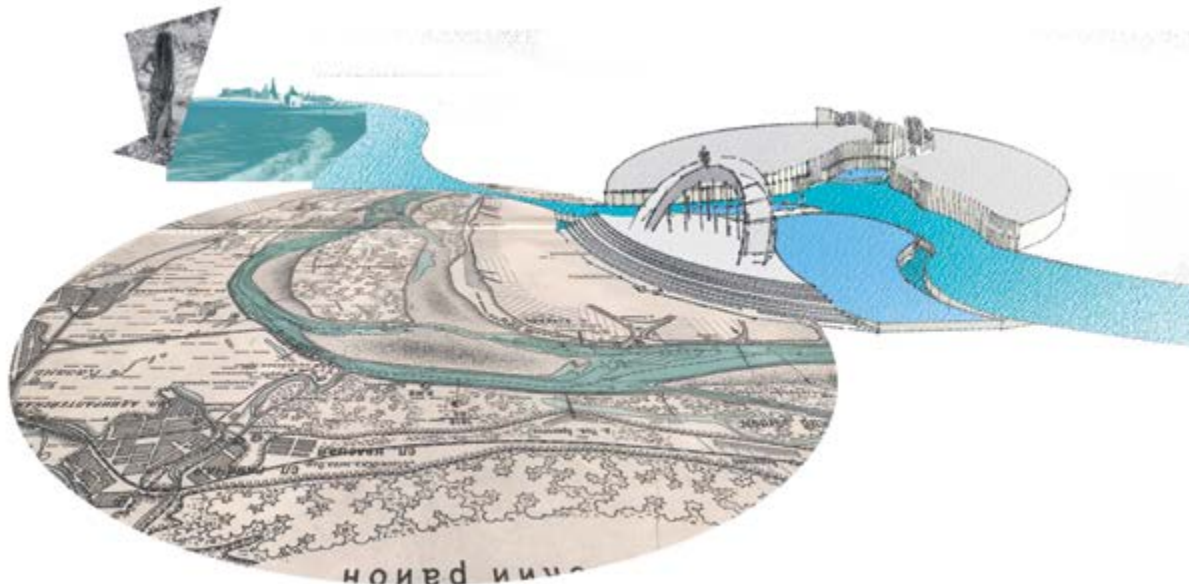
Keywords: design; architecture; theatricalization of the urban environment; territory renovation; emotional theatricalization; contemporary art; art object; small architectural form.

как действия театрального характера. Исследователи современной культуры [7; 8; 9; 10] отмечают разные обстоятельства появления театральности и выделяют два ее типа. Театральность как условность, искусственность, игра – и театральность как атрибутивность, то есть использование знаковых объектов: занавес, сцена, декорации, сценический свет и другие. Прием театральности в контексте данного исследования трактуется как метод моделирования городской пространственной среды. Поэтому театральность будем рассматривать как свойство объектов, приносимых в среду, придающих пространству характер театральной условности, создающих атмосферу, устанавливающих художественные связи между объектами и характеристиками естественной среды на основе специфики приемов сценического искусства.

Искусство по своей природе театрально, в нем присутствует условность; искусство часто одно выдает за другое. Проектирование, компоновка – неперенные атрибуты театрального и дизайнерского творчества.

Постановочный и драматургический принцип театрализации заключается в том, что зритель становится участником или чувствует себя участником действия. Для этого художник должен создать действительность, близкую по духу человеческой природе. Театрализация обуславливает творческий поиск новых форм. Сценический реализм – театрально-условный реализм, основой которого является творческая фантазия, трансформирующая историческую и современную действительность под эстетические цели.

Театрализация предполагает тщательную подготовку композиции мизансцен, костюмов, предметной среды, выразительности поз актеров. Возникновение профессии режиссера в конце XIX века связано с разной трактовкой драматургического материала и сценического пространства за счет компоновки разных смысловых единиц и визуальных форм. К началу XX века произошло накопление форм и технологий в самых разных сферах жизни. Появилась возможность выбора и свободной творческой компоновки визуальных объектов, что дало о себе знать в разных областях. Так, в кино «эффект Кулешова» – появление нового смысла при монтаже в кино от сопоставления двух кадров, поставленных рядом

< Рис. 1. Театр волжской акватории. Общий вид

(Л. Кулешов, С. Эйзенштейн). Оформление интерьеров в особняках Ф. О. Шехтеля предполагает соединение разных исторических стилей. В XX веке именно в театре родился конструктивизм: живописную декорацию заменили конструкции, которые изменили сценическое пространство и придали игре актеров дополнительное пространство выразительности.

Театральность эволюционирует, как и все в жизни. К концу XX века отчетливой становится тенденция к дроблению целостного восприятия мира человеком; в XXI веке эта тенденция усилилась. Внешний мир становится виртуальным, лишенным привычных культурных образов; предметы изменяются буквально «на глазах». Усилия дизайнеров направлены на упорядочение внешнего мира – мира вещей. Введение принципа театрализации в проектное искусство дизайнера помогает решить эти задачи.

В. Т. Шимко [11] выделяет четыре вида театрализации в городской среде.

– Театрализация образа среды: яркость, динамичность обживающих средовое пространство процессов.

– Театрализация образа жизни: развитие специфических форм торговли, развитие визуальных коммуникативных пространств.

– Специальные театрализованные мероприятия: карнавалы, митинги, шествия.

– Театрализованные представления с участием зрителей: театр на открытом воздухе в архитектурной среде со специальными техническими средствами и пространством для зрителей.

Театрализация образа среды как проектный прием была принята для разработки концептуальных решений в студенческих проектах реконструкции и благоустройства набережной в Казани.

3. Результаты

Ежегодный международный студенческий воркшоп «International Building Challenge» пятый год проводится для учащихся различных уровней обучения и разных специальностей – дизайнеров, архитекторов, градостроителей, озеленителей, девелоперов. Были сформированы четыре команды, в которые вошли учащиеся из разных

образовательных учреждений России. На конкурсной основе каждая команда разработала свой вариант концепции реорганизации и реновации территории старого грузового порта г. Казани на Волге в районе Старо-Татарской Слободы. Взаимодействие членов команд проходило дистанционно на платформах Zoom, MS Team, Webinar. Уважаемое жюри, среди участников которого были представители учебных заведений и проектных организаций из Австралии, Ирландии, Москвы и Казани, отметило, что команда-победитель решила главную задачу. Они посчитали удачной разработку концепции развития территории как единого градостроительного комплекса с яркой образной идентификацией и общим сценарием эмоциональной театрализации городской среды средствами дизайна под общим девизом «По волне моей памяти...». В процессе работы был выполнен предпроектный анализ, составлен градостроительный SWOT-анализ территории, сформулирована идея, дизайн концепция среды и основные проектные принципы театрализации средового пространства, составлен визуальный сценарий в виде коллажей и мудбордов. В основу сценария были заложены драматические события и явления, происходившие на этой территории в отдаленной и близкой истории. Главный театр событий и активности в г. Казани с глубокой древности связан с акваторией Волги. Информация о колоссальных изменениях ландшафтно-водного узла была заложена в качестве идеи масштабного арт-объекта (рис. 1), который визуально рассказывает об изменении ландшафта волжских акваторий, начиная с древних времен и до наших дней. По представлению авторов, медиаресурсы позволяют создать кинетический театр на одной из главных площадей набережной.

Главная связующая роль отводится теме волжской волны, которая накатывает на песок, создает профиль ландшафта акватории, выбрасывает на берег «сюрпризы» в виде артефактов, доставая их со дна реки.

Это может быть раковина, символ биологической истории от самого истока жизни; арт-объект – «бутылка с посланием из прошлого» (рис. 2), символизирующая затопленный 55 лет назад старый стекольный завод, продукция которого пользовалась спросом на всей территории России.

> Рис. 3. Капсульный медиа-театр «Зарождение волжско-камского биоценоза»

> Рис. 4. Арт-объект «Эволюция фауны Волги»

При разработке концептуального предложения организации средового пространства набережной были использованы выразительные средства, изначально применяемые в театральном искусстве – семиотическая наполненность, имитация движения, нарочитая декоративность, панорамные виды, ракурсные точки, фронтальная композиция, театральные свет, условное игровое пространство, отдельные театральные конструкции, интегрированные в реальное пространство (рисунки 3; 4; 5).

4. Дискуссия

Осуществление такого проекта реновации набережной с учетом интересов жителей, туристов, государственных структур и бизнеса поможет превратить пространственный ансамбль набережной в место эмоционально-театрализованной городской жизни, объединяющей всех людей. Средства дизайна и приемы театральности стали главными ключевыми элементами при организации зон набережной. Проектировщиками была сделана ставка на дизайн как современное искусство. В современных малых архитектурных формах и объектах арт-дизайна, формирующих пространственный ансамбль набережной, отражаются легенды, исторические события, составляющие «дух места». Эти объекты могут составить единый средовой комплекс и превосходно декорируют пешеходный променад вдоль берега. Созданное пространство может быть использовано для театрализованных праздников и фестивалей, где жители города могут получить разнообразные эмоциональные впечатления и участвовать в театрализованных праздниках на фоне единого ансамбля природы береговой полосы и объектов средового дизайна, раскрывающих образный контекст истории и культуры проживающего здесь народа.

Материалы проекта «Чего хочет Москва» Института «Стрелка» и Московского урбанистического форума содержат статистические и аналитические исследования мнений и пожеланий жителей относительно того, как улучшить городское пространство. При этом в систематизации запросов были сформированы тематические блоки, связанные с основными потребностями и интересами горожан [12].

Тематический блок «Культура» объединил идеи о сохранении исторического, культурного наследия, необходимости создания новых площадок для коммуникаций людей. Предложения проектировщиков посвящены искусству в городе: арт-объектам, фотовыставкам, новым памятникам – словом, всему, что может сделать городскую среду разнообразнее, привлекательнее и интереснее [13]. Наиболее явно и наглядно смыслы архитектуры проявлены в эстетических критериях, которые служат основой для определения понятия красоты [14].

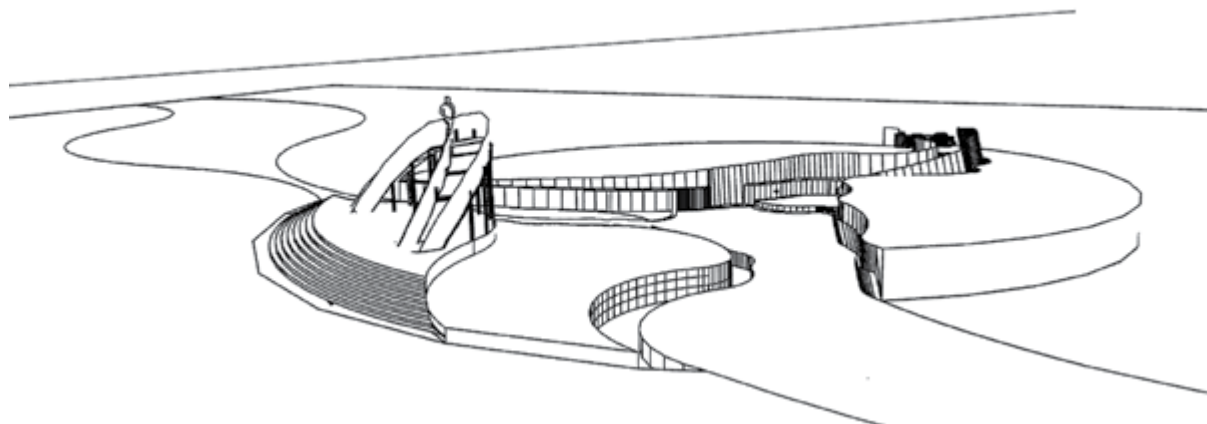
Сегодня искусства в городе не хватает, и жители хотят, чтобы современное искусство стало органичной частью города с элементами интерактивности и вовлечения людей. Историческая среда, привлекательная для познавательных прогулок, требует достойного оформления. Ключевым различием между архитектором прошлого и будущего становится демократия, идущая на смену аристократии. Архитектор демократического общества предлагает народу архитектуру, которая должна сделать его если не счастливым, то довольным [15].

5. Заключение

Анализ и истолкование термина «эмоциональная театрализация» применительно к дизайн-проектированию городской среды позволило рассмотреть малоисследованные стороны проектного мышления дизайнера. На конкретных проектах показана логика проектной работы на основе соединения проектных, философских и социологических концепций и направлений. Выявлены возможности совершенствования профессиональной культуры и развития творческих способностей дизайнера.

Литература

1. Маньковская, Н. Б. Эстетика постмодернизма. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2002. – 347 с.
2. Федоров, В. В., Коваль, И. М. Мифосимволизм архитектуры. – Москва : КомКнига, 2006. – 208 с.
3. Зырина, М. А., Дембич, Н. Д., Грязева, И. В., Казакова, Н. Ю. Визуальное восприятие городской среды в контексте современного костюма // Вестник славянских культур. – 2020. – Т. 55. – № 1. – С. 287–302

< Рис. 5. Объемно-пространственная организация театра волжской акватории. Эскиз

4. Кузнецова, Е. И. Социальные технологии – основа дизайнерского творчества. – Москва, 2016. – URL: cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-tehnologii-osnova-dizaynerskogo-tvorchestva/viewer (дата обращения: 09.07.20)
5. Маккуайр, С. Медийный город: медиа, архитектура и городское пространство [пер. с англ. М. Коробочкин]. – Москва : Strelka Press, 2014. – 392 с.
6. Евреинов, Н. Н. Театр как таковой. – Москва : Негоциант, 2003. – 192 с.
7. Трапезникова, Е. В. Театральные приемы моделирования пространства в анимационном фильме. – URL: cyberleninka.ru/article/n/teatralnyye-priemy-modelirovaniya-prostranstva-v-animatsionnom-filme/viewer/ (дата обращения: 31.08.20)
8. Смагина, С. А. Театрализация кинематографии. Пути обновления киноязыка (на материале отечественных фильмов второй половины 1960-х – 1980-х гг.) : монография. – Москва : ВГИК, 2014. – 135 с.
9. Гальцова, Е. Д. Театральность в системе французского сюрреализма : дис. ... докт. филол. наук : 10.01.03 / Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького РАН. – Москва, 2008. – 300 с.
10. Купцова, О. Н. Очерки русской театральной культуры: Из лекций, прочитанных на факультете дополнительного образования. – Москва : Изд-во ВГИК, 2014. – 100 с.
11. Шимко, В. Т. Архитектурно-дизайнерское проектирование городской среды. – Москва : «Архитектор–С». – 2006. – 384 с.
12. Чего хочет Москва: Атлас идей. – Москва : Strelka Press, 2014. – 476 с.
13. Дембич, Н. Д., Фаткуллина, А. А. Вопросы реорганизации и идентификации прибрежных территорий промышленной эпохи на примере района Вилла Олимпика г. Барселона 1992 г. // Инновации и инвестиции. – 2019. – № 12. – С. 225–229
14. Лидин, К. Круговорот логоса в природе. Конверсия как циклическая смена смыслов // Проект Байкал. – 2018. – № 55 – С. 24–28
15. Рапппорт, А. Архитектура и профессия // Проект Байкал. – 2018. – № 55. – С. 138

References

Chego khochet Moskva: Atlas idei [What Moscow wants: an atlas of ideas] (2014). Moscow: Strelka Press.

Dembich, N. D., & Fatkulina, A. A. (2019). Issues of reorganization and identification of coastal areas of the industrial era on the example of Villa Olympica, Barcelona 1992. *Innovations and investments*, 12, 225–229.

- Evreinov, N. N. (2003). *Teatr kak takovoi* [Theater as such]. Moscow: Negotsiant.
- Fedorov, V. V., & Koval, I. M. (2006). *Mifosimvolizm arkhitektury* [Myth-symbolism of architecture]. Moscow: KomKniga.
- Galtsova, E. D. (2008). *Teatralnost v sisteme frantsuzskogo surrealizma* [Theatricality in the French surrealism system]. Thesis. Moscow.
- Kuptsova, O. N. (2014). *Ocherki russkoi teatralnoi kultury: iz leksii, pročitannykh na fakultete dopolnitelnogo obrazovaniya* [Essays on Russian theatre culture. Excerpt from lectures given on the faculty of further education]. Moscow: VGIK.
- Kuznetsova, E. I. (2016). *Sotsialnye tekhnologii-osnova dizaynerskogo tvorchestva* [Social technology is the foundation of design creativity]. Moscow. cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-tehnologii-osnova-dizaynerskogo-tvorchestva/viewer (date of access: 09.07.20)
- Lidin, K. (2018). Logos Circulation. Conversion as a cyclic renewal of meanings. *Project Baikal*, 15(55), 24–28. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.55.1276>
- Mankovskaya, N. B. (2002). *Estetika postmodernizma* [Aesthetics of postmodernism]. Saint Petersburg: Aleteya. 347.
- McQuire, S. (2014). *The Media City: Media, Architecture and Urban Space*. Moscow: Strelka Press.
- Rappaport, A. (2018). Architecture and the Profession. *Project Baikal*, 15(55),138. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.55.1303>
- Shimko, V. T. (2006). *Arkhitekturno-dizaynerskoe proektirovanie gorodskoi sredy* [Architectural and design of the urban environment]. Moscow: “Architect–S”.
- Smagina, S. A. (2014). *Teatralizatsiya kinematografii. Puti obnovleniya kinoyazyka (na materiale otechestvennykh filmov vtoroi poloviny 1960-kh-1980-kh gg.)* [Theatricalization of cinematography. Cinema language renewal paths (based on domestic motion pictures of second half of 1960-1980s)]. Monograph. Moscow: VGIK.
- Trapeznikova, E.V. *Teatralnye priemy modelirovaniya prostranstva v animatsionnom filme* [Theatrical methods of space modeling in animation]. cyberleninka.ru/article/n/teatralnyye-priemy-modelirovaniya-prostranstva-v-animatsionnom-filme/viewer/ (date of access: 31.08.20)
- Zyrina, M. A., Dembich, N. D., Gryazeva, I. V., & Kazakova, N. Yu. (2020). *Vizualnoe vospriyatie gorodskoi sredy v kontekste sovremennogo kostyuma* [Visual perception of the urban environment in the context of modern costume]. *Bulletin of Slavic Cultures*. 55(1), 287–302.

> Рис 2. Василий Васильевич Верещагин (1842–1904). – URL: https://vu.gumrf.ru/wp-content/uploads/2017/07/news_072117_1_2.jpg

Представлены результаты исследования геокультурного потенциала уральского города Верещагино, отмечающего 125-летие в 2023 г. Исторически сложившееся сочетание старообрядческого уклада и сплоченности местной корпорации железнодорожников обеспечивало устойчивое развитие городской среды в XX веке. В настоящее время город, названный в честь выдающегося русского художника-баталиста В. В. Верещагина, нуждается в геокультурной стратегии развития. Для анализа используется концепция геокультурного брендинга городов. Ключевые слова: подвижничество; старообрядчество; «Западные ворота Урала»; Верхокамская усадьба; геокультурный брендинг; городская среда; креативное действие. /

The article presents the results of the study of the geocultural potential of the Ural town of Vereshchagino, which celebrates its 125th anniversary in 2023. The historically formed combination of the Old-Rite style and the unity of the local corporation of railwaymen promoted sustainable development of the urban environment in the 20th century. Today, the town named after the great Russian battle painter V. V. Vereshchagin needs a geocultural development strategy. The concept of geocultural branding of cities is used for the analyses.

Keywords: asceticism; Old Ritual; "Western Gates of Ural"; Verkhokamskaya Manor; geocultural branding; urban environment; creative activity.

Верещагино: подвижничество и творческая самобытность / Vereshchagino: asceticism and creative identity

ТЕКСТ

Сергей Дианов
Юлия Дианова /
текст
Sergey Dianov
Julia Dianova

Верхокамье – центр старообрядческого согласия
Верхокамье – историческая территория Обвинского поречья (р. Обва) Прикамья, на большей части которой сегодня располагается Верещагинский район и г. Верещагино. С XVIII в. здесь происходило укоренение старообрядческого уклада и связанных с ним форм духовного подвижничества. На территории Пермского Прикамья существовало несколько старообрядческих согласий; самыми многочисленными являлись старообрядцы часовенные. На рубеже XIX – XX вв. они продолжали активно осваивать территории Обвинского поречья [12]. Общая численность староверов Верхокамья к 1899 г. составила 29,5 тыс. чел. [1]. В исследованиях краеведов отмечается, что в начале XX в. положение старообрядцев, подвергавшихся ранее со стороны светских властей усиленным гонениям, стало меняться в лучшую сторону [4, с. 49]. В 1905 г. состоялось открытие старообрядческой церкви, разместившейся в непосредственной близости от железнодорожной станции Вознесенская. В период революционных потрясений на территории уже Красно-Верещагинского района функционировало 19 церквей

и 11 часовен [14]. Стойкость вероисповедания и подвижническая деятельность были пронесены людьми через всю советскую эпоху. Замкнутость старообрядцев региона, по словам известного пермского этнографа А. В. Черных, была условной и касалась прежде всего религиозной жизни старообрядческой общины, в то время как в быту происходили активные контакты, в том числе допускались межконфессиональные браки [13, с. 131]. Заметим, что в отличие от некоторых других уральских населенных пунктов, где к концу XX в. традиции старообрядчества были практически полностью утрачены (например, в г. Красноуфимске) [2, с. 109], сегодня в г. Верещагино и его окрестностях подвижнические устои продолжают находить отражение в повседневных жизненных практиках значительного количества семей. В настоящее время в Верещагинском городском округе ведут энергичную деятельность четыре прихода Русской православной старообрядческой церкви (белокриницких староверов) и один приход кержацких староверов (село Путино). Заместитель председателя Культурно-памятного центра им. протопопа Аввакума А. А. Безгод в своих публикациях выражает уверенность в том, что именно духовный «капитал» Верещагино позволяет городу сохранять лидирующие позиции в Пермском крае, и что «<...> скорее всего именно верещагинские старообрядцы в ближайшее время будут определять развитие староверия в регионе» [1]. В свою очередь, благочинный Уральской епархии протоиерей Валерий Шабашов выделяет следующие главные черты современного духовного подвижничества: «Людей, жалующихся на жизнь, впадающих в уныние, среди настоящих старообрядцев нет. И благодаря этому качеству, а также высокой работоспособности и отказу от употребления алкоголя они добиваются материального благополучия. О чем это говорит? О том, что старообрядцы – это люди, сильные духом, в них есть «стержень»» [14].

Нельзя не отметить вклад старообрядческого согласия в развитие художественного творчества и декоративно-прикладного искусства Верхокамья. Одним из продуктов культуротворчества стало изготовление игрушек – «кукол» и «кукол с куклятами». В ходе полевых экспедиций в Верещагинский район А. В. Черных удалось

в Рис. 1.

Кукла с куклятами.
Реконструкция
Ю. Диановой.
Фото С. Дианова

< Рис. 4. Верещагино. Храм святителя Николая Чудотворца. 1993. – URL: <https://navigator.starove.ru/item/hram-svyatitelya-nikoly-chudotvortsavereshhagino-rpsts/>

< Рис. 5. Верещагино. Памятник В. В. Верещагину. 1995. – URL: https://vk.com/wall-179945354_1702

обнаружить несколько тряпичных кукольных образцов и ознакомиться с технологией их изготовления. В образах кукол находили отражение символические черты традиционной культуры. По имеющимся сведениям, в нашей семье в 1960-е гг. прабабушка по материнской линии обучала своих детей и внуков создавать «кукол» с обязательными элементами убранства костюма. Сегодня с экспонатами культуротворческой деятельности верхокамских мастеров можно познакомиться в Музее народной культуры села Сепыч.

Город с именем В. В. Верещагина

История города Верещагино началась в конце XIX в., когда многие населенные пункты Урала и Западной Сибири последовательно подключались к разветвленной железнодорожной транспортной сети страны. В 1895 г. на месте будущего города развернулось строительство одного из участков Пермь-Котласской железной дороги – станции, вокзала и паровозного депо (рис. 4). К 1898 г. основные работы по возведению объектов были завершены, станция получила название «Очёрская» [3]. 25 ноября 1898 г. состоялось открытие временного движения поездов на участке Глазов – Кама. Регулярное же движение товарных и пассажирских поездов было запущено в 1899 г. [5, с. 61]. В 1900-е гг. станция приобрела статус стратегически важного объекта; постепенно создавался ее имиджевый образ «Западных ворот Урала». Вблизи вокзала и депо довольно быстрыми темпами формировалось поселение, костяк его жителей составили рабочие-железнодорожники и их семьи. В 1903 г. станция была переименована в «Вознесенскую», а в 1907 г. пристанционный поселок стал называться «Александровский» в честь освящения первого прихода РПЦ – церкви Святого Александра Невского. Ее настоятель Г. А. Орлов выступил с инициативой создания в Александровском первых просветительских образовательных организаций. Осенью 1908 г. в построенном на привокзальной аллее деревянном здании была открыта школа для детей железнодорожников.

Факт кратковременного пребывания зимой 1904 г. на станции Вознесенской выдающегося художника-баталиста Василия Васильевича Верещагина (1842–1904)

< Рис. 3. Верещагинская трикотажная фабрика. 1970-е. – URL: <https://www.permgaspi.ru/images/calendar1/f/683.jpg>

следует рассматривать все-таки как проходной сюжет в истории поселения (рис. 5). Краеведы не обнаружили свидетельств о каких-либо контактах В. В. Верещагина с местным населением. Однако получившие в обществе громкий резонанс обстоятельства его трагической гибели 13 апреля 1904 г. у берегов Порт-Артура (подрыв на mine броненосца «Петропавловск»), очевидно, стали фактором, побудившим местные сообщества Александровского поселения распознать феноменальные смыслы присутствия образа гениального человека в месте, еще не имеющим культурного облика. Надо сказать, что творчество В. В. Верещагина впечатляло не только его соотечественников. Процитируем кубинского писателя Хосе Марти, посетившего в январе 1889 г. выставку картин В. В. Верещагина в Нью-Йорке: «Русский художник – новатор. Он – сама патриархальность, живой камень, с наивной и возвышенной душой. Это человек, полный страсти и красок, рычащий и воркующий, искренний и могучий. Он тяжело двигается в своем французском плаще, точно бородатый Геркулес в одежде ребенка. Он садится в белых перчатках за стол, на котором дымится жареный медведь. <...> Люди искусства, богачи, женихи и невесты, квакеры, безработные, ремесленники и священники шли и снова возвращались на выставку картин Верещагина» [8]. Такой эмоциональный отклик свидетельствует о признании российского живописца выразителем самобытной русской культуры.

^ Рис. ба, б, в. Верещагино. Улица Ленина. 2020 г. Фото Ю. Диановой

Весной 1914 г. инициативная группа рабочих и служащих обратилась с ходатайством о присвоении станции Вознесенской имени художника В. В. Верещагина. Спустя год, когда вся страна переживала тяжелые военные будни, последовало высочайшее разрешение. С 18 апреля 1916 г. станция Вознесенская и поселок Александровский стали официально называться Верещагино [3]. Представляется, что данная инициатива стала одним из первых в истории г. Верещагино коллективным креативным действием, свидетельствующем о понимании людьми зримых и незримых смыслов творчества и социального подвижничества. Проявив земляческое единодушие, местные жители заявили о своей приверженности к развитию лучших практик созидательной деятельности.

В советский период росла численность городского населения Верещагино: с 6 тыс. чел. в 1931 г. до 22,8 тыс. чел. в 1959 г. В 1941 г. город принял почти шесть тысяч эвакуированных советских граждан; только из Карело-Финской ССР прибыло 1182 чел. С 6 августа 1941 г. по 1 сентября 1945 г. здесь размещался эвакуационный госпиталь № 2567. В это тяжелое время в г. Верещагино

были также размещены Липецкий моторно-ремонтный завод, Егорьевская швейная фабрика, производственные мощности Ворошиловградского механического завода им. 20-летия Октября и др. В послевоенные годы сложился комплекс градообразующих предприятий: Верещагинская трикотажная фабрика (рис. б), комбинат хлебопродуктов, завод железобетонных конструкций, Верещагинский комбинат молочных продуктов. В 1960–1980-е гг. активно развивалось общественное городское пространство, жилая застройка. В июне 1965 г. был введен в эксплуатацию первый в городе четырехэтажный многоквартирный дом (ул. Ленина, 43), а в октябре 1968 г. открылась гостиница «Приуралье». Результатом творческих усилий местных сообществ стало возведение Дома культуры железнодорожников (1978). Быстрыми темпами создавалась сеть автомобильных дорог, связывающих город с населенными пунктами района, где располагались и старообрядческие поселения (с. Бородулино, с. Путино, с. Сепыч). В 1980-е годы верещагинцы продолжали проявлять лучшие качества подвижнической деятельности. Речь идет о культурно-просветительском движении и будничных формах хозяйственной самостоятельности людей (огородничество, садоводство, домашнее животноводство, традиционные ремесла). Высокую активность демонстрировали религиозные организации. В 1993 г. в городе завершилось строительство новой церкви (рис. 4), был произведен первый набор в воскресную школу для старообрядческой молодежи – 170 обучающихся [14].

В начале 1990-х гг. социально-экономическая повестка в г. Верещагино не особенно отличалась от перестроечных лет. С 1992 г. по 2001 г. наблюдался небольшой прирост численности городского населения (с 24,9 тыс. до 25,2 тыс.). В город перебирались люди из сельской местности, а также приезжали специалисты с семьями из г. Перми в поисках лучших возможностей для поддержания своего материального благополучия. Выразим мнение, что именно в этот период времени у г. Верещагино был уникальный шанс заявить о себе как о городе, открытом для инициативных людей, желающих своими усилиями преобразовывать вокруг себя культурно-деловую среду. Муниципальным вла-

^ Рис. 7. Школа № 1, ул. Ленина. Остановка общественного транспорта. 2020. Фото Ю. Диановой

^ Рис. 8. Информационный стенд МБУК «Верещагинский районный музейно-культурный центр». 2020. Фото С. Дианова

стям следовало бы проводить политику территориального маркетингового брендинга, активнее продвигать в пермском регионе бренд-образы города. При этом культурный потенциал Верещагино продолжал расти. Так, еще в 1993 г. вышла книга верещагинского краеведа В. Г. Мельчакова «Верещагино – западные ворота Урала» [9]. В 1995 г. на привокзальной площади был установлен памятник В. В. Верещагину, выполненный скульптором А. А. Уральским (рис. 5). Традиции ткачества и технологии работы с текстилем реализовывались на фабричном производстве трикотажной одежды, изготовление которой выполнялось на высоком уровне художественного мастерства.

Проблемы современной геокультурной среды Верещагино

С 2002 г. из города в краевой центр стала уезжать молодежь, и лишь немногие возвращались жить в Верещагино после обучения в вузах. Попытка создать в пермских вузах в 2003–2004 гг. молодежные земляческие организации, в целом, провалилась. Городская администрация слабо взаимодействовала с общественными и религиозными организациями. Фактически оказались невостребованными идеи и формулы развития подвижнической деятельности. Образ творца-созидателя В. В. Верещагина оказался практически за рамками городских конкурсов, тематических выставок, памятных дней.

К 2020 г. население города сократилось до 22 тыс. чел. Работаящая часть населения сегодня составляет всего 37%, из них только 75% заняты в экономике городского округа. Накопились проблемы муниципального хозяйства (высокий процент изношенности коммунальных сетей и дорожной инфраструктуры, необустроенность садово-парковых зон, запустение пригородных территорий). В визуальном облике города отчетливо проявляются отнюдь не лучшие черты «провинциальности». Вмерзшие в снег на центральных улицах скамейки и урны, сломанные фонари производят на жителей и гостей города неблагоприятное впечатление (рис. 6). Остановочные пункты лишены стилового оформления (рис. 7); горожане довольно часто выражают недовольство их состоянием [10, с. 55]. Нельзя не отметить неудовлетворительный

внешний вид конструкций, предназначенных для объявлений и афиш возле МБУК «Верещагинский районный музейно-культурный центр» (рис. 8). Подчеркнем, что речь идет не о городских окраинах, а о центре Верещагино. Таким образом, городу требуется геокультурная стратегия развития, которая подразумевает создание нового типа инфраструктуры, преобразование его визуально-эстетической среды. «Когда власти лишь реагируют на уже возникшие проблемы, они, в сущности, идут на поводу у этих проблем и вынуждены решать их методами, которые подсказывают сами эти проблемы, – отмечает в своих произведениях известный британский исследователь-урбанист Чарльз Лэндри. – В результате они продвигаются от кризиса к кризису и занимаются вчерашними проблемами, а не завтрашними возможностями» [7, с. 85].

Геокультурная стратегия развития для Верещагино

Для решения выявленных проблем считаем необходимым сформулировать предложения по созданию в г. Верещагино такой креативной среды, в которой бы получили развитие сложившиеся в течение минувших исторических эпох геокультурные ресурсы территории. В качестве методологической основы определим концепцию геокультурного брендинга городов Д. Н. Замятина. «Всякая территория – сельское поселение, город, небольшая местность, крупный район – может быть репрезентирована как целенаправленный, детально структурированный образ. Этот образ территории может быть выстроен, сформирован как геокультурный бренд» [6, с. 29].

При формулировании основ геокультурной стратегии мы исходим из феноменального ядра верещагинской земли, которое включает уникальные формы старообрядческого подвижничества и культуротворчества, гражданский подвиг железнодорожников Транссиба и имя художника В. В. Верещагина – человека, при обращении к жизнедеятельности которого современному человеку нетрудно разглядеть значимые смыслы творчества и подвижничества. Исходя из вышесказанного, представим авторский проект геобренда «Верхокамская усадьба», который целесообразно использовать при реализации перспективной геокультурной стратегии развития Верещагино. «Верхокамская усадьба» основывается на ре-

^ Рис. 9. Станция Верещагино. Январь 2021. Фото С. Дианова

^ Рис. 10. Станция Верещагино – «Западные ворота Урала». Январь 2021. Фото С. Дианова

v Рис. 11. Верещагино. Кукла железнодорожного служащего. 2020. Фото С. Дианова

презентации историко-культурного наследия г. Верещагино и включает комплекс характеристик, в том числе по воспроизводству культурных смыслов творчества и подвижничества. Перечислим символические образы, составляющие концептуальное основание геобренда:

- «Верхокамье» – образ исторической местности со сложившимися практиками творческого подвижничества (религиозного, профессионального, созидательно трудового);
- «усадьба» – образ, в котором воплощается социально-историческая самобытность хозяйственного уклада территории: «<...> усадьба в русской культуре – это не просто архитектурный ансамбль, не просто особый вид поселения, а некое явление гораздо более широкого

смысла» [15, с. 22–23]; усадьба давала своему владельцу и свободу воли, и свободу личности, и свободу творчества;

- «усадебное кольцо» – образ места города, где сосредоточена культуротворческая деятельность горожан и гостей города (художественная, дизайнерская, технико-эстетическая, в том числе ремесленная, и др.);
 - «подвижник» – образ человека, стремящегося к созидательной деятельности, заинтересованного в развитии своего семейного благополучия и полезных форм хозяйственной активности, а также нацеленного на выполнение моральных требований в случае возникновения неблагоприятных социальных условий или обстоятельств личной жизни;
 - «творческая земляческая среда» – образ взаимодействующих друг с другом людей, которые посредством раскрытия своего творческого потенциала создают условия для устойчивого развития городского округа.
- Выделим пять приоритетных задач, которые необходимо достигать процессе реализации геокультурной стратегии города.

1) Развитие позитивного имиджа Верещагино в медиа-информационном пространстве страны как города, «открытого» для культуротворческой деятельности людей.

2) Привлечение в г. Верещагино молодых семей, многодетных семей, людей предпенсионного возраста, проявляющих заинтересованность в развитии своего материального благополучия посредством «укрепления на земле», то есть создания семейной усадьбы. В этом контексте востребованы современные репрезентации образа «кукол с куклятами».

3) Создание условий для совершенствования профессиональных навыков людей в сфере «домового» дизайна, технической эстетики, декоративно-прикладного искусства.

4) Обеспечение практической реализации творческих проектов в общественном пространстве города, инициируемых людьми, так или иначе связанными с Верещагино.

5) Преобразование визуально-эстетического облика города в соответствии с художественно-стилистическим концептом геобренда.

^ Рис. 12. Верещагино. Ярмарка «Широкая масленица». 2020. Фото Ю. Диановой

^ Рис. 12а. Верещагино. Мастер-класс по изготовлению кукол на ярмарке «Широкая масленица». 2020. Фото Ю. Диановой

Художественно-стилевое выражение геокультурного бренда «Верхокамская усадьба» рационально продемонстрировать посредством современного стилизованного образа «куклы с куклятами», в которой возможно символично выразить ключевые социально-экономические и культурные ресурсы городского округа.

– **Железнодорожная инфраструктура города** («Верещагино» – «Западные ворота Урала») (рис. 9,10). Пример использования в городской среде: добродушно-юмористическая скульптура – «Кукла железнодорожника» (рис. 11). Возможные варианты стилизации: «Кукла пассажира с детьми», «Кукла начальника вокзала» и др.

– **Образовательные (включая Детскую школу искусств) и музейные организации.** Пример использования в городской среде: мастер-классы по изготовлению сюжетно-образных кукольных композиций. Возможные варианты стилизации: куклы по сюжетам картин художника-баталиста В. В. Верещагина.

– **Наличие городских ярмарочных площадок** (рис. 12). Пример использования в городской среде: конкурс «Кукла Сударыня-масленица» (рис. 13). Возможные варианты стилизации: кукольные образы ярмарочной атмосферы, «Хоровод кукол» и др.

– **Центры духовного и патриотического воспитания.** Примеры использования в городской среде: сувенирные декоративные изделия местных мастеров. Возможные варианты стилизации: реконструкция образов игровой и обрядовой куклы.

– **Верещагинская трикотажная фабрика.** Примеры использования в городской среде: орнаменты текстильных изделий. Возможные варианты стилизации: собирабельные кукольные образы на продукции.

Достижение целевых показателей зависит не только от муниципальных властей, но и от активности городских сообществ. Таким образом, следует признать необходимым проведение в г. Верещагино на регулярной основе фестивалей и творческих конкурсов, направленных на преобразование визуально-эстетической среды города (уличного пространства, парков и скверов, придомовых территорий). «Верхокамской усадьбе» требуются площадки для развития концепции городского дизайна, в которой воплощались бы символы домохозяйства

и благополучия, семейных ценностей и социального согласия. В городе важно создавать особые места для культуротворческой деятельности людей, формируя «усадьбное кольцо». Слоганы «Найди себя в Верещагино», «Верещагино – город крепких хозяев», «Усадьба и судьба в твоих руках» следует закреплять в муниципальных программах развития, в стратегии социально-экономического развития города. Кстати, в гербе городского округа находят отражение некоторые имиджевые ресурсы территории (железная дорога, плодородие и богатство природы, золотые кисти для живописи) (рис. 17). Целесообразно отразить в гербе и символические образы усадьбы.

Заключение. Концептуальная идея геокультурного бренда «Верхокамская усадьба» основывается на феноменальном ядре геокультуры территории Верещагинского городского округа. У города, носящего имя выдающегося творца-подвижника, имеются ресурсы и возможности для выхода из сложной социально-экономической ситуации через активные подвижнические и креативные практики. Особенно важным представляется развитие усадьбного потенциала, позволяющего обеспечить воспроизводство самобытности хозяйственного уклада страны.

Литература

1. Безгодов, А. А. Старообрядческие согласия Верхокамья в прошлом и настоящем. – URL: <https://protopop-avvakum.ru/bezgodov-a-a-starobryadcheskie-soglasiya-verxokamya-v-proshlom-i-nastoyashhem/> (дата обращения: 12.05.2020)
2. Белобородов, С. А. «И вскоре раскол здесь необычайно усилился»: (к истории старообрядчества Красноуфимского уезда) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. – 2012. – Вып. 2 (4). – С. 86–110
3. Волегова, С. Г. О дате возникновения города Верещагино. История переименований и статусов. – URL: <https://nashural.ru/mesta/permskij-kraj/vereshagino/> (дата обращения: 13.12.2020)
4. Голева, Т. Г. Старообрядцы на территории Коми-Пермяцкого округа // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. – 2019. – № 1. – С. 46–60
5. Дорога сквозь века: о пермских железнодорожниках: от события к событию / Авт.-сост. Г. А. Литовченко. – Пермь : Изд-во Пушкина, 2003. – Кн. 1. – 367 с.

^ Рис. 13. Верещагино. Конкурс на лучшую масленичную куклу «Сударыня-масленица». 2020. Фото Ю. Диановой

^ Рис. 14. Герб Верещагинского городского округа. – URL: <http://veradmgo.ru/media/cache/85/38/bf/c9/a2/d0/8538bfc9a2d09faeb5177468d1a66c33.jpg>

6. Замятин, Д. Н. Геокультурный брендинг городов и территорий: от теории к практике. Книга для тех, кто хочет проектировать и творить другие пространства. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2020. – 668 с.

7. Лэндри, Ч. Креативный город / пер. с англ. В. Гнедовского, М. Хрусталева. – Москва : Классика – XXI век, 2011. – 399 с.

8. Марти, Х. Выставка картин Верещагино // Куба. – 1997. – № 1. – URL: https://www.booksite.ru/vereschagin/6_50.html (дата обращения: 13.12.2020)

9. Мельчаков, В. Г. Верещагино – западные ворота Урала. – Пермь : Областной творческий центр, 1993. – 74 с.

10. Пустовалов, А. В. Медиа контент Верещагинского района Пермского края // Евразийский гуманитарный журнал. – 2019. – № 1. – С. 52–57

11. Храм святителя Николая Чудотворца. Верещагино (РПСЦ). – URL: <https://navigator.starove.ru/item/hram-svyatitelya-nikoly-chudotvortsya-vereshhagino-rpsts/> (дата обращения: 14.12.2020)

12. Черных, А. В. Русские старообрядцы – URL: <http://enc.permculture.ru/showObject.do?object=1803972154> (дата обращения: 13.12.2020).

13. Черных, А. В. Старообрядцы Пермского Прикамья: опыт межконфессионального взаимодействия // Уральский исторический вестник. – 2015. – № 2 (47). – С. 125–132

14. Шишкин, А. «Старообрядчество – вера наших предков...»: Интервью с о. Валерием Шабашовым // Верещагинский вестник. – 2016. – № 6 (611). – 5 февраля

15. Шляпугина, Р. Я. Дворянские усадьбы России: общий обзор // Дискуссия. – 2015. – № 1 (53). – С. 22–26

References

Beloborodov, S. A. (2012). "I vskore raskol zdes neobychaino usililsya": (k istorii staroobryadchestva Krasnoufimskogo uезда) [And soon the rift was extremely deepened here": (to the history of the Old Ritual in Krasnoufimsky Uyezd)]. Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii, 2(4), 86-110.

Bezgodov, A. A. (2020, May 6). Staroobryadcheskie soglasiya Verkhokamya v proshlom i nastoyashchem [Old-Rite creeds in Verkhokamye in the past and the present]. <https://protopor-avvakum.ru/bezgodov-a-a-staroobryadcheskie-soglasiya-verkhokamya-v-proshlom-i-nastoyashhem/>

Chernykh, A. V. (n.d.). Russkie staroobryadtsy [Russian Old Believers]. In Permsky Krai. Encyclopedia. Retrieved January 13, 2020, from <http://enc.permculture.ru/showObject.do?object=1803972154>

Chernykh, A. V. (2015). Staroobryadtsy Permskogo Prikamya: opyt mezhkonfessionalnogo vzaimodeistviya [Old Believers of Perm Prikamye: experience of interconfessional interaction]. Ural'skiy istoricheskiy vestnik, 2(47), 125-132.

Goleva, T. G. (2019). Staroobryadtsy na territorii Komi-Permyatskogo okruga [Old Believers on the territory of Komi-Permyak Okrug]. Vestnik PNIPIU. Kultura. Istoriya. Filosofiya. Pravo, 1, 46-60.

Khram svyatitelya Nikolay Chudotvortsya. Vereshchagino (RPSTs) [St. Nikolas the Wondermaker Temple Vereshchagino (RPSTs)] (n.d.). <https://navigator.starove.ru/item/hram-svyatitelya-nikoly-chudotvortsya-vereshhagino-rpsts/>

Landry, Ch. (2011). Kreativnyi gorod [The creative city] (V. Gnedovsky, & M. Khrustaleva, Trans.). Moscow: Klassika – XXI vek.

Litovchenko, G. A. (2003). Doroga skvoz veka: o permskikh zheleznodorozhnikakh: ot sobytiya k sobytiyu [A road through the centuries: on Perm railwaymen: from one even to another]. Book 1. Perm: Izd-vo Pushka.

Marti, J. (1997). Vystavka kartin Vereshchagina [Exhibition of Vereshchagin's paintings]. Kuba, 1. https://www.booksite.ru/vereschagin/6_50.html

Melchakov, V. G. (1993). Vereshchagino – zapadnye vorota Urala [Vereshchagino, the Western Gates of Ural]. Perm: Oblastnoi tvorcheskiy tsentr.

Pustovalov, A. V. (2019). Mediakontent Vereshchaginskogo raiona Permskogo kraja [Media content of the Vereshchaginsky district, Perm Krai]. Evraziyskiy gumanitarnyi zhurnal, 1, 52-57.

Shishkin, A. (2016, February 5). "Staroobryadchestvo – vera nashikh predkov...": Intervyu s o. Valeriem Shabashovym ["Old Ritual is a belief of our ancestors...": Interview with F. Valery Shabashov]. Vereshchaginsky vestnik, 6(611).

Shlyapugina, R. Ya. (2015). Dvoryanskie usadby Rossii: obshchii obzor [Manors of the nobilities in Russia: general review]. Diskussiya, 1(53), 22-26.

Volegova, S. G. (2020, March 27). About the date of the emergence of the city of Vereshchagino. History of renames and statuses. Our Ural. <https://nashural.ru/mesta/permskij-kraj/vereshhagino/>

Zamyatin, D. N. (2020). Geokulturnyi brending gorodov i territorii: ot teorii k praktike. Kniga dlya tekhn, kto khochet proektirovat i tvorit drugie prostranstva [Geocultural branding of cities and territories: from theory to practice. A book for those who want to design and create other spaces]. Saint Petersburg: Aleteya.

На основе сопоставления материалов этнографической Казакстанской экспедиции Академии наук СССР 1927 г. и экспедиционных материалов архитектора-искусствоведа Е. А. Ащепкова в 1943 г. раскрываются особенности складывания усадебных комплексов крестьянских хозяйств товарного типа старожильской и переселенческой групп населения в XIX – начале XX в. в юго-восточном районе Алтая в бассейне рек Бухтарма и Нарым.

Ключевые слова: крестьянское хозяйство; старообрядцы; крестьянская усадьба; Южный Алтай; этнографические материалы; крестьянское деревянное зодчество. /

Based on a comparison of the materials of the ethnographic Kazakstan expedition of the USSR Academy of Sciences in 1927 and the expeditionary materials of the architect-art critic E.A. Ashchepkov in 1943, the article describes the features of the establishment of manor complexes of peasant farms of the commercial type, old-resident and resettlement population groups in the XIX-early XX century in the southeastern Altai region in the basin of the rivers Bukhtarma and Narym.

Keywords: peasant farm; Old Believers; peasant estate; South Altai; ethnographic materials; peasant wooden architecture.

Крестьянские хозяйства Бухтарминских старообрядцев / Peasant estates of the Bukhtarma Old Believers

Отсутствие научных основ по архитектурному формированию крестьянских фермерских хозяйств и малый опыт их развития в новейшей истории определяет целесообразность раскрытия особенностей сложения прототипов современных крестьянских фермерских хозяйств – крестьянских хозяйств товарного типа старожильской группы населения в XIX – начале XX в. Систематическое научное изучение планировки крестьянских усадеб России началось во второй половине XIX века. Примером являются работы В. Д. Мачинского, который проанализировал планировку хуторов и устройство помещений в типичных крестьянских домах по всем великорусским губерниям. Один из авторов историко-этнографического атласа «Русские» О. А. Ганцкая описала типы комплексов русского крестьянского жилища, распространенных на территории европейской России. Исследуя памятники сельской архитектуры XVII–XIX вв., И. В. Маковецкий разработал карту распространения типов русского крестьянского дома. В трудах А. В. Ополовникова и Е. Н. Бубнова были детально изучены крестьянские постройки усадеб, обнаруженные на русском Севере и на Урале. В монографиях Е. А. Ащепкова, вышедших в середине XX в., представлен материал по крестьянскому народному зодчеству и декоративному оформлению крестьянских усадеб Западной и Восточной Сибири (XVIII–XIX вв.). Организация усадебных комплексов сибирских старообрядцев, латышей, российских немцев и других переселенцев конца XIX – начала XX в. описана в работах А. Р. Бетхет, Е. Э. Бломквист, П. П. Вибе, В. А. Липинской, А. Ю. Майничевой, А. Б. Свитнева, В. В. Царева, в научных трудах Института истории Сибирского отделения РАН и Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. Особенности развития земледельческих поселений Сибири отражены в работах С. Н. Баландина, Л. Н. Вольской, Т. М. Степанской, В. И. Царева [1, р. 1387]. В перечисленных научных трудах преимущественно затрагиваются вопросы истории, культуры, хозяйственного быта, искусства и строительства традиционного семейного крестьянского хозяйства. В контексте современной практики данный тип крестьянского хозяйства по экономическим параметрам соответствует личному подсобному хозяйству крестьян и не является формой

предпринимательской деятельности по производству и переработке сельскохозяйственной продукции. Отдельных исследований, посвященных генезису, развитию и особенностям архитектурно-планировочной организации крестьянских хозяйств товарного (фермерского) типа в XIX – начале XX в. на территории Западной Сибири, не проводилось. Поэтому становится важным раскрытие особенностей сложения архитектурно-планировочных типов построек жилищных крестьянских хозяйств товарного типа в Западной Сибири. В работе сопоставляется информация междисциплинарного характера об особенностях возникновения и этапного развития крестьянских товарных хозяйств на одной из территории Западной Сибири – в юго-восточном районе Алтая в бассейне реки Бухтарма. Системный подход позволил осмыслить характер эволюции крестьянских хозяйств товарного типа как процесс адаптации к новым условиям и дал возможность рассматривать вопросы воздействия внешних факторов на их развитие.

Традиция селиться по долинам рек была естественной в Сибири с ее огромной и развитой гидросистемой. Реки были единственным путем сообщения в XVII веке. Селения располагались на притоках крупнейших сибирских рек. Для селения выбиралось устье небольшой реки, ведущей вглубь водораздела, в тайгу или лес [2, с. 24]. Природно-климатические условия и ландшафт оказали большое влияние на систему расселения. В Томско-Кузнецком регионе первые пашни появились вслед за основанием Томского (1604) и Кузнецкого (1618) острогов [3, с. 6]. Характерной особенностью землепользования в XVII в. была «мозаичность» размещения угодий, а также малодворность селений. В 1710 г. почти 40% деревень были однодворными, 27% имели по 2 двора, остальные – по 3–5 дворов со средней численностью семей в 11–12 человек [4, с. 205]. Большое значение для сельского расселения в Западной Сибири имело возникновение и развитие горнозаводских округов и устройство Московско-Сибирского тракта. В конце XVIII – начале XIX в. с уплотнением расселения на уже освоенной территории их жители стали ощущать затруднения в землепользовании. Часть семей выселяется из старых деревень, что положило начало новому типу

текст

Евгений Лихачев
Алла Лихачева /
text
Evgeny Likhachev
Alla Likhacheva

поселений – выселкам и хуторам. Выселки располагались недалеко от основного поселения, в границах его землепользования. Хутор был поселением с усадьбой и прилегающими сельскохозяйственными угодьями, расположенными в стороне от других селений. В экономике западносибирской деревни состоятельное крестьянство располагало половиной материально-технических ресурсов и охватывало примерно четверть всех дворов. В Западной Сибири к началу XX в. на одно такое хозяйство приходилось в среднем 17 лошадей и до 25 дойных коров [5, с. 84–90].

По переписи 1917 г. на территории Сибири находилось 1,43 млн. крестьянских хозяйств. На одно хозяйство приходилось в среднем 64 десятины наделной земли. По оценке П. Ф. Никулина зажиточные крестьянские хозяйства Западной Сибири начала XX в. составляли 2–3% от числа всех крестьянских хозяйств региона. В дальнейшем они могли эволюционировать в хозяйства капиталистического, фермерского типа [6, с. 12].

Первоначальное заселение Сибири (XVI–XVIII вв.) осуществляли выходцы с территории европейского Севера и Приуралья, значительную часть первых переселенцев составляли старообрядцы. Со второй половины XIX в. началось массовое прибытие переселенцев в южную часть Западной Сибири и быстрое освоение новых сельскохозяйственных районов. По мере увеличения числа дворов в малодворной деревне застройка уплотнялась, появлялись порядки-ряды (линейная планировка), а затем – уличная система застройки с учетом ландшафта, изгибов рек и т. д. С уплотнением регулярной уличной застройки появляются многодворные деревни. Полевые земельные участки отделяются от усадьбы и выносятся за границы поселения. Жилье с хозяйственными постройками и приусадебным участком образует крестьянскую усадьбу.

Бухтарминский край – историческое название территории юго-восточного Алтая в бассейне рек Бухтарма и Нарым. Долина Бухтармы представляла собой уединенный оазис среди степей и горных кряжей со строевым лесом и многочисленными озерами, с благоприятными условиями для развития хлебопашества и скотоводства. С начала XVIII в. в долине начали самовольно селиться старообрядцы – кержаки из Нижегородской губернии, выходцы из Поморья, Олонецкой, Вологодской, Пермской губерний, а позднее – беглецы от правительственных повинностей: горнозаводские крестьяне, рекруты, крепостные и каторжники. Правительственное заселение юго-западного Алтая русскими начинается только с XVIII в., в первой четверти которого русским удалось основать, с согласия джунгаров, несколько крепостей по Иртышу, отрезавших Алтай от казахских степей. Более обширная колонизация края шла со времени открытия рудников и закладки Колыванского завода в 1726 г. С переходом демидовских заводов в казну в 1747 г. все русское население юго-западного Алтая приписывается к этим заводам в качестве горнорабочих, а также в качестве крестьян, выполняющих определенную работу для заводов. Предки старообрядческого населения состояли преимущественно из лиц, бежавших с заводов Горного Алтая и из других мест вследствие религиозных преследований; первоначально они селились в труднодоступных горных районах, по местной терминологии – «среди камней». Поэтому старообрядцев, проживающих в долинах р. Бухтармы, стали называть «каменщиками». Формирование бухтарминских каменщиков явилось результатом смешения выходцев из различных регионов и различных социальных групп, постепенно вливавшихся в общины старожилов. В 1792 г. старообрядцы-«каменщики» вошли в состав Российского государства на правах всех туземцев Сибири и по своему положению в госу-

дарстве отличались от остального русского населения на Алтае и от остальных старообрядцев. Присоединенные при Екатерине, они пользовались особыми льготами наравне с инородцами, не несли рекрутской повинности и платили половинный оклад податей; их не брали в горнорабочие на заводы [6, с. 12].

Получив права инородцев и не боясь близости к заводам и крепостям, «каменщики» спустились из высоких горных ущелий, с верхнего притока течения Бухтармы и ее притоков, заняв наиболее удобные места в долинах горных рек. Вместо существующих ранее тридцати малодворных деревень, разбросанных в малодоступных и малоудобных местах, в 1772 г. образовались 9 малых деревень [6, с. 14]. В очерках путешествия по Алтаю Н. М. Ядринцев отмечает, что природа в долине Бухтармы становится приветливее, суровый климат сменяется теплом, и долина становится удобной для хлебопашества. Поселения здесь начали основываться только после 1869 г., когда эти места вошли в состав империи [7, с. 614]. С уплотнением расселения в деревнях и расширением сельскохозяйственного производства в крестьянских хозяйствах их жители стали ощущать затруднения в землепользовании. Часть семей старообрядцев стала переводить товарное производство на удаленные хутора, которые становятся вторым поселением одной семьи с усадьбой и прилегающими сельскохозяйственными угодьями. Вокруг старых деревень «каменщиков» образовалась обширная сеть заимок, представляющие собой как отдельные хутора, так и малодворные деревни. До Столыпинской реформы 1906 г. в многоземельных районах, к которым относилась Бухтарминская долина, в крестьянском землеустройстве господствовала беспередельное землепользование с заимочно-захватной формой присвоения земли, при которой право на земельные угодья (заимку) определялось фактом первичного захвата. Одновременно в связи началом массового переселения все большее распространение получало уравнильно-передельное землепользование, которое коснулось и старожилов Южного Алтая. По архивным данным, средняя площадь выделяемых правительством земельных участков (при норме 15 десятин на 1 мужскую душу) составляла 80–120 десятин на один хутор.

Начиная с Ледебура (первая половина XIX в.) все исследователи отмечали большую зажиточность бухтарминских «каменщиков» [7]. В своеобразных условиях сложилась эта группа старожилов, представляющая большой интерес по своим культурно-бытовым особенностям, обусловленным историей, природой и экономикой края. Горы, земельный простор, обильные зверем леса, наличие дешевых рабочих рук местного населения наложили определенный отпечаток на бухтарминское крестьянское хозяйство и типы жилища. Близость китайской и монгольской границ также сказалась на некоторых сторонах их быта.

Для членов этнографической Казакстанской экспедиции Академии наук СССР 1927 г. и архитектора-искусствоведа Е. А. Ащепкова в 1943 г. особенности заселения Бухтарминского края являлись предпосылкой к тому, чтобы ожидать сохранения в этом крае старых форм быта и приемов архитектурно-планировочной организации жилищно-хозяйственных комплексов старожилов-«каменщиков». Их постройки представляли большой интерес ввиду того, что население, поселившиеся на Бухтарме в середине XVIII в., привнесло сюда традиции и строительную технику XVII–XVIII вв. Из-за удаленности края и слабой связи с городом до середины XX в. в значительной степени сохранился ряд старых форм культурно-бытового порядка старообрядцев.

Материалы экспедиции были оформлены ее участниками – известными советскими этнографами Е. Э. Бломквист и Н. П. Гринковой в виде книги «Бухтарминские старооб-

рядцы. Материалы комиссии экспедиционных исследований», опубликованной в 1930 г. В ней отражена материальная культура и хозяйственный быт старообрядцев, живших на Бухтарме (приток Иртыша) в доколхозный период. Книга уникальна тем, что завершила «домарксистский» период изучения русского населения Сибири. До начала 1950-х гг. публикаций по русским сибирякам в советской этнографической литературе не было. Работа экспедиции проходила в начальный период землеустройства 1927 г., когда продолжился процесс перераспределения земли между наличным населением, старообрядцами и прибывшими переселенцами. С этого времени многие зажиточные крестьяне были вынуждены бросить свои заимки и хутора с основными земельными участками и вернуться обратно в деревню.

При обследовании бухтарминского района изучение построек членами этнографической экспедиции велось с двух сторон: с одной стороны, отыскивались интересные этнолога пережитки старых форм быта; с другой – прослеживалась эволюция как самой постройки, так и ее деталей. По мнению этнографов, в результате этой эволюции несложные постройки древнейшего типа превращались в сложные и развитые строения последних десятилетий.

Этнографы собрали основной экспедиционный материал в наиболее типичных пяти деревнях бухтарминской долины: Белая, Фыкалка, Язовая, Печи и Коробиха. В материалах районного исполнительного комитета Катон-Карагая на 1 августа 1927 г. отмечалась высокая зажиточность кержацкого населения, среди которого преобладали кулацкие хозяйства. Так, в д. Белая 88% крестьянских хозяйств относились к зажиточным хозяйствам [6, с. 51]. Деревни обследованного района были расположены на берегах рек на плоском ровном месте речной долины – на берегах Бухтармы и дальше в горах по мелким горным притокам. В расположении усадеб бухтарминских старожил выделяются два основных типа усадеб по их размещению относительно улицы:

1 – жилая постройка помещается в глубине двора;

2 – жилая постройка одной стороной выходит на улицу. Наиболее старым является первый тип, когда жилой дом расположен в глубине двора перпендикулярно к улице, а также параллельно или под углом к ней. Этот тип усадеб-связей в большей степени встречался там, где построены жилые постройки на основе особенностей старых связей [8, с. 197].

Во втором типе усадеб-связей отмечают два приема: более старый, когда жилой дом выходит узкой стороной на улицу. Он характерен для старых домов-связей с глухим крыльцом и входом сбоку. Более поздний – с размещением дома широкой стороной на улицу; в зажиточных постройках – с открытым балконом на улицу, глухим крыльцом и входом сзади. Новые постройки, пятистенки и крестовые связи всегда ставились на улицу и большей частью широкой стороной, со входом сбоку или сзади. Был выделен и переходный от первого ко второму тип усадеб, когда старая связь стоит широкой стороной к улице, но не имеет окон. Наличие глухих стен и расположение построек в глубине двора дает возможность поставить вопрос об «окраинном» типе застройки крестьянской усадьбы, сформировавшемся на неспокойных границах государства. Общая композиция усадьбы при регулярной планировке поселка развивалась в глубину участка. Его ширина, исходя из представленных схем, составляла 15–20 м, а глубина доходила до 100 м. Передняя часть усадебного участка служила чистым двором, задний двор, пригон, предназначался для скота, за которым могли насчитываться еще 2–3 пригона, хозяйственные дворы и различные огражденные участки. Количество построек доходит до 20 единиц. Застройка

чистого двора, обычно по периметру, включала жилой дом, амбар, сарай, навесы и баню. Застройка скотного двора состояла из хлебов для скота, стойки и открытого места. Нередко дворы имели зимнее, сезонное покрытие. Помимо приема размещения функциональных зон и построек вглубь участка, встречается прием линейного, вдоль улицы, размещения функциональных зон усадеб. В качестве примеров представлены планы усадебных комплексов глубинного и линейного типов зажиточных крестьян П. Н. Кривошенина в д. Печи и М. И. Коробейникова в д. Белой. Исследователи отмечали, что в характере застройки деревень наряду с высокими своеобразными домами старой архитектуры с глухими крыльцами, богато украшенными балконами, расписными ставнями, галереями вокруг дома в конце 1920-х гг. часто встречался недостроенный дом, или пятистенки, с кое-как набросанной односкатной крышей: гражданская война и ее последствия тяжело отразились на зажиточных хозяйствах старожильческого населения. Описывая организацию крестьянских усадеб старообрядцев, Е. Э. Бломквист пишет: «Крестовых связей было много в богатой деревне Берели, расположенной к востоку от Ясяка, вверх по Бухтарме, но все они погибли во время гражданской войны, когда Берель вся была выжжена дотла» [8, с. 208].

Исследователи подчеркивают, что во всех деревнях их поразили несовместимые признаки: сохраненные культурно-бытовые архаизмы – и техника, планы построек, убранство и отделка внутри дома, значительно приближенные к городу. Они отмечают, что, несмотря на многие архаизмы, жилища «каменщиков» в отношении убранства ушли значительно дальше типичной великорусской избы Севера, что объясняется высокой покупательной способностью населения, которое, имея свободные средства, могло внести в свой обиход многие новые предметы внутреннего убранства. Что же касается планировки жилища, влияние городской культуры сказывается намного слабее; население держалось старых традиций, а влияния заезжих мастеров не наблюдается. Общий уклад хозяйств раскрывает отсутствие среди коренного кержацкого населения каких-либо кустарных промыслов, заниматься которыми у него нет никакой необходимости. Доходы от земледелия, скотоводства, пчеловодства, охоты и мараловодства давали самое необходимое для местного населения в достаточном количестве и позволяли заводить в домашнем обиходе деревенские предметы роскоши.

Исследователи отмечают, что в основе наиболее распространенной жилой постройки каменщиков – избе лежит северо-великорусский тип высокой избы на подклете, рубленной из дерева, с тесовой крышей, с типичным для северной постройки внутренним планом жилища со всеми деталями, со старинным расположением избы. История этих построек начинается с конца XVIII в., когда староверы спустились из глухих ущелий юго-западного Алтая и основали деревни в широких долинах Бухтарминского края. В отличие от переселенцев, которые к 1927 г. составляли около 1/3 местного населения, староверы составляли подавляющее большинство и отнесли к зажиточной группе крестьян, могли строить сложные и дорогие жилые постройки, среди которых Е. Э. Бломквист выделила пять характерных типов жилых комплексов, достаточно подробно описанных и проиллюстрированных: пятистенки; связь, состоящая из двух изб с русскими печами с сенями посередине с прирубленным крыльцом, а также двухэтажная связь; крестовая связь, состоящая из двух пятистенков, связанных коридором, с балконом на улицу; крестовый дом под четырехскатной крышей, разделенный двумя перпендикулярными стенами на четыре помещения, в одном из которых русская печь, в другом – голландка. Среди зажиточных крестьян

> Рис. 1. Усадьба крестьянина-старообрядца И. В. Коновалова в архитектурно-этнографического музея-заповеднике Усть-Каменогорска (перевезена из села Катон-Карагайского района верховья р. Бухтарма) [9]

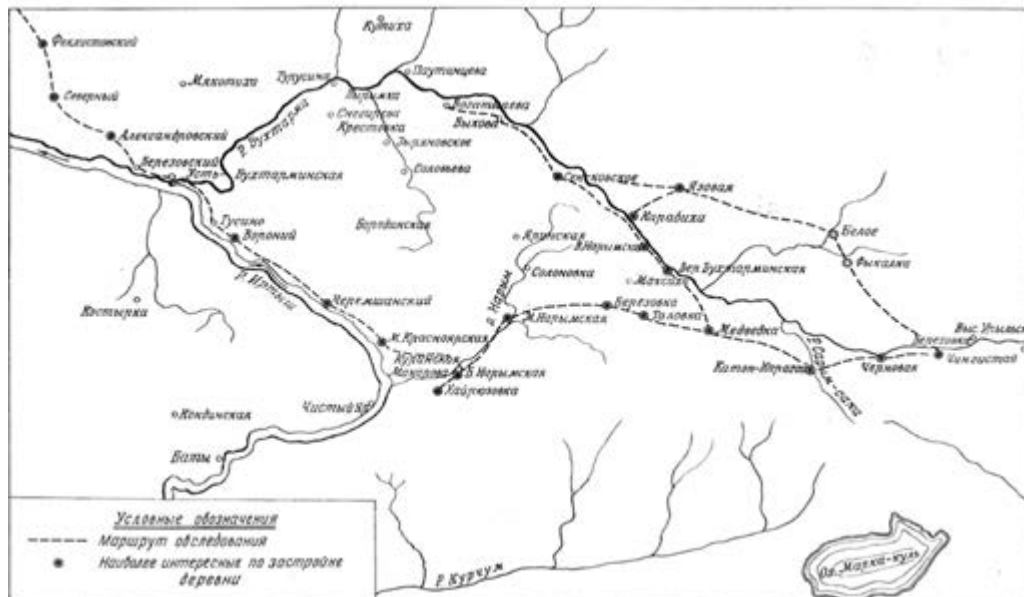
первоначально была распространена шестистенная постройка-«связь», в которой сени соединяли два сруба: две избы (теплую избу и холодную избу, или избу с хозяйственной клетью). Такова связь с поперечной пристройкой и крытым крыльцом И. В. Коробейникова в д. Белая. Данный тип жилого дома составлял четверть от всех жилых построек зажиточных крестьян в д. Белой. Такие избы достигали в длину 13 м. Позднее состоятельные крестьяне строили связи усложненного плана: соединяли две пятистенные избы сенями («крестовая связь») или пристраивали холодный коридор, а среднюю часть постройки – сени оборудовали под жилую зону (дом Фомы Акулова в д. Коробиха). Шестистенные срубы, так называемые «крестовики» с крестообразным расположением внутренних стен были жилищами наиболее состоятельных крестьян: дом М. Е. Пономарева в богатой д. Фыколке, где 18% домов относились к этому типу. Три секции этого дома использовались как жилые, четвертая служила прихожей. В начале XX в. к крестовикам начали пристраивать сени, увеличивая жилую площадь. Крестовый сруб имел одинаковые размеры по длине и ширине (по 10–12 м). Увеличение площади дома достигалось по горизонтали и по вертикали (двухэтажная связь И. В. Коновалова с тремя печами и голландкой в д. Печи). Двухэтажные дома дублировали всевозможные варианты планировок. Жилище русских старожиллов обычно имело высокий подклет высотой до трех метров (пятистенник на высоком подклете П. Н. Кривошеина в д. Печи). Материалом для построек являлись лиственница и пихта. Исследуя постройки Бухтарминских старообрядцев в конце 1920-х гг., Е. Э. Бломквист отмечала, что наряду с архаизмами в этих постройках наблюдается также наслоение позднего времени: «<...> несложные постройки древнейшего типа превратились в очень сложные и развитые постройки последних десятилетий» [8, с. 197].

В горных долинах Алтая сформировались особые типы слитной застройки дома и надворных строений: хоромный и охватывающий типы, вызванные высоким снежным покровом. При хоромной застройке к дому плотно пристраивались хозяйственные постройки так, что из дома можно было пройти в любое хозяйственное помещение, не выходя на улицу. Охватывающая застройка более

монолитна: к дому примыкал обширный крытый двор, который соединялся с домом по принципу двухрядной связи. Дом окружался пристройками [10, с. 70–71]. В отличие от подробно описанных ранее типов жилых домов зажиточных крестьян, по типам слитной застройки домов графические материалы в книге отсутствуют.

Зажиточные старообрядцы уделяли большое внимание декоративному оформлению дома. Этнографы отметили, что в бухтарминском районе пышно представлена своеобразная яркая роспись, отличная от живописи других районов. Она встречалась во многих дорогих домах как снаружи на ставнях и наличниках, так и внутри на дверях, стенах, потолках и мебели, которая появилась в Бухтарме в конце XIX в. Ее особенностью является пестрота, яркая праздничная узорчатость, достигаемая сочетанием немногих элементов узора и определенной манерой письма при помощи небольшого количества красок. В технике письма специалисты нашли тесную связь с поздней нижегородской и тюменской школами росписи. Роспись выполняли мастера-профессионалы, приезжавшие несколько лет подряд на строительный сезон, работали также местные мастера из осевших переселенцев. Многонациональная культура переселенцев, близость и развитые торговые связи с народами Востока, вековое общение с местным коренным населением привели к увеличению в декоре сибирской избы своеобразно переработанных элементов декоративного искусства народов европейской части страны, Востока и элементов орнамента коренных народов Сибири.

Гражданская война и политика «военного коммунизма» подорвали материально-финансовую базу крупных зажиточных крестьянских хозяйств в регионе, они стали утрачивать товарный характер. В период крестьянских восстаний в Сибири 1921–1922 гг. часть богатых крестьянских хозяйств была уничтожена, а часть сохранилась. После 1929 г. государство берет курс на создание коллективных крестьянских хозяйств, ликвидацию всех форм кооперации и частной собственности на средства производства в сельском хозяйстве. Летом 1931 г. в Горном Алтае были экспропрированы наиболее крупные кулацкие хозяйства с изъятием у них скота, земли и других средств производства. Индивидуальные крестьянские

< Рис. 2. Маршрут экспедиций Е. А. Ащепкова. Илл. из книги А. Е. Ащепкова

хозяйства как товарные производители перестают существовать и трансформируются в личные подсобные хозяйства.

Дополнительную научную информацию об усадьбах бухтарминских старообрядцев мы находим в материалах экспедиционного обследования объектов народного деревянного зодчества в Бухтарминском районе Южного Алтая, проведенного архитектором-искусствоведом Е. А. Ащепковым в 1943 г. Являясь старшим научным сотрудником НИИ теории и истории архитектуры Академии архитектуры СССР, он до 1947 г. проводил исследования на обширной территории в отдаленных и труднодоступных районах Западной Сибири, а позднее – и Восточной Сибири. Он писал: «Отсутствие планов старых деревень Сибири и скудные исторические данные о возникновении многих из них затрудняют изучение эволюции планировок» [11, с. 21]. В 1950 г. эти материалы были опубликованы в книге «Русское народное зодчество в Западной Сибири», наполненную многочисленными фотографиями и зарисовками, выполненными автором с натуры.

В монографии последовательно раскрываются особенности планировки и застройки деревень, крестьянских усадеб, жилых построек, их конструктивных элементов и декора в Западной Сибири в целом, без локализации собранного материала по отдельным природно-климатическим зонам и районам заселения. Значительная часть графического (около 40%) и описательного материала, представленного в книге, посвящена планировочной организации крестьянского товарного хозяйства бухтарминцев, их усадебных комплексов, еще сохранившихся в условиях колхозного строительства на раннем этапе его становления. Так, в первой главе все пять представленных схем планировки деревень касаются деревень, расположенных в бассейне р. Бухтармы на равнинных и горных его участках. Анализ этих схем показывает достаточно разреженное расположение больших усадебных участков размером от 20 до 40 м шириной и до 100 м глубиной, на которых располагалась усадьба и хозяйственные постройки и где в зимнее время могли разместиться товарные стада коров и лошадей. По периметру деревень видны крупные участки, достаточные для ведения товарного производства. На некоторых участках, где прежде

находились усадебные постройки зажиточных крестьян, расположены скотные колхозные дворы и колхозные амбары.

Во второй главе автор, раскрывая эволюцию типов деревянного крестьянского жилища в Западной Сибири, дает краткие характеристики жилых построек богатых крестьянских усадеб, выделяет их основные типы и иллюстрирует их художественными рисунками, фотографиями, схемами, среди которых около одной трети занимают избы в деревнях Бухтарминской долины. Это четыре избы со связью и развитой подклетью в д. Фыкалка, крестовые избы и пятистенки в д. Белая, избы с развитой террасой в д. Язовая, дома с двойной связью в д. Фыкалка. Большое место в главе занимает описание древних типов крестьянских домов – двойных и тройных изб, которые автор находил в северных и восточных районах Западной Сибири.

В Бухтарминской долине древние типы отсутствуют, так как основное сложение зажиточных старообрядческих усадеб в приречных деревнях долины началось только со второй половины XIX в. Особую ценность в монографии представляют главы с описанием конструктивных приемов и архитектурно-конструктивных деталей в народном жилище: крыш, оконных проемов, крылец, ворот. В разделе «Декор в народном зодчестве» дается высокая оценка декоративным наружным и интерьерным росписям богатых бухтарминских домов и, в частности, дома Зенона Шарыпова в деревне Фыкалка.

Складывающееся с середины XIX века зажиточное хозяйство старообрядцев к началу XX в. составляли более половины от числа всех крестьянских хозяйств Бухтарминской долины. Под влиянием природно-климатических, социально-экономических и хозяйственно-бытовых факторов в горном районе Южного Алтая сложился целый ряд типов крестьянских усадеб и жилых домов зажиточных крестьян, наиболее отвечавших местным условиям. В результате у старожилов и первых переселенцев, прибывших с равнинных территорий, сформировались специфические особенности архитектуры крестьянских жилых домов долинного типа Южного Алтая: компактность планировки и собранность жилых и хозяйственных помещений воедино во всех типах домов, возможность

> Рис. 3. Фотография с описанием из фонда архитектора Е. А. Ащепкова. Государственный архив Новосибирской области

рис.33 Дом Зинона Шарипова. Самый богатый дом в деревне. Железные ворота с раскраской, «нарядное» крыльцо, выдержанное в строгих формах и расцветке, решение окон, орнамент-ромбиками из цветной жести, все это сообщает дому большую нарядность, свидетельствующую о хорошем вкусе строителя. А. Фрыкалка. Алтай.

позапного расширения дома, ориентация жилья на солнечную сторону, устройство высоких подклетов, развитие крыш с большими свесами, устройство крытых прирубов-входов, двойных сеней-связей, открытых террас, балконов.

Таким образом, жилищные хозяйства старообрядцев могли бы эволюционировать в хозяйства капиталистического, фермерского типа при условии модернизации их производственно-технической базы сельскохозяйственных дворов и инновационного агрокультурного развития жилищных хозяйств [12, с. 162].

Литература

- Likhachev, E. N., Pustovetov, G. I., Likhacheva, A. E. Evolution of the Planning Organization of Peasant Farmers in Western Siberia the middle of XIX – early XX century. *Bylye Gody*. Vol. 46, Is. 4, pp. 1386–1394, 2017. DOI: 10.13187/bg.2017.4.1386. Scopus
- Вольская, Л. Н. Архитектурно-градостроительная культура Сибири: монография. – Новосибирск: НГУАДИ, 2015. – Ч. 1. – 234 с.
- Баландин, С. Н. История архитектуры русских сельскохозяйственных поселений в Сибири (XVII – нач. XX в.). Учебное пособие. – Новосибирск: Изд-во НИСИ им. В. В. Куйбышева, 1984. – 67 с. : ил.
- Мамси, Т. С. Крестьянство // Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. – Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2009. – Т. 2
- Никулин, П. Ф. Социально-экономическая природа наемного труда в крестьянском хозяйстве Западной Сибири начала XX столетия // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 319. – С. 84–90
- Бломквист, Е. Э., Гринкова, Н. П. Бухтарминские старообрядцы. – Ленинград: Издание Академии наук СССР, 1930. – 460 с. : ил.
- Ядринцев, Н. М. Алтай и его инородческое царство. Очерки путешествия по Алтаю. // Исторический вестник. – 1885. – № 6. – С. 267–296
- Бломквист, Е. Э. Постройки бухтарминских старообрядцев // Бухтарминские старообрядцы. – Ленинград: Издание Академии Наук СССР, 1930. – 460 с. : ил.
- Усадьба крестьянина-старообрядца. – 2016. – URL: <https://konst-ranet.livejournal.com/22999.html> (дата обращения: 21.01.2021)
- Липинская, В. А. Жилище восточнославянского населения Сибири // Традиционное жилище народов России: XIX–начала XX в. – Москва: Наука, 1997. – С. 60–78
- Ащепков, Е. А. Русское народное зодчество Западной Сибири. – Москва: Изд-во Академии архитектуры СССР, 1950. – 460 с. : ил.
- Пустоветов, Г. И., Лихачев, Е. Н., Паршукова, Г. Б., Лихачева, А. Е., Ерохин, Г. П. Современные тенденции развития сельской среды и сельского расселения в Сибири // Проект Байкал. – 2019, – № 62. – С. 156–165

References

- Ashchepkov, E.A. (1950). *Russkoe narodnoe zochestvo Zapadnoj Sibiri* [Russian folk architecture of Western Siberia], Publishing House of the USSR Academy of Architecture.
- Balandin, S.N. (1984). *Istoriya arhitektury russkikh zemledel'cheskikh poselenij v Sibiri (XVII – nach. XX v.): ucheb. posobie*. [History of architecture of Russian agricultural settlements in Siberia (XVII – early XX century.): textbook], Novosibirsk: Publishing House named after V.V. Kuibysheva.
- Blomkvist, E.E. (1930). *Postrojki buhtarminskih staroobryadcev*. *Buhtarminskie staroobryadcy* [Constructions of Bukhtarminskiye Old Believers. Bukhtarminskiye Old Believers]. Edition of Academy of Sciences of the USSR.
- Blomkvist, E.E., & Grinkova N.P. (1930). *Buhtarminskie staroobryadcy* [Bukhtarminsky Old Believers]. Publication of the USSR Academy of Sciences.
- Likhachev, E.N., Pustovetov, G.I., & Likhacheva A.E. (2017). Evolution of the Planning Organization of Peasant Farmers in Western Siberia the middle of XIX – early XX century. *Bylye Gody*. Vol. 46, Is. 4, pp. 1386–1394. DOI: 10.13187/bg.2017.4.1386. Scopus.
- Lipinskaya, V.A. (1997). *Zhilishche vostochnoslavjanskogo naseleniya Sibiri*. *Tradicionnoe zhilishche narodov Rossii: XIX–nachala XXv.* [Dwelling of the East Slavic population of Siberia. Traditional dwelling of the peoples of Russia: XIX–early XX century]. M.: Science.
- Mamsik T.S. (2009). *Krest'yanstvo*. *Istoricheskaya enciklopediya Sibiri* [Peasantry. Historical Encyclopedia of Siberia]. V.2. Institute of History SB RAS. Publishing House Historical Heritage of Siberia. Novosibirsk.
- Nikulin, P.F. (2009). *Social'no-ekonomicheskaya priroda naemnogo truda v krest'yanском hozyajstve Zapadnoj Sibiri nachala XX stoletiya* [The socio-economic nature of hired labor in the peasant economy of Western Siberia at the beginning of the twentieth century]. In *Bulletin of Tomsk State University*, Is. 319, pp. 84–90.
- Pustovetov, G., Likhachev, E., Parshukova, G., Erokhin, G., & Likhacheva, A. (2019). Modern trends in the development of the rural environment and rural settlement in Siberia. *Project Baikal*, 16(62), 156–165. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.62.1565>
- Usad'ba krest'yanina-staroobryadca [The estate of an Old Believer peasant] (2016). *Livejournal*. Retrieved January 7, 2021, from <https://konst-ranet.livejournal.com/22999.html>
- Vol'skaya, L.N. (2015). *Arhitekturno-gradostroitel'naya kul'tura Sibiri: monografiya*. CH.1 [Architectural and urban planning culture of Siberia: monograph. Part 1], Novosibirsk: NSUADA.
- Yadrincev, N.M. (1885). *Altaj i ego inorodcheskoe carstvo* (Oчерки puteshestviya po Altayu) [Altai and its foreign kingdom (Essays on Traveling in Altai)]. *Historical Bulletin*. V. XX. SPb: Publishing house: Sibtip. A.S. Suvorin.

Поднимаются вопросы дальнейшего развития архитектурного образования в Республике Казахстан, исходя из реалий нового времени, необходимости ответа на глобальные вызовы современности в условиях поиска национальной идентичности в искусстве архитектуры. Исследуются дидактические предпосылки повышения качества подготовки специалистов, конкурентоспособных в среде мировой архитектурной элиты, подвергаются критическому анализу существующие образовательные стандарты и учебные программы. Освещаются результаты анкетного опроса студентов и преподавателей ведущих архитектурных школ Казахстана, выпускников и работодателей.

Ключевые слова: архитектурное образование; качество подготовки специалистов; образовательные программы; стандарты образования; методика преподавания. /

The article raises questions of further development of architectural education in the Republic of Kazakhstan, based on the realities of modern times, the need to respond to global challenges of our time, in the search for national identity in the art of architecture. The article examines the didactic prerequisites for improving the quality of training of specialists who could be competitive among the world's architectural elite. Current educational standards and curricula are critically analyzed. The article highlights the results of a questionnaire survey of students and teachers of leading architectural schools in Kazakhstan, graduates and employers.

Keywords: architectural education; quality of professional training; educational programs; educational standards; teaching methods.

Архитектурное образование в Казахстане / Architectural education in Kazakhstan

Архитектурное образование призвано реализовать потребности общества в специалистах, обладающих способностью создавать инновационные проекты для строительства зданий и сооружений. В наше время профессия архитектора становится все более востребованной, так как объемы строительства имеют тенденцию к постоянному росту. Это связано со все большей концентрацией населения в городах, необходимостью улучшать и развивать инфраструктуру транспорта, туризма, производства, возводить жилье, в целом обеспечивать растущее население планеты объектами, формирующими материальную среду жизнедеятельности. При этом требования к качеству искусственной среды обитания людей постоянно повышаются. Если еще до середины XX века достаточно было обеспечить архитектурные сооружения «прочностью, пользой и красотой» в рамках витрувианской триады, то к настоящему времени список таких требований существенно дополняется экологическими приоритетами, задачами энергоэффективности, создания объектов «зеленой» и «умной» архитектуры, соответствия принципам устойчивого развития. В то же время актуальность формулы Витрувия [1] не только сохраняется, но и возрастает, так как новые технологии позволяют реализовать совершенно фантастические проекты, в содержании которых скрыты усилия большого отряда специалистов. Они обеспечивают «прочность и пользу» в контексте глобальных вызовов современности, используя новые методы расчета и конструирования проектируемых объектов. В их внешней форме и внутреннем пространстве реализуются требования «красоты», закладываются глубокие философские и эстетические концептуальные идеи, привлекающие для профессионалов и массового потребителя искусства архитектуры.

Произведения всемирно известных архитекторов становятся своего рода бестселлерами, визитной карточкой ряда стран, обеспечивая приток туристов, желающих познакомиться не только с архитектурными шедеврами прошлого, но и насладиться творчеством современных зодчих, сумевших создать уникальные по своей красоте и технологической сложности здания и сооружения.

В связи с этим востребованность профессии архитектора приобретает новое содержание, главной сутью

которого является повышенный спрос на архитекторов экстра-класса, относящихся к архитектурной элите мирового уровня. Возникает вопрос: что для этого необходимо предпринять, какая система подготовки специалистов способна создать предпосылки для обеспечения требуемого уровня компетенций выпускников архитектурных школ на национальном уровне, в частности, в условиях Республики Казахстан? Ответ на этот вопрос далеко не прост, так как затрагивает многие аспекты не только архитектурного образования, но и всей системы подготовки кадров в высшей школе республики. Для ответа необходимо проанализировать целый комплекс факторов, влияющих на достижение искомого результата; полезно рассмотреть историю вопроса, показать существующее положение и сравнить его с тем, что было полвека назад, когда архитектурное образование в Казахстане достаточно прочно встало на ноги, стартовав в далеком 1961 году.

В Казахстане до 1961 г. не велась подготовка архитекторов: республика посылала своих представителей для обучения профессии в архитектурные вузы России и других республик бывшего СССР. Однако благодаря инициативе Т. К. Басенова, одного из первых крупных казахских архитекторов-ученых, основателя строительного дела в республике, в 1961 г. в Казахском политехническом институте было открыто архитектурное отделение при строительном факультете. В 1966 г. был создан уже Архитектурный факультет КазПТИ, который выпустил сотни отечественных архитекторов, многие из которых успешно влились в состав архитектурного цеха республики, став впоследствии достаточно известными зодчими – авторами многих знаковых архитектурных сооружений, учеными и педагогами в Алматы и других городах Казахстана. Сформировался квалифицированный состав педагогических кадров из числа ученых-педагогов, окончивших МАРХИ и другие известные архитектурные вузы, опытных архитекторов-практиков и выпускников факультета. Это дало возможность в 1980 г. образовывать Алматинский архитектурно-строительный институт, в котором Архитектурный факультет занял достойное место. В Казахстане были уже сформированы региональные архитектурные школы в Усть-Каменогорске, Целинограде

текст

Алексей Абилов
Николай Метленков
Антон Ходжиков
Владимир Яскевич
Нияз Саржанов /
text

Alexei Abilov
Nikolai Metlenkov
Anton Khodzhikov
Vladimir Yaskевич
Niyaz Sarzhanov

Данное исследование финансируется Комитетом науки Министерства образования и науки Республики Казахстан в рамках темы «Принципы подготовки высококвалифицированных кадров для Казахстана в области архитектуры и градостроительства, конкурентоспособных в условиях глобализации и поиска национальной идентичности» (Грант № AP08955550) / This research is funded by the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan as part of the Project "Principles of training of highly-qualified personnel for Kazakhstan in the field of architecture and town planning who are competitive under conditions of globalization and the search for national identity" (Grant No. AP08955550)

(ныне Нур-Султан), внесшие большой вклад в подготовку казахстанских зодчих [2].

С 2004 г. возобновилась подготовка архитекторов в стенах КазНТУ им. К. И. Сатпаева, была образована кафедра «Архитектура и дизайн» (ныне – кафедра «Архитектура») в составе Института архитектуры и строительства им. Т. К. Басенова Казахского национального исследовательского технического университета им. К. И. Сатпаева (КазНТУ), успешно конкурирующая с другими архитектурными школами современного Казахстана и являющаяся инициатором многих инноваций в подготовке специалистов и в развитии архитектурной науки.

В настоящее время круг учебных заведений в республике, выпускающих архитекторов, существенно увеличился до 11 государственных и частных учебных заведений, давая возможность молодежи из разных регионов страны реализовывать свое стремление стать архитекторами. Значительно пополнился и качественно изменился состав ученых-педагогов, преподающих в этих учебных заведениях: 15 докторов, 25 кандидатов архитектуры, 3 специалиста, имеющих степень PhD в области архитектуры.

Необходимо отметить, что казахстанская архитектурная школа в советский период истории испытала сильное влияние методических принципов и приемов подготовки архитекторов, сформировавшихся в Московском архитектурном институте, в целом в содружестве архитектурных вузов и факультетов СССР, которые, в свою очередь, многое взяли от ВХУТЕМАСа-ВХУТЕИНа, уникальной школы подготовки архитекторов и дизайнеров, возникшей в начале XX века в качестве ответа на новые индустриальные веяния в искусстве и новое понимание роли архитектуры в обществе [3].

С обретением Казахстаном государственной независимости высшая школа республики одной из первых в пространстве СНГ перешла на уровневую подготовку специалистов в соответствии с принципами Болонской декларации, в рамках триады «бакалавр – магистр – доктор философии» по той или иной специализации, что существенно повлияло на качество архитектурного образования. Безусловно, переход на уровневую кредитную форму обучения был вызван стремлением войти в мировое образовательное пространство, «играть» по общепринятым правилам, что дало ряд положительных результатов: возможность для студентов переводиться в зарубежные вузы для завершения своего образования, обучаться в магистратуре или докторантуре, получать документы и сертификаты, признаваемые в большинстве стран, поддерживающих принципы Болонской декларации, реализовывать академическую мобильность студентов и педагогов. Вместе с тем новая, унифицированная система подготовки кадров со временем показала и свои отрицательные стороны, прежде всего для инженерных специальностей, специальностей в сфере искусства (в том числе архитектурных), медицинских и ряда других. Сократился срок подготовки специалистов, который до этого варьировался от пяти с половиной до шести лет, поскольку для бакалавриата предлагалось обучение в течение трех-четырех, реже пяти лет. Дальнейшее обучение в магистратуре и докторантуре было для многих выпускников проблематично по ряду причин, прежде всего материальных. Выпускники бакалавриата для работодателей считались специалистами с высшим образованием и могли сразу занимать должности архитектора с последующим ростом по карьерной лестнице, что лишаю их стимула для повышения своего образовательного уровня. Это привело к заметному снижению качества подготовки специалистов, прежде всего за счет редукции образовательных программ на уровне бакалавра, исключения из них ряда важных специальных или смежных

дисциплин или существенного сокращения их содержания, безосновательного повышения доли общеобразовательных и социально-гуманитарных предметов в учебных планах. Так, в образовательных программах архитекторов практически исчезли курсы истории искусств, истории архитектуры и градостроительства. Значительно сократилось число часов, отпускаемых на профилирующие дисциплины, в том числе архитектурное проектирование, а также смежных, важных для подготовки архитекторов дисциплин – рисунка, живописи, скульптуры, начертательной геометрии, архитектурной физики и др. В то же время большое место заняли языковая подготовка и математика, история страны, которые напрямую не используются в проектной практике выпускников и могли бы быть делегированы студентам для самостоятельного освоения.

Авторами настоящей статьи был проведен анализ литературных источников, образовательных программ казахстанских, российских и ряда зарубежных архитектурных школ, проведен анкетный опрос основных участников образовательного процесса в рамках подготовки отчета по НИР, выполняемой по гранту Министерства образования и науки Республики Казахстан [4], который выявил явные недостатки казахстанского архитектурного образования на уровне бакалавриата. Так, сравнение действующих рабочих учебных планов подготовки бакалавров в Казахском национальном исследовательском техническом университете им. К. И. Сатпаева (КазНТУ) и Московского архитектурного института (МАРХИ) показало, что в первом, в отличие от МАРХИ, большое место занимают общеобразовательные дисциплины, в то время как профессиональные и базовые дисциплины – архитектурное проектирование, архитектурная композиция, история искусств, история архитектуры, история градостроительства, архитектурные конструкции, архитектурная физика и ряд других в значительной степени редуцированы или вовсе отсутствуют, что негативно сказывается на уровне компетенции выпускников.

Сравнение с образовательными программами ряда ведущих архитектурных школ дальнего зарубежья приводит к неутешительным выводам, поскольку в этих школах в рамках кредитной системы обучения все направлено на достижение главной цели – выпуск архитекторов, обладающих ярко выраженными качествами творческих личностей, конкурентоспособных на мировом уровне, способных стать в один ряд с широко известными зодчими современности. В то время как в архитектурной школе КазНТУ рабочие учебные планы формируются под сильным давлением ГОСО – Государственных общеобразовательных стандартов образования, главной целью которых является унификация учебного процесса, насыщение учебных планов общеобразовательными дисциплинами в ущерб специальным и базовым дисциплинам. Негативную роль играет также отнесение профессии архитектора к техническим согласно «Классификатору направлений подготовки кадров с высшим и послевузовским образованием» [5]. Это не только неверно по сути, но и противоречит многовековому опыту развития искусства архитектуры в мировом масштабе и Хартии ЮНЕСКО/МСА по архитектурному образованию [6].

Проведенный нами анкетный опрос студентов и преподавателей ряда архитектурных школ Казахстана, опрос выпускников и работодателей подтверждает эти выводы. Так, результаты опроса студентов в трех основных центрах подготовки архитекторов – Казахском национальном исследовательском техническом университете им. К. И. Сатпаева (Satbayev University), Казахской головной архитектурно-строительной академии и Казахском агротехническом университете им. С. Сейфуллина показали, что студенты достаточно критически относятся к своим

образовательным программам, к содержанию и формам организации учебного процесса. На вопрос о том, удовлетворяет ли их учебная программа, только 24% ответили «да», остальные – «нет» (18,21%) и «частично» – 57,73%. Среди причин неудовлетворенности учебной программой более половины опрошенных (53,67%) назвали перегруженность программы общеобразовательными дисциплинами, в то время как на главную учебную дисциплину – «Архитектурное проектирование» отводится слишком мало часов в неделю – 31,7%. 22,3% респондентов отметили, что на преподавателя в часы занятий проектированием приходится слишком много студентов и поэтому он не может уделить достаточно внимания каждому, кто нуждается в индивидуальной консультации.

Достаточно большое количество опрошенных указало, что в учебных программах неоправданно мало места занимают важные для профессии дисциплины: «Архитектурная композиция» (40,87%), «Архитектурная графика и макетирование» (50,43%); отсутствуют «История искусств» (31,74%), «История архитектуры и градостроительства» (37,39%), «Архитектурная физика» (40,87%).

В то же время чуть меньше половины опрошенных недовольны методами организации учебного процесса (40,93%); они указали на необходимость, прежде всего, обеспечения логической последовательности изучения дисциплин, их привязки к задачам архитектурного проектирования, оптимизации соотношения числа студентов на одного преподавателя во время практических занятий по профилирующим дисциплинам.

Более половины опрошенных в целом удовлетворены методикой преподавания в их вузах профилирующей дисциплины «Архитектурное проектирование» (57,87%), но среди причин неудовлетворенности 40,49% указали на то, что мало места отводится вопросам выбора конструктивных решений, использованию современных строительных материалов и инновационных технологий строительства, применению компьютерного моделирования проектных решений, более глубокому изучению градостроительного контекста в период разработки учебных проектов. 60% опрошенных ответили, что в курсовом проектировании не используются BIM и GIS технологии, широко применяемые в современной архитектурной практике.

Большое значение имеет реакция студентов на вопросы организации учебных и производственных практик. Большая часть опрошенных (54%) удовлетворена в целом этой важнейшей частью подготовки бакалавров архитектуры, но среди тех, кто этим недоволен, названы следующие причины: невозможность выехать на ознакомительные, обменные практики, практики по рисунку и живописи в другие города и страны, насыщенные памятниками архитектуры (71,24%), что совершенно необходимо для будущих архитекторов, организация производственных практик не в проектных фирмах, но даже в случае прохождения в таких фирмах они организуются формально.

По дипломному проектированию у большей части опрошенных нет претензий к его организации (77,27%), однако среди тех, кто недоволен, 40,52% указали, что на дипломирование отводится мало времени. 31,9% отметили, что консультации по смежным дисциплинам проходят формально, разделы пояснительной записки по конструкциям мало привязаны к архитектурным решениям.

Таким образом, напрашивается общий вывод о том, что необходимо переосмыслить всю образовательную систему подготовки архитектурных кадров в республике,

прежде всего, четко уяснить, что архитектура является важнейшим из искусств и никак не относится к техническим дисциплинам. В соответствии с этим коренным образом должны быть пересмотрены государственные стандарты подготовки архитекторов, рабочие учебные планы вузов по направлению «Архитектура и градостроительство» по критериям соответствия задачам профессии, методы обучения студентов. Только в этом случае могут быть созданы реальные предпосылки для воспитания нового поколения казахстанских зодчих, конкурентоспособных на мировом уровне, способных создавать актуальные архитектурные шедевры в условиях глобальных вызовов и поиска национальной идентичности.

Литература

1. Марк Витрувий Поллион. Десять книг об архитектуре / Пер. Ф. А. Петровского. (Серия «Из истории архитектурной мысли»). Москва : Едиториал УРСС, 2003. – 320 с.
2. 50-летие архитектурного образования в Республике Казахстан // Кумбез. – 2001. – № 3. Алматы
3. Хан-Магомедов, С. О. ВХУТЕМАС. – Москва : Издательство «Ладья», 1995. – 343 с. : ил.
4. Министерство образования и науки Республики Казахстан. НАО «Казахский национальный исследовательский технический университет им. К. И. Сатпаева». Отчет о научно-исследовательской работе «Принципы подготовки высококвалифицированных кадров для Казахстана в области архитектуры и градостроительства, конкурентоспособных в условиях глобализации и поиска национальной идентичности» (промежуточный). Номер госрегистрации: 0120PK00498. Алматы, 2020. – 175 с.
5. Об утверждении Классификатора направлений подготовки кадров с высшим и послевузовским образованием: приказ Министерства образования и науки Республики Казахстан от 13 октября 2018 года № 569. Зарегистрирован в Министерстве юстиции Республики Казахстан 17 октября 2018 года № 17565. – URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/V1800017565> (дата обращения: 05.12.2020)
6. Хартия Юнеско МСА по архитектурному образованию. – URL: <https://docplayer.ru/54384523-Hartiya-yunesko-msapo-arhitekturnomu-obrazovaniyu.html> (дата обращения: 05.12.2020)

References

- 50-letie arhitekturnogo obrazovanija v Respublike Kazahstan [The 50th anniversary of architectural education in the Republic of Kazakhstan (2011). Kumbes, 3. Almaty.
- Hartija Yunesko MSA po Arhitekturnomu obrazovaniyu [UNESCO-UIA Charter for architectural education] (2011). <https://docplayer.ru/54384523-Hartiya-yunesko-msapo-arhitekturnomu-obrazovaniyu.html>
- Khan-Magomedov, S. O. (1995). VHUTEMAS. Moscow: Izdatel'stvo Lad'ja.
- Mark Vitruvij Pollion (2003). Desjat' knig ob arhitekture [Ten books on architecture] (F. A. Petrovsky, Trans.). Moscow: Editorial URSS.
- Ministerstvo obrazovanija i nauki Respubliki Kazahstan. NAO «Kazahskij nacional'nyj issledovatel'skij tehničeskij universitet im. K.I. Satpaeva». (2020). Otčet o nauchno-issledovatel'skoj rabote «Principy podgotovki vysokokvalificirovannyh kadrov dlja Kazahstana v oblasti arhitekтуры i gradostroitel'stva, konkurentosposobnyh v uslovijah globalizacii i poiska nacional'noj identičnosti» (promezhutochnyj) [Report on scientific and research activity "Principles of training of highly-qualified personnel for Kazakhstan in the field of architecture and town planning who are competitive under conditions of globalization and the search for national identity" (intermediate)]. Nomer gosregistracii: 0120RK00498. Almaty.
- Ob utverzhenii Klassifikatora napravlenij podgotovki kadrov s vysshim i poslevuzovskim obrazovaniem [On approval of the Classifier of graduate and postgraduate training programs] (2018). Prikaz Ministra obrazovanija i nauki Respubliki Kazahstan ot 13 oktjabrja 2018 goda № 569. Zaregistririvan v Ministerstve justicii Respubliki Kazahstan 17 oktjabrja 2018 goda № 17565. <http://adilet.zan.kz/rus/docs/V1800017565>

Создание в Иркутске межвузовского кампуса открывает перспективы притяжения интеллектуальных ресурсов и влияния на экономику региона в целом. На основе анализа территории города, ИргУПСа и проекта на перспективное развитие кампуса ИРННТУ, выполненного Сибирской лабораторией урбанистики, предлагается формирование МВК на соседней с ними площадке, формулируются условия его размещения с удобными пешими и транспортными связями, в том числе и с другими вузами столицы Приангарья. Ключевые слова: кампус; межвузовский; университет; образовательный многофункциональный центр; Иркутск. / The establishment an interuniversity campus in Irkutsk offers an opportunity to attract intellectual assets and to influence the regional economy in general. Basing on the analysis of the urban area, the Irkutsk State Transport University and the project for prospective development of the Irkutsk National Research Technical University worked out by the Siberian Laboratory of Urbanistics, the authors propose to create an interuniversity campus on the adjacent site. They describe the conditions of its placement together with comfortable pedestrian and transport links, including those with other universities of the capital of Priangarie. Keywords: campus; interuniversity; university; educational multifunctional center; Irkutsk.

Межвузовский кампус в Свердловском округе Иркутска / Interuniversity campus in Sverdlovsky District in Irkutsk

текст
Любовь Дерюгина
Инна Дружинина /
text
Lyubov Deryugina
Inna Druzhinina

Дипломный проект
автор
Любовь Дерюгина
руководитель
Инна Дружинина

В настоящее время в Иркутске насчитывается 14 высших учебных заведений. Дипломный проект предполагает формирование межвузовского кампуса (МВК) для всех студентов города и региона в Свердловском округе на прибрежной территории вблизи двух крупнейших университетов – ИргУПСа и ИРННТУ. Площадка под индивидуальное малоэтажное жилое строительство в границах улиц Добролюбова, Колхозная, Герцена и Чернышевского давно требует трансформации. Площадка для кампуса была выбрана с учетом доступности существующей магистрали городского значения – улицы Лермонтова и перспективной магистрали районного значения – улицы Герцена; возможности устройства скоростного монорельса до речного причала; близости железнодорожного вокзала Иркутск-пассажирский. В перспективе планируется строительство пешеходного моста и канатной дороги, связывающих территорию МВК с правым берегом Ангары, где в радиусе пешей доступности размещаются другие вузы Иркутска. Возможным представляется и формиро-

вание нового прибрежного силуэта левого берега Ангары в результате строительства кампуса.

Целью проекта стало предоставление комфортного пространства для объединения, общения и обмена опытом студентов и преподавателей всего города. По замыслу автора МВК должен стать центром развития студенческого технологического предпринимательства с выходом в наукоемкий бизнес, точкой притяжения для привлечения в регион финансовых и человеческих ресурсов, а также местом, где хочется учиться и развиваться.

Межвузовский кампус – это не только создание необходимого комплекса социальной инфраструктуры и сферы услуг для обучающихся и сотрудников. Это единое коммуникационное, идейное, творческое пространство с возможностями реализации самых смелых экспериментов в научно-исследовательских лабораториях и инженеринговых центрах, коворкингов, бизнес-инкубаторов и центров прототипирования, участия в междисциплинарных образовательных программах, научных и инновационных проектах любого уровня, в том числе международных.

В основе формирования застройки лежит идея организации зеленой градостроительной оси, которая будет проходить по улице Жуковского и соединять территорию проектирования и «Зеленую U» города.

«Зеленая U» города представляет собой единую систему зеленых массивов Иркутска – Ботанический сад ИГУ, реликтовая Кайская роща, курорт «Ангара» и парк им. Парижской коммуны. Она будет проходить сквозь многофункциональный центр, минуя межвузовский кампус, связать новую зеленую ось с набережной Ангары. Эта идея развивает тему архитекторов-шестидесятников (В. М. Аптекман, Л. Ф. Антипин, Н. В. Бух и др.), формирующих застройку с проходами-пропелеями в жилых домах по ул. Гоголя.

Две пешеходные диагонали, ведущие к университетам ИРНИТУ и ИрГУПС, сформировали композицию застройки многофункционального общественного Центра. В точке их пересечения организуется главная площадь МВК с разделением на четыре объема главного многофункционального общественного Центра с зелеными крышами, который станет основным пространством-коммуникатором для студентов и преподавателей города. В его состав входят научно-исследовательский центр, бизнес-инкубатор, культурный центр и спортивный комплекс.

Для обеспечения комфортного прохода к набережной магистраль по улице Герцена частично заглубляется в землю и перекрывается крышей общественного центра.

В МВК предусмотрены различные варианты временного и постоянного проживания: гостиница, общежития для студентов, аренда квартир, жилые комплексы, в том числе для жителей, переселенных из зоны индивидуальной застройки с предоставлением зеленых участков на террасах.

Таким образом, была предложена идея формирования межвузовского кампуса – пространства для учебы, работы, самосовершенствования, общения и обмена опытом не только преподавателей и студентов Иркутска и области, но и других выдающихся деятелей науки, культуры и искусства российского и международного уровня.

Рассматриваются градостроительные и проектные мотивации, определяющие необходимость синтеза современной и старинной архитектуры при проектировании в историческом центре Иркутска. Особое внимание в проектных решениях Центра моды уделяется максимально бережному отношению к памятникам, а также органичному сочетанию современной архитектуры с историческим наследием.

Ключевые слова: исторический центр; деревянная архитектура; планировочная структура; атриум-пассаж; современная мода. /

The authors study town-planning and design motivations that generate the necessity for the synthesis of contemporary and old architecture in the process of design in the historical center of Irkutsk. The design solutions for the Fashion Center are focused on the most careful attitude towards monuments, as well as on the integration of contemporary architecture into the historical heritage.

Keywords: historical center; wooden architecture; planning structure; atrium-passage; current fashion.

«Центр Моды» в квартале № 102 Иркутска / The “Fashion Center” in the Quarter 102 in Irkutsk

текст

Ольга Калинина
Любовь Макогон /
text
Olga Kalinina
Lyubov Makogon

Дипломный проект
автор проекта
Ольга Калинина
руководитель
Любовь Макогон
консультант
Елена Григорьева

Мода в современном мире оказывает огромное влияние на искусство, литературу, архитектуру, на образ жизни и увлечения человека. Это обусловило появление в СССР в 1930-х годах Домов моды, в том числе и в Иркутске. Дом моделей на ул. Урицкого успешно просуществовал вплоть до 2000-х годов. К этому времени прекратили существование и закрылись фабрики по пошиву одежды, превращенные в однотипные торговые центры. В настоящее время в городе нет хоть сколько-нибудь специально оборудованных площадок, где иркутские модельеры имели бы возможность организовывать показы собственных модных коллекций и конкурсы профессионального мастерства. Это определило актуальность темы дипломного проекта, так как появление Центра моды даст возможность иркутским художникам-модельерам и дизайнерам создавать коллекции, устраивать модные показы, фотосессии, выставки и конкурсы.

Иркутск – старинный город, имеющий свой неповторимый облик. Сохранились как отдельные памятники, так и целые кварталы с исторической деревянной застройкой. Она стала основополагающим фактором при формировании образа проекта Центра моды. Здание размещается на площадке в центре Иркутска – в 102-м квартале, ограниченном улицами Борцов Революции, Тимирязева, Байкальской и Софьи Перовской (бывшие улицы Матрёшинская, Преображенская, Пятая Солдатская, Шестая Солдатская).

Историческая среда старого города определяет необходимость синтеза современной и традиционной архитектуры. При проектировании в исторической среде важно понимать, что новые постройки должны «вырастать» из контекста, ни в коем случае не вытесняя и тем более не разрушая его композиционную целост-

ность и исторически сложившуюся структуру застройки иркутских кварталов.

Главная цель дипломного проекта – создание хорошо организованной и комфортной городской среды и открытых общественных пространств, а также благоприятных условий для новых предпринимательских проектов и экономического развития города в целом. Главные критерии в разработке концепции и образного решения Центра моды – максимально бережное отношение к памятникам деревянной архитектуры, восстановление утраченных домов, а также исторически сложившейся структуры и «человеческого» масштаба иркутской деревянной застройки на основе существующей сетки улиц.

В результате градостроительного анализа территории выявлено, что на площадке проектирования перекрещиваются и совмещаются две планировочные сетки, повернутые под углом друг к другу:

- первая ортогональная сетка происходит от планировочной структуры 102-го и прилегающих к нему кварталов относительно улиц Софьи Перовской и Тимирязева с сохранением их красных линий и линий застройки;
- вторая диагональная сетка, выявленная относительно ул. Подгорной, образует острый угол с ул. Софьи Перовской, создает перпендикулярную к ул. Подгорной визуальную ось от Иерусалимской лестницы и Подгорной площади, как бы прорезающую проектируемый объект по диагонали.

В планировочной структуре здания главная ортогональная ось атриума-пассажа проходит внутри квартала, параллельно ул. Софьи Перовской; вторая диагональная ось продолжает направление Иерусалимской лестницы, активно внедряясь в ортогональную структуру, задавая динамику движения и образуя визуальные ориентиры. Обе оси образуют «диагональный крест» концепции

и композиции здания, отражаясь в благоустройстве, открытых общественных пространствах и направлениях пешеходных бульваров.

Центр моды состоит из 8 отдельных по структуре, но целостных по композиции и взаимосвязанных по функции блоков с культурно-образовательной, выставочной, торговой, развлекательной и другими зонами, объединенных многофункциональным атриумом-пассажем. Каждый из блоков может функционировать автономно, имеет отдельный вход, используемый для эвакуации.

Главный вход – со стороны перекрестка; основные потоки людей стекаются к нему с двух сторон, в том числе по оси Иерусалимской лестницы через треугольник сквера между ул. С. Перовской и Подгорной.

При входе посетители Центра моды попадают в центральное распределительное пространство вестибюля и далее в многосветный атриум-пассаж, объединяющий все функциональные блоки здания. Атриум, похожий на крытый бульвар, дает возможность сквозного прохода через пассаж, а при выходе можно попасть на большую площадь-сквер возле будущего кинотеатра с подземными парковками, предусмотренного проектом «Иркутские кварталы» позади ТЦ Шанхай-Сити.

Второй вход расположен со стороны улицы С. Перовской посередине здания. Из него можно попасть в атриум-пассаж, пройти насквозь и выйти на территорию школы внутри 102 квартала или, поднявшись на 2 этаж, пройти по диагональному мостику над пассажем, посетить мастер-классы и магазины модных дизайнеров, а затем пройти в подиумный зал на 3 этаже.

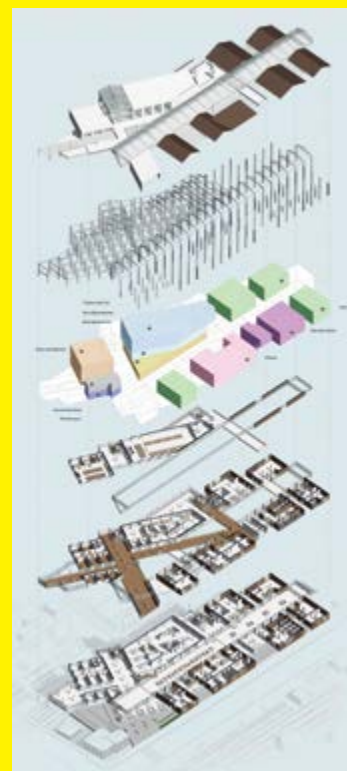
В Центре моды есть возможность организовать выставки модной одежды или исторических национальных костюмов, посетить различные ателье, салоны стилистов

и магазины с коллекциями модельеров-дизайнеров, зайти в небольшой бар-ресторан или поучаствовать в фотосессиях. А мастера в сфере модной индустрии получат возможность иметь помещение для собственной мастерской, где они смогут работать над коллекциями, а также продавать свои изделия.

На 2-м этаже – просторные помещения для мастер-классов, курсов стилистов, лекций о моде и стиле; на 3-м этаже подиумный зал и конференц-зал на 300 мест. В многосветном атриум-пассаже разместились трансформируемые мобильные стеклянные кубы для ярмарок мастеров и торговли, есть открытая лестница на 2 этаж, мостики-переходы между блоками. Во 2-м диагональном атриуме находится обзорная площадка с панорамным видом на Иерусалимскую церковь и мемориальный парк, которые могут использоваться для открытых демонстраций и креативных фотосессий.

Особое внимание уделяется органичному сочетанию современной и исторической архитектуры. Двухэтажные блоки воссоздают образы утраченных деревянных домов, гармонично превращаясь в легкую современную архитектуру остекленного пассажа и белых блоков, дополняющих композицию. Они создают приятный «человеческий» масштаб и служат фоном для исторической застройки.

Реализация проекта Центра моды могла бы оказать значительное влияние на культурное развитие Иркутска. Наличие студий, мастерских, учебных, выставочных и подиумных залов будет способствовать творческому росту и объединению как молодых дизайнеров, так и опытных художников-модельеров и стилистов. Это будет представлять значительный интерес для предпринимателей, неравнодушных к неповторимой красоте и истории города в контексте современной русской моды и ее продвижению в Иркутске и за его пределами.

Абилов Алексей Жаилханович – доктор архитектуры, профессор Казахского национального исследовательского технического университета им. К. И. Сатпаева (КазНТИУ) (Алматы, Казахстан)

Багина Елена Юрьевна – кандидат архитектуры, доцент Строительного института Уральского федерального университета им. Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)

Барышников Виталий Владимирович – заместитель мэра Иркутска

Бобкова Татьяна Ефимовна – доктор медицинских наук, профессор Московского государственного медицинского стоматологического университета им. А. И. Евдокимова Минздрава России

Боков Андрей Владимирович – доктор архитектуры, академик РААСН, президент МААМ, народный архитектор России (Москва)

Большаков Андрей Геннадьевич – доктор архитектуры, профессор, зав. кафедрой архитектурного проектирования ИРНТИУ (Иркутск)

Булгакова Елена Александровна – кандидат архитектуры, советник РААСН, доцент, зав. кафедрой архитектуры и дизайна МИТУ–МАСИ (Москва)

Гаевская Злата Анатольевна – кандидат архитектуры, доцент Высшей школы промышленно-гражданского и дорожного строительства Инженерно-строительного Санкт-Петербургского института политехнического университета Петра Великого

Гашенко Антон Евгеньевич – кандидат архитектуры, доцент кафедры градостроительства и ландшафтной архитектуры Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств им. А. Д. Крячкова (НГУАДИ)

Грибер Юлия Александровна – доктор культурологии, профессор кафедры социологии и философии, директор Лаборатории цвета Смоленского государственного университета

Григорьева Анна Сергеевна – заместитель директора по международной деятельности АНО «Востоксибакадемцентр» (Иркутск)

Григорьева Елена Ивановна – член-корреспондент РААСН, заслуженный архитектор России, вице-президент СА России (Иркутск)

Дембич Наталья Дмитриевна – кандидат искусствоведения, доцент Российского государственного университета (РГУ) им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство) (Москва)

Дерюгина Любовь Седоровна – магистрантка АУСм – 20 ИРНТИУ (Иркутск)

Дианов Сергей Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры государственного управления и истории Пермского НИ политехнического университета; профессор кафедры частного права Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН) России

Дианова Юлия Викторовна – магистр дизайна, преподаватель Пермского строительного колледжа

Дружинина Инна Евгеньевна – архитектор, профессор кафедры архитектурного проектирования и кафедры архитектуры и градостроительства Института архитектуры, строительства и дизайна ИРНТИУ

Дубынин Николай Васильевич – кандидат архитектуры, доцент МИТУ–МАСИ, начальник отдела научных исследований жилых и общественных зданий АО «ЦНИИПромзданий» (Москва)

Железняк Ольга Евгеньевна – кандидат искусствоведения, профессор кафедры дизайна ИРНТИУ, действительный член Международной академии наук о природе и обществе (Иркутск)

Зырина Мария Александровна – кандидат технических наук, доцент РГУ им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)

Казакова Валентина Игоревна – ведущий архитектор ООО «Сибирская лаборатория урбанистики», член Союза архитекторов России (Иркутск)

Калинина Ольга Алексеевна – архитектор ООО «Сибирская лаборатория урбанистики» (Иркутск)

Кожевникова Вероника Евгеньевна – магистрант 1 курса ИРНТИУ по направлению «Проектирование градостроительных ландшафтов»

Козлов Валерий Васильевич – кандидат архитектуры, профессор ВАК, профессор кафедры архитектуры и градостроительства, кафедры архитектурного проектирования ИРНТИУ (Иркутск)

Козьмин Алексей Павлович – руководитель экспертного совета ООО «Сибирская лаборатория урбанистики», член Союза архитекторов России (Иркутск)

Коновалова Вера Викторовна – директор Ассоциации «Национальное объединение «Доступная городская среда» (Москва)

Крадин Николай Петрович – доктор архитектуры, член-корреспондент РААСН, заслуженный архитектор России, профессор кафедры архитектуры и урбанистики Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск)

Красная Надежда Натановна – архитектор, эксперт по проведению государственной историко-культурной экспертизы, зам. по научной работе ООО СИБНИПИ «Наследие»

Ленц Анна Александровна – научный сотрудник МАРХИ, менеджер проектов (главный архитектор) КБ «Стрелка»

Лидин Константин Львович – кандидат технических наук, докторант психологии (София, Болгария)

Лихачев Евгений Николаевич – кандидат архитектуры, доцент, зав. кафедрой архитектуры НГУАДИ (Новосибирск)

Лихачева Алла Евгеньевна – доцент кафедры архитектуры НГУАДИ (Новосибирск)

Макогон Любовь Николаевна – доцент кафедры архитектурного проектирования Института архитектуры, строительства и дизайна ИРНТИУ (Иркутск)

Метленков Николай Федорович – доктор архитектуры, профессор МАРХИ, профессор НИ Московского государственного строительного университета, профессор Государственного университета по землеустройству

Митягин Сергей Дмитриевич – доктор архитектуры, профессор, академик МАНЭБ, член-корреспондент РААСН, заслуженный архитектор России (Санкт-Петербург)

Нащокина Мария Владимировна – доктор искусствоведения, академик РААСН, заслуженный архитектор РФ, руководитель отдела, главный научный сотрудник НИИТИАГ (филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России») (Москва)

Поликарпочкин Алексей Валентинович – архитектор, директор и главный архитектор ИП Архитектурный трест АРМ-10

Раппапорт Александр Гербертович – кандидат архитектуры, доктор искусствоведения, научный сотрудник НИИТИАГ (филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России»)

Рендинджер Наталья – член рабочей группы Минкультуры РФ по рассмотрению предложений о включении ОКН (памятников истории и культуры) народов РФ, расположенных на территории субъектов РФ, в Список всемирного наследия ЮНЕСКО; член ордена Архитекторов Франции, архитектор-реставратор (Architecte du patrimoine), директор архитектурного бюро Triada Architecture (Бордо, Франция)

Репина Анастасия Владимировна – ведущий архитектор ООО «Сибирская лаборатория урбанистики», ландшафтный архитектор ландшафтной компании «Зеленый остров», член Союза архитекторов России (Иркутск)

Салмин Леонид Юрьевич – кандидат искусствоведения, дизайнер, архитектор, профессор кафедры графического дизайна Уральского архитектурно-художественного университета (Екатеринбург)

Саржанов Нияз Жасуланович – магистр искусствоведческих наук, лектор КазНТИУ (Алматы, Казахстан)

Спирин Павел Павлович – кандидат географических наук, доцент, советник РААСН, НИ Институт перспективного градостроительства (ООО «НИИ ПГ») (Санкт-Петербург)

Стегайло Владимир Борисович – заслуженный архитектор РФ, профессор МААМ, член Общественной палаты Иркутска

Тарасова Юлия Игоревна – кандидат искусствоведения, доцент кафедры архитектуры НГУАДИ (Новосибирск)

Ткачева Марина Львовна – кандидат философских наук, редактор Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачёва, член Союза журналистов России

Фаткуллина Алина Алимовна – кандидат архитектуры, доцент кафедры начертательной геометрии МАРХИ; доцент кафедры начертательной геометрии и графики НИ Московского государственного строительного университета

Ходжинов Антон Валерьевич – магистр искусствоведческих наук, зав. кафедрой архитектуры КазНТИУ (Алматы, Казахстан)

Хорн Кристиан – архитектор, градостроитель, директор бюро Office Rethink (Париж, Франция)

Чертилов Алексей Константинович – архитектор, председатель Иркутского областного отделения ВООПИК, доцент кафедры истории архитектуры и основ проектирования ИРНТИУ

Яскевич Владимир Владимирович – магистр искусствоведческих наук, сениор-лектор КазНТИУ (Алматы, Казахстан)

Издатель выражает благодарность Франку ван дер Хувену за поддержку и создание сайта. Благодарим за участие в подготовке номера и работе редакции архитектора Евгению Сурикову и администратора ИДА Наталью Князеву (Иркутск)

Alexei Abilov – Doctor of Architecture, professor of Kazakh National Research Technical University named after K. I. Satpaev (Almaty, Kazakhstan)

Elena Bagina – Ph.D. in Architecture, Ass. Professor at Institute of Construction of Ural Federal University named after B. N. Yeltsin (Yekaterinburg)

Vitaly Baryshnikov – deputy mayor of Irkutsk

Tatyana Bobkova – Doctor of Medical Sciences, professor of Moscow State University of Medicine and Dentistry named after A. I. Evdokimov of the Ministry of Health of Russia

Andrey Bokov – Doctor of Architecture, full member of the RAACS, president of IAAM, people’s architect of Russia (Moscow)

Andrey Bolshakov – Doctor of Architecture, professor, head of the Department of Architectural Design of Irkutsk National Research Technical University (INRTU)

Elena Bulgakova – Ph.D. in Architecture, advisor of the RAACS, head of the Department of Architecture and Design, MITU-MACI (Moscow)

Zlata Gaevskaya – Ph.D. in Architecture, Ass. Professor, Higher School of Industrial, Civil and Road Construction of Institute of Civil Engineering of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

Anton Gashenko – Ph.D. in Architecture, Ass. Professor of the Department of Town Planning and Landscape Architecture, Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts named after A. D. Kryachkov (NSUADA)

Yulia Griber – Doctor of Cultural Studies, professor of the Department of Sociology and Philosophy, director of Color Lab, Smolensk State University

Anna Grigorieva – deputy director for international activity, ANO Vostoksibacademcenter (Irkutsk)

Elena Grigoryeva – corresponding member of the RAACS, honored architect of the RF, vice president of the UAR (Irkutsk)

Natalia Dembich – Ph.D. in Art History, Ass. Professor of the Russian State University (RSU) named after A. N. Kosygin (Technologies, Design, Art) (Moscow)

Lyubov Deryugina – master’s degree student, AUSm – 20 INRTU

Sergey Dianov – Doctor of Historical Sciences, professor of the Department of Government and History of Perm National Research Polytechnic University, professor of the Department of Private Rights of Perm Institute of the Russian Federal Penitentiary Service

Julia Dianova – Master of Design, lecturer at Perm College of Building

Inna Druzhinina – Ass. Professor of the Department of Architectural Design and the Department of Architecture and Town Planning of the Institute of Architecture, Construction and Design, INRTU

Nikolai Dubynin – Ph.D. in Architecture, Ass. Professor of MITU-MACI, head of the Department of Scientific Research of Residential and Public Buildings of AO TsNIIPromzdaniy (Moscow)

Olga Zheleznyak – Ph.D. in Art History, professor of the Department of Design of INRTU, full member of the International Academy of Nature and Society Sciences (Irkutsk)

Maria Zyrina – Ph.D. in Technical Sciences, Ass. Professor of RSU named after A. N. Kosygin (Technologies, Design, Art)

Valentina Kazakova – leading architect of Siberian Laboratory of Urbanistics, member of the UAR (Irkutsk)

Olga Kalinina – architect of Siberian Laboratory of Urbanistics (Irkutsk)

Veronika Kozhevnikova – first year master’s degree student in “Design of Urban Landscapes”, INRTU

Valery Kozlov – Ph.D. in Architecture, professor of the State Commission for Academic Degrees and Titles, professor of the Department of Architectural Design and the Department of Architecture and Town Planning, INRTU

Alexei Kozmin – head of the expert board of Siberian Laboratory of Urbanistics, member of the Union of Architects of Russia (Irkutsk)

Vera Konovalova – director of the National Association “Accessible Urban Environment” (Moscow)

Nikolai Kradin – Doctor of Architecture, corresponding member of the RAACS, honoured architect of Russia, professor of the Department of Architecture and Urbanistics, Pacific National University (Khabarovsk)

Nadezhda Krasnaya – architect, expert in the state historical and cultural assessment, deputy head for academic affairs, OOO SIBNIPI “Nasledie”

Anna Lenz – researcher of MARCHI, architect as project manager, CB “Strelka”

Konstantin Lidin – Ph.D. in Engineering, candidate for degree of Doctor of Psychology (Sofia, Bulgaria)

Evgeny Likhachev – Ph.D. in Architecture, Ass. Professor, head of the Department of Architecture, NSUADA (Novosibirsk)

Alla Likhacheva – Ass. Professor of the Department of Architecture, NSUADA (Novosibirsk)

Lyubov Makogon – Ass. Professor of the Department of Architectural Design, INRTU Institute of Architecture, Construction and Design

Nikolai Metlenkov – Doctor of Architecture, professor of MARCHI, professor of National Research Moscow State University of Civil Engineering, professor of State University of Land Use Planning

Sergey Mityagin – Doctor of Architecture, professor, academician of IAEMNPS, corresponding member of the RAACS, honored architect of the RF (Saint Petersburg)

Maria Nashchokina – Doctor of Art History, full member of the RAACS, honored architect of the RF, chief researcher and head of the Department at Scientific Research Institute of the Theory and History of Architecture and Urban Planning, Branch of the Central Scientific-Research and Project Institute of the Construction Ministry of Russia

Alexei Polikarpochkin – architect, director and chief architect, Architectural Trust ARM-10

Alexander Rappaport – Ph.D. in Architecture, Doctor of Art History, researcher of NIITIAG, Branch of the Central Scientific-Research and Project Institute of the Construction Ministry of Russia

Natalia Rendinger – member of the working party of the Ministry of Culture of the RF for consideration of proposals on inclusion of cultural heritage sites (monuments of history and culture) of peoples of the RF located on the territory of the RF subjects into the UNESCO World Heritage List; member of the Order of Architects of France, architect-restorer (Architecte du patrimoine), director of the architectural bureau “Triada Architecture” (Bordeaux, France)

Anastasia Repina – leading architect of Siberian Laboratory of Urbanistics, landscape architect of the landscape company “Zelenyi Ostrov”, member of the Union of Architects of Russia (Irkutsk)

Leonid Salmin – Ph.D. in Art History, designer, architect, professor of the Department of Graphical Design at Ural State University of Architecture and Art (Yekaterinburg)

Niyaz Sarzhanov – Master in Art History, lecturer, Kazakh National Research Technical University named after K. I. Satpaev (Almaty, Kazakhstan)

Pavel Spirin – Ph.D. in Geography, Ass. Professor, advisor of the RAACS, Scientific Research Institute of Perspective Urban Development (Saint Petersburg)

Vladimir Stegailo – honored architect of the RF, professor of IAAM, member of Irkutsk Public Chamber

Yulia Tarasova – Ph.D. in Art History, Ass. Professor of the Department of Architecture, NSUADA (Novosibirsk)

Marina Tkacheva – Ph.D. in Philosophy, editor of V. P. Sukachev Irkutsk Regional Museum of Fine Arts, member of the Union of Journalists of Russia

Alina Fatkullina – Ph.D. in Architecture, Ass. Professor of the Department of Descriptive Geometry at MARCHI; Ass. Professor of the Department of Descriptive Geometry and Graphics at National Research Moscow State University of Civil Engineering

Anton Khodzhirov – Master in Art History, head of the Department of Architecture, Kazakh National Research Technical University named after K. I. Satpaev (Almaty, Kazakhstan)

Christian Horn – architect, urban planner, director of Office Rethink (Paris, France)

Alexei Chertilov – architect, chair of the Board of IRO All-Russian Society for the Preservation of Historical and Cultural Monuments, Ass. Professor of the Department of the History of Architecture and Fundamentals of Design, INRTU (Irkutsk)

Vladimir Yaskevich – Master in Art History, senior lecturer, Kazakh National Research Technical University named after K. I. Satpaev (Almaty, Kazakhstan)

Special thanks to Frank van der Hoeven for his support and website development, and to architect Evgeniya Surikova and manager of the Irkutsk House of Architects Natalia Knyazeva (Irkutsk) for their help with the preparation of the issue and the editorial work.

projectbaikal.com

project baikal | journal of architecture, design and urbanism

